

А.Н.БОХАНОВ

СУМЕРКИ МОНАРХИИ

ВОСКРЕСЕНЬЕ

А. Н. Боханов

СУМЕРКИ МОНАРХИИ

Москва
«Воскресенье»
1993

ББК 63.3(2)7-3
Б 86

Художник *Сергей Богачев*

Боханов А. Н.

Сумерки монархии.— М.: Воскресенье, 1993.— 394 с.: ил.

Первое в современной России современное «прочтение» роковых событий, завершившихся крушением Российской Империи, рассказ о внутреннем мире царя Николая II и царицы Александры, об их друзьях и недругах на протяжении всего периода царствования.

Новые уникальные документы, фотографии и свидетельства, обнаруженные и проанализированные историком Александром Бохановым.

ISBN 5-88528-021-5

Александр Николаевич Боханов

СУМЕРКИ МОНАРХИИ

Редактор В. В. Милуков

Технический редактор Т. С. Радченко

Сдано в набор 5.03.93. Подписано к печати 29.03.93.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура обыкновен.

Печать высокая. Тираж 30 000 экз. Заказ 3559

Газетно-журнальное объединение «Воскресенье»,
103051, Москва, К-51, Крапивенский пер., 3, строение 2.

Московская типография № 2 ВО «Наука»

221099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Б 1203010000-21 Без объявл.
К56(03)-92

ББК 63.3(2)7-3

© Объединение «Воскресенье», 1993
© А. Боханов, 1993

«Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь!»

М. Ю. Лермонтов. Предсказание.

ПРЕДИСЛОВИЕ

1917 год — роковой рубеж в истории России, год начала коренной ломки традиционных форм жизни народа и страны. Исходным пунктом распада исторической связи времён стало отречение императора Николая II от престола 2 марта 1917 г. Вместе с Романовыми уходила в небытие длившаяся столетия историческая эпоха тронов и коро, на смену которой пришли времена громогласно декларированного «народоправства». Новые люди и радикальные политические идеи стали определять облик и суть государственной системы, утвердившейся в октябре того достопамятного года. Кратковременная либерально-демократическая весна в промежутке между февралем и октябрём ничего уже изменить не могла в фатальном развитии событий.

На смену монархическому самодержавию пришла бескомпромиссная власть большевистской партии, провозгласившей своей задачей построение самого справедливого и благоденствующего общества в истории человечества. Понадобились десятилетия невероятных жертв и лишений, невиданного насилия и тотального закабаления личности, чтобы осознать, что намеченная вождьенная цель многих великих мечтателей так и осталась мечтой. В реальности же были загубленные жизни и судьбы миллионов людей, деформированная нравственность, разрушенная культура, оболганная история.

Объектом беззастенчивых конъюнктурных манипуляций было прошлое нашей страны, которое «свободно интерпретировалось» в соответствии с примитивными идеологическими схемами. Историю стали излагать не на основе принципов объективности, а в русле господствовавших представлений о том, как должно было быть. Отсюда и преобладание темных и мрачных тонов при изображении жизни России до 1917 г. В многочисленных сочинениях на исторические темы все события и лица были ранжиро-

ваны и классифицированы в соответствии со степенью их революционности, а «наивысшего балла» всегда удостоивались деятели, стремившиеся ниспровергнуть существовавший в России режим.

Что касается высших представителей государственной власти в лице российских самодержавцев, то за редчайшим исключением, этим историческим персонажам однозначно давались отрицательные характеристики. Но, пожалуй, особенно в этом отношении негативную реакцию всегда вызывал последний царь Николай II, имя которого упоминалось исключительно с массой унижительных эпитетов, а описание любых, связанных с ним исторических эпизодов, позволяло авторам поупражняться в язвительном остроумии.

До сих пор Николай II не стал полноправным персонажем грандиозной трагедии, пережитой нашей страной. Его политическую роль, поведение, поступки, в контексте бурных общественных потрясений, объясняли и характеризовали много и часто. Однако жизнь и судьба этого человека и государственного деятеля сами по себе по существу не стали предметами специального рассмотрения. Здесь все казалось однозначным и ясным: ограниченный, безвольный человек, волею случая оказался на вершине власти, был неспособен решать насущные проблемы страны, препятствовал ее прогрессивному развитию и в результате — оказался жертвой неумолимого хода событий. Такова в общих чертах та традиционная мировоззренческая схема, в рамках которой «создавался» образ последнего царя. Конечно, взгляды представителей различных политических течений имели свои отличия и, скажем, представления либералов и радикалов не были тождественны. Но они совпадали в главном: в непризнании за Николаем II каких-либо личностных или политических достоинств и почти все однозначно выносили беспощадный обвинительный вердикт.

Переосмысливание настоящего и прошлого нашей страны в последние годы вызвало большой общественный интерес и к личности русских самодержавцев, которые ранее, на страницах различных сочинений, в кино и на сцене, фигурировали лишь в качестве некой высшей реакционной силы и не более. Окончание длительного периода умолчаний и идеологических табу привело к ажиотажному спросу на «литературу о царях» вообще и о последнем венценосце в частности. Из забвения, из надежных кладовых различных «спецхранов» стали извлекать забытые и

ранее недоступные книги, перепедаваемые ныне огромными тиражами. Наряду с этим потоком реанимированной литературы, большая часть которой рассчитана на весьма невзыскательный читательских вкус, практически нет современных исследований, помогающих увидеть и понять закат монархии с учетом последующего развития.

Установить причины и по настоящему осознать глубину драмы крушения старой России невозможно без знаний людей, оказавшихся волею судеб на вершине социальной пирамиды; их нравственного облика, духовных запросов, мировоззрения, уклада жизни, т. е. всего того, что в такой авторитарной системе, какой являлось российское самодержавие, играло огромную роль. Здравый смысл и научная объективность требуют вернуть на авансцену истории императора Николая II, в судьбе которого сфокусировались многие роковые коллизии отечественной истории конца XIX — начала XX в. В данной книге речь пойдет главным образом о заключительном периоде существования династии Романовых, когда приближение развязки ощущалось всеми. Крушение монархии, ее «последний час» — это не только февральско-мартовские события 1917 г. Многие, очень многие причинно-следственные связи возникли еще до времени правления Николая II. Фабула и диспозиция финальных сцен часто определялись задолго до последнего акта монархической драмы, и исторические ретроспекции здесь неизбежны и необходимы.

Автор не собирается выносить кому бы то ни было обвинительный вердикт, кого-то возносить на пьедестал или размышлять о прошлом в сослагательном наклонении. Главная задача данной работы — показать людей, несших бремя высшей власти, тех руководителей огромной державы, политическая биография, а затем и жизнь которых оборвались вместе с крушением старого миропорядка. В центре внимания — царь, царица и окружавшая их среда, в которой «августейшие супруги» жили и действовали на пороге роковых событий. Основа замысла — дать эскизный портрет времени в лицах и ситуациях. Настала пора не разоблачать проигравших свою историческую партию деятелей, а пытаться осознать их дела и поступки непредвзято и через это понимание увидеть и ощутить время, которое много определило в последующем. Воспринимать бурные общественные катаклизмы нашей истории периода роковых канунов глазами участников революционных битв начала века уже дальше нельзя. Здесь нужны другие приемы и иные краски.

ПОСЛЕДНИЙ САМОДЕРЖЕЦ

Через несколько часов после отречения от власти, Николай Александрович Романов, превратившись из Николая II в «бывшего императора», записал в дневнике: «Кругом измена, и трусость и обман»¹. По справедливому замечанию русского мыслителя и провидца Н. А. Бердяева, «Монархия в России пала сама, ее никто не защищал, она не имела сторонников»². Как случилось, что правивший более двадцати лет самодержец, на верность которому присягало бесчисленное множество военных и гражданских чинов всех рангов, оказался брошенным на произвол судьбы и практически в полном одиночестве? Где причины того, что мощная монархическая система сошла на нет, что называется, в одночасье, и в огромной, существовавшей века империи ни у кого не нашлось ни желания, ни воли встать на защиту, как длительное время казалось, освященных историей и Божественным провидением исконных и святых идеалов монархизма? Любые простые ответы на подобные вопросы не могут быть убедительными и для объяснения феномена Февраля 1917 г. необходимо принимать в расчет массу самых различных факторов, явлений и процессов, в том числе и особенности личности последнего царя.

Николай Александрович Романов вступил на престол после смерти своего отца, Александра III, 20 октября 1894 г. и на протяжении последующих 268 месяцев был олицетворением высшей власти в государстве, неся политическую и моральную ответственность за многое из того, что творилось в крупнейшей мировой империи, протянувшейся от берегов реки Вислы на Западе до Алеутских островов на Востоке. На этих необозримых просторах происходили в конце XIX — начале XX в. огромные изменения. Россия быстро превращалась в мощное индустриальное государство. Росли города, возникали во множестве заводы и фабрики, строились железные дороги, открывались школы, училища, университеты. Тем не менее, Российская империя уступала ряду западных стран по уровню и качеству жизни основной массы населения, хотя этот разрыв постоянно сокращался.

Новое в стране соседствовало и во многих случаях причудливо переплеталось со старым, которое с большим трудом сдавало свои позиции. Амбиции, традиции, привычки и привилегии одних, вызывали неудовольствие и возмущение других. Российская империя и к началу XX века во многом продолжала сохранять черты огромной дворянской вотчины, где представители «благородного сословия», и особенно его высшей, аристократической части, находились, по сравнению со всеми остальными подданными, в преимущественном положении, охраняемом и защищаемом всей силой государственной системы.

Человеком этой среды, впитавшим в себя многие обычаи и предрассудки ее, и был император Николай II, принявший монарший скипетр в двадцатистилетнем возрасте. Судьбы венценосца он не искал. Жребий пал на него по праву рождения, как на старшего сына императора (его отец стал монархом, когда Николаю было почти тринадцать лет). В легитимной династической преемственности власти всегда таилась большая опасность. Огромные, практически не ограниченные prerogatives переходили к старшему сыну монарха вне зависимости от одаренности, кругозора, нравственной зрелости и политических способностей его.

Общественные и государственные демократические институты (парламент, независимый суд, свободная от цензуры пресса и т. п.), способные, исходя из реальных исторических и политических задач, корректировать и регулировать деятельность венценосного правителя, в России стали возникать под воздействием революции 1905—1907 гг., но так и не смогли стать действенными инструментами конструктивного воздействия на высшую власть. Конечно, облик системы менялся: возникла Государственная дума, и император обязался править в согласии с волей народных избранников. Однако конституционной монархией в полном смысле этого понятия, Россия так и не стала, а деятельность и решения монарха в большей степени регулировались фактором либерального общественного мнения, чем какими-либо законодательно-правовыми нормами.

За весь довольно продолжительный период правления Николая II лишь несколько первых лет можно назвать относительно спокойными, хотя и в это время происходили трагически-зловещие события, например, «Ходынская катастрофа», когда в результате образовавшейся давки на коронационных торжествах в Москве в 1896 г. погибли сот-

ни людей. Большая же часть царствования — постоянные потрясения, бесконечные смуты, войны. По различным причинам, но недовольство охватывало все новые и новые круги общества, и в конце империи к числу недовольных относились едва ли не все политически сознательное население страны. Убеждение в том, что Россией управляют «не так», стало всеобщим, а утверждение о том, что «хуже быть не может» и «так больше жить нельзя», сделались расхожими. Многие боялись и не хотели революции, помня трагические кровавые уроки 1905 года, но перемен желали если и не все, то очень и очень многие.

Начавшаяся в 1914 г. первая мировая война вызвала вначале кратковременный патриотический подъем. Однако по мере осложнения дел на фронте и исчезновения надежд на ее победоносное и скорое завершение, общественные настроения менялись, окрашиваясь в мрачные тона. На высшее руководство страны, и в первую очередь на императора и его ближайшее окружение, стали возлагать ответственность за неблагоприятное течение дел. Пиетет и уважение к царской особе, в значительной степени под влиянием нелегальной и полулегальной антиromanовской агитации, исходящей из оппозиционной среды, постепенно в общественном сознании заменялись критической оценкой. Как заметил последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов, «Верховная власть перестала быть источником власти и света»³

Многие стороны личной жизни и мировоззрения императора Николая II трудно реконструировать и проанализировать. Скрытный по натуре и в силу полученного воспитания, он обладал способностью сохранять хладнокровие и не выказывал свои чувства в самые критические моменты. Его невозмутимость и замкнутость давали обильную пищу различного рода умозаключениям критического свойства. Высказываний и суждений о последнем Романове существует великое множество. Большая их часть носит негативный характер и представляет его как человека ограниченных интеллектуальных способностей, как мелко интригана, обладавшего патологическим упрямством и вероломством, слабовольного и беспринципного человека, подверженного различным влияниям и ставшего в конечном итоге орудием в руках своей жены, императрицы Александры Федоровны, и ее ментора Григория Распутина.

Подобные категорические выводы, как правило, строились (и строятся) на распространенных стереотипах восприятия действительности современниками событий, кото-

рыс лично Николая II или не знали совсем, или знали весьма поверхностно. Один из лидеров российского либерализма, известный общественный и политический деятель А. И. Гучков, например, считал, что Николай II — «не царственная натура»⁴. Эпатажная петербургская «богемная львица» Э. Н. Гиппиус, коротая свои эмигрантские будни и размышляя о прошлом, пришла к выводу, что «царя — не было» и что «от Николая Романова ушли, как от пустого места»⁵. Утверждения о том, что Николай II был «не тот царь», который не слушал умных и обеспокоенных за судьбу России «общественных деятелей», постоянно фигурируют на страницах многочисленных сочинений бывших «этуалей» либерального мира.

После падения монархии о судьбе Николая, за исключением буквально нескольких лиц, никто не жалел. В кругах так называемого «образованного общества» очень долго, на протяжении нескольких поколений, накапливалось скептическое отношение к самодержавной системе, и когда эта, по распространенному убеждению, деспотическая и антинародная власть рухнула, то искренний восторг охватил различные слои общества. Даже некоторые члены династии Романовых приветствовали Февральскую революцию. Понадобилось время, чтобы эйфория стала исчезать, и началось осознание той горькой истины, что на смену «проклятому прошлому» не пришло и в обозримом будущем не придет «лучезарная действительность».

Только левосоциалистические деятели правильно уловили настроения в стране, сумели возглавить и, как теперь сказали бы, канализировать общественное движение в необходимом для них направлении и завладели властью прочно и надолго. Участь всех остальных была незавидной. Голод, холод, другие лишения; досрочная естественная и насильственная смерть. Многим удалось различными путями эмигрировать. Осев на дальних и ближних от России «чужих берегах», бывшие сановники, офицеры, адвокаты, журналисты «со стойкой либеральной репутацией», общицавшие «финансовые гении», носители громких аристократических фамилий и, конечно же, многочисленные борцы за «Великую Россию» из числа обанкротившихся политических и общественных деятелей всех мастей, в течение нескольких десятилетий яростно доказывали себе и другим, что вот он, «господин Иванов» и его политическая партия или группа, делали все правильно, и если бы им не мешали, то катастрофы не случилось бы. В бесчисленном множестве подобных мемуарных реминисценций по-

следний царь и курс назначавшегося им кабинета министров — всегда в центре внимания. Тезис о том, что у кормила власти стояли «не те люди», делавшие «не ту политику», был довольно быстро канонизирован и в этом пункте по сути дела не было и нет разногласий у авторов сочинений, стоящих на диаметрально противоположных мировоззренческих позициях.

Здесь нет возможности долго муссировать тему об отношениях между властью и обществом, однако один аспект ее требует к себе внимательного отношения. Пытаемся понять, как надо было управлять вышедшей за рамки исторической целесообразности необозримой империей, чтобы внести успокоение в сердца и души ее жителей, чтобы прекратились волнения и возмущения различных племен и народов, чтобы внутренняя и внешняя политика находились в органическом взаимодействии, встречавшем понимание и одобрение российских подданных? Как показала история, ответов на эти вопросы не знали ни коронованные особы и их министры, ни либеральные и радикальные критики системы самодержавной власти, хотя оппозиция обладала удивительной самонадеянностью и постоянно декларировала о том, что ей ведома истина в последней инстанции.

В конце XIX — начале XX в. Россия часто походила на огромный корабль, плывущий не по воле стоявшей у штурвала команды, а в соответствии со случайными непредсказуемыми течениями, определявшими и менявшими курс. Был потерян ориентир в будущем, исторические цели и в результате — мощная иерархическая государственная машина работала часто на холостом ходу. Уже к концу прошлого века отчетливо проступили признаки того, что принято называть кризисом власти. Особенности же личности монарха могли усугубить или смягчить подобное положение, но не инициировали его. Этот принципиальный момент необходимо учитывать при анализе той, достаточно тупиковой общественно-политической ситуации, в которой была так называемая «историческая власть», когда Николай Романов надел на себя корону.

Самодержавие существовало века и способствовало организации и укреплению империи. Однако такая форма управления отвечала историческим задачам тогда, когда общество было достаточно простым, а поступательное развитие можно было обеспечивать указаниями и директивами из единого центра. Когда же внутренняя структура общества усложнилась, а задача времени требовали перехода

от административных методов управления к демократическим, к развитию полицентрализма во всех сферах жизни и к передаче власти и ответственности от авторитарного руководства к новым, свободно возникающим структурам, то выяснилось, что этот традиционный для европейских стран эволюционный путь в силу разнообразных причин не может быть калькирован в России.

Государственная самодержавная власть была цементирующим началом и ее ослабление или отбрасывание неизбежно вело к ослаблению или даже распаду многоликой империи, волею исторических обстоятельств соединившей часто несоединимое; где колониальные окраины и метрополия развивались в рамках единой территории, где новейшие достижения цивилизации и культуры были «вписаны» в невежество и отсталость, где роскошь и изысканность чередовались с нищетой и дикостью, а величие духа соседствовало с корыстью и низостью.

Размышляя об этом нескончаемо противоречивом и невероятно сложном, великом и удивительном феномене, называемом Российская империя, невольно вспоминаешь хрестоматийное:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Приведенные строки Федора Ивановича Тютчева — более чем яркая поэтическая метафора, эмблематически рисующая отношение к России. Это как бы и квинтэссенция определенного мировоззрения, где вера и чувство доминируют над рассудком и трезвым расчетом.

Именно такие качества отличали последнего царя, в чем была скорее беда России, чем вина конкретных носителей власти. Воспитанный в духе безусловного уважения и поклонения прошлому России и тех государственно-идеологических принципов, на которых она зиждилась, Николай с юных лет был убежден, что императорская власть есть благо для страны, а историческое предназначение монарха состоит в том, чтобы, опираясь на свою волю и чувство, править в согласии с волей Божьей для благополучия своих подданных. В одном из писем П. А. Столыпину в 1907 г. царь заметил: «Я имею всегда одну цель перед собой: благо родины; перед этим меркнут в моих глазах мелочные чувства отдельных личностей»⁶.

Самодержавие и Россия, по его мнению, были вещи неразрывные. В опросном листе первой (и последней)

дореволюционной общеимперской переписки населения 1897 г., на вопрос о роде занятий царь написал: «Хозяин земли русской»⁷. Этому важнейшему мировоззренческому принципу, глубоко укоренившемуся в душе с ранних лет, он поклонялся всю жизнь, и никакие политические бури и потрясения не могли поколебать эту уверенность. Вскоре после воцарения Николай II заявил: «Да поможет мне Господь служить горячо любимой родине так же, как служил ей мой покойный отец и вести ее по указанному им светлomu и лучезарному пути»⁸. Взгляд назад — таков был исходный пункт его политического кредо. Он целиком разделял точку зрения ревностного охранителя незыблемых основ исторической власти князя В. М. Мещерского, в 1914 г. написавшего: «Как в себе не зажигаю конституализма, ему в России мешает сама Россия, ибо с первым днем конституции начнется конец единодержавия, а конец самодержавия есть конец России»⁹. Двигаться же в будущее, руководствуясь установками прошлого невозможно. У убежденных сторонников неограниченной («исконной») монархии в России не было никаких новых идей, реализация которых могла бы осовременить государственный организм. Сформулированный еще в первой половине XIX в. теоретический постулат: самодержавие, православие, народность, служил лишь для декоративного украшения фасада исторической власти и в силу своей отвлеченности и неопределенности не мог быть реализован на практике.

Николай II был фактически заложником унаследованных им структуры и принципов власти, отход от которых он воспринимал как предательство интересов России, как надругательство над священными основами, завещанными предками. Ему были чужды амбиции правителя, и властлюбием он никогда не отличался. Однако ему не было и не могло быть безразлично будущее страны. За судьбу империи он нес ответственность перед Богом и перед любимым больше всего на свете сыном Алексеем.

С большим интересом и вниманием Николай Александрович с ранних пор изучал жизнь и дела великих полководцев и правителей прошлого; в истории же России наиболее почитаемыми царями были Алексей Михайлович и отец — Александр III, хотя ни характером, ни цельностью натуры ни одного из них обладал. По складу личности, по своей, как раньше говорили, душевной организации, он напоминал во многом далекого предка, императора Александра I. И тот, и другой ощутили на себе бремя власти,

и к ним в полной мере можно отнести известное царское восклицание из пушкинского «Бориса Годунова»: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!». Власть — это тяжелая обязанность, это долг, которому необходимо следовать вопреки желаниям и настроениям. Так он видел себя и свое место в этом мире.

Первые годы после воцарения большое влияние при дворе продолжали сохранять те же лица, которые играли важные роли и при правлении отца, царя-миротворца Александра III. Это такие известные деятели консервативного лагеря, сторонники неограниченной монархии, как возглавлявший с 1880 г. Ведомство Священного Синода его обер-прокурор К. П. Победоносцев; издатель правового журнала «Гражданин», неустанный критик всех истинных и мнимых либеральных поползновений государственной власти князь В. П. Мещерский (внук историка М. Н. Карамзина); представитель родовитейшего российского барства, министр императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков и некоторые другие.

В состоявшем почти исключительно из сановно-аристократических персон чванливом «петербургском свете» сначала были убеждены, что царь молод и неопытен, в силу чего ему нужен умный и вполне благонадежный наставник в государственных делах, естественно, из числа тех, кто по праву своего рождения или служебного положения принадлежал к высшему обществу. В богатых столичных гостиных внимательно следили и заинтересованно обсуждали каждый шаг нового правителя, каждый реальный или намечавшийся «извив» политики. Позднее в этих кругах возобладало мнение: император «слишком слаб», чтобы железной рукой навести порядок в стране, покопчить с беспрестанной «революционной смутой», а в своей деятельности он руководствуется советами «не тех людей».

С позиций исторического знания очевидно, что шанс на спасение российской монархии давало осуществление реформ экономических и социальных институтов и структур, предложенных председателем Совета министров П. А. Столыпиным. Обращаясь к царю, этот преданный делу монархии, широко мыслящий человек писал летом 1906 г.: «Жизнь моя принадлежит Вам, Государь; все помыслы, стремления мои — благо России; молитва только Всевышнему — даровать мне высшее счастье: помочь Вашему Величеству вывести нашу несчастную Родину на путь законности, спокойствия и порядка»¹⁰. Однако курс перемен, предложенный сильным премьером с полного

одобрения Николая II, встретили улюлюканьем и резкими нападками в первую очередь те, на спасение которых он был рассчитан,— остатки спесивого российского барства, не принимавшего никаких изменений и никоим образом не желавшего поступиться ни толикой своих привилегий и благополучия. Двигаться же вперед ничего не меняя уже было нельзя. Это осознавали практически все. Полумеры и паллиативные решения, которыми так богата история последнего царствования, служили отражением попыток изыскать компромисс между привычным существованием и прагматизмом.

Приведем несколько высказываний хозяйки влиятельного петербургского салона, убежденной монархистки генеральши А. В. Богданович, фиксировавшей в своем дневнике различные факты, разнообразные слухи и сплетни на протяжении нескольких десятилетий. Ее наблюдения и умозаключения во многом отражают настроения и воззрения высших кругов России; показывают, насколько приблизительными были представления о жизни и характере членов императорской семьи даже у тех, кто принадлежал к столичному бомонду.

Внимание к Николаю проявлялось еще в бытность его цесаревичем. В 1889 г. А. В. Богданович записала: «Он любим в Преображенском и Гусарском полках, где он служил, но в нем нет грации, он неловок, не умеет вставать, говорить не очень приветливо и развивается физически, но не умственно». В 1893 г. госпожа генеральша занесла в свой дневник: «Цесаревич ведет очень несерьезную жизнь... не желает царствовать, не желает жениться» и далее: «...датская королева (бабка Николая,— А. Б.) хотела устроить свадьбу наследника на Алисе Гессенской, но цесаревич не захотел, так как она на целую голову выше наследника». Или вот запись, относящаяся к началу 1894 г.: «Цесаревич очень упрям, воздействия и советов не терпит» и т. д.

Интерес невероятно возрос после воцарения Николая Александровича. Здесь уже никаких мелочей стоустая молва не оставляла без внимания. Всё обсуждалось и на все лады спрягалось. В 1899 г. хозяйка роскошного особняка на Исаакиевской площади фиксирует: «Общее мнение о царе, что у него нет своего мнения, всякий, кто последний с ним говорил, тот и прав в его глазах». Через год продолжала: «При разговоре с царем о великих князьях и людях, которым он доверяет, если говорится о негодности этих людей, лицо царя делается каменным, он упорно смот-

рит в окно и прекращает аудиенцию». И, наконец, в начале 1912 г. записывает: «В данное время всякое уважение к царю пропало»¹¹.

Умозаключения госпожи Богданович показывают, насколько правые сторонники монархической идеи питали мало симпатий к Николаю II, считая его неспособным твердо и решительно отстаивать величие и целостность власти и империи. Либеральные же и особенно радикальные критики постоянно и настойчиво обвиняли императора в том, что он идет на поводу исключительно у «политических зубров», что именно самые консервативные элементы «правят бал» при дворе, что так называемая камарилья во главе с коронованным Романовым управляет в интересах узкой кучки помещиков-латифундистов. Подобные «модели» господствовали в послереволюционной историографии, когда все явления и процессы в общественном развитии однозначно объяснялись примитивными классово-корыстными интересами.

Конечно, последний император был подвержен сторонним влияниям, о чем так много говорили, но что само по себе не может служить поводом для нападок. Значительно важнее понять, что это были за воздействия и в какой степени они определяли курс внешней и внутренней политики. Это отдельная сложная тема и в нижеследующих главах к этому сюжету придется вернуться еще не раз. Здесь лишь заметим, что Николай II находился почти целиком в «зоне тяготения» прошлого России. Люди и представления вчерашнего дня ему были близки и понятны, именно они олицетворяли для него истинное непреходящее ценности, величие и мощь династии и империи. С другой стороны, попробуем представить, каким «политическим богам» он должен был молиться, чтобы все были довольны и могло бы быть вообще достигнуто всеобщее согласие в стране, полной контрастов и противоречий? Не существовало универсального рецепта, способного удовлетворить всех и вся.

Либеральная фронда, популярные и словоохотливые ее лидеры, шумная и влиятельная пресса — хотели видеть в России надежный либерально-монархический строй, наподобие Англии, где монарх царствует, а делами управления занимаются облеченные доверием народа известные и честные деятели. Однако английская политическая система вызревала и формировалась столетия, в то время как России судьба такого срока не отпустила, и двигалась она во времени другими путями. Зачатки т. н. гражданского общест-

ва здесь стали появляться только в XIX в., в то время как во многих европейских странах и в США существовали уже развитые парламентские системы. Надо было быть невероятно увлеченными людьми, заменить реальную действительность книжными представлениями о ней, чтобы надеяться, скажем, на то, что всеобщее избирательное право может привести к созданию демократических институтов европейского типа.

Если царь правил, образно говоря, с головой, повернутой в прошлое, то, как показано дальнейшее, и политические воззрения большинства народных радетелей и спасателей России всех оттенков оказались в итоге несостоятельными. Уже через несколько недель после падения монархии, управляющий делами Временного правительства, видный деятель кадетской партии В. Д. Набоков сетовал на то, что от революции они «совсем не то ожидали»¹². Подобные прозрения стали постепенно чуть ли не обязательными для холеных «революционеров в белых машишках», у которых сколько-нибудь широкой базы в стране не было. Это показали достаточно свободные выборы в конце 1917 г. в Учредительное собрание, где все партии «европейцев и джентльменов» вместе не набрали и 10% голосов.

Историю российского либерализма можно назвать трагикомедией: деятельно участвуя в «раскачивании лодки», либералы пошли на дно вместе с теми, кто был у руля. По замечанию Н. А. Бердяева, самый большой «парадокс в судьбе России и русской революции в том, что либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 г., и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием»¹³.

Николай II сам, стиль его правления и общения не соответствовали многим распространенным в народе представлениям о верховном правителе. Да и во внешности его было мало имперского величия, способного вызвать рабочий трепет. Картину «несерьезности» монарха дополняли его манеры. Царь слушал всех всегда довольно внимательно, очень редко кому возражал. За всю свою жизнь государственного деятеля он не позволил себе ни разу со-

рваться, никогда не повышал голос на собеседника, хотя часто общался, превозмогая себя. Воспитанную в детстве выдержанность и природную незлобивость последнего царя многие окружавшие его люди, сформировавшиеся в душной атмосфере чинопочитания и сословно-иерархического хамства, воспринимали как безволие и слабохарактерность. Были и такие, кто придерживался иного мнения. В 1911 г. попавший в немилость известный сановник С. Ю. Витте заметил, что «отличительные черты Николая II заключаются в том, что он человек очень добрый и чрезвычайно воспитанный. Я могу сказать, что я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий император»¹⁴.

Внешняя невозмутимость Николая вызывалась философско-мировоззренческими особенностями психологии императора. Однако на ведении дел это не отражалось. Последний монарх был аккуратным, даже педантичным человеком и свои обязанности выполнял тщательно и с большой пунктуальностью. Даже в самые тяжелые минуты он не позволял себе — расслабиться и жил в соответствии с установленным для правителя распорядком дня, очень редко его меняя. Личное недомогание, серьезная болезнь члена семьи, какие-то другие неприятности лишь в исключительных случаях могли заставить Николая отменить прием министра, отложить ознакомление с очередными деловыми бумагами или отказать в назначенной аудиенции.

С детских лет и буквально до последних дней своей жизни он систематически вел дневник, и сохранились десятки тетрадей, содержащих лапидарные поденные записи. Николай Александрович считал, что ведение дневника приучает к аккуратности и учит кратко излагать свои мысли. В его семье дневники вели все: жена, четверо дочерей и даже маленький Алексей. Царь не преследовал цель оставить потомкам свидетельство величия своих мыслей и поступков. Он писал потому, что «так надо», и эти тетради не предназначались для посторонних: это личный, глубоко камерный документ. На протяжении десятилетий стиль изложения и набор описываемых объектов почти не менялся: самочувствие, погода, приемы, встречи с родственниками, прогулки, семейное времяпрепровождение. О своем «царевом деле» упоминавший очень мало, что не было случайным, а являлось следствием непреложного правила: каждому занятию свое время

Он не любил и не одобрял разговоры на темы государственного управления вне времени официальных занятий и не с людьми, облеченными соответствующими должностными функциями и компетенцией. И если, скажем, на представительной семейной трапезе у своей матери в Аничковом дворце в окружении большого числа родственников, кто-то из них позволял сделать замечание о каком-нибудь министре или другом должностном лице, или дать оценку тому или иному аспекту государственной политики, то монарх такие разговоры никогда не поддерживал, а свое неодобрение начинал проявлять подчеркнутым безразличием к нарушителю этикета. Исключение не делалось даже для самых близких из Романовых. Об этом свойстве императора царедворцы и родственники были прекрасно осведомлены, и если пытались добиться от царя каких-то реакций и решений, то старались встречаться с глазу на глаз.

Дневниковые записи больше говорят о личности самого Николая, чем о времени или о государственной политике. Иногда на его страницах можно встретить необычный всплеск эмоций. Вот, например, октябрь 1905 г.: революционная волна набирает силу, достигнув уже уровня «десятого вала», судьба монархии висит на волоске. Царь под воздействием событий и своего ближайшего окружения соглашается пойти на уступки революции и подписывает манифест о «даровании народу незыблемых основ гражданской свободы», что было крупным шагом на пути превращения России в конституционную монархию. Этот «росчерк пера» дался царю очень тяжело. Пришлось превозмочь себя, переступить через принципы и согласиться на то, что всегда считал неприемлемым для страны.

Выдержка и хладнокровие в этом случае с трудом выдерживали напор событий. Вот страница, относящаяся к 17 октября 1905 г.: «Подписал манифест в 5 часов. После такого дня голова сделалась тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и умири Россию!» Однако уже на следующий день настроение стало близким к обычному, и записи приобретают традиционный характер: «Сегодня состояние духа улучшилось, так как решение уже состоялось и пережито. Утро было солнечное и радостное — хорошее предзнаменование. Принимал все время до завтрака. Гуляли вдвоем. Читал весь вечер. Получил много телеграмм. Стана (великая княгиня Анастасия Николаевна. — А. Б.) обедала у нас»¹⁵.

Во многих своих проявлениях авторитарная самодержавная система замыкалась на высшей власти: всякое сколько-нибудь значительное решение почти на любом уровне требовало ее одобрения. От различных должностных лиц, общественных и частных организаций и от отдельных подданных на имя царя шел огромный поток докладов, памятных записок, прошений, ходатайств и другой корреспонденции по самым различным вопросам. Вся эта лавина оседала в Императорской канцелярии и различных управлениях дворцового ведомства. Определенная часть попадала к Николаю II. Все, что к нему поступало, он читал очень внимательно, и это занятие практически ежедневно отнимало у него несколько часов. Удивительное усердие в ознакомлении с деловыми бумагами просто поражает, особенно если учесть, что эти занятия никогда ему радости не доставляли.

Кроме того, почти каждый день бывали министры, крупные военные чины, родственники, занимавшие различные должности в госаппарате, русские и иностранные послы и многие другие. И каждый нес «свой вопрос», ставил какую-то проблему, которую надо было решать и очень часто незамедлительно. Если за этим приходили крупные, широко мыслящие и деятельные сановники (С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, А. В. Кривошеин и некоторые другие), то принятие решений упрощалось, так как такие деятели почти всегда знали, что и как надо было делать. Им требовалась лишь санкция. Однако в иных ситуациях именно императору приходилось формулировать решения в широком диапазоне проблем: от поиска места под строительство царскосельской оранжереи до формы и времени объявления войны. Уклоняться от своего «божественного предназначения» было нельзя, но знаний не всегда хватало и, чтобы избежать болезненных ошибок, требовался совет. Однако в большинстве случаев принимались в расчет рекомендации, отвечавшие собственным представлениям.

В литературе часто встречаются утверждения о том, что по своим деловым способностям и интеллектуальному развитию император не годился для предназначенной ему роли. Люди же из близкого окружения отмечали его способности. Многолетний министр финансов, а затем премьер-министр С. Ю. Витте, человек в высшей степени амбициозный и самолюбивый, имевший достаточно оснований для недовольства Николаем II, признавал, что император «несомненно очень быстрого ума и быстрых способностей; он вообще все быстро схватывает и быстро понимает»¹⁶.

Однако к числу выдающихся исторических личностей он не принадлежал и наверное именно потому, что начисто был лишен каких-либо демонических черт. Достаточно точное суждение о Николае II принадлежит У. Черчиллю, заметившему: «Он не был ни великим полководцем, ни великим монархом. Он был только верным, простым человеком средних способностей, доброжелательного характера, опиравшимся в своей жизни на веру и Бога»¹⁷.

Вот это качество, вера в Бога, вера такая простая и глубокая у него, очень многое объясняет в жизни человека и правителя. Это по сути дела своеобразный ключ к пониманию его душевных состояний и поступков. Мир верующему человеку представляется иным, чем приверженному атеистическому мировоззрению. Здесь своя шкала ценностей и особое мироощущение, основанное на глубоком чувстве, не поддающемуся простому рациональному объяснению. Бог олицетворял для Николая Высшую Правду, знание которой только и делает жизнь истинной, в чем он уверился еще в юности. В 1894 г., еще цесаревичем, Николай писал матери: «Во всем волен Бог один, он делает все для нашего блага и нужно с молитвой покориться Его святой воле! Это верно, но иногда чрезвычайно тяжело!»¹⁸. Тему веры последний император часто затрагивал в письмах, но только самым близким людям. Вот, например, характерное в этом смысле утверждение, из его послания матери датируемого летом 1898 года: «Я с покорностью и уверенностью смотрю в будущее, известное только Господу Богу. Он всегда все устраивает для нашего блага, хотя иногда Его испытания и кажутся нам тяжелыми; поэтому надо с верою повторять: «Да будет воля Твоя»¹⁹.

Вера наполняла жизнь царя глубоким содержанием, помогала переживать многочисленные невзгоды, а все житейское часто приобретало для него характер малозначительных эпизодов, не задевавших глубоко душу. Она освобождала от внешнего гнета, от рабства земных обстоятельств. Русский философ Г. П. Федотов очень метко назвал Николая II «православным романтиком»²⁰. Погруженность в религиозное мирозерцание и большое личное самообладание превращали часто царя в человека, отрешенного от мирских забот. Современников это положение постоянно возмущало, они беспрестанно судачили о бездушии императора, о его неспособности проявить волю, о его безразличии к судьбам России. Питавший большую личную симпатию к Николаю его двоюродный дядя, из-

вестный в свое время поэт и драматург, великий князь Константин Константинович записал в 1912 г. в своем дневнике, что «твердость не есть отличительная черта государя»²¹. Это, конечно, справедливо. Однако несомненно верно и то, что ни царь, ни те, кто на все лады склонял «безволие», не знали часто, что и как надо делать. Это незнание приводило сплошь и рядом к бездействию, которое можно понять, но трудно оправдать.

Повседневные заботы и неудачи постепенно превратили Николая в фаталиста, руководствовавшегося принципом: «Все в руках Господа». За несколько недель до крушения монархии, отвечая на сетования некоторых родственников о положении дел в стране, с каким-то уже обреченным самообладанием царь заметил: «На все воля Божья. Я родился 6 мая, в день поминовения многострадального Иова. Я готов принять мою судьбу»²². При таких настроениях историческое поражение монархической власти становилось неизбежным. По словам хорошо знавшего царя протопресвитера (священника) армии Г. И. Щавельского, «Государь принадлежал к числу тех счастливых натур, которые веруют, не мудрствуя и не увлекаясь, без экзальтации, как и без сомнения. Религия давала ему то, что он более всего искал — успокоение. И он дорожил этим и пользовался религией как чудодейственным бальзамом, который подкрепляет душу в трудные минуты и всегда будит в ней светлые надежды»²³.

Спокойное отношение к окружающей действительности не означало, что император был безразличен к судьбе России, хотя подобное утверждение стало общим местом в различных сочинениях. Не обладая способностью исторического предвидения, он всегда чувствовал и был в этом уверен, что любые резкие изменения в течении общественной жизни, чреватые непредсказуемыми последствиями, способными оказаться губительными для страны. Все годы своего правления Николай II стремился к тому, чтобы нововведения утверждались постепенно, при непременном соблюдении и учете государственных традиций и прошлого опыта. Последнего самодержца нельзя, в отличие, скажем, от К. П. Победоносцева, назвать «апостолом застой», но он, конечно же, не был и инспиратором реформаторских устремлений в правящих кругах. Когда же убеждался, что та или иная мера необходима, то мог спокойно уступить и поддержать то, что еще совсем недавно считал неприемлемым. При этом оставаясь в тени, монарх служил опорой деятелям и течениям, выступавшим на авансцене политики.

Так было, например, с проводившимися в 90-е годы экономическими преобразованиями, связанными с именем министра финансов С. Ю. Витте. Эта, рассчитанная на перспективу политика индустриальной модернизации народного хозяйства, была весьма враждебна встречена в различных кругах общества, а министр-реформатор превратился в объект ожесточенных нападок. И несмотря на это, избранный курс не был изменен исключительно благодаря царскому покровительству, хотя все последующие лавры преобразователя достались целиком С. Ю. Витте. То же самое произошло и позднее, когда П. А. Столыпин начал осуществлять программу аграрного переустройства, став мишенью разнузданного поношения со всех сторон правых, левых, монархистов, либералов, радикалов. Только опора на волю монарха позволяла премьеру выстоять и осуществлять намеченные меры.

Очевидной была роль Николая II и при учреждении Государственной думы. Когда под напором драматических событий возникала необходимость изыскать приемлемую форму созыва народного представительства, то император первоначально поддерживал идею о законосовещательном органе при верховной власти. По мере усиления смуты, осенью 1905 г., этот проект претерпел существенные изменения. Была принята концепция законодательного собрания, что и нашло отражение в царском Манифесте 17 октября. Это не отвечало личным воззрениям монарха, но он, во имя умиротворения страны, принял то, что многим казалось необходимым. Прошло полгода и собрался первый российский парламент. Возникновение этого учреждения, деятельность которого была вне юрисдикции царя, меняло вековой уклад политической жизни России. Народился новый центр власти, что Николай II решительно не одобрял и чему противился до последней возможности. Но вот все свершилось. И что же император?

В дневнике Николая II за 27 апреля 1906 г. читаем: «Знаменательный день приема Гос. Совета и Госуд. Думы и начала официального существования последней. Мама приехала в 8 час. из Гатчины и отправилась с нами морем в Петербург (из Петергофа.— А. Б.). Погода была летняя и штиль. На «Петергофе» пошли к крепости и оттуда на нем к Зимнему. Завтракали в 11 1/2. В час и 3/4 начался выход в Георгиевскую залу. После молебна я прочел приветственное слово. Государственный совет справа, а Дума — слева от престола. Вернулись тем же порядком в Малахитовую. В 3 часа сели на паровой катер и перей-

дя на «Александрию», пошли обратно. Приехали домой в 4 1/2. Занимался долго, но с облегченным сердцем, после благополучного окончания бывшего торжества. Вечером покатались»²⁴. В подобных записях, относящихся к каким-то переломным моментам царствования, поражает незлобивость царя, удивительное смирение, являющееся уделом лишь истинно верующих людей.

Здесь уместно подробнее остановиться на этом эпизоде, связанном со столь эпохальным событием. Вообще, к числу способных ораторов Николай II не относился. Его выступления, большей частью прочитанные по бумажке, не производили ни на кого яркого впечатления, о чем он и сам знал и не заблуждался на сей счет. Необходимость публичных заявлений всегда расценивал как неприятную обязанность, к которой относился довольно безразлично. Но было несколько исключений, одно из них и датируется 27 апреля 1906 г. Речь к этому дню он довольно долго готовил, и в ней сфокусировались его принципиальные мировоззренческие позиции. Приведем ее полностью²⁵.

«Всевышним Промыслом врученное Мне попечение о благе Отечества побудило Меня призвать к содействию в законодательной работе выборных от народа.

С пламенной верой в светлое будущее России, Я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых Я повелел возлюбленным моим подданным выбрать от себя. Трудные и сложные работы предстоят вам. Верю, что любовь к Родине, горячее желание послужить ей воодушевят и сплотят вас.

Я же буду охранять непоколебимые установления, Мною дарованные, с твердой уверенностью, что вы отдадите все свои силы на самоотверженное служение отечеству, для выяснения нужд столь близкого Моему сердцу крестьянства, просвещения народа и развития благосостояния, памятуя, что для духовного величия и благоденствия Государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права.

Да исполняется горячие Мои пожелания видеть народ Мой счастливым и передать сыну Моему в наследие Государство крепкое, благоустроенное и просвещенное.

Господь да благословит труды, предстоящие Мне в единении с Государственным Советом и Государственною Думою, и да знаменуется день сей отныне днем обновления нравственного облика Земли Русской, днем возрождения ее лучших сил.

Приступите с благоговением к работе, на которую Я вас призвал и оправдайте достойно доверие царя и народа.

Бог в помощь Мне и вам».

Несмотря на то, что Первая и Вторая Государственные думы больше походили на антиправительственный митинг, чем на работу важного законодательного органа и их пришлось распустить, Николай II никогда не проявлял желания раз и навсегда покончить с выборным представительством, к чему его много раз призывали записные блюстители чистоты самодержавия из рядов «профессиональных монархистов». В 1907 г. были изменены избирательные правила, в результате чего в Третьей думе преобладали состоятельные и, естественно, более ответственные элементы общества, не склонные все кругом крушить и переиначивать. 6 января 1908 г. в Большом Царскосельском дворце император принял 300 депутатов (группы правых и центра) и обратился к ним с речью, в которой изложил программу первоочередных задач и свое видение исторической судьбы России.

Среди прочего он сказал: «Помните, что Вы созданы Мною для разработки нужных России законов и для содействия Мне в деле укрепления у нас порядка и правды. Из всех законопроектов, внесенных по Моим указаниям в Думу, Я считаю наиболее важным законопроект об улучшение земельного устройства крестьян и напоминаю о Своих неоднократных указаниях, что нарушение чьих-либо прав собственности никогда не получит моего одобрения; права собственности должны быть священны и обеспечены законом. Я знаю, с какими чувствами и мыслями явились Вы ко Мне. Россия росла и крепла в течение тысячи лет горячей верой русских людей в Бога, преданностью своим царям и беспределельной любовью к своей Родине. Пока это чувства живо в сердце каждого русского человека, Россия будет счастлива, благоденствовать и укрепляться. Молю Бога, вместе с Вами, чтобы эти чувства постоянно жили в сердце русских людей и чтобы солнце счастья засияло над нашей могучей, родной землей»²⁶.

В повседневной жизни, в своих привычках и наклонностях царь был простым и бесхитростным. Неприхотливость в одежде и еде его всегда отличали, как и почти полное безразличие к роскоши и комфорту. Старался жить всегда по определенному распорядку: ложился спать и вставал в одно и то же время и практически ежедневно совершал продолжительные пешие прогулки, преодолевая многокилометровые расстояния. В молодости любил пла-

вать на байдарке, затем увлекся теннисом и бильярдом. Последние годы с удовольствием коротал свободное время за игрой в карты или домино. Всю жизнь любил охоту, которую считал настоящим мужским занятием, «освежающим душу». Выезжал на охоту часто и всегда с большой радостью. Хотя он курил и любил выпить рюмку, другую водки, но до конца своих дней отличался физической крепостью и лишь один раз серьезно болел: брюшным тифом в 1900 г. Кстати, утверждения о том, что Николай II был подвержен неумеренным алкогольным возлияниям, получившее широкое хождение в литературе, не имеет под собой никаких оснований. В состоянии сильного опьянения его никто не видел.

Среди разнообразных обязанностей и занятий, особую тягу и любовь Николай Александрович питал к военному делу. Смотры, парады, ученья никогда его не утомляли, и он мужественно и безропотно переносил случавшиеся неудобства армейских буден на лагерных сборах или маневрах. Последний император был, что называется, прирожденным офицером; традиции офицерской среды и воинские уставы он неукоснительно соблюдал, чего требовал и от других. Любой командир, запятнавший недостойным поведением мундир офицера, для него переставал существовать. По отношению к солдатам чувствовал себя покровителем-наставником и не чурался общаться с ними, а в пасхальные дни обязательно христосовался со служащими конвоя.

По старой имперской традиции Николай Александрович был шефом основных частей гвардии, и это звание унаследовал от своего отца. Военная «карьера» его началась рано. В семилетнем возрасте, в 1875 г., он был зачислен в лейб-гвардейский Эриванский полк и в том же году произведен в прапорщики, а через пять лет получил поручика. В день совершеннолетия, 6 мая 1884 г., как сказано в послужном списке, «произнес клятвенное обещание в лице наследника всероссийского престола в большой церкви императорского Зимнего дворца и при торжественном собрании, бывшем в Георгиевском зале, принял воинскую присягу под штандартом лейб-гвардии Атаманского имени его императорского величества полка, по случаю вступления в действительную службу»²⁷. В 1887 г. последовало производство в штабс-капитаны, в 1891 г. — в капитаны и, наконец, 6 августа 1892 г. он получил звание полковника»²⁸. На этом офицерское производство закончилось, и в чине полковника он остановился до конца, даже

тогда, когда отказался от престола. Он имел множество наград и воинских званий чуть ли не всех государств Европы, а в годы первой мировой войны удостоился высшего воинского звания Великобритании. «Вообрази,— писал он с чувством удивленного восхищения жене в декабре 1915 г.,— Джорджи (король Англии Георг V, двоюродный брат Николая.— А. Б.) произвел меня в фельд-маршалы британской армии»²⁹.

О том, какие радостные чувства вызывала у Николая воинская служба, свидетельствует множество документов. Прочитируем его письмо своему другу юности и confidentу, великому князю Александру Михайловичу («Сандро»). Оно относится к 1887 г., ко времени вступления в лейб-гвардии Преображенский полк — самое известное и наиболее престижное подразделение императорской гвардии: «Это лето буду служить в Преображенском полку под командою дяди Сергея, который теперь получил его. Ты себе не можешь представить мою радость: я уже давно мечтал об этом и однажды зимой объявил папа и он мне позволил служить. Разумеется я буду все время жить в лагере и иногда приезжать в Петергоф; я буду командовать полуротой и справлять все обязанности субалтерн-офицера. Ура!!!»³⁰. О службе наследника в Преображенском полку сохранилось свидетельство полкового командира (с 1891 г.), двоюродного дяди Николая, великого князя Константина Константиновича, записавшего в своем дневнике 6 января 1894 г.: «Ники держит себя в полку с удивительной ровностью; ни один офицер не может похвастаться, что был приближен к цесаревичу более другого. Ники со всеми одинаково учтив, любезен и приветлив; сдержанность, которая у него в праве, выручает его»³¹.

Юношей Николай много и напряженно занимался и почти ежедневно были или занятия или самоподготовка по различным предметам: математике, физике, химии, географии, русской словесности, иностранным языкам, астрономии, русской и иностранной истории, политической экономии, фортификации, черчению и т. п. Это был усердный ученик, что отмечалось всеми учителями, и хотя «звезд с неба не хватал», но имел неплохие знания по всем предметам. Прекрасно владел немецким, французским и английским языками (датский знал хуже), писал очень грамотно по-русски. Кроме того, в молодости неплохо играл на фортепиано, рисовал, обучался игре на скрипке. Усидчивость и аккуратность — эти важные черты характера, сформировались под неусыпным влиянием «дорогих папа и мама».

Николай Александрович вырос в атмосфере роскошного императорского двора, но в строгой, и можно сказать, почти спартанской обстановке. Отец и мать принципиально не допускали никаких слабостей и сентиментов в деле воспитания детей. Для них всегда устанавливался жесткий распорядок дня, с обязательными ежедневными уроками, посещениями церковных служб, непременными визитами к родственникам, обязательным участием в многочисленных официальных церемониях. Дети воспитывались в духе уважения старших и беспрекословного послушания. Патриархальность нравов родителей унаследовала и семья последнего царя, где любые экстравагантные выходки, пустые траты средств и праздное времяпрепровождение всегда осуждались.

Приведем выдержку из письма пятнадцатилетнего цесаревича великому князю Александру Михайловичу, посланного из Дании, где он с родителями почти каждое лето гостил у своих деда и бабки (первый раз его вывезли туда в двухлетнем возрасте): «Вот описание дня, который мы проводим здесь,— писал наследник русского престола,— встаем позже чем в Петергофе, в четверть восьмого; в восемь пьем кофе у себя; затем берем первый урок; в половине десятого идем в комнату тети Аликс и здесь все семейство кушает утренний завтрак; от 10 до 11 наш второй урок; иногда от 11 — половины двенадцатого имеем урок датского языка; третий урок от половины двенадцатого до половины первого; в час все завтракают; в три — гуляют, ездят в коляске, а мы пятеро, три английских, одна греческая двоюродные сестры и я, катаемся на маленьком пони; в шесть обедаем в большой средней зале, после обеда начинается возня, в половине десятого мы в постеле. Вот и весь день»³².

К числу чувствительных и слезливых натур Николай Александрович не относился, и открытое проявление обычных человеческих слабостей ему не было присуще с детства. Скажем, на людях он всего несколько раз плакал, причем почти не все эти случаи связаны со смертью «дорогого папа», которая его просто потрясла. «Боже мой, Боже мой, что за день! — с горечью восклицает он на страницах дневника. — Господь отозвал к себе нашего обожаемого дорогого горячо любимого Папа. Голова кругом идет... Господи, помоги нам в эти тяжелые дни!»³³. Уже будучи императором, Николай писал матери в октябре 1895 г., «Вчера на прогулке вместе с дядей Сергеем мы только и разговаривали о Ливадии и вспоминали все

наши надежды и отчаяния с мельчайшими подробностями, я не мог удержаться от слез, сразу начавших душить меня!»³⁴. Двадцатое октября навсегда осталось в памяти Николая II черным днем.

Его отношение к родителям — пример искренней сыновьей любви, способности достаточно редкой для натуры с, так сказать, пониженной эмоциональностью. Всегда он сохранял светлую память об отце и нежное отношение к матери. В его жизни было несколько адресов постоянной любви: Россия, жена, дети, но и конечно же на все времена — мать. «Моя дорогая душка — Мама» и «навсегда любящий тебя твой Ники» — эти первые и последние строки его многочисленных писем матери, не были лишь традиционными лексическими оборотами. К ней он всегда относился, как к близкому человеку, как к надежному советчику, с которым у него было полное взаимопонимание. Правда, со временем появилась тема, которая была изъята из обсуждения — Распутин, но это все пришло уже в конце.

Царствующая, а после смерти мужа «вдовствующая императрица» Мария Федоровна (1847—1928) была сильной личностью, женщиной властной, наделенной природным обаянием, которая пользовалась авторитетом и уважением среди большинства представителей Дома Романовых. Помимо характера ее отличал и темперамент, и за глаза некоторые родственники называли ее «Гневной». Всех своих детей она ценила и любила, и те платили ей взаимностью. Эта жепщина-мать испытала все горести, которые только можно вообразить: мужа и двоих сыновей, Александра и Георгия, похоронила в России, а двоих, Николая и Михаила, как и пятерых внуков оплакивала почти десять лет в изгнании. Ее жизнь, наполненная удивительными превращениями, радостями и потрясениями, достойна отдельного описания. Здесь отметим лишь некоторые эпизоды этой забытой ныне биографии.

Припцесса Дагмара (Мария-София-Фредерика) появилась на свет 26 ноября 1847 г. Ее отцом был герцог Шлезвиг-Гольштейн-Зондентбург-Глюксбургский, вступивший на датский престол в 1863 г. под именем короля Христиана IX, а матерью — принцесса Гессен-Кассельская Луиза. Будущая российская императрица была четвертым ребенком в семье, занимавшей в конце XIX — начале XX вв. видное место в европейской династической иерархии. Брат Вильгельм, принявший имя Георга I, с 1864 г. правил в Греции, а сестра Александра состояла в браке с

наследником английского престола принцем Альбертом-Эдуардом, ставшим в 1901 г. (после смерти матери, королевы Виктории) английским королем Эдуардом VII. Воспитанная в простой атмосфере лютеранской семьи (пачилась обходиться, например, без слуг), она с детства проявляла живость натуры, с увлечением занималась рисованием, музыкой и неплохо играла на фортепиано. Воображение этой романтически настроенной девушки поразил наследник российского престола Николай (старший сын Императора Александра II. 1843—1865), с которым она познакомилась в неполные шестнадцать лет.

Цесаревич, которого в царской семье звали «Никс», был всего на четыре года старше датской принцессы, но производил впечатление серьезного и хорошо воспитанного человека. Он страстно влюбился в веселую, добродушную и изящную дочь датского короля. В октябре 1864 г. в Дании состоялась помолвка и счастливый Никс через месяц писал своему брату Александру: «Если бы ты знал, как хорошо быть действительно влюбленным в знать, что тебя любят также. Грустно быть так долго в разлуке с моей милой Минни, моей душкой, маленькою невестою. Если бы ты ее увидел и узнал, то верно бы полюбил как сестру. Я ношу с ее портретом и локон ее темных волос. Мы часто друг другу пишем и я часто вижу ее во сне. Как мы горячо целовались прощаясь, до сих пор иногда чудятся эти поцелуи любви! Хорошо было тогда, скучно теперь, вдали от милой подруги. Желая тебе от души также любить и быть любимому»³⁵.

Последнее желание старшего брата самым неожиданным и трагическим образом сбылось: 12 апреля 1865 г. цесаревич Николай Александрович умер в Ницце от скоротечной чахотки. На похоронах в Петербурге присутствовала и убитая горем датская невеста, которую трогательно опекал император Александр II, императрица Мария Александровна и особенно их, ставший наследником престола, сын Александр. Именно тогда в сердце этого молодого человека возникло сильное чувство к «очаровательной Минни». Их следующая встреча произошла в Копенгагене более чем через год, в июне 1866 г., куда наследник российского престола прибыл во время поездки по Европе. Он уже мечтал соединить свою жизнь с Дагмарой и писал отцу: «Я чувствую, что могу и даже очень полюбить милую Минни тем более, что она так нам дорога. Дай Бог, чтобы все устроилось, как я желаю. Решительно не знаю, что скажет на все это милая Минни; я не знаю ее чувст-

ва ко мне и это меня очень мучает. Я уверен, что мы можем быть так счастливы вместе. Я молюсь усердно Богу, чтобы Он благословил меня и устроил мое счастье»³⁶. Ночь умершего брата незримо стояла между ними, мешая «русскому богатырю» сделать решительный шаг.

Прошло еще несколько дней, полных надежд и сомнений, и, наконец, 11 июня 1866 г. произошло событие, определившее действительно счастливую жизнь будущего императора Александра III. Вот как он сам описал его в послании отцу: «Я уже собирался несколько раз говорить с нею, но все не решался, хотя и были несколько раз вдвоем. Когда мы рассматривали фотографические альбомы вдвоем, мои мысли были совсем не на карточках; я только и думал как бы приступить с моею просьбою. Наконец, я решился и даже не успел всего сказать, что хотел. Минни бросилась ко мне на шею и заплакала. Я конечно, не мог также удержаться от слез. Я ей сказал, что милый наш Никса много молится за нас, конечно, в эту минуту радуется с нами. Слезы у меня так и текли. Я ее спросил, может ли она любить еще кого-нибудь, кроме милого Никса. Она отвечала мне, что никого кроме его брата и снова мы крепко обнялись. Много говорили и вспоминали о Никсе, о последних днях его жизни в Ницце и его кончине. Потом пришла королева, король и братья, все обнимали нас и поздравляли. У всех были слезы на глазах»³⁷.

Свадьба состоялась в Петербурге в ноябре того же года и Дагмара, перейдя в православие приняла имя Марии Федоровны. Через полтора года, 6 мая 1868 г., в Александровском дворце Царского села у наследника престола появился на свет сын — будущий император Николай II. До нас дошло описание этого события, которое оставил радостный отец в своем дневнике. «Минни разбудила меня в начале 5-го часа, говоря, что у нее начинаются сильные боли и не дают ей спать, однако по временам она засыпала и потом опять просыпалась до 8 час. утра. Наконец, мы встали и отправились одеваться. Одевшись и выпив кофе пошел скорее к моей душке, которая уже не могла окончить свой туалет, потому что боли делались чаще и чаще и сильнее. ...Я скорее написал Мама записку об этом и Мама с Папа приехали около 10 часов и Мама осталась, а Папа уехал домой. Минни уже начинала страдать порядочно сильно и даже кричала по временам. Около 12 1/2 жена перешла в спальню и легла уже на кушетку, где

все было приготовлено. Боли были все сильнее и сильнее и Минни очень страдала. Папа вернулся и помогал мне держать мою душку все время. Наконец, в 1/2 3 час пришла последняя минута и все страдания прекратились разом. Бог послал нам сына, которого мы нарекли Николаем. Что за радость была — это нельзя себе представить. Я бросился обнимать мою душку-жену, которая разом повеселела и была счастлива ужасно. Я плакал как дитя и так легко было на душе и приятно»³⁸.

В семье Александра III родилось еще пятеро детей: Александр (1869—1870), Георгий (1871—1899), Ксения (1875—1960), Михаил (1878—1918) и Ольга (1882—1960). Трудно сказать, кого Мария Федоровна особенно любила. Несколько лет неотступно находилась при больном Георгии (после воцарения Николая — наследник престола), умиравшем мучительной смертью от чахотки. Жалела и сочувствовала младшему, Михаилу, который вел рассеянный образ жизни, ничем серьезно не занимался, мало думал о престиже династии, хотя и был пять лет (с 1899 по 1904 г.) цесаревичем. В 1912 г. он «ранил сердце матери», женившись на женщине «низкого происхождения и весьма сомнительной репутации». Позднее Марии Федоровне пришлось, преодолевая себя, признать этот мезальянс и даже принимать нежеланную невестку, дважды разведенную новоиспеченную «графиню Брасову» (урожденная Шереметьевская Наталья Сергеевна; по первому браку Мамонтова, по второму — Вульферт).

К своему старшему сыну вдовствующая императрица относилась всегда с ровной симпатией, которая с годами, под влиянием происходивших событий, обрушивавшихся постоянно на «бедного Ники», стала даже усиливаться. Старалась морально поддерживать его и избегала разговоров на различные неприятные для царя темы, хотя многое из того, что происходило при дворе в последние годы монархии, у нее одобрения не вызывало. Царь платил ей взаимностью и, невзирая на то, что его жена, мягко говоря, свекровь не любила и исподволь старалась отвлечь царя от частого общения с «Гневной», Николай не изменял своему сыновьему долгу и нежные чувства к матери сохранял всегда. До нас дошло много посланий Николая к матери, в которых он подробно рассказывал ей о событиях своей жизни, просил совета. По долгу правителя и по обязанностям родственника последний Романов постоянно и много писал писем. Однако, в отличие от всех прочих, за исключением корреспонденции к жене, письма к матери —

это особая статья. Они самые пространные, в них он естественен, прост и откровенен.

На время правления Николая II прихлалась неудачная русско-японская война 1904—1905 г., на которую он с такой легкостью согласился под влиянием, как оказалось, непорядочных и неумных советников. Испытанием для него стали и революционные потрясения 1905—1907 г., когда тихая и мирная держава превратилась в кипящий котел недовольства и вражды, и эта страшная и сокрушительная сила чуть было не смела и трон и порфироносного его хозяина. Откуда в стране столько ненависти? Этот вопрос много раз возникал перед императором и часто приходил на ум один и тот же ответ, который ему постоянно подсказывали «знающие люди» из ближайшего окружения. Этот заговор кучки социалистов, масонов, евреев, которые, укрывшись в разных заграничных центрах, инспирировали оттуда смуты и волнения. Как было бы все просто, если бы было именно так. Причины лежали внутри страны, они коренились во всем строе российской жизни, в многочисленных напластованиях несуразностей и противоречий, которыми была так богата действительность России. Однако Николай II любил простоту и ясность во всем, в том числе и в политике, и поэтому утверждения о заговоре ему были близки и понятны, хотя со стороны верных людей звучали и другие голоса.

Летом 1906 г., анализируя неудачу проправительственных сил на выборах в Первую Государственную думу, П. А. Столыпин писал ему: «У нас нет прочно сложившегося мелкого землевладения, которое является на Западе опорой общественности и имущественного консерватизма; крестьянство в большинстве не знает еще частной собственности на землю и, освоившись в условиях своего быта с переделом общинной земли, весьма восприимчиво к мысли о распространении этого начала и на частное землевладение. Нет у нас и тех консервативных общественных сил, которые имеют такое значение в Западной Европе и оказывают там свое могучее влияние на массы, которые, например, в католических частях Германии, сковывают в одну тесную политическую партию самые разнообразные по экономическим интересам разряды населения: и крестьян, и рабочих, и крупных землевладельцев, и представителей промышленности; у нас нет ни прочной и влиятельной на местах аристократии, как в Англии, ни многочисленной зажиточной буржуазии, столь упорно отстаивающей свои имущественные интересы, как во Франции

и Германии. При таких данных в России открывается широкий простор проявлению социальных стремлений, не встречающих того отпора, который дает им прочно сложившийся строй на Западе и не без основания представители международного социализма рассматривали иногда Россию как страну, совмещающую наиболее благоприятные условия для проведения в умы и жизнь их учений»³⁹.

Николай II был убежден, что простой народ, благочестивый и богобоязненный русский крестьянин чтит Бога, а следовательно и любит своего государя. Крестьянские волнения он не рассматривал как выступления против «всей системы» и венценосного верховного правителя. Эта вера в искреннюю народную любовь к нему Николай сохранял всю свою жизнь и не избавился от этой иллюзии даже после отречения. В то же время взаимосвязь между общественным недовольством и неудовлетворительным экономическим положением широких слоев населения Николай II прекрасно осознавал. После 9 января 1905 г., о кровавых событиях которого он горько сожалел, принимая рабочую депутацию, заявил: «Знаю, что не легка жизнь рабочего. Многое надо улучшать и упорядочить, но имейте терпение»⁴⁰.

Особенно его занимало неблагополучие многомиллионной крестьянской массы, страдавшей от малоземелья. Он считал этот вопрос первостепенным и «несравнимо существенным, чем те гражданские свободы, которые на днях дарованы России. (Речь идет о Манифесте 17 октября.— А. Б). Правильное и постепенное устройство крестьянства на земле обеспечит действительное спокойствие внутри на много десятков лет»⁴¹. Однако категорически возражал против всех форм насильственного отчуждения помещичьей земли, считая, что «частная собственность должна оставаться неприкосновенной»⁴². Это был важнейший его мировоззренческий принцип, которым он не мог поступиться.

Вместе с тем в 1905 г. стало уже окончательно ясно, что для укрепления основ власти нужны преобразования в области крестьянского землевладения и землепользования. Николай II одобрил и поддержал курс столыпинских аграрных реформ, направленных на развитие и укрепление индивидуальных крестьянских хозяйств на свободных землях. О царской поддержке столыпинских преобразований почти никогда не говорят, хотя само их возникновение и осуществление без этого было бы невозможно. О Петре Аркадьевиче царь был очень высокого мнения,

считал его крупным государственным деятелем. «Я тебе не могу сказать, как я его полюбил и уважаю», — писал он в конце 1906 г. о нем матери ⁴³.

Царь всегда находился в эпицентре, где перекрещивались интересы многих и многих персонажей из числа тех, кто или действительно играл историческую роль, или тех, кто не был различим на политическом небосклоне, но кто желал потешить свое самолюбие у подножия трона. В почти двадцатитрехлетней истории царствования Николая II обращает на себя внимание одна черта, которая не была характерна для правления ни отца, ни деда, ни прадеда и высвечивающая самым неожиданным образом малоприметные, но весьма существенные стороны личности императора и окружавшей его среды.

С первого дня воцарения и буквально до последнего мгновения приближенные всех уровней часто считали возможным использовать свое положение для воздействия на венценосца. Делалось это иногда довольно беззастенчиво. Мотивы и методы были различны: «наставить на путь истинный», «открыть глаза», «предупредить об опасности», «засвидетельствовать свою преданность», «добиться милости» и т. д., но суть всегда оставалась одна — получить от царя удобное отдельным лицам или группам решение. Трудно найти в истории России другой пример подобного натиска на верховную власть. Такому положению в большой степени способствовала мягкость и деликатность натуры Николая, его неспособность сказать резкость или грубость и напомнить своему очередному собеседнику-просителю о том, кто есть кто.

Шумную и порою довольно надоедливую кампанию, от общения с которой царь не мог уклониться, представляли те, кто по праву рождения был вхож в императорские апартаменты: многочисленные члены «Дома Романовых». Здесь уместно сделать небольшой экскурс в историю и объяснить некоторые важные элементы системы классификации родовых преимуществ родственников императора. Еще в 1797 г. при императоре Павле был принят законодательный акт о правах и обязанностях лиц императорской фамилии. Были установлены титулы: для старшего сына — наследник престола, цесаревич, а дети, внуки, правнуки, праправнуки императора, как и их жены получали титулы великих князей и именовались императорскими высочествами. Последующие поколения получали звания князей императорской крови и титуловались высочествами. Закон определенно устаканавливал, что право на трон

переходило только по прямой линии и по мужскому колену. В связи с ростом численности императорской фамилии и значительным увеличением расходов на ее содержание при Александре III в 1886 г. вводились новые градации. Право титулования великими князьями и получением в этом качестве особого содержания и звания императорских высочеств предоставлялось только сыновьям и внукам императора. Правнуки же становились князьями императорской крови и получали титул просто высочеств. Все великие князья награждались при рождении Орденом Андрея Первозванного, Александра Невского, Белого Орла и первыми степенями Анны и Станислава. Князья императорской крови получали эти отличия при совершеннолети ⁴⁴.

Николай Александрович вступил на престол, когда здравствовали влиятельные четыре брата отца: Владимир (1847—1909), Алексей (1850—1908), Сергей (1857—1905), Павел (1860—1919) и двоюродный дед Михаил Николаевич (1832—1909). Кроме Павла, все остальные имели видные должности в государственном управлении. Владимир с 1884 г. по 1905 занимал посты главноуправляющего гвардией и командующего войсками петербургского военного округа. Алексей в 1880—1905 гг. являлся главным начальником флота и морского ведомства; Сергей с 1891 по 1905 г. был московским генерал-губернатором и командующим войсками московского военного округа, а Михаил Николаевич (сын Николая I) с 1881 по 1905 г. исполнял обязанности председателя Государственного Совета.

Воспитанный в правилах почитания старших, Николай II первые годы во многом находился под влиянием старших в роду, хотя далеко не всегда внутренне одобрял навязывавшиеся ему решения, но боялся отказом обидеть дорогих родственников. Недоразумения начались сразу же после воцарения. Уже 22 октября 1894 г. молодой император записал в дневнике: «Происходило брожение умов по вопросу о том, где устроить мою свадьбу. Мама, некоторые другие и я находим, что все же лучше сделать ее здесь спокойно, пока еще дорогой Папа под крышей дома; а все дяди против этого и говорят, что мне следует жениться в Питере. Это мне кажется совершенно неудобным» ⁴⁵. Однако мнение молодого царя не сыграло решающей роли. Дяди, особенно Владимир и Алексей, беззастенчиво использовали уступчивость молодого императора в угоду своему самолюбию и амбициям и часто в определен-

но корыстных интересах. Безумное и абсурдное «кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. — во многом результат деятельности первого, а в позорных поражениях русского флота в годы русско-японской войны — большая доля «усилий» второго. Со временем Николай II преодолел свою неспособность противостоять домогательствам даже ближайших родственников, однако их попытки воздействовать «на милого Ники» не прекращались до самого конца.

В XX в. в составе императорской фамилии имелось несколько параллельных родственных линий, степень родovitости которых определялась их близостью к правящим «александровичам». Были еще «владимировичи», «павловичи», «николаевичи», «константиновичи» и «михайловичи» (последние три ветви — от сыновей Николая I). К 1917 г. Российский императорский дом насчитывал более шестидесяти человек⁴⁶. Наивысший статус родovitости имели великие князья, которых насчитывалось пятнадцать. Приведем полный их состав, так как имена большинства будут часто встречаться в нижеследующем изложении. Михаил Александрович (брат царя), Кирилл, Борис, Андрей Владимирович (двоюродные братья Николая II); Павел Александрович (дядя Николая II), Дмитрий Павлович (двоюродный брат царя), Николай и Дмитрий Константиновичи, Петр и Николай Николаевичи; Николай, Михаил, Георгий, Александр и Сергей (двоюродные дяди царя). Уместно здесь напомнить, что из всех перечисленных лиц лишь семеро великих князей умерли своей смертью в эмиграции, а остальные были убиты соиздателями «нового общества».

Различные представители императорской фамилии были связаны матримониальными связями со многими владетельными монархическими домами Европы. В правление Николая II эти узы были столь многочисленны и запутаны, что в них не всегда бывает просто разобраться. Отметим несколько случаев. Женой Владимира и матерью пятерых «владимировичей» была принцесса Мария Мекленбург-Шверинская (1854—1920), принявшая в России имя Марии Павловны («старшая»); дядя Николая, Сергей состоял в браке с сестрой императрицы Елизаветой Гессенской, в православии — Елизавета Федоровна (1864—1918); Павел был мужем греческой принцессы Александры Георгиевны (1870—1891) и т. д.

Число кузенов, кузин, племянников, племянниц, не говоря уже о более дальних степенях родства, у последнего императора исчислялось десятками человек. В их числе

были лишь несколько близких по духу, тех, с кем император и императрица общались в интимной обстановке. Хотя состав этих особо приближенных лиц и менялся со временем, было несколько человек родственников-друзей, остававшихся длительное время. Это дядя Сергей (убитый в феврале 1905 г.), дядя Павел, двоюродный дядя Александр Михайлович («Сандро») и великая княгиня Елизавета Федоровна. Очень тесные и теплые отношения Николай поддерживал со своими родными сестрами и братом Михаилом. Последнего, наряду с Павлом, Николай считал верным себе до конца, в то время как в лояльности большинства остальных Романовых стал сомневаться.

Отношения с родственниками отнимали много времени и сил. Без понимания специфического характера этих связей и их большого места в жизни Николая трудно представить окружающий мир императора. Здесь существовали строгие нормы, своя шкала ценностей, и ближайшим родственникам надлежало жениться или выходить замуж за представителей «владельческих домов», хотя и здесь бывали исключения. Сестра Ксения после нескольких лет сложных переговоров в 1894 г. стала женой своего дальнего родственника великого князя Александра Михайловича. Николай, тогда еще цесаревич, принимал ближайшее участие в устроении их семейных дел и был тогда убежденным сторонником брака по любви, радостно приветствуя «счастье Ксении», питавшей глубокое чувство к своему будущему мужу, платившему ей взаимностью. Со временем Николай стал в таких делах руководствоваться исключительно династическими интересами и никакие сентиментальности в этой области уже не одобрял.

Вообще отношения с родней были неременной рутинной обязанностью, вызывавшей далеко не только положительные эмоции. Судьба представителей правящей фамилии не всегда была счастливой, и им, во имя соображений династического величия, сплошь и рядом приходилось перешагивать через желания, симпатии, наклонности и приносить в жертву политическим интересам собственную жизнь и личное благополучие. Однако постепенно пуританские нравы в среде императорской родни стали испытывать сильный натиск нового времени, несшего с собой более простые и искренние отношения.

Различные брачно-семейные неурядицы с конца XIX в. стали обычным явлением в Доме Романовых. Николай, его жена и мать очень серьезно всегда относились к таким историям, внимательно обсуждали каждый случай и не-

пременно выступали на стороне традиции и престижа власти. Обязательному осуждению подвергались те, кто личные интересы ставил на первый план. Однако осуждение монархами адюльтеров, разводов и мезальянсов ничего не меняло: волна подобных скандалов в царском окружении постоянно нарастала.

Еще когда Николай Александрович был наследником, его двоюродный дядя, великий князь Михаил Михайлович (1861—1929) позволил себе недопустимое: влюбился и женился по любви в 1891 г. на внучке А. С. Пушкина графине С. Н. Меренберг, что вызвало гнев его кузена, императора Александра III, заявившего: «Этот брак заключенный наперекор законам нашей страны, требующих моего предварительного согласия, будет рассматриваться в России как недействительный и не имеющий места»⁴⁷. Возмущенные таким решением супруги навсегда поселились в Англии, и хотя через десять лет Николай II их простил, в Россию они уже не вернулись.

Много неприятностей доставляли последнему царю семейные дела брата Михаила и сестры Ольги. О выборе первого вскользь уже говорилось выше. Николай был солидарен с матерью в неприятии этого выбора, который, как они были убеждены, умаляет достоинство высшей власти. После получения известия о тайном венчании брата в Вене, царь писал матери 7 ноября 1912 г.: «Я собирался написать Тебе по поводу нового горя, случившегося в нашей семье и вот Ты уже узнала об этой отвратительной новости... Между мною и им сейчас все конечно, потому что он нарушил свое слово. Сколько раз он сам мне говорил, не я его просил, а он сам давал слово, что на ней не женится. И я ему безгранично верил! ...Ему дела нет ни до Твоего горя, ни до нашего горя, ни до скандала, который это событие произведет в России. И в то же время, когда все говорят о войне, за несколько месяцев до юбилея дома Романовых!!! Стыдно становится и тяжело». Через несколько дней уже более спокойно продолжал: «Бедный Миша очевидно стал на время невменяемым, он думает и мыслит как она прикажет и спорить с ним совершенно напрасно... Она не только читает, но и снимает копии с телеграмм, писем и записок, показывает своим и затем хранит все это в Москве вместе с деньгами^{*}. Это та-

^{*} Отцом избранницы Михаила был присяжный поверенный С. А. Шереметьевский, игравший заметную роль в финансовом мире Москвы.

кая хитрая и злая бестия, что противно о ней говорить»⁴⁸. Михаилу был воспрещен въезд в Россию, он был уволен от службы, лишен званий, а над его имуществом была учреждена опека. Доброта и отходчивость натуры Николая в этой истории довольно быстро дали о себе знать. После начала первой мировой войны брат императора был прощен и вернулся в Россию.

Сестра Николая, «порфирородная» Ольга (она появилась на свет, когда ее отец был уже императором) в 1901 г. стала женой принца П. А. Ольденбургского. Один из крупнейших сановников, сенатор и член Государственного Совета А. А. Половцев, после свадебной церемонии летом 1901 г. в Гатчине записал в своем дневнике: «Великая княжна некрасивая, ее вздернутый нос и вообще монгольский тип лица выкупается лишь прекрасными по выражению глазами, глазами добрыми и умными, прямо на нас смотрящими. Желая жить в России, она остановила свой выбор на сыне принца Александра Петровича Ольденбургского. При родовитости своей и значительности денежного состояния... принц во всех отношениях посредственный, а во внешности своей ниже посредственного человека; несмотря на свои годы, он почти не имеет волос на голове и вообще производит впечатление хилого, далеко не дышащего здоровьем и никак не обещающего многочисленного потомства человека. Очевидно, соображения, чуждые успешности супружеского сожития, были поставлены здесь на первый план, о чем едва ли не придется со временем пожалеть»⁴⁹. Автор этих слов оказался прав. Семейного счастья здесь не было, и после пятнадцатилетних фальшиво-обязательных отношений, сестра царя в 1916 г. к неудовольствию Николая II и его супруги развелась с принцем и по любви вышла замуж за адъютанта своего бывшего мужа, ротмистра лейб-гвардии кирасирского полка Н. А. Куликовского.

Отметим еще два случая, имевших в свое время большой резонанс и сильно занимавших последнего самодержца. В 1905 г. высшие круги России помимо революционных потрясений волновала и интересовала еще одна тема: брак кузена Николая II, великого князя Кирилла Владимировича (1876—1938), женившегося в том же году без разрешения на своей двоюродной сестре Виктории Федоровне (1876—1936), урожденной принцессе Саксен-Кобург-Готской, которая в 1894 г. вышла замуж за брата царицы Эрнеста-Людвига Гессенского, а в 1901 г. развелась с ним. Бравый морской офицер Кирилл Владимиро-

вич, участник войны с Японией, в октябре 1905 г. был лишен звания флигель-адъютанта (звание члена императорской свиты), исключен со службы, и ему было приказано в 24 часа покинуть Россию. Царь и царица настолько были возмущены поступком родственника, что Николай II даже неофициально обсуждал вопрос о лишении его великокняжеского достоинства. Правда, через несколько лет император сменил гнев на милость. Кирилл был прощен, восстановлен в службе, ему были возвращены звания и должности, а его с женой стали принимать при дворе (после революции, находясь в эмиграции, этот великий князь провозгласил себя императором).

Много лет слухами и сплетнями была окружена личная жизнь дяди Николая II, великого князя Павла Александровича (младшего из шести сыновей императора Александра II), входившего в последние годы монархии в ближайшее царское окружение. Этот великий князь заметной политической роли не играл, но имел престижные посты командиров лейб-гвардии конного полка и гвардейского корпуса. Первым браком он был женат на греческой принцессе и имел двоих детей: Дмитрия (1891—1943) и Марию (1890—1977). Павел овдовел, когда ему было всего 31 год. В 1893 г. он увлекся женой гвардейского офицера Ольгой Валерьяновной Пистолькорс (урожденная Карнович). В доме Пистолькорсов на Большой Морской в Петербурге и на даче в Красном селе часто собирался тогда цвет дворянских фамилий из числа чинов гвардии. Бывал здесь и цесаревич Николай, питавший симпатии к хозяйке этого салона. Приведем выдержку из одного его писем к ней, относящегося к лету 1893 г.: «Милая Мама-Лёля! Очень прошу простить меня, но ввиду более раннего моего отъезда в Англию, я не буду иметь удовольствия завтракать у вас в городе, как было условлено раньше. Я тем более сожалею, что завтрак у вас мог бы служить продолжением того прекрасного вечера 8-го июня, который так весело прошел у вас в Красном»⁵⁰.

Со временем «дядя Павел» и замужняя «Мама-Лёля», презрев светские условности, стали появляться вместе на людях. Все это служило темой бесконечных пересудов, но внешне не вызывало нареканий, так как «романтические отношения» сами по себе были в порядке вещей; надо было лишь блюсти матримониальные каноны. Положение изменилось тогда, когда влюбленные, имевшие к этому времени сына Владимира, «рожденного во грехе», решили узаконить свои отношения. В начале 1902 г.

А. А. Половцев свидетельствовал: «Город занят большим скандалом. Уже много лет великий князь Павел Александрович состоит в связи с женой адъютанта великого князя Владимира Александровича — Пистолькорса. Беспорядочность влюбленных достигла крайних пределов. Путешествия и прогулки вдвоем, обхождение с последнорожденным сыном, носящим фамилию Пистолькорса, и т. п. все это принималось публикой как выражение совершившегося факта. Ныне летом г-жа Пистолькорс объявила, что в. к. решил на ней жениться и что для сего ею немедленно получен будет развод... Великий князь Павел объявил, что он женится на г-же Пистолькорс во что бы то ни стало, бросив, если пужно, все и уехав из России»⁵¹. Вскоре ему действительно пришлось, потеряв все положение на родине, отбыть во Францию, где несколько лет пришлось дожидаться царской милости.

В России остались сын и дочь князя, которые отца очень любили, и заботу о которых взяли на себя великий князь Сергей Александрович и его жена Елизавета Федоровна («Элла»). Большое участие в воспитании детей Павла принимал и царь, особенно нежно относившийся к своему двоюродному брату Дмитрию, ставшему для него почти сыном. Последний платил императору ответной любовью и навсегда сохранил к нему большую привязанность, хотя в результате распутинской истории, о чем речь пойдет отдельно, потерял расположение императорской четы.

До того же времени Дмитрий — ближайший член династии, вхожий во дворец постоянно и во время первой мировой войны находившийся около Николая многие месяцы. Во время отлучек писал царю, которого всегда называл «дядя», часто, и эта корреспонденция наглядно рисует близкий характер отношений между ними. Вот выдержка из письма от 17 ноября 1911 г., посланного из Петербурга в Ливадию: «Дорогой дядя! Страшно благодарю тебя за твое милое письмо... Часто читаю в газетах про то, что ты в Ливадии делаешь. И признаюсь, мне каждый раз жалко делается, думая, что меня там нет с вами. Как танцевальные вечера? Это был бы чудный случай для меня схватить Зизишку (Нарышкину.— А. Б.) за бока и помчаться с ней, или, например, сладострастно прижимать баронессу Фредерикс и танцевать с ней, забывая все кругом... До меня доходят слухи, что мамаша моя (Аликс) плохо ведет себя (речь идет об императрице.— А. Б.). Плохо в смысле здоровья. Это нехорошо. Скажи ей, что этим очень недоволен. Пускай она меня

или бедного чиновника почтового вспомнит, и, может быть, тогда ей лучше станет. Ну, а засим крепко обнимаю тебя... Твой Дмитрий»⁵². Одно время упорно говорили о предполагавшейся женитьбе Дмитрия на старшей дочери Николая, Ольге, с которой он даже был помолвлен в 1912 г., но в силу ряда причин эта свадьба так и не состоялась.

Отцу Дмитрия, Павлу, пришлось прожить годы за границей, ожидая изменения настроения у самодержца. В 1905 г. князь приехал ненадолго на похороны своего брата, московского генерал-губернатора Сергея Александровича, убитого в феврале террористом. Во время беседы с царем последний заявил, что «уже на него не сердит-ся». Великий князь и его новотитулованная супруга (к этому времени она получила в Германии титул графини Гогенфельзен) ликовали, надеясь теперь вернуться в Россию. Однако вскоре пришло известие, что им совместно запрещено появляться на публике. Объясняя мотивы своего решения, император писал Павлу Александровичу: «Во всяком случае за мною остается право решения вопроса о времени, когда тебе разрешено будет приехать сюда с женою. Ты должен терпеливо ожидать, не забегая вперед. Позволив тебе приезжать в Россию от времени до времени, я желал этим дать утешение твоим детям видеться с тобою. Они потеряли в дяде Сергее в сущности второго отца. Не забудь, что ты покинул их для личного своего счастья»⁵³.

Великий князь воспринял это как оскорбление и отказался появляться на родине без жены. Не изменил он своему решению даже тогда, когда его дочь, великая княгиня Мария Павловна («младшая») в 1908 г. вышла замуж за наследника шведского престола герцога Вельгельма Зюндерманландского (в 1913 г. бросила его, а через год развелась с ним). Окончательное примирение между царем и последним его дядей наступило лишь в годы мировой войны, когда жена Павла, получив титул княгини Палей, стала «персоной грата» в царском дворце. Произошло это всего за несколько месяцев до падения монархии.

Все вышеуказанные истории, как и ряд других волновали придворные круги и так или иначе затрагивали династические интересы, к чему последний царь был очень внимателен. Чувство долга и общественная обязанность стоять на страже престижа власти были для него превыше всего и здесь личные симпатии не играли опреде-

ляющей роли. Будучи примерным семьянином и образцовым отцом, он и в душе не одобрял, как казалось, легкомысленное отношение к супружеским узам и считал такое поведение предосудительным. Николай был искренне счастлив в своей семейной жизни, и хотя вокруг императорского дома носилось множество сплетен и слухов, значительная часть которых беззастенчиво фабриковалась «приличными господами» из либеральной среды, он никогда не позволял себе ничего, что могло бы бросить хоть тень на добропорядочный образ его как мужа и отца.

Ранее, в молодости, Николай Александрович вел обычную жизнь для столичных гвардейских офицеров, большая часть которых происходила из известных дворянских семей. Здесь были и пирушки в дружеском кругу, и посещения различных зрелищ, и непреременные романтические увлечения. Он любил театр, особенно музыкальный, и его искренне восхищала музыка П. И. Чайковского, почитателем которой остался навсегда. Любимыми сценическими постановками были оперы «Пиковая дама», «Иоланта» и «Евгений Онегин», а балетами — «Щелкунчик», но в первую очередь «Спящая красавица». Эти спектакли он смотрел много раз и всегда испытывал радостное чувство. Интерес к балету сохранил на всю жизнь. В молодости этот интерес носил особый характер: в начале 90-х годов он испытывал серьезное увлечение прима-балериной Императорского Мариинского театра Матильдой Феликсовной Кшесинской (1872—1971 гг.)

Это был серьезный роман в жизни цесаревича. Продолжался он около двух лет и довольно длительное время служил темой оживленных пересудов в столичном обществе. Хотя встречались возлюбленные скрытно, большей частью на частной квартире «Великолепной Матильды», но сохранить эти встречи в тайне не могли. На публике, за кулисами после спектакля, или на светском рауте, например, у своего дяди, великого князя Алексея, общеизвестного любителя «муз и граций», Николай никаких симпатий не выказывал, сохранял ровно-спокойное отношение. Но поздним вечером, особенно зимой 1892—1893 гг., бывал у своей сердечной привязанности чуть ли не ежедневно и часто оставался на всю ночь. Дневник Николая позволяет довольно точно установить «хронологию» любовного увлечения молодого наследника престола. Здесь постоянно встречаются записи такого рода: «В 12 час. отправился к М. К., у которой оставался

до 4 час. Хорошо поболтали, посмеялись и повозились»; «отправился к М. К.; провел чудесных три часа с ней»; «Закусывали в 7 1/2 час., как раз в то время начиналась «Спящая красавица» и думы мои были там, так как главным действующим лицом являлась М. К.»; «посетил мою М. К., где оставался до 6 часов»; «провел большую часть вечера у М. К.»; «отправился к М. К., где ужинал по обыкновению и провел прекрасно время»⁵⁴ и т. д.

Об увлечении своего старшего сына скоро узнали родители. Но какое-то время Александр III и Мария Федоровна смотрели на них как на обычные «шалости» молодого человека и не придавали им особого значения. Однако по мере роста сплетен и слухов, царь и особенно царица стали проявлять признаки беспокойства. Состоялось несколько неприятных объяснений, после которых Николай прекращал свои визиты и все как будто успокаивалось. Однако через какое-то время отношения цесаревича с танцовщицей, приобретшие характер скандального «моветона», возобновлялись. Окончательный разрыв наступил лишь в самом конце 1893 года, после категорического требования родителей и их согласия на брак сына по его выбору.

Николай Александрович женился по любви в двадцатипятилетнем возрасте, причем руки своей избранницы, Алисы Гессенской, добивался долго, преодолевая множество препятствий, в том числе и стойкое отсутствие интереса у отца с матерью к этой партии. Симпатии двух молодых людей развивались «крещендо» десять лет — познакомились они на свадьбе Сергея Александровича и старшей сестры Алисы, Эллы, в 1884 г. Через пять лет уже возникли разговоры о помолвке, которая тогда не состоялась. Описывая свое состояние в то время, цесаревич писал своему «дорогому Сандро»: «Ты разумеется слышал, что моя помолвка с Алике Гессенской будто состоялась, но это сушая неправда, это вымысел из ряда городских и газетных сплетен. Я никогда так внутренне не страдал, как эту зиму; даже раньше чем они приехали в город стали ходить слухи об этом, подумай, какое было мое положение перед всеми на вечерах, в особенности когда приходилось танцевать вместе. Она мне чрезвычайно понравилась, такая милая и простая, очень возмужала, если можно так выразиться...»⁵⁵.

В течение последующих нескольких лет циркулировали всевозможные предположения о невесте для Николая. Назывались и обсуждались потенциальные претендентки

чуть ли не из всех владетельных домов Европы (одно время, например, настойчиво говорили о Маргарите Германской, сестре императора Вильгельма). Брак наследника российской короны — это было крупное политическое событие, затрагивавшее интересы не только России, но и многих других государств. Оно могло внести коррективы в расстановку сил на мировой арене. Сам цесаревич был готов к браку и признался Сандро в 1891 г.: «Я знаю, что мне пора жениться, так как я невольно все чаще и чаще начинаю засматриваться на красивенькие лица. Притом мне самому ужасно хочется жениться, ощущается потребность свить и устроить свое гнездышко»⁵⁶.

Однако всех претенденток отвергал, кроме той, с которой был уже так давно знаком. Отец и мать в конце концов уступили. В апреле 1894 г. Николай поехал в Германию, в Кобург на свадьбу герцогини Саксен — Кобург — Готской (той самой, которая потом стала женой великого князя Кирилла Владимировича) и здесь 8 апреля состоялась помолвка с Алисой Гессен — Дармштадтской. Это было для Николая настоящей радостью, и он писал матери: «Милая Мама, я тебе сказать не могу как я счастлив и также как я грустен, что не с вами и не могу обнять Тебя и дорогого милого Папа в эту минуту. Для меня весь свет перевернулся, все, природа, люди, все кажется милым, добрым, отрадным. Я не мог совсем писать, руки тряслись... хотелось страшно посидеть в уголку одному с моей милой невестой. Она совсем стала другой: веселой и смешной и разговорчивой и нежной. Я не знаю как благодарить Бога за такое его благодеяние»⁵⁷.

Свою избранницу Николай всю жизнь любил и ценил и всегда считал свой брак великим счастьем. Не может не вызвать восхищение то ровное восторженно-любовное отношение, которое Николай питал к жене на протяжении всего супружества. Через десять дней после свадьбы записал: «Каждый день что проходит, я благославляю Господа и благодарю его от глубины души за то счастье, каким Он меня наградил! Большого или лучшего благополучия на этой земле человек не в праве иметь. Моя любовь и почитание к дорогой Аликс растет постоянно»⁵⁸. Пришло два десятка лет, и тональность дневниковых признаний не меняется: «Не верится, что сегодня двадцатилетие нашей свадьбы! Редким семейным счастьем Господь благославил нас; лишь бы суметь в течение оставшейся жизни оказаться достойным столь великой Его

милости»⁵⁹. Брак принес четырех дочерей и долгожданного сына Алексея, которого Николай II просто боготворил и с которым занимался каждую свободную минуту. После женитьбы у Николая стали меняться привычки: из любителя шумных встреч и продолжительных дружеских застолий он постепенно превратился в человека, для которого семья и Бог составляли главное содержание жизни, ее истинный смысл, а душевный покой он обретал в общении с «милой Аликс» и детьми.

С трепетным ожиданием Николай встречал появление своего первенца, под знаком рождения которого прошел почти весь первый год царствования. Алиса и Николай решили: если будет мальчик, то назовут Павел, а если девочка — Ольгой. Этот выбор имен был согласован с «дорогой мамой», которая его одобрила⁶⁰. Мы не знаем, какое состояние духа было у царицы накануне родов, но в душе молодого императора в это время перемешивались тревога и радость. И, наконец 3 ноября 1894 г. в Царском Селе в императорской семье появилась на свет девочка. Вот как описал это событие счастливый отец: «Вечно памятный для меня день, в течение которого я много выстрадал! — писал он в дневнике. — Еще в час ночи у милой Аликс начались боли, которые не давали ей спать. Весь день она пролежала в кровати в сильных мучениях — бедная! Я не мог равнодушно смотреть на нее. Около 2 час. дорогая Мама приехала из Гатчины; втроем с ней и Эллой находились неотступно при Аликс. В 9 час. ровно услышали детский писк и все мы вздохнули свободно! Богом нам посланную дочку при молитве мы назвали Ольгой (имя трижды подчеркнуто. — А. Б.). Когда все волнения прошли и ужасы кончились, началось просто блаженное состояние при сознании о случившемся! Слава Богу, Аликс пережила рождение хорошо и чувствовала себя вечером бодро»⁶¹.

Рождению следующих дочерей Николай всегда радовался, но реагировал на эти события уже значительно спокойней. И лишь появление пятого ребенка, сына Алексея, опять стало для Николая радостным потрясением. «Незабвенный великий день для нас, в который так явно посетила нас милость Божья, — свидетельствовал царь 30 июля 1904 г. в дневнике. — В 1 1/4 дня у Аликс родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро, для меня, по крайней мере. Утром побывал как всегда у Мама, затем принял доклад Коковцова и раненого при Вафангоу арт.

офицера Клепикова. Она уже была наверху и полчаса спустя произошло это счастливое событие. Нет слов, чтобы суметь отблагодарить Бога за ниспосланное Им утешение в эту годину трудных испытаний! Дорогая Аликс чувствовала себя очень хорошо. Мама приехала в 2 часа и долго просидела со мною, до первого свидания с новым внуком. В 5 час. поехал к молебну с детьми, к которому собралось все семейство. Писал массу телеграмм»⁶². Легко догадаться, что эта радость была вызвана не только естественным чувством отца, получившего известие о рождении сына. На свет появился наследник престола, человек, к которому должно перейти вековое «семейное дело Романовых» — управление великой империей.

По существующей традиции Алексея Николаевича с малолетства приобщали к государственным занятиям монархов, и цесаревич присутствовал на приемах, парадах, смотрах еще тогда, когда не начал говорить и ходить. В годы мировой войны он уже неоднократно сопровождал отца в Ставку и выезжала в различные действующие воинские подразделения. В октябре 1915 г., как сказано в приказе, «за посещение армий Юго-Западного фронта вблизи боевых позиций» ему даже была пожалована Георгиевская медаль 4-й степени⁶³. В мае 1916 г. цесаревич получил свой первый и последний воинский чин — был произведен в ефрейторы. Общение с Алексеем было для Николая всегда радостным занятием. Хотя этот ребенок и рос болезненным, но не был капризным и отличался живым умом, непоседливостью, упрямством и шаловливостью. Родители боролись с двумя последними качествами, но в душе, особенно отец, всегда радовались проделкам и забавам сына и относились к ним снисходительно.

Маленький принц был ласковым сыном, которого очень любили родители и сестры. Все были обеспокоены его здоровьем и считали необходимым заниматься его воспитанием, что мальчика часто тяготило. Особенно он любил общаться с отцом, с которым они ловили рыбу, катались на лодках, пекли на костре картошку и яблоки, зимой обязательно строили в царскосельском парке ледяную башню, как и вообще часто занимались многими другими, такими интересными и приятными для мальчика вещами. Когда с отцом бывали в разлуке, а в годы мировой войны это происходило много раз, он очень скучал и почти каждый день писал. Приведем несколько

его писем (уже с десяти лет наследник писал хорошо по-русски и по-французски).

«Дорогой Папа. Сегодня я долго катался на моторе и много правил. Я очень хочу видеть Тебя. Да хранит Тебя Бог. Любящий Тебя Алексей» (24 сентября 1914 г.); «Милый Душка Папа. Очень я обрадовался, когда узнал, что мы победили. Я чувствую себя хорошо. Как Ты поживаешь? Пиши! Да хранит Тебя Бог! Целую Тебя. Алексей» (25 октября 1914 г.); «Дорогой мой Папа! У нас погода поганая. Холод такой, что вода вся замерзла. Изредка идет снег. Башня цела, но свод уже растаял. Вчера я получил интересный подарок: мне прислал один офицер из действующей армии стальную стрелу. Я теперь читаю очень интересную книгу про Петра Великого, которую мне подарила Мама. Все, слава Богу, здоровы. Да хранит Тебя Бог. Любящий Тебя Алексей» (16 апреля 1915 г.). «Дорогой Папа! Башня еще больше обвалилась. Грязи много. Вчера я с Мама и сестрами был у Ани (Вырубовой.— А. Б.). Там были два акробата — отец с сыном, две девочки, которые играли на ксилофоне и фокусник. Еще пела одна дама, а потом играли на балалайках раненые. Это все продолжалось полтора часа. Надеюсь, что приедешь к Пасхе! Кланяйся всем и, если дедушка там (министр двора В. Б. Фредерикс.— А. Б.), то и ему. Да хранит Тебя Господь Бог. Любящий Тебя и целующий Тебя Твой покорный сын Алексей» (22 марта 1916 г.)⁶⁴.

В приведенных строках нельзя не заметить глубокое религиозное чувство, присущее Алексею, что было характерно и для других членов царской семьи. Их так же отличала и удивительная человеческая симпатия и уважение друг к другу, и не существует никаких свидетельств того, что этот мир хоть единожды был нарушен ссорой или размолвкой. В этой атмосфере взаимного согласия и покоя Николай всегда отдыхал душой и черпал здесь силы для своих многотрудных и постоянных обязанностей. Обязательным элементом жизни в Царском стали продолжительные прогулки главы семейства с кем-нибудь из дочерей по живописным паркам и совместные посещения с детьми различных мероприятий. Когда же выдавался семейный вечер, то они проводили его, как правило, все вместе за чтением вслух (в большинстве случаев читал сам Николай) или художественной литературы, или религиозно-духовной, с обязательным обсуждением прочитанного.

Вне семьи откровенных и близких общений было всегда мало, а последние годы их уже почти не осталось совсем. Великий князь Николай Михайлович (двоюродный дядя Николая II) писал в этой связи, что «после 23 лет царствования Николай II не оставил ни одного друга ни среди своих родных, ни в высшем обществе, ни в среде приближенных»⁶⁵. Утверждение отчасти верно. Это есть удел многих политических деятелей. Уникальность данного случая лишь в том, что сознание последнего российского императора, как, пожалуй, ни у кого среди главных персонажей мировой истории начала XX в., было целиком погружено в религию, в православие, озарявшее жизнь особым светом.

И все же несколько друзей у самодержца было. Последние годы им являлся офицер, а затем командир императорской яхты «Штандарт», капитан первого ранга и флигель-адъютант (с 1912 г.) Николай Павлович Саблин, которого царь и царица искренне любили и ценили, и который держался рядом с ними достаточно независимо. Человек он был спокойный, уравновешенный, и царская чета охотно и часто с ним общалась, тем более, что он никогда не затрагивал острых политических вопросов и не разговаривал на неприятные темы. В январе 1916 г., имея в виду Н. П. Саблина, царица заметила: «У нас так мало истинных друзей, а из них он — самый близкий»⁶⁶. Близость безродного офицера к царской семье многих удивляла; эти отношения порождали различные пересуды. Однако никакой тайной подоплеки здесь не было. Все дело было лишь в том, что Николай и Александра видели в нем простого и преданного им человека, а именно таких людей они искали и особенно ценили в последние годы. Сам Н. П. Саблин — человек весьма небогатый, никогда не имел и не искал никаких преимуществ от этого «высочайшего знакомства», но после начала революции никак не засвидетельствовал своей преданности развенчанному самодержцу.

Прожив большую, сложную и полную потрясений жизнь, царь и царица до конца оставались любящими друг друга людьми. Их отношения — медовый месяц, который длился более двадцати трех лет, и судьбе было угодно распорядиться так, что и покинули они этот мир в одночасье. Вместе шли по жизни и вдвоем поднялись на Голгофу.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА

Жаркое лето 1917 г. в России... Страна вздыбилась в невиданном революционном смятении; все шире распространялись и набирали силу представления о необходимости полностью «отречься от старого мира», от того мира, который в первую очередь олицетворяли бывший царь и царица, находившиеся с марта вместе с детьми под домашним арестом в Александровском дворце Царского Села. Подогреваемые радикальными кругами общественные настроения все гуще окрашивались ненавистью к ним, призывы покончить с «Николашкой» и «его предательницей-женой» раздавались все чаще. Над некогда тихой загородной резиденцией императоров нависла ощутимая угроза кровавой расправы. Временное правительство и глава его, министр-председатель А. Ф. Керенский, решают отправить отрекшегося от престола царя и его близких из бушующей столицы в глубь России, в сибирский губернский город Тобольск, чтобы сохранить их от самосуда¹.

В последний день пребывания в своем любимом обиталище в Царском 31 июля 1917 г. бывшая императрица, ставшая «гражданкой Романовой», писала бывшему заведующему гофмаршальской частью императорского двора, старому и преданному графу П. К. Бенкендорфу: «Дорогой граф! От любящего сердца горячо благодарю Вас за все, все эти 23 года — да наградит Вас Господь Бог — мы это не умеем, да благославит Вас. Больно на душе — невыразимо больно. Грустно Вас и дом родной покидать — и вообще, но Господь милостив, я крепко Ему верю. Еще раз до свидания. Обнимаю Вас»².

Эта любящая жена, нежная мать, холодная правительница, благочестивая верующая, надежная подруга — всю свою жизнь искала веры и верности, дружбы и искренности, правды и покоя. После краха, наступившего 2 марта 1917 г., она окончательно убедилась, что число преданных «дорогому Нике» и ей людей чрезвычайно невелико, всего несколько человек, что большинство заискивавших и льстивых царедворцев и даже родственников потеряли к их семье интерес после наступившей развязки. Самых же верных: Аню Вырубову и «милую

Лили Ден» новые власти жестоко разлучили с ними, а «бедную Аничку» даже заключили в Петропавловскую крепость. Александра Федоровна не ведала, что ей осталось жить менее года, что, испытав новые лишения и унижения, вся ее семья будет уничтожена летней июльской ночью 1918 г. в тесном подвале купеческого особняка в Екатеринбурге, а тела, будут буквально растерзаны теми, для кого убийство стало привычной повседневностью, «главным аргументом» в споре со своими противниками, да и просто с сомневающимися.

Всего этого она еще не знала. Но она чувствовала уже летом 1917 г., что будущее не сулит ничего хорошего и уповала лишь на милость Господа. Подобное состояние не было для нее новым. С ощущением опасности, в предчувствиях различных грядущих потрясений и катастроф она прожила десятилетия. В конце концов судьбе было угодно распорядиться так, что ее страх перед окружающим миром оправдался в высшей степени. У царицы и ее близких оказался поистине апокалиптический финал земного существования, аналогов которому в европейской истории просто нет.

Разве могла представить она, двадцатидвухлетняя принцесса, приехавшая в 1894 г. из захолустного немецкого Дармштадта в Россию к своему жениху и сразу же после венчания ставшая императрицей, что здесь ей суждено погибнуть? Конечно же нет. Вообразить такое тогда в тихое и благословенное для монархов время, было просто невозможно. Да и сами титулы и звания, блеск роскошью императорского двора ее удивительно мало интересовали. Она ехала к человеку, которого много лет страстно любила, для счастья которого не задумываясь пожертвовала бы собственной жизнью, но женой которого долго боялась стать.

Над родом гессенских герцогов тяготело проклятие в виде тяжкого недуга — гемофилии, передававшейся по женской линии, но исключительно в мужском колене. Эта болезнь — несвертываемость крови, относилась к разряду неизлечимых, но особенно опасной она была в первые 15—20 лет жизни. У страдающего гемофилией человека любой ушиб, царапина, кашель, удаление зуба и какая-нибудь иная, столь же распространенная жизненная ситуация, могла привести к летальному исходу. В гессенской семье велся скорбный мартиролог жертв, о котором все члены гессенского дома хорошо знали. Понимая, какую огромную ответственность она должна

взять на себя, если, выйдя замуж за наследника русского престола, не сможет подарить ему и России здорового наследника, будущая императрица долго колебалась, прежде чем ответить «да» на предложение цесаревича.

В апреле 1894 г., когда решался вопрос о помолвке, Алиса несколько дней сомневалась, переживала, рыдала, а в ее «уламывании» принимали участие сестра Элла, Германский император Вильгельм («Вилли»), множество других лиц из числа родственников и из круга близких знакомых. Усилия сторонников этого брака увенчались успехом, Николай согласие получил, и сразу же, по горячим следам, под влиянием восторженных чувств писал матери: «Благодаря милости Господа Бога окончилось мое дело, после того, что я смотрел на исход совершенно безнадежно»³.

Наследственная болезнь была не единственной причиной упорства принцессы. Давало знать о себе и уязвленное самолюбие. Будущая царица не могла забыть того холодно-безразличного отношения к ней со стороны двора и высшего света, которое она испытала в 1888—1889 гг., когда приехала погостить в Россию к своей сестре Елизавете, вышедшей в 1884 г. замуж за брата Александра III, великого князя Сергея Александровича. О великой княгине Елизавете Федоровне (1864—1918 гг.) следует говорить отдельно и весьма обстоятельно. Она была удивительно добродетельным человеком и ее жизнь достойна того, чтобы о ней стало широко известно. Здесь же ограничимся лишь краткими замечаниями.

В ряду всех прочих Романовых, княгиня Элла выделялась удивительным добросердечием и своей многолетней бескорыстной деятельностью на благо России. Потеряв в 1905 г. мужа, с которым они прожили в мире и согласии более двадцати лет, она не ожесточилась, а проявила истинное милосердие. Посетив убийцу в тюрьме, простила его, а затем обратилась к царю с просьбой о помиловании. Николай отказал. Вскоре она отходит от светского мира, принимает монашество и организует общину сестер милосердия: Марфо-Мариинскую обитель. В Москве на Большой Ордынке в 1908—1912 гг. на средства княгини и по проекту архитектора А. В. Щусева возводится комплекс монастырских зданий, в том числе храм Покрова (постройки частично сохранились; современный адрес Б. Ордынка, д. 34а). Все последующие годы она была целиком занята делами милосердного служения, а во время мировой войны организовала целую службу

помощи раненым. Трагически, как и у многих Романовых, закончилась ее жизнь. Через день после уничтожения императорской семьи, в окрестностях уральского города Алапаевска, Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, три сына великого князя Константина Константиновича и молодой поэт, сын Павла Александровича — Владимир Палей подверглись зверским издевательствам, а затем их еще полуживых столкнули в заброшенную шахту и забросали гранатами⁴.

Елизавета Федоровна, будучи на восемь лет старше Алисы, в молодости отличалась легкостью характера, добротой и широтой интересов. В первые годы после замужества в их доме в центре Петербурга часто устраивались балы, благотворительные базары и домашние спектакли. На этой великокняжеской сцене в 1890 г., например, была осуществлена постановка «Евгения Онегина», причем Татьяну играла Элла, а Онегина — наследник Николай. Елизавета в молодости оказывала большое влияние на свою младшую сестру. Она деятельно способствовала ее браку с Николаем, устроить который было непросто. Мать и отец цесаревича очень долго и слышать не хотели о том, чтобы Николай взял в жены эту, не по годам серьезную, неулыбчивую и лишенную «шарма» бедную немецкую принцессу, к тому же, происходившую из рода, подверженного страшному недугу.

Принцесса Алиса — Виктория — Елена — Луиза — Беатриса (таково ее полное имя) — младшая дочь герцога Людвига Гессен — Дармштадтского и принцессы Алисы, дочери английской королевы Виктории. Родилась она 6 июня 1872 г. (по принятому тогда в России юлианскому календарю — 25 мая). Девяти лет от роду она потеряла мать и воспитывалась главным образом у своей бабки при английском дворе. С детства была чрезвычайно замкнутым и серьезным ребенком, широтой своих интересов поражавшая окружающих. С ранних пор тянулась к литературе, к которой большинство ее сверстниц было равнодушно: постоянно читала и конспектировала книги по философии и теологии. Ее знания в этих областях получили известность и позднее она была удостоена степени доктора философии Кембриджского университета.

Своего будущего мужа Алиса Гессенская увидела впервые на свадьбе сестры Эллы, когда ей было всего двенадцать лет, но в ее сердце сразу же возникло чувство глубокой симпатии. Через несколько десятилетий в письме Николаю 2 января 1916 г., она напишет: «32 года

тому назад еще детское сердце уже стремилось к тебе с глубокой любовью»⁵. Упорство же, с которым Алиса некоторое время отвергала неофициальные предложения о браке с цесаревичем Николаем, объясняли ее нежеланием оставить лютеранскую веру и перейти в православную (о тайне гессенской болезни и сопряженных с нею опасениях публично не говорилось). Конечно, религиозный фактор имел свое значение. Немецкие принцессы, выходя замуж за членов Дома Романовых, могли сохранять свою преданность фамильной конфессии. Например, Мария Мекленбург — Шверинская (в России — великая княгиня Мария Павловна), став в 1874 г. женою третьего сына Александра II — Владимира, лишь в 1911 г. вступила в православие. Сестра последней царицы, великая княгиня Елизавета Федоровна лишь в 1891 г., после семи лет замужества с великим князем Сергеем Александровичем, приняла религию своей новой родины. Несколько десятилетий оставалась вне православия жена великого князя Константина Константиновича Елизавета Саксен — Альтенбургская (в России — великая княгиня Елизавета Маврикиевна) и т. д. Перемена веры считалась личным и сугубо добровольным делом. Никакого насилия над волей здесь не допускалось.

Однако у жены наследника русского престола, а уж тем более у императрицы, права выбора не было. Принадлежность к государственной религии — православию считалось обязательной. Это являлось непререкаемой традицией, свято соблюдаемой на протяжении столетий существования монархии. Несомненно, что природное упрямство и незыблемость убеждений, столь характерные для Алисы Гессенской с ранних пор, мешали ей легко изменить религиозные привязанности. До самого последнего момента в России не были уверены в благоприятном исходе переговоров Николая со своей избранницей.

Великий князь Константин Константинович 9 апреля 1894 г. записал в дневнике: «Я узнал от императрицы (Марии Федоровны — А. Б.) что в день отъезда Ники из Гатчины, т. е. в субботу 2 апреля, Ксения (сестра Николая — А. Б.) получила телеграмму от Алисы, теперешней невесты, которая предупреждала, что останется непреклонной, т. е. не согласится присоединиться к православию. Ники был очень огорчен и хотел остаться, но императрица настояла чтобы он уехал. Она советовала ему доверчиво обратиться к королеве Виктории, которая имеет большое влияние на свою внучку. Итак, не было

никакой надежды, что помолвка состоится, как вдруг 8-го числа приходит телеграмма от Ники и Аликс вместе»⁶.

Родители, постоянно думавшие о семейной неустроенности их сына-наследника, теперь были искренне рады свершившемуся. Александр III писал Николаю в Кобург: «Мой милый, дорогой Ники! Ты можешь себе представить с каким чувством радости и с какой благодарностью к Господу, мы узнали о твоей помолвке! Признаюсь, что я не верил возможности такого исхода и был уверен в полной неудаче твоей поездки, но Господь наставил тебя, подкрепил и благословил. Великая Ему благодарность за Его милость.. Теперь я уверен, ты вдвойне наслаждаешься и все пройденное хотя и забыто, но уверен принесло тебе пользу, доказавши, что не все достается так легко и даром, а в особенности такой великий шаг, который решает всю твою будущность и всю последующую семейную жизнь!... Передай твоей милейшей невесте от меня, как я ее благодарю, что она наконец согласилась и как я желал бы ее расцеловать за эту радость, утешение и спокойствие, которые она нам дала, решившись согласиться быть твоей женой! Не пишу ей, так как это было бы повторение моего письма к тебе, но ты ей передай все это. Обнимаю и поздравляю тебя, милый дорогой Ники, мы счастливы твоим счастьем и да благословит Господь вашу будущую жизнь, как благословил ее начало. Твой счастливый и крепко тебя любящий Папа»⁷.

Нельзя не сказать о некоторых чертах характера последней царицы, сыгравших в ее судьбе значительную и весьма печальную роль. Алиса, принявшая православие и при миропомазании 21 октября 1894 г. получившая имя Александры Федоровны, всю жизнь страдала от застенчивости, приобретавшей иногда просто болезненные формы. Она очень тяжело устанавливала отношения с людьми, с трудом переносила официальные церемонии и чувствовала себя всегда неуютно, если надо было долго находиться на людях. По складу натуры она была заворница и ей не дана была легкость и простота в общении, свойственные сестре Элле, которая быстро могла расположить к себе людей, и, не в последнюю очередь благодаря этому, пользовалась в России широкой популярностью. Алиса же, напротив, на публике как бы деревенела, ее лицо становилось непроницаемо-холодным и она начинала напоминать каменное изваяние, что, конечно же, вызвать симпатий не могло.

Неприятности и печальные предзнаменования сопровождали Алису с первых дней пребывания в России. Когда она, окрыленная счастьем осенью 1894 г. ехала к своему жениху, ничто, казалось, не могло омрачить ее радости. Вопрос о свадьбе уже был решен и она должна была, наконец, соединить свою жизнь с жизнью наследника русского престола. Однако прибыла она в царскую резиденцию в Крыму, в Ливадию, 10 октября, когда здоровье будущего свекра, императора Александра III, резко ухудшилось и прогрессирующая болезнь почек — нефрит, не оставляла уже никаких надежд на благоприятный исход. Лейб-медик императора, известный доктор-терапевт Г. А. Захарьин, еще 7 сентября объявил родственникам, что жизнь царя спасти нельзя.

Все близкие императора, свита, многочисленные должностные лица были целиком заняты этими событиями и на приезд Алисы почти никто не обратил особого внимания. И опять, как уже было раньше в этой огромной и холодной стране, где ей предстояло царствовать, она ощутила себя лишней и почти никому не нужной. Однако теперь на душе было значительно спокойней. Одиночество скрашивала сестра Элла и, конечно же, Николай, который однако был так занят чередой обрушившихся на него событий и дел, что не мог целиком посвятить себя невесте, приезда которой он давно и с нетерпением ждал. Она ничего не просила, ни на чем не настаивала, ничем не возмущалась. Только получив его согласие, часами, не шевелясь, сидела в углу комнаты и созерцала своего обожаемого жениха за работой. Когда он оборачивался, дарила ему улыбку и он улыбался в ответ. Вот эту — тихую радость любви от молчаливого общения друг с другом, зародившуюся еще до свадьбы, оба испытывали всю жизнь. Они могли часами находиться рядом, не говоря ни единого слова и быть бесконечно счастливыми (подобные ситуации многократно описаны Николаем в его дневнике).

О внутрисемейных отношениях Николая и Александры мы знаем и мало и много. Так как важнейший и большой пласт их жизни протекал без свидетелей, то многое восстановить уже невозможно. Однако, остались и материалы, раскрывающие внутреннее состояние этих людей, их отношение друг к другу. Интерес к этой теме нельзя рассматривать как обывательский интерес к интимным подробностям чужой супружеской жизни. В данном случае такие мерки не годятся. Понять и объяснить в пол-

ной мере личность и поступки любого человека, а тем более политического деятеля, вряд ли можно, изучая лишь послужной список, тексты речей и официальных посланий. Индивидуальность бывает трудно разглядеть за частоколом официальной и официозной информации. Нужны другие источники, в том числе и такие, которые не были предназначены для посторонних глаз.

Для потомков сохранился большой комплект личной переписки между последними венценосцами, охватывающий почти тридцать лет и насчитывающий многие сотни писем. В 1922 г. в Берлине была опубликована часть этой корреспонденции, нелегально вывезенная из России и охватывавшая последние годы царствования, вызывавшие особый интерес. И сразу же разгорелась полемика: насколько этично «заглядывать в замочную скважину» для установления исторической истины. Писатель А. И. Куприн, например, писал: «Не знаю, да и не хочу знать каким путем были украдены (другого глагола нет) письма Государыни Александры Федоровны к императору Николаю II, где их переписывали, на каких условиях их продали за границу и кто их печатал. Знаю только, что это было темное и подлое дело, но совсем не удивляюсь»⁸. В свою очередь З. Н. Гиппиус считала, что без этих писем «не знали бы мы правды, отныне твердой и неоспоримой, об этой женщине... Не знали бы с потрясающей, неумолимой точностью, как послужила она своему страшному времени. А нам надо знать. Эта правда ей не принадлежит»⁹. С последним утверждением «неистойвой Зинаиды» нельзя не согласиться.

В то же время трудно без смущения читать такие, например, строки обращений Александры Федоровны к мужу: «Благославляю тебя, целую твое дорогое лицо, милую шею и дорогие любимые ручки со всем пылом горячо любящего сердца»; «О, если бы у меня были крылья, чтобы прилетать каждый вечер к тебе и радовать тебя моей любовью! Жажду обнять тебя, осыпать поцелуями и почувствовать, что ты мой собственный». Интимными чувствами пронизаны и многие послания Николая. «Как мне благодарить тебя за два твоих милых письма и за лилии? Я прижимаюсь к ним носом и часто целую — мне кажется, те места, которых касались твои милые губы...»; «Дорогая моя, я тоскую по тебе, по твоим поцелуям и ласкам!»¹⁰ и т. д. Однако у правителей частной жизни быть не может, в особенности у тех, кто оказался проигравшим в громадном историческом действии, проис-

ходившем на мировой сцене. Победители могут скрыть свои мало привлекательные черты за шумом литавр и панегирических славословий. У побежденных такой возможности нет. Их всегда судят строго и беспощадно, особенно тех, падение которых совпало со сменой эпох.

В середине двадцатых годов в нашей стране было опубликовано три обширных тома переписки Николая с женой, охватывающих последние годы его правления. К важнейшим документам, раскрывающим психологию и мировоззрение этих людей, придется обращаться еще не раз. Отметим пока лишь безграничную, всепоглощающую любовь к мужу, которую она всегда сохраняла. О глубине и масштабе этих чувств мало кто подозревал в то время. Эта сфера была исключительным внутренним делом, их частной жизнью, неприкосновенность которой они оба так тщательно охраняли, но уберечь не смогли. Трудно даже вообразить, какое бы потрясение они испытали, если бы вдруг узнали, что все их признания, душеизлияния, переживания, сомнения, надежды и печали, все то, что изливалось в письмах, писавшихся за плотно закрытыми дверями личных покоев и передававшихся почти всегда исключительно с фельдъегерями из рук в руки, делается темами публичных обсуждений. Но до этого унижения они не дожили. Однако двусмысленных намеков и пренебрежительных жестов хватало и при жизни, когда «вихри враждебные», еще не стали господствовать над страной, а о молодой суженой наследника цесаревича, а затем царя, никто толком ничего не знал.

В имперскую столицу невеста нового императора вошла 1 ноября 1894 г. в составе похоронной процессии, сопровождавшей гроб с телом Александра III. Четыре часа траурный кортеж следовал от Московского вокзала до Петропавловской крепости и многие тысячи людей, стоявших плотными рядами на Невском, смогли впервые увидеть ту, кто должна была стать российской императрицей. Многочисленные знатоки различных поверий и примет, а к ним относились «сливки» петербургского света, сразу же восприняли это как недобрый знак, как плохое предзнаменование. «Она вошла к нам позади гроба»; «она принесет нам несчастье» — шептались в толпе.

Женой Николая II Александра Федоровна стала 14 ноября того же года, в атмосфере глубокого траура, а вся брачная церемония в большой церкви Зимнего дворца носила необычайно скромный и скорый характер. Через несколько дней после венчания Николай писал

своему брату Георгию: «День свадьбы был ужасным мучением для нее и меня. Мысль о том, что дорогого беззаветного любимого нашего Папа не было между нами и что ты далек от семьи и совсем один, не покидала меня во время венчания; нужно было напрячь все свои силы, чтобы не разреветься тут в церкви при всех. Теперь все немного успокоилось — жизнь пошла совсем новая для меня. Мне еще не верится, что я женат, так все последние события случились скоро. Я не могу достаточно благодарить Бога за то сокровище, какое он мне послал в виде жены. Я неизмеримо счастлив с моей душкой Аликс и чувствую, что также счастливо проживем мы оба до конца жизни нашей. Но за то Господь дал мне нести и тяжелый крест; надежда на Его помощь и светлый пример незабвенного Папа — помогут мне служить и трудиться на пользу и славу нашей дорогой родины»¹¹.

По глубокому убеждению Алисы — Александры, она теперь была обязана до последнего своего часа, перед Богом и людьми, быть верной женой и надежной опорой мужу-самодержцу в его нелегкой исторической миссии. Этому убеждению она никогда не изменяла и все, что делала в своей жизни после замужества, так или иначе должно было служить этой цели. Хотя вокруг данной темы всегда было много всяких спекулятивных предположений, автор считает очевидным, что Александра Федоровна в качестве императрицы никогда своих собственных властолюбивых поползновений не имела. Смысл всей ее жизни — это благо «ненаглядного Ники».

История жизни последних монархов позволяет поразмыслить над интересной и важной темой отечественной истории: по каким законам, какими путями и как в общественном сознании формировалась любовь и нелюбовь к правителям. Молодая императрица еще не успела обжиться на своей новой родине, а общество уже не питало к ней симпатий. Конечно, вначале сказались настроения, господствовавшие в окружении вдовствующей императрицы Марии Федоровны, где гессенскую принцессу заглазно оскорбительно именовали «гессенской мухой». Однако потом эти настроения под воздействием различных событий стали саморазвиваться и достигли характера не просто нелюбви, а агрессивной ненависти.

Конечно же, цари за все в ответе. Система с трудом выдерживала натиск событий, государственная политика терпела одно поражение за другим, попытки реформировать режим не приносили ожидаемых скорых результатов

и волны недовольства, расширяясь, охватывали все новые и новые слои общества. Все старались объяснить социальные дисгармонии и общественные потрясения. Ну и, естественно, кто-то же, как казалось очень многим, должен был быть виноват во всем «этом безобразии», кто-то же должен был нести ответственность! В России издавна существовала своеобразная традиция: объяснить трудное настоящее — значит почти неизбежно найти конкретного виновного. Как уже было сказано, многие стали обвинять чуть ли не во всем царя. Однако в кругах убежденных монархистов всегда существовали люди, стремившиеся отгородить самодержца от неудач и провалов, дистанцировать его от всего, что вело к умалению верховной власти. В защиту же Александры Федоровны симпатизирующих голосов слышно не было. В последние годы монархии получило широкое хождение такое утверждение: неблагополучно в России потому, что ей плохо управляют, а плохо управляют от того, что не тех назначают на должности, а не тех назначают потому, что злая и нелюбящая Россию царица подчинила своей воле монарха и правит страной вопреки желаниям и настроениям народа. Наверное Н. А. Бердяев был прав, считая схематизм и догматизм отличительными чертами русского национального сознания. Это особенно верно в тех случаях, когда общественными кругами формулируются ответы (всегда обязательно четкие, ясные и окончательные!) на сложные политические вопросы, выдвигаемые жизнью.

Утверждение о том, что последние цари «целиком и полностью» виноваты в крушении России, стало настолько расхожим, что воспринимается как аксиома¹². Но при этом очень часто подчеркивалась и подчеркивается «особая виновность» Александры Федоровны. Она сама, ее несносный характер, деформированное сознание, тлетворное влияние — определили крушение всех и вся. Никто не хотел искать причину в себе самом, в собственной жизни и поступках. Виноваты в России всегда те или тот, кого я («мы») особенно не любим!

Последнюю императрицу, как уже было замечено, не любили с первого дня. И ей «каждое лыко» ставили «в строку». Амбициозный С. Ю. Витте, увидев ее первый раз, нашел, что она красива, но успел разглядеть «нечто сердитое в складке губ»¹³. Генеральша А. В. Богданович, наслушавшись разговоров сановников, записала в дневнике: «Новую царицу не хвалят, находят, что у нее злое

выражение лица и смотрит она исподлобья»¹⁴, а З. Н. Гиппиус заметила: «Царица никому не нравилась и тогда давно, когда была юною невестой наследника. Не нравилось ее острое лицо, красивое, но злое и унылое, с тонкими, поджатыми губами, не нравилось немецкая угловатая рослость»¹⁵.

Александра Федоровна, с детства испытав и многократно пережив одиночество и нелюбовь окружающих, встретив подобное отношение в России, о чем она быстро узнала, отнеслась к нему с чувством пренебрежительного безразличия и почти до самого конца не стремилась ничего изменить. Выполняя многочисленные церемониально-династические обязанности, она смотрела на окружающий придворно-аристократический мир с холодным отчуждением, прекрасно сознавая всю фальшь и враждебность его. Дорогой Ники заполнял ее жизнь и она старалась поддерживать и утешить этого человека, несшего тяжелое бремя исторической ответственности. Уже через несколько месяцев после замужества царица писала своей немецкой приятельнице: «Я чувствую, что все, кто окружает моего мужа, неискренни, и никто не исполняет своего долга ради долга и ради России. Все служат ему из-за карьеры и личной выгоды, и я мучаюсь и плачу целыми днями, так как чувствую, что мой муж очень молод и неопытен, чем все пользуются»¹⁶.

Во всем облике царицы проступают сами собой незримые черты какой-то обреченности, что невольно замечаешь, глядя на сохранившиеся фотографии и кадры кинохроники. Эту женщину невозможно вообразить веселой и беззаботной, о чем говорили и некоторые современники, имевшие возможность лично с ней общаться. Так, Г. И. Щавельский писал, что императрица «всегда стройная, красивая, величественная, но всегда с каким-то скорбным лицом. Когда она улыбалась, то и улыбка была скорбная»¹⁷.

Она много страдала в России и в частности из-за того, что ход событий не давал покоя императору, которому часто приходилось поступать вопреки своим желаниям и убеждениям. В октябре 1905 г., например, она горько рыдала в соседнем зале, когда Николай обсуждал и подписывал Манифест в Петергофе. Проведя большую часть своей юности в конституционной Англии, Александра Федоровна вслед за мужем стала рьяной сторонницей самодержавия, причем в самых крайних, непримиримых его формах. Она до конца была убеждена, что

такая форма правления является наилучшей для страны. Власть царя в России она воспринимала как абсолютно свободную от каких-либо ограничений, как беспредельное право монарха жить и действовать лишь в соответствии с собственными взглядами и представлениями, как его неотъемлемое право «казнить и миловать», не считаясь ни с кем и ни с чем. Она была убеждена, что в силу «божественной природы» монархии в этой огромной империи все обязаны беспрекословно подчиняться воле самодержца.

Это было одно из важнейших и роковых заблуждений императрицы. К началу XX века у исторических прерогатив самодержца были известные рубежи, не имевшие законодательного оформления, но очерченные традицией и политическими реалиями времени. Любое значительное государственное решение почти всегда являлось выражением коллективной воли, было результатом определенных совместных усилий большего или меньшего числа лиц, но никак не прихотью или капризом одного венценосца. Появление Государственной Думы внесло в это положение и законодательно-правовой элемент регламентирования пределов власти.

Александра Федоровна всех этих политических новаций не одобряла и всегда придерживалась взгляда, что народу конституция не нужна, что все усилия по созданию в России правового государства исходят от тех представителей высшего общества, которых она, платя им взаимностью, всегда не любила, презрительно называя «бриджистами». Она считала, что боголюбивый и трудолюбивый русский крестьянин, всегда видел в императоре право, справедливость, достоинство и величие и не нуждался ни в каких законодательных палатах. Все же попытки ограничить самодержавие вели к разрушению России. В этом принципиальном мировоззренческом пункте они с мужем всегда были единомышленниками, но если Николай вынужден был уступать, сообразуясь с политической ситуацией момента, и довольно быстро принимал новые реальности, то царица никогда до конца не могла согласиться с тем, что не отвечало ее представлениям.

Воля монарха есть воля России. В этом у Александры Федоровны сомнений не было. Власть ее обожаемого мужа опирается на Божественное Провидение и перед ней все должны были склонять головы и трепетать, а деяния его не подлежат обсуждению простых смерт-

ных. Трудно сказать, из каких источников она получала эти представления, но уже к моменту воцарения Алиса-Александра была убежденной сторонницей данной истины, и на этой позиции оставалась всегда. «Не позволяй другим быть первым и обходить тебя»; «Выяви Свою волю и не позволяй другим забывать кто Ты», — вписала она в дневник Николая уже в 1894 г.¹⁸

Последние годы царствования эти постулаты она повторяла в своих письмах Николаю постоянно. «Никто не имеет права перед Богом и людьми узурпировать Твои права» (22 января 1915 г.); «Будь более решительным и уверенным в Себе, Ты отлично знаешь, что правильно, и когда Ты прав и не согласен с остальными, настой на своем мнении и заставь остальных его принять... Монарх должен проявлять свою волю. Будь уверен в Себе и действуй» (4 апреля 1915 г.); «Помни, что Ты император и никто не может брать столько на Себя» (4 мая 1915 г.); «Они (т. е. министры — А. Б.) должны научиться дрожать перед Тобой» (10 июня 1915 г.); «Будь более самодержавным, покажи свою волю» (14 июня 1915 г.) и т. д.¹⁹

Или вот, например, пассаж из ее письма от 24 июня 1915 г.: «Моего любимца всегда надо подталкивать и напоминать ему, что он император и может делать все, что ему вздумается. Ты никогда этим не пользуешься»²⁰. Представление о том, что ее муж может делать «все, что вздумается», свидетельствовало о глубоком непонимании Александрой Федоровной окружавшей действительности, игнорирование ею того положения, что самодержавие времен Петра I (которого она очень ценила) и самодержавие Николая II это по сути своей — уже разные институты. Однако ее всегда отличали качества, сослужившие ей недобрую службу: неизменность убеждений и самоуверенное упрямство. В этом она была очень похожа на мужа, но превосходила его. Ее жизненным кредо, условно говоря, было: если жизнь не соответствует сложившимся представлениям — тем хуже для жизни!

Во время войны, когда обострявшееся положение в стране настоятельно требовало каких-то изменений в системе государственной власти, чтобы она могла разделить с общественными кругами тяготы и ответственность за положение дел в тылу и на фронте, императрица повторяла как заклинание: «Мы не конституционная страна и не смеем ею быть. Наш народ для этого необразован и не готов. Слава Богу, наш император-самодержец»²¹. Подобная неизменность представлений превра-

щала последнюю императрицу в человека с зашоренным кругозором, поступавшим часто вопреки исторической логике и здравому смыслу. Однако некоторые нежелательные и неприемлемые для нее новации признавать все-таки приходилось. Яростно ненавидя все попытки ввести в России любые элементы конституционной формы правления, она тем не менее должна была констатировать, что с фактом существования Государственной Думы «ничего не поделаешь»²².

Французский посол в России Морис Палеолог, говоря об императрице, заметил в 1915 г.: «Ее идея спасти Россию, возратить ее к традициям теоретического самодержавия — безумие, но высокомерное упорство, которое она при этом обнаруживает, не лишено величия. Роль, которую она присвоила себе в делах государства, губительна: но, по крайней мере, она выполняет ее как царица... Она сможет сослаться на безупречную искренность своих намерений, но еще и на полное соответствие ее деяний началам божественного права, на которых основывается русское самодержавие»²³. Последнее замечание особенно справедливо. У императрицы, действительно, книжные представления о характере монархии в России подменяли реальное видение мира.

Активно заниматься общественной и государственной деятельностью Александра Федоровна стала лишь в годы мировой войны, а до того она целиком была поглощена своей семьей. В этой сфере она всегда чувствовала себя уверенно и спокойно, видя в создании и поддержании благополучия в своем «гнездышке» главную задачу жизни, важнейший долг перед монархом, а следовательно и перед Россией. После многих лет брака, в 1915 г., накануне памятного дня помолвки — 8 апреля, она написала Николаю: «Дорогой, сколько мы пережили тяжелых испытаний за все эти годы, но в нашем родном гнездышке всегда было тепло и солнечно»²⁴.

Она была матерью четырех дочерей. После Ольги, появившейся на свет 3 ноября 1895 г., 29 мая 1897 г. родилась Татьяна; 14 июня 1899 г. — Мария, а 5 июня 1901 г. — Анастасия. ОТМА — таково было их условное общее обозначение, составленное по первым буквам личных имен, которым пользовались в царской семье. О великих княжнах известно чрезвычайно мало, так как близко они общались с очень ограниченным кругом лиц, из которых почти никто не пережил кровавый вихрь революции. Приведем высказывания о них швейцарца Пьера

Жильяра, более десяти лет близко наблюдавшего жизнь царской семьи сначала в качестве учителя старших дочерей Николая, а затем — гувернера наследника. «Старшая Ольга Николаевна отличалась быстротой сообразительности и, будучи весьма рассудительной, в то же время проявляла своеволие, большую независимость в обращении и высказывала быстрые и забавные возражения... Она усваивала все чрезвычайно быстро и умела высказывать своеобразное мнение относительно того, что она изучала... Она очень любила читать в часы, свободные от занятий». «Татьяна Николаевна, по натуре более осторожная, очень спокойная, с большою силой воли, но менее открытая и своевольная чем старшая сестра. Она не отличалась большими способностями, но она вознаграждала этот недостаток своей последовательностью и уравновешенностью характера. Она была очень красива, но не так очаровательна, как Ольга Николаевна... Благодаря своей красоте и качествам, которыми она обладала, Татьяна Николаевна в обществе затмевала свою старшую сестру, которая менее внимательная к своей особе, была не так заметна. Однако эти две сестры нежно любили друг друга». «Мария Николаевна была красивая девочка, велика для своего возраста, отличалась цветущим здоровьем и обладала чудными серыми глазами. Будучи простою в обращении, отличаясь сердечною добротою, она была одно самодовольствие... Анастасия Николаевна, наоборот, была очень резвая и лукавая. Она живо усваивала смешное, благодаря чему трудно было противостоять ее остромам. Она была слегка бедовым ребенком, недостаток, который исправляется с возрастом. Обладая ленью, очень присущей детям, она имела прекрасное французское произношение, и играла небольшие сцены из комедий с истинным талантом... Словом, то, что было самого лучшего у этих четырех сестер и довольно трудно поддавалось описанию, — это их простота, естественность, искренность и безотчетная доброта. Их мать, которую они обожали, была, как бы непогрешимой в их глазах...»²⁵

Девочки рождались крепкими и здоровыми, и делу их образования и воспитания Александра Федоровна посвящала много времени. Сама составляла программы занятий, подбирала им учителей, много занималась лично, обучая их манерам, языкам, рукоделию, беседуя на духовные темы. С годами ей приходилось все больше и больше задумываться над будущим своих дочерей, которым, в силу их исключительного положения, было чрезвычай-

но трудно устроить семейное счастье. В ноябре 1915 г. царица писала Николаю: «Жизнь — загадка, будущее скрыто занавесой и когда я гляжу на нашу взрослую Ольгу, мое сердце наполняется тревогой и волнением; что ее ожидает? Какая будет ее судьба?»²⁶. Старшей дочери исполнилось уже двадцать лет и по всем представлениям того времени, следовало решать вопрос с ее замужеством, но ничего определенного не было. Собственно говоря, последние годы обсуждались два возможных кандидата. Первого, великого князя Бориса Владимировича (дворянский брат Николая II), человека почти на двадцать лет старше Ольги, этого великосветского и великовозрастного повесы-бонвивана, Александра Федоровна отвергла сразу и бесповоротно. Симпатию родителей вызывал другой жених — наследник румынского престола — Кароль, который, как можно судить по некоторым свидетельствам, не вызывал в душе Ольги никаких глубоких чувств. Эта партия рассматривалась несколько лет и в начале 1917 г. дело быстро продвигалось вперед, хотя румынскую королеву беспокоила возможная «гессенская болезнь» романовских невест²⁷. Однако до брака все-таки не дошло и у старшей дочери так и не было собственной судьбы вне родительского дома.

Почти все первые десять лет супружества радость и счастье Александры Федоровны были неполными. Ее все больше мучило чувство вины перед «дорогим Ники» и перед страной за то, что она не может подарить им наследника. Мы не знаем и наверное никогда уже не узнаем сколько времени она провела в молитвах, как просила она Всевышнего смилостивиться и послать ей и Николаю сына. Однако только этим она не ограничивалась. Веря с детства в силу различных примет, пророчеств, знамений и чудес, она уверовала в чудодейственные способности одного хироманта и целителя из г. Лиона, француза меье Филиппа (1849—1905 гг.), ставшего своего рода предтечей Распутина. Он ей предсказал рождение сына и она всегда вспоминала имя этого человека с глубоким почтением. Хотя о Филиппе можно встретить много упоминаний в литературе, каких-либо конкретных данных о нем практически нет.

Царская чета познакомилась с этим гипнотизером и спиритом, лечившим нервные болезни, в замке Компьен, во Франции, 20 сентября 1901 г. Он был рекомендован им великим князем Петром Николаевичем и его женой великой княгиней Милицей Николаевной, которые

бывали ранее на его спиритических сеансах и лечили у Филиппа своего маленького сына Романа. Этот целитель без диплома, мэтр оккультных наук и гипнотизер произвел сильное впечатление на царскую чету и позднее несколько раз полуофициально приезжал в Россию, где его всегда охотно принимали в великокняжеских салонах и интимных царских покоях.

Во французских правящих кругах уже осенью 1901 г. были обеспокоены тем вниманием и расположением, которые вызывал у императора России этот человек, имевший в полицейских сферах репутацию авантюриста. Один из сотрудников французского президента записал 1 ноября 1901 г.: «Этот печальный персонаж является французским врачом или называющим себя таковым, занимающим должность при дворе императора Николая (он был назначен номинально врачом русской армии и получил чин действительного статского советника — А. Б.). У него нет никакого другого патента на занятия медициной, кроме какого-то американского диплома... Как может быть, что Николай II проявляет такой интерес к этому псевдоврачу, который в действительности является магнетизером и шарлатаном? Мы уже знаем, что император провел с ним с глазу на глаз добрую часть того вечера, который программа празднеств оставляла свободной...»²⁸.

Колоритную зарисовку этого человека оставил русский полицейский агент, имя которого еще всплывет в связи с Г. Е. Распутиным, журналист и аферист И. Ф. Манасевич-Мануйлов, сопровождавший в России французского визитера: «Я увидел, как вошел толстый человек с большими усами, одетый в черное, скромного и серьезного вида, похожий на учителя в воскресный день, его костюм был очень прост, но удивительно чистый. В этом человеке не было ничего примечательного, кроме его голубых глаз, полужакрытых тяжелыми веками, но которые иногда вспыхивали и светились странной мягкостью. У него на шее был небольшой треугольный платок из черного шелка. Я его спросил, что это такое? Он таинственно извинился, сказав, что не может на это ответить»²⁹.

Мнение французской полиции об этом человеке было доведено до сведения Николая, но не произвело на него никакого впечатления. Император и особенно его жена верили в первую очередь себе, своему чувству и своим представлениям, что почти всегда определяло их отношения к людям вне рамок протокола. Николай обретал

в общении с Филиппом долгожданный покой. Сохранилось примечательное в этом отношении письмо, написанное царем во время последнего пребывания «месяе Филиппа» в России, датированное 30 апреля 1902 г. и адресованное тетке царя Марии Максимильяновне Баденской. «Наш друг,— писал Николай,— провел 4 дня с нами в Петербурге, как раз перед самым этим событием (речь идет об убийстве министра внутренних дел Д. С. Сипягина эсером С. В. Балмашевым — А. Б.), что значительно облегчило мне перенесение ниспосланного испытания. Словами невозможно передать впечатления, через которые мы все прошли от бесед его. Мы часто думали о Тебе и сожалели о Твоем отсутствии. Кажется летом он снова приедет и будет жить опять на Знаменке. После всего слышанного от него — так легко жить и переносить всякие невзгоды»³⁰.

Царица жаждала же не только покоя; ей нужна была надежда, которую Филипп ей и давал. С ним в биографии Александры Федоровны связан один удивительный эпизод, раскрывающий поразительную грань характера этой женщины и относящейся как раз к 1902 г. Огромная сила воли царицы проявилась самым неожиданным образом в том, что под воздействием предсказаний лионского чародея тридцатилетняя женщина, мать четырех детей летом 1902 г. установила, что она беременна, о чем сразу же стало широко известно. Знаток закулисной придворной жизни статс-секретарь А. А. Половцев рассказывал, что в середине августа царица «призвала лейб-акушера Отта лишь для того, чтобы посоветоваться о том, что она внезапно стала худеть. Отт тотчас заявил ей, что она ничуть не беременна. Объявление об этом было сделано в «Правительственном вестнике» весьма бестолоково, так что во всех классах населения распространились самые нелепые слухи, как, например, что императрица родила уродца с рогами, которого пришлось придушить и т. д. Такой эпизод не поколебал однако доверия императорской четы к Филиппу, который продолжает в глазах их быть превосходным и вдохновенным человеком»³¹.

И все же ее терпение и настойчивость были вознаграждены. Летом 1904 г. в Петергофе, в самый разгар бесславной русско-японской войны и почти через десять лет после замужества она родила сына. Однако безмерная радость матери скоро была омрачена: выяснилось, что долгожданный наследник страдает роковым недугом гессенских герцогов — гемофилией. Теперь ее помыслы

и бесконечные молитвы сконцентрировались в главном: всеми силами, всеми средствами спасти жизнь дорогого сына, ее «солнечного луча», как они с мужем называли Алексея. Мальчик быстро рос, был очень подвижен и уберечь его от падений и разрушительных для здоровья царапин, синяков и ссадин было чрезвычайно трудно. Обострение болезни всегда носило тяжелый характер и мать неделями почти неотступно сидела у постели часто просто умирающего сына, который несколько раз удивительным и необъяснимым образом оставался жить.

Никаких лекарств против внутренних кровоизлияний и сопутствовавших им болевых явлений не было и матери приходилось лишь полагаться на счастливый случай, свою любовь и молитву. Сохранилось довольно редкое свидетельство, которое оставил П. Жильяр о поведении императрицы в момент обострения кризиса: «Однажды утром я застал мать у изголовья сына... Цесаревич раскинулся на своей постели, болезненно стонал, прислонившись головой к руке своей матери, а его исхудалое бескровное лицо стало неузнаваемо. Время от времени он переставал стонать и шептал только одно слово «Мама», в котором он выражал все свое страдание и свои муки. И мать целовала его волосы, лоб, глаза, как будто эта ласка ее губ могла облегчить его страдания и возвратить его к жизни, которая его оставляла»³². Целиком погруженная в заботы о сыне Александра Федоровна с годами остальным детям могла уделять все меньше внимания и ласки.

По мере того, как выяснилось практически полное бессилие перед гемофилией медицины, у Александры Федоровны росла вера исключительно в милость Господа, которую надо было заслужить. Жить по-христиански, это значило для нее жить по-правде и она пыталась реализовывать этот завет в меру своих представлений, которые черпала из евангельских текстов и житий православных святых. Царь разделял эти настроения жены. Надо было вести образ жизни, угодный Богу и избегать мирской суеты. Царская чета свела к минимуму демонстрации роскоши и величия императорского двора. Были прекращены пышные, грандиозные и дорогие царские балы и последний раз в истории империи костюмированный бал был устроен в начале 1903 г. Резко сокращалось количество торжественных церемоний, которые царица всегда не любила, а после рождения сына стала просто ненавидеть. Повседневный уклад романовской семьи был действитель-

но простым и бесхитростным. Александра, как и Николай, проявляли удивительное безразличие к изысканности и богатству, которые для них не имели никакого значения. Так, например, дорогие фрукты и сладости, тонкие вина и чудеса кулинарного искусства очень редко можно было встретить на царском столе.

Однако целиком самоустраниться от традиций, роскоши и представительских обязанностей императрице, конечно же, было невозможно. Она вынуждена была присутствовать на парадных мероприятиях даже тогда, когда сердце разрывалось от горя, должна была встречаться постоянно с какими-то людьми, когда душевных сил для общения почти не было, когда все помыслы были устремлены туда, где лежал ее тяжело больной ребенок. На свои обязанности императрица стала смотреть как на акт самопожертвования, но в душе она негодовала, когда другие начинали жаловаться ей на свою тяжелую участь. По ее мнению, груз ноши самодержцев ни с чем не мог сравниться. Вращение в фальшивой и чванливой придворной среде и бесконечные встречи с докучливыми родственниками ей никогда не доставляли удовольствия, но с этим тоже приходилось мириться.

Радость и покой она обретала лишь в своей семье, когда там все было благополучно и этот мир она строго охраняла от глаз посторонних, что удавалось с большим трудом. Императорская чета оставалась всегда в центре общественного интереса и каждая деталь жизни коронованных особ привлекала пристальное внимание. Желание Александры Федоровны изолировать себя и детей от любопытных взоров лишь подогревало интерес в свете и чем меньше здесь было действительных сведений о жизни царей, тем больше появлялось домыслов и предположений. При той нелюбви, которую вызывала императрица, они во многих случаях были неблагоприятными.

Злоязыкий и беспощадный аристократический свет скорее бы простил ей адюльтер, чем пренебрежение к себе. Он платил ей фабрикацией слухов и сплетен, к чему постепенно подключились и либеральные круги, где критические суждения, а потом и осуждения Романовых, и в первую очередь Александры Федоровны, делалось как бы «хорошим тоном». Развитию этого, своего рода промысла, способствовало два обстоятельства: замкнутость жизни венценосцев и безнаказанность инсинуаторов. Природа самодержавия была такова, что не существовало возможности воспрепятствовать распространению

домыслов. В печати о жизни семьи практически ничего не публиковалось, кроме официальных известий о царских поездках, приемах и присутствиях. Сделать же свой дом доступным для обозрения алчной до сенсаций толпы ни Николай, ни Александра никогда бы не смогли; для них это было кощунством. Но и опуститься до публичного опровержения циркулировавших слухов так же не имели возможности. И все оставалось годами неизменным: одни инспирировали сплетни, которые, не встречая никакого противодействия, охватывали все более широкие общественные круги, а другие старались делать вид, что они выше этого и еще тщательней изолировались от становившегося все более враждебным мира.

Царская семья жила очень уединенно, последние годы почти исключительно в сравнительно небольшом и непарадном Александровском дворце Царского села. И чем меньше о ней знали, тем больше это разогревало воображение светских обывателей и знатоков придворной жизни всех мастей, постоянно рождавших предположения и «проверенные сведения» одно нелепее другого. Таковы исторические закономерности существования недемократических систем, где власть находится вне общественного контроля, в силу чего сплетни и слухи приобретают немислимый, часто просто сокрушительный характер. Наглядно это проявилось как раз в России. Императорская власть здесь пала, окутанная плотной паутиной инсинуаций, уверенно выдававшихся многими за факты (некоторые из них дожили до наших дней), которые однако никоим образом не отражали действительность и в силу этого никогда не были документированы. К числу особо распространенных относились утверждения об интимной близости царицы и Распутина, о предательстве царицы, работающей в пользу Германии, о слабоумии царя, поднавшего под чары распутинской шайки и т. д. и т. п. Об этом нам еще придется говорить.

Александра Федоровна поначалу очень переживала, узнавая о дискредитирующих слухах и сплетнях, так как была уверена, что «так легко погубить репутацию человека, и так трудно ее восстановить»³⁴. С годами же она воспитала в себе сносность спокойно относиться к ним, что впрочем удавалось ей далеко не всегда, невзирая на ее огромное самообладание. Она утешала себя тем, что главное иметь открытую душу, чистую совесть перед Богом, к которому она обращалась много и постоянно. Начальник канцелярии императорского двора в 1900—

1916 г. генерал А. А. Мосолов, вспоминал: «Я часто имел случай видеть императрицу на церковных службах. Она обычно стояла, как вкопанная, но, по выражению ее лица видно было, что она молилась. Когда отец Александр (Васильев) стал ее духовником, он громко читал все молитвы, даже обычно читаемые вполголоса в алтаре. Царица очень любила его службу и выстаивала ее всю. Заболев, она слушала службу из своей молельни, в Ливадии, откуда, открыв двери, можно было хорошо видеть и слышать... В Царском Селе Александра Федоровна любила ходить молиться в темные пределы Федоровского собора (собор построенный в Царском Селе в ознаменование 300-летия дома Романовых и освященный в 1912 г.— А. Б.)»³⁵. А товарищу обер-прокурора Синода князю Н. Д. Жевахову она признавалась: «Я не виновата, что застенчива. Я гораздо лучше чувствую себя в храме, когда меня никто не видит... и мне тяжело быть среди людей, когда на душе тяжело»³⁸.

У Бога она просила помощи и защиты для семьи, особенно горячо молясь за своего ненаглядного Алексея, здоровье которого постоянно подвергалось серьезной опасности. Один из самых тяжелых и в некотором смысле роковых приступов болезни произошел в октябре 1912 г., когда цесаревич, находясь с родителями в Беловежской Пуще, неудачно прыгнул в лодку и ударился ногой. Прошло несколько дней и возникшее обширное внутреннее кровоизлияние подвергло его жизнь серьезному испытанию. Дело происходило в царском имении Спала, в Польше (бывшая охотничья резиденция польских королей), куда в конце сентября прибыла из Беловежа императорская семья со свитой. Приведем выдержку из письма Николая матери: «2 октября он начал жаловаться на сильную боль, и температура у него начала подниматься с каждым днем больше. Боткин (лейб-медик Евгений Сергеевич — А. Б.) объявил, что у него случилось серьезное кровоизлияние с левой стороны и что для Алексея нужен полный покой... Дни от 6 до 10 октября были самые тягостные. Несчастный маленький страдал ужасно, боли охватывали его спазмами и повторялись почти каждые четверть часа. От высокой температуры он бредил и днем и ночью, садился в постели, а от движения тотчас же начиналась боль. Спать он почти не мог, плакать тоже, только стонал и говорил: «Господи, помилуй». Я с другом оставался в комнате, но должен был сменять Аликс при нем, потому что она понятно уставала, прово-

дя целые дни у его кровати. Она лучше меня выдерживала это испытание...»³⁷.

Трудно себе вообразить состояние матери, находящейся около тяжело больного сына, помочь которому врачи бессильны. Могло спасти лишь чудо и оно произошло. В самый критический момент пришла телеграмма от Г. Е. Распутина из Сибири, гласившая, что «маленький будет жить», которая удивительным образом совпала с переломом в течении болезни, когда состояние восьмилетнего наследника стало заметно улучшаться. Данный случай стал определенным и весьма ощутимым рубежом в отношении императрицы к этой одиозной личности, к этому, по ее мнению, старцу-утешителю. Если раньше он пользовался ее глубоким почитанием, то теперь она окончательно уверовала в него как в посланца Провидения, и с этих пор вера в этого человека стала у нее беспредельной.

О самом Г. Е. Распутине и о персонифицированном им историческом духовно-нравственном явлении речь пойдет ниже. Здесь нужен основательный подход и традиционными скороговорками в этой теме уже больше ограничиться нельзя. Отметим лишь некоторые моменты этого феномена, которые непосредственно относятся к императрице и раскрывают важные черты ее натуры. Приехав навсегда в далекую, чужую и нелюбезную к ней страну и став здесь царицей, бывшая гессенская принцесса своей новой родины не знала и не понимала, но очень хотела понять и полюбить. Это была ее обязанность, как она себе ее представляла, а в таких вопросах императрица Александра была чрезвычайно щепетильна. Искренне любя своего мужа, она стремилась разделить с ним все его симпатии, наклонности и привычки. Православие, как уже отмечалось, было для Николая важнейшим элементом жизни, силой и опорой его, и Аликс по доброй воле высказала желание перейти в новую веру и очень быстро целиком погрузилась в этот таинственно-мистический мир со всем жаром души новообращенной.

Обладая огромной силой самовнушения и от природы предрасположенная к мистическому мирозерцанию, она быстро заключила, что только через истинную веру можно понять и познать душу народа-богоносца, о чем много читала, но что ощутила лишь у алтаря. Жития святых и святоотеческие предания стали для императрицы источником, где она черпала свои знания и представления о стране и народе, от которого, как она все больше убеж-

далась, была ограждена условностями своей жизни, фальшивым, бездушным и пустым придворным миром, где, по ее мнению, давно не было никаких искренних чувств, в том числе и религиозных. Непреклонность воли и упрямство очень скоро сделали из царицы человека, убежденного в том, что чудо, как проявление Божественного Промысла, есть истинная реальность в великой империи, охватывавшей шестую часть мировой суши.

Благополучно править Россией можно только в соответствии с волей Божьей и здесь европейские примеры не срабатывали — так считал Николай и в это же бескомпромиссно поверила и его жена, у которой в силу более эмоциональной натуры, верования приобретали иногда характер религиозной истерии. Как сказал о ней в 1917 г. бывший министр внутренних дел А. Н. Хвостов, императрица «производила впечатление умной и блестящей, но до того момента, пока не касались вопроса религиозного»³⁸. Она всегда ждала чуда и в образе Распутина, наконец-то, узрела того Божьего человека, о которых так много слышала и так часто размышляла. Его же неопенимая помощь несчастному цесаревичу окончательно рассеяли всякие сомнения. Скептическое отношение к чуду свойственно только рационалистам и атеистам. Для верующего человека — оно естественно и очевидно, как проявление высшей воли. В сознании императрицы Александры чудо само по себе было не только возможно, но являлось обязательным, логичным и радостным элементом окружающего мира.

Будучи по природе человеком крайних реакций, она ярче всего раскрывалась в ситуациях любви-ненависти. Если кого-то любила, то безраздельно, если с кем-то дружила, то до конца. Ненависть ее тоже не знала удержу и если она кого-то начинала ненавидеть, то — навсегда. Здесь она себе очень редко изменяла. Опору и защитника династии, а следовательно и России, «нашего Друга», по ее выражению (слово друг всегда писала с большой буквы), она с маниакальной настойчивостью защищала и оправдывала, хотя со всех сторон раздавались призывы прогнать это «исчадие ада» от подножия трона. Голоса эти она слышала, об антираспутинских настроениях прекрасно знала, но считала все это интригами и злонамеренной деятельностью многочисленных врагов из кругов высшего света. Распутин, как ей казалось, нес голос земли, голос правды, которые император и она обязаны были слышать, чтобы править для блага «малых сих».

Александра Федоровна была несомненно глубоко верующим человеком и все три главные подвига истинного христианина: пост, молитва, милостыня — определяли многое в ее жизни. Она всегда истово молилась, обязательно постилась и непременно помогала «сырым и убогим», больным и немощным. Молитва занимала особенно много места в ее жизни; ей Александра и ее муж посвящали иногда по несколько часов в день. Приведем расписание богослужений в царскосельском «Пещерном храме Федоровского Государева собора» на первой неделе Великого поста в феврале 1915 г., составленного специально для монахов³⁹.

В Понедельник:

Великопостные часы и вечерня

в 11 1/2 ч. утра.

Великое повечерие с чтением канона Св. Андрея
Критского в 6 1/2 ч. вечера.

Во вторник:

Великопостные часы и вечерня в 11 1/2 ч. утра.

Великое повечерие с чтением канона Св. Андрея
Критского в 6 1/2 ч. вечера.

В среду:

Часы и Литургия Преждеосвященных Даров, нача-
ло в 11 1/2 ч. утра.

Великое повечерие с чтением канона Св. Андрея
Критского в 6 1/2 ч. вечера.

В четверг:

Великопостные часы и вечерня в 11 1/2 ч. утра.

Великое повечерие с чтением канона Св. Андрея
Критского в 6 1/2 ч. вечера.

В пятницу:

Часы и Литургия Преждеосвященных Даров, на-
чало в 11 1/2 ч. утра.

Утреня с чтением акафистов Спасителю и Божией
Матери в 6 1/2 ч. вечера.

Исповедь.

В субботу:

Правила пред причастием в 8 ч. 45 мин. утра.
Литургия в 9 час. утра.

Выше уже было замечено, что она очень любила читать книги духовно-религиозного характера, которые неплохо знала и о содержании которых часто беседовала в кругу близких ей людей. Она читала и перечитывала различные канонические тексты, имела здесь свои особо любимые места, соответствующие ее душевному состоянию и отражающие ее представления о добре и зле, об истинном и ложном, о вечном и сиюминутном. В числе особенно дорогих ей Псалтырь, особенно 36 псалом, заключающий в себе многие постулаты, служившие для Александры своеобразным эталоном нравственного совершенства. Прочитируем некоторые. «Уповай на Господа и делай добро: живи на земле и храни истину» (3); «Утешайся Господом и Он исполнит желание сердца твоего» (4); «Предай Господу путь твой, и уповай на Него, и Он совершит» (5); «Уповай на Господа, и держись пути Его: и Он вознесет тебя, чтобы ты наследовал землю; и когда будут истребляемы нечестивые, ты увидишь» (34); «От Господа спасение праведникам; Он защита их во время скорби» (39); «И поможет им Господь и избавит их; избавит их от нечестивых, и спасет их; ибо они на Него уповают» (40). Последнюю строку можно просто взять в качестве эпиграфа к книге об Александре Федоровне и этот тезис можно рассматривать как своего рода кинтэссенцию ее мировоззрения.

Она всегда чтит Бога и надеялась, что именно он спасет и защитит Романовых от жестокого и беспощадного мира. «Всюду враги и ложь», — повторяла она постоянно. Однако одно важнейшее качество истинной православной христианки императрица так и не смогла в себе воспитать, хотя этому учила духовная литература; об этом же постоянно говорили люди, пользовавшиеся у нее моральным авторитетом, в том числе и Распутин. Речь идет о смирении. Перешагнуть через себя, через свои земные слабости, привычки и взгляды, она так до конца и не сумела. Ненависть часто клокотала в ее сердце. Она проклинала своих врагов, которых становилось все больше, а некоторым желала всяческих несчастий и даже гибели. До истинного благочестия здесь, конечно же, было очень далеко.

Нельзя не сказать и о том, что страстная религиозность царицы переплеталась у нее с различными суевериями и она искренне верила в чудодейственную силу различных обиходных предметов: гребешков, бутылочек, каких-то амулетов. Любой недобрый знак, какая-либо не-

желательная примета могли надолго лишить ее душевного покоя, что подтверждает распространенный тезис о психической неуравновешенности этой женщины. Вообще, к числу здоровых людей Алиса — Александра не относилась. Сохранившиеся документы подтверждают, что признаки различных недугов она испытывала все замужество и не было ни одного года, когда бы она не болела. Постоянные потрясения личного и общественного порядка превратили к сорока годам царицу, которая и с молодости не отличалась физической крепостью, в хронически больного человека, мучившегося от приступов гипертонии, постоянных головных болей и систематической бессонницы.

Повышенная нервозность, доходившая временами до истеричности, была в значительной степени результатом огромного нервного перенапряжения, в состоянии которого она провела десятилетия. Еще до рождения сына она постоянно испытывала страх за жизнь мужа, который был желанной «мишенью» для террора радикалов. Убивали губернаторов, министров, генералов, чиновников, городских; покушались и на членов императорской фамилии. Когда в 1905 г. грянула революция, убийства «царевых слуг» происходили почти ежедневно. Да и потом, когда кровавая оргия улеглась, не было уже покоя. Николай много раз рассказывал Алике ужасные подробности убийства своего деда, императора Александра II, и грохот первоапрельского взрыва 1881 г., унесшего жизнь монарха, дорогого «Анпапа», как заметил сам Николай в 1914 г., всю жизнь звучал в его ушах⁴⁰.

Покинув свою городскую резиденцию в Зимнем дворце — традиционное местопребывание нескольких поколений русских царей — незадолго до трагических событий 9 января 1905 г. — проклятого «кровавого воскресения», они перебрались постоянно жить за город (сначала в Петергоф, затем — Царское). Находиться здесь было значительно спокойней, и опасность покушения была менее вероятна. В главной петербургской императорской резиденции они с тех пор бывали лишь наездами, по случаю какой-либо церемонии, по окончании которой — уезжали.

Однако не только страх изменил «географию жизни» венценосцев. Алиса рвалась к простоте и уединению, к «земле, травам и птицам», ко всему тому, что в городе иметь было невозможно. Красоту и покой природы она всегда любила и ценила, как вообще симпатизировала

всем формам «сельскости» — стиля и образа жизни, ставшим популярными в высшем свете с конца XIX века. А первые годы супружества Аликс с удовольствием вместе с Николаем совершала протяженные пешие прогулки; затем, когда здоровье стало ухудшаться, она отправлялась в экипаже, или в автомобиле, а летом часами сидела в кресле на своем любимом балконе Александровского дворца, где пила чай, занималась рукоделием, читала книги, принимала посетителей, играла с младшими детьми в незатейливые карточные игры.

В семье Николая и Александры всегда много читали светской литературы. Различные книги на английском и французском языке постоянно были в обращении. С годами стало все больше внимания уделяться русским авторам: повести и рассказы, жизнеописания и мемуары, различные другие сочинения. В последние годы особыми симпатиями у царя и царицы пользовались произведения А. П. Чехова и Н. С. Лескова. Чехова вообще можно назвать их любимейшим писателем. Известно также, что на семейных чтениях фигурировали и сочинения А. Н. Толстого, Л. Н. Андреева, Н. А. Тэффи, Н. А. Лейкина, А. Т. Аверченко. Императрица довольно быстро научилась писать и читать по-русски, но говорить на публике на языке своей новой родины стала лишь через много лет. Как заметил начальник Департамента полиции, а затем сенатор С. П. Белецкий, «говорила с редкими, сравнительно, запинаниями в длинных периодах и с слабо заметным иностранным акцентом»⁴¹.

В годы мировой войны Александра Федоровна занялась деятельностью просто немыслимой в ее положении, которая не имела аналогов в отечественной истории. Окончив фельдшерские курсы, она и две ее старшие дочери стали работать сестрами милосердия в царскосельских госпиталях. «Преодолевая гордыню», царица обмывала раны солдат и офицеров, в том числе и такие, от лицезрения которых некоторые молодые санитарки падали в обморок; делала перевязки, ассистировала при операциях. «Сколько горя вокруг! — восклицала она в письме к мужу в марте 1915 г., — Слава Богу, за то, что мы, по крайней мере, имеем возможность принести некоторое облегчение страждущим и можем им дать чувство уюта в их одиночестве»⁴².

В этой деятельности Александра Федоровна смогла проявить свою давнюю тягу к непарадному человеческому общению. Причем здесь для нее не имели значения ни

происхождение, ни чины, ни титулы, ни звания. Она всю жизнь искала простоты и веры, и эти ее устремления, как она была убеждена, осуществились в госпитальных палатах. Она проводила часы среди простых солдат, беседуя с ними на разные темы, внимательно слушая их нехитрые рассказы о жизни и о войне, благословляла их после выздоровления на новые подвиги, даря на счастье ладанки и иконки. Это общение доставляло ей больше радости и удовлетворения, чем вымученные завтраки, чай и обеды с большинством родственников. Роль сиделки у постелей раненых солдат и офицеров она выполняла с большим внутренним подъемом и часто занималась этим даже в период недомогания. «Когда я чувствую себя очень угнетенно,— писала она Николаю в октябре 1915 г.,— мне от-
радно ходить к самым больным и приносить им луч света и любви»⁴³.

Она никогда не использовала милосердное служение для рекламы собственной персоны, к чему ее призывали не один раз, и чем беззастенчиво «промышляли» многие аристократические красавицы и матроны, охотно занимавшие почетные и необременительные должности попечительниц лазаретов, богаделен, санитарных поездов и госпиталей, и рассматривавшие эти занятия как способ престижного светского самоутверждения, позволявший к тому же не только демонстрировать себя, но и заводить важные и нужные знакомства и связи. То, что императрица перешагнула через условности и стала работать «простой фельдшерницей», в голове у «господ из хорошего общества» не укладывалось. В этой деятельности одни увидели дискредитацию власти, другие — позу. Царице отказывали в праве на искренность и здесь, считая, что она «ищет популярности». Публичных выпадов по этому поводу не было, так как «профессиональные спасатели России» всех мастей отдавали себе отчет в том, что данная ипостась коронованных особ не позволяет эффектно бросить в них очередной ком грязи.

Императрица скептически оценивала окружающий ее мир и нравы, царившие в нем. «Уже давно нет крупных писателей ни в одной стране, нет таких знаменитых художников или музыкантов — странное явление,— размышляла она весной 1916 года и продолжала.— Мы слишком торопимся жить, впечатления чередуются чрезвычайно быстро, машины и деньги управляют миром и уничтожают всякое искусство, а у тех, которые считают себя одаренными,— испорченное направление умов»⁴⁴.

Александра Федоровна всегда тянулась к искренности во всем, но особенно в дружбе, которой была чрезвычайно предана. По-настоящему же дружила лишь с теми, кто, как ей казалось, был в дружбе абсолютно бескорыстен. Если же вдруг замечала, что кто-то стремится использовать душевную близость с ней в определенных целях, то довольно быстро сводила эти отношения на нет. Из числа родственников в различные периоды у нее было несколько близких приятельниц. В первые годы царствования особо доверительные отношения сложились с великой княгиней Марией Павловной («Михень»), которая, будучи почти на двадцать лет старше Алисы — Александры, приняла в ней близкое дружеское участие тогда, когда основная часть высшего света демонстрировала свое холодно-безразличное отношение. Однако через довольно непродолжительное время молодая царица решила (трудно сказать под чьим влиянием), что за расположением Михень стоит ее желание сделать Александру Федоровну инструментом своей политики и собственного влияния, что отвратило императрицу от близкого общения с ней.

В первые десятилетия XX века душевная привязанность связывала царицу с двумя другими заметными членами императорского дома: с великими княгинями Милицей и Анастасией (Станой) Николаевнами. Эти сестры — дочери черногорского князя, а с 1910 г. — короля Николая Негоша, играли весьма активную и заметную роль в аристократическом свете (Черногория — небольшое государство на Балканском полуострове, издавна имевшее тесные отношения с Россией). Этим дамам суждено было оставить определенный след в судьбе последней императрицы. Старшая из черногорок, Милица, в 1889 г. стала женой великого князя Петра Николаевича, от брака с которым имела четверых детей. Анастасия Николаевна в 1890 г. стала женой герцога Г. М. Лейхтенбергского (по женской линии внук императора Николая I), с которым в 1906 г. развелась и через год, с полного одобрения Николая II, вышла замуж за великого князя Николая Николаевича.

К началу века эти черногорские принцессы стали пользоваться большим расположением царя и царицы. Можно наугад открыть царский дневник за любой год из первого десятилетия нашего века, чтобы сразу же прочесть: «обедала Стана», «Были Милица и Петюша», «посидели с Милицей и Станой», «заехали к Милице», «по-

катались вместе со Станой и Николашей» и т. д. До охлаждения, а затем до полного разрыва между царицей и черногорками, наступившим в 1909—1910 гг., они оставались ближайшими приятельницами Александры Федоровны. Доверительности в немалой степени способствовало известное «родство душ» этих женщин. Всем им было свойственно чувствительное отношение к трансцендентной сфере, повышенный интерес к потусторонне-мистическим явлениям, Милица даже имела почетное звание доктора алхимии⁴⁵. В домах Милицы и Анастасии были известнейшие светские салоны оккультизма и хиромантии, где принимали и знакомили с кругом избранных известных «метров оккультных наук» и неизвестных почти никому гадалей, предсказателей, юродивых.

Упомянутый выше месье Филипп и его ученик «досточтимый господин Папюс» были «открыты для России» черногорками, представившими их царской чете. Приезжая в Петербург, французы и останавливались у них. В этих великокняжеских апартаментах бывали не только эlegantные иностранные визитеры, устраивавшие спиритические и гипнотические сеансы. Бывали здесь и люди самого неприглядного вида: оборванные и немытые «блажки» и ясновидящие. Именно Милица и Анастасия способствовали первоначальному возвышению Г. Е. Распутина, которого они принимали неоднократно, представляли царским родственникам, всячески его им расхваливая как человека удивительного благочестия и уникальных провидческих способностей. Но через несколько лет именно Распутин стал причиной разрыва между Александрой Федоровной и сестрами-черногорками. История прекращения этой дружбы в деталях не ясна, но главная сюжетная линия здесь очевидна: императрица уверовала в то, что Милица и Анастасия хотели использовать Божьего человека в своих целях, о чем он сам императрице рассказал и чему она быстро поверила, так как давно уже начала испытывать неудовольствие от самомнения и заносчивости своих подруг. Хотя царь продолжал поддерживать теплые отношения со своими двоюродными дядями — «Петюшей» и «Николашей», царица все больше и больше склонялась к мысли о том, что эти две великие княгини не только плохие христианки, но и опасные авантюристки, со стороны которых исходит угроза благополучию династии, и последние годы она иначе как «черное семейство» их не называла.

В числе родственников-друзей царица долгое время числила сестру Эллу. Несколько десятилетий между ними существовали настоящая душевная близость и большая привязанность. Великая княгиня Елизавета Федоровна почти всегда была рядом с Алисой как в тяжелые, так и в радостные минуты жизни. Сближало их не только родство, но и все усиливавшиеся религиозные настроения. Однако после 1905 г. и убийства великого князя Сергея Александровича отношения между императрицей и ее старшей сестрой-вдовой становились постепенно все менее и менее теплыми. Тому было две причины. Во-первых, Александра Федоровна начала ревновать мужа к Элле. Вся жизнь Александры Федоровны — борьба любящей женщины за «вненаглядного своего», за то, чтобы он навсегда принадлежал ей одной безраздельно. В этой борьбе она была неумолима и неутомима. Она не хотела делить своего возлюбленного ни с кем, даже со свекровью, а уж тем более со своей сестрой, которая вызывала большую человеческую симпатию Николая II своей честностью и добродетельностью. Алиса вряд ли смогла бы пережить измену мужа, но царь никогда не давал ни малейшего повода для подобных подозрений, однако сила самовнушения у царицы была такова, что она могла увидеть то, чего не было в действительности. Именно так в данном случае и произошло, и свою сестру-наперстницу она заглазно стала называть ханжой.

Однако имелась и другая важнейшая причина, приведшая в конце концов к разрыву отношений между сестрами: Распутин. Тут уже не было никаких домыслов, а была очевидность: великая княгиня этого человека терпеть не могла и несколько раз имела бурные объяснения с сестрой, закончившиеся в декабре 1916 г. окончательным выяснением отношений и полным отчуждением. После этого они уже никогда больше не виделись.

Вне пределов императорской фамилии у царицы было несколько доверенных лиц, с которыми она была близка и откровенна и в преданности которых не сомневалась. Самая многолетняя дружба связывала Алику с Е. А. Шнайдер, служившей классной дамой в одном из московских пансионов и по рекомендации великой княгини Эллы ставшей преподавательницей русского языка у молодой императрицы. До конца монархии она состояла при царице Александре фрейлиной и гоф-лектрисой. Эта женщина, которую Николай и Александра в семейном кругу

звали Трина, была своей в царской семье, знала многие ее тайны и свято их берегла.

В годы войны у императрицы появилась последняя задушевная подруга, Юлия Александровна Ден («Лили»), с которой она часто и охотно обращалась. Худая, высокая, нервно-экзальтированная жена капитана первого ранга гвардейского экипажа Карла Акимовича Дена, Лили видела в царице наставницу и покровительницу, что та с удовольствием принимала, советовалась с «порфирородной» приятельницей по всем житейским вопросам, регулярно приносила ей из Петрограда (в отличие от большинства из ближайшего окружения императрицы, она жила там, а не в Царском) множество столичных сплетен и слухов, обсуждала поведение известных деятелей из политического и светского миров.

Самой же близкой подругой царицы, ее своего рода вторым «я», несомненно, стала малоприметная и тихая Анна Александровна Танеева, занявшая в жизни императрицы значительное место, превратившись по существу как бы в члена царской семьи, от которой у венценосцев не было никаких секретов. Та искренне блюла это доверие и платила им бескорыстной преданностью, доходившей до самозабвения. Александра Федоровна и Аня Танеева были единомышленницами: их душевные устремления и нравственные представления почти целиком совпадали, хотя по природе своей, по психологическому и эмоциональному складу эти женщины были очень несхожи.

Конфидентка царицы родилась в 1884 г. в семье крупного сановника, Главноуправляющего (с 1896 г.) «Собственной Его Величества канцелярии», музыканта, композитора, меломана и коллекционера Александра Сергеевича Танеева. Матерью ее была Надежда Илларионовна, урожденная графиня Толстая. Эта семья уже давно занимала видное место в императорской столице. Две дочери статс-секретаря, обер-гофмейстера и члена Государственного совета Анна и Александра (родилась в 1885 г.) получили хорошее домашнее воспитание, знали языки, были музыкально образованы и прекрасно играли на фортепиано. Однако по характеру они были совершенно несхожи: старшая — замкнутая, неторопливая, серьезная, не проявлявшая никогда тяги к светским развлечениям. Младшая — полная ее противоположность: яркая, экстравагантная, умевшая общаться и любившая общество, много и охотно бывавшая на публике. В 1908 г. Александра Александровна вышла замуж за приемного сына

великого князя Павла Александровича — камер-юнкера А. Э. Пистолькорса, а ее свекровью стала жена великого князя, к тому времени уже графиня Гогенфельзен, затем княгиня Палей, упоминавшаяся выше «Мама-Лёля». Представление об этой светской даме можно получить из ее письма матери мужа, датированного 10 июня 1908 г. «Вы пишете,— обращается она к графине,— что Бэби (так они звали А. Э. Пистолькорса, родившегося в 1885 г.— А. Б.) не любит свет; но ведь я тоже не из светских. Я выезжала по-настоящему только один сезон, а последние годы проводила в маленькой тесной компании и ездила на балы только тогда, когда родители считали это необходимым. Вы наверное слышали от Маруси (племянницы графини — А. Б.) как мы с ней увлекались спектаклями. Кроме того, я прямо обожаю музыку. Мы с Бэби играем в четыре руки и потом он мне аккомпонирует, когда я пою»⁴⁶. Сколько в этом письме кокетства и лукавства! К моменту замужества она уже имела светскую биографию, но в письме к свекрови, которая безвыездно несколько лет жила в Париже, старается представить себя в выгодном свете. Все это может быть и не имело для данного изложения никакого значения, если бы не то обстоятельство, что в последние годы императорской России Александра Танеева-Пистолькорс («Аля») стала своей и в кругу Распутина, и в ближайшем окружении императрицы.

Старшая же сестра никаких светских претензий не имела, в обществе была молчалива и с ранних пор проявляла серьезное влечение к религиозно-духовной области. На балах она не «порхала» и во французских пьесках не играла. В шестнадцать лет Анна серьезно заболела и во время кризиса ей привиделось, что к ее постели подошла императрица, протянула руку и спасла от смерти. И после этого якобы сразу же наступило резкое улучшение, о чем родители не замедлили сообщить царице. Относясь чрезвычайно серьезно ко всем знамениям, Александра Федоровна навестила выздоравливающую девушку и благословила ее. Так императрица познакомилась с той, которой суждено было со временем стать ее маниакальной привязанностью, тенью, иногда заслонявшей собой и «само светило». В 1902 году Аня Танеева выдержала экзамен при Петербургском учебном округе на звание домашней учительницы, а в 1903 г. получила шифр и стала фрейлиной большого императорского двора. Девушка она была очень религиозная, добрая и отзывчи-

вая. Среди родственников имела репутацию человека абсолютно бескорыстного, старавшегося помогать всем, кто нуждается в ее помощи. Все эти качества, которые сами по себе не являлись исключительными и были присущи многим другим представительницам дворянских семей, вряд ли бы сделали из этой не блиставшей ни умом, ни внешностью набожной девушки человека, сыгравшего заметную и печальную роль в последнем акте драмы монархии.

Имя А. А. Танеевой-Вырубовой неизменно фигурирует всегда, когда хотят в очередной раз заклеить образ жизни и среду последних коронованных правителей. Что же она собой представляла? Ответ на этот вопрос в данном случае важен тем более, что в нем заключено многое, помогающее понять личность последней императрицы. В многочисленных книгах и фильмах образ ближайшей царицной подруги рисуется почти всегда в серо-черных тонах. Когда же стремишься понять, на основе каких источников создается историческая реконструкция в подобной «цветовой гамме», то выясняется, что надежных документальных материалов, раскрывающих интеллектуальный и духовный мир этой женщины, очень мало. Здесь, как и во многих других аспектах романовской темы, эмоции и расхожие клише превалируют над действительными фактами.

Часто используется дневник, первый раз изданный еще в 1923 г. в Берлине⁴⁷. Однако этот якобы документ — не более чем искусная подделка, о чем тогда же было заявлено и родственниками А. А. Вырубовой, и письменно ею самой, когда после невероятных мытарств ей удалось бежать в Финляндию, где она прожила несколько десятилетий⁴⁸. Между тем эта фальшивка имеет до сих пор широкое хождение и из нее продолжают «черпать сведения» очень многие люди, что не может не вызвать сожаления. Считать, что лучшая подруга императрицы могла вести дневник, который к тому же не уничтожала сразу же после крушения монархии — могут лишь те, кто не имеет никакого представления о характере этой женщины, которая не только вела очень замкнутый образ жизни, но и вообще избегала оставлять какие-либо письменные свидетельства. Скажем, до нас дошло очень мало писем этой царицной конфидентки, имеются лишь множество телеграмм и коротенькие записочки. Обращаясь письменно к царю и царице, она просила уничтожать ее послания, что те и выполняли. Так, 8 января

1916 г. Николай писал жене: «Письма А. (Ани — А. Б.) я по прочтении всегда рву на мелкие клочки, так что тебе нечего беспокоиться. Ничего из ее писем не сохранится для потомства»⁴⁹. В этом император оказался прав. Тем не менее многое и известно, правда не столько благодаря самой А. А. Вырубовой, сколько вопреки ее желаниям. Основная масса материалов, касающихся этой личности, исходит не от нее, а от других лиц, которые эту фрейлину лучше или хуже, но знали.

Сближение Ани Танеевой с семьей царя началось в 1905 г., когда летом они взяли молодую и услужливую фрейлину в свою летнюю поездку на императорской яхте по финляндским шхерам. Николай и Александра любили такой отдых: на лоне природы, вдали от сложных государственных забот, от надоедливости света и от повседневной придворной суеты. Через год они взяли ее с собой снова. Трудно сказать, чем именно покорила их эта фрейлина, но очевидно, тем, чему всегда симпатизировала императрица: нехитрой искренностью своих чувств и глубокой религиозностью. По возвращении в Петербург Анна Александровна стала удостаиваться невероятных в ее положении знаков внимания: становится завсегдатаем на царских трапезах, а затем и превращается в участника вечерних посиделок-собеседований в интимном царском кругу. В дневнике Николая II за 30 октября 1906 г. можно прочесть запись: «Обедала А. А. Танеева. Провели с нею вечер»⁵⁰. С осени 1906 г. и можно вести отсчет развития удивительных взаимных симпатий между царской четой и молодой придворной служащей, не обладавшей никакими особыми качествами, кроме душевных.

Александра Федоровна, у которой был своего рода культ семьи, в которой, по ее глубокому убеждению, женщина только и могла получить настоящее счастье, приняла большое участие в устройстве личного благополучия «дорогой Анички». В январе 1907 г. при ее деятельном участии неприметная «толстуха» была помолвлена с лейтенантом А. В. Вырубовым, после чего они представлялись императорской чете. Однако несмотря на высочайшее покровительство, этот брак не был счастливым. Уже вскоре после замужества выяснилось, что муж бывшей фрейлины страдает приступами острого психического расстройства, маниакальными садистическими наклонностями и импотенцией. Прожив с ним в муках и слезах несколько месяцев, Аня Вырובה бежала от него и при

благосклонно-сочувственном отношении императорской четы, знавшей все перипетии этого неудачного супружества, развелась с ним и вернулась к своей дворцовой службе. Царская семья осталась для нее своей теперь уже до конца.

Императрицу и ее фрейлину-наперстницу сближало одинаковое отношение к Г. Е. Распутину, которого они обе глубоко почитали и видели в нем воистину Божьего человека, способного наставить на праведный путь и указать судьбу. Он благословил столь неудачный брак Анны Александровны незадолго до свадьбы, но предсказал, что он не будет счастливым. Это первое сбывшееся в жизни А. Вырубовой его пророчество, дало серьезный толчок к появлению в скором времени беспредельной веры в сверхъестественные способности этого человека. Царина и ее компаньонка видели в нем лишь то, что желали видеть, и такая «зашоренность» часто делала этих женщин глухими и слепыми в реально окружающем их мире. И если «милая Анечка» могла как угодно распоряжаться жизнью, верить в кого и во что угодно, то у Александры Федоровны такой возможности не было. Руководствоваться исключительно чувством и при этом играть политическую роль, удачное исполнение которой во многом зависит от трезвого расчета,— это было ей явно не по силам. Но судьбу свою царица не могла ни выбирать, ни изменить. Она «несла свой крест» так, как могла, так как считала нужным, и подруга Анна ей в этом помогала. Она всегда была рядом, хлопотала, старалась облегчить повседневные заботы императрицы и любящей матери. Помогала детям делать уроки, обучала рукоделию, участвовала в совместных чтениях, разучивала с царицей романсы и оперные арии, и т. д., но и, конечно же, бессменно была рядом в случаях болезни какого-либо из членов императорской семьи.

Свою повелительницу-подругу Анна Александровна любила самозабвенно и была готова пожертвовать для нее и ее семьи даже собственной жизнью. Эту преданность и бескорыстную любовь (взамен она ничего не просила, не требовала и не имела) царица чувствовала постоянно и всегда высоко ценила подобные отношения, тем более, что как она была уверена, действительной искренности в окружавших ее людях была так мало! Глубокое расположение царицы быстро подняло молодую фрейлину на невероятную высоту в неписанной иерархии русского двора. Подумать только: она постоянно обе-

дала с их величествами! Она регулярно проводила с ними их семейные вечерние часы! Для чиновно-придворного мира все это было непонятно, и требовало объяснений, которые очень быстро и появились.

Циркулировавшие во множестве «сведения» об этой дружбе в очередной раз показали, насколько инспираторы их были далеки от понимания истинных причин, объединявших столь разных по своему положению женщин, а может быть и умышленно не хотели понять. Желчный С. Ю. Витте писал, что любимица царицы «глупая петербургская барышня», влюбившаяся в императрицу и вечно «смотрящая на нее влюбленными медовыми глазами со вздохами: «ах, ах!». Сама Аня Тапеева некрасива, похожа на пузырь от сдобного теста... находясь без всякого положения, числясь разведенною женой лейтенанта Вырубова, по интимности, скажу даже, исключительной интимности, самая близкая особа к императрице (отставной сановник писал это в 1910—1911 гг.— А. Б.), а потому в известном отношении и к императору»⁵¹. Сплетня — оружие придворной политики, это правило экс-премьер прекрасно знал и умело пользовался (книга воспоминаний предназначалась им для сокрушения своих врагов). Ведь лично с А. А. Вырубовой он не был знаком и как смотрел «пузырь от сдобного теста» на свою венценосную подругу, он не знал и знать не мог. Общались они почти всегда без свидетелей, а на официальных приемах А. А. Вырубова стояла в толпе фрейлин и ничем в ней не выделялась. Однако Витте не постеснялся беззастенчиво тиражировать домыслы и считал это в порядке вещей. Так и хочется повторить известное восклицание: «О, времена! О нравы!».

В своем рассказе С. Ю. Витте говорит о «мистериозной связи» между императрицей, Вырубовой и умершим в октябре 1908 г. генерал-майором Александром Афиногеновичем Орловым, которого многие «профессиональные знатоки» придворных альковных тайн числили в любовниках императрицы. Такие суждения могли высказывать лишь те, кто не знал, или не хотел знать, что представляла собой императрица как человек и как женщина. Но так как об императрице мало что было известно, все было покрыто завесой секретности, то можно было высказывать любые суждения, «вносившие ясность» в непонятное. Их и высказывали. Причем удивительное дело: в большинстве своем все эти домыслы были густо замешаны на эротико-сексуальных темах. И за объяснением

очередной «тайны империи» российская публика жадно габрасывалась на того, кто или сам успел «заглянуть в замочную скважину», или слышал все от «очевидца». Мало кто сомневался, что большая политика часто делается в опочивальнях. Продолжительная эпоха самодержавия, когда прихоти и слабости одного человека на троне обретали форму политического действия, наложили глубокий отпечаток на социальное мировоззрение многих и многих, считавших, что изгибы государственного курса можно уяснить, раскрыв «тайны корсета».

Некоторые шли невероятно далеко по пути аномальных объяснений, как им казалось, неестественных отношений между императрицей и ее фрейлиной. Вот, что, например, занесла в свой дневник генеральша А. В. Богданович 10 июня 1908 г.: «Сегодня говорили, что в истории царицы, Танеевой и Орлова, последний — ширма, что неестественная якобы дружба существует между царицей и Танеевой, что будто муж этой Танеевой-Вырубовой — нашел к ней письма от царицы, которые наводят на печальные размышления... Какой скандал, если все это правда! Говорят, что уже в немецких газетах про все это написано. В Уланском полку про все это много говорят, верно, и в других тоже, но царь ничего не знает»⁵². Комментировать данный слух, думается, нет надобности, так как разговоры «о противоестественной любви» не имели под собой никогда никакой реальной почвы.

Подобные сплетни примечательны тем, что высвечивают одну существенную сторону столичного высшего общества — какую-то удивительную эротическую историю, царившую в нем в это время, надрывный культ плотской чувственности и вакханического экстаза, охвативший в первую очередь дам столичного света. Разнузданную похоть часто прикрывали разговорами о поисках простоты, искренности и истинности. Эта атмосфера сексуального надлома очень способствовала росту известности, а затем и ажиотажу вокруг личности Григория Распутина. Темы книг и лекций по вопросам пола в начале века стали чрезвычайно популярными. Разговоры на эти темы, еще совсем недавно немыслимые в пуританском русском обществе, делались модными. Различные аванажные «эмансипэ» из высших кругов чуть ли не все поступки людей стали объяснять «половыми влечениями».

Естественно, что в господствующих в обществе представлениях и настроениях так или иначе преломлялась жизнь императорской семьи, хотя царь и особенно цари-

ца были очень далеки от подобных модных течений и никогда такие темы публично не обсуждали и вообще не высказывали никакого интереса к ним. Через некоторое время беспощадная молва будет утверждать, что А. А. Вырубова, эта пресловутая «устрица» (такую оскорбительную кличку дали ей в свете) сожительствоует с «грязным мужиком Распутиным». Это утверждение стало настолько расхожим, что отголоски его можно встретить в некоторых сочинениях и поныне. Между тем, в мае 1917 г., находясь в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, А. Вырубова, по ее настоянию, была освидетельствована медицинской комиссией, установившей, что она девственница⁵³.

Доброта и преданность притягивали царицу к Ане Вырубовой. И, конечно же, как она убедилась при близком общении, свойственные ей любовь и вера. Они вместе молились и для Александры Федоровны присутствие фрейлины не было в тягость, так многое понимали и чувствовали они одинаково. К тому же навсегда сковал их цепью общей судьбы Григорий Распутин, которому они обе последние годы его жизни бесконечно верили. Молодая А. А. Танеева увидела его впервые в доме великой княгини Милицы Николаевны. Сохранился ее рассказ об этой встрече: «В первых числах марта месяца 1907 г. Милица Николаевна пригласила меня днем, предупредив, что у нее будет Распутин. Она приняла меня в гостиной одна, стала рассказывать мне о том, что бывают люди, особо одаренные даром свыше и обладающие даром провидения. На эту тему Милица Николаевна проговорила со мною около часа и просила меня не удивляться, если она будет «христосоваться» с Распутиным. Затем открылась дверь в соседнюю комнату, и оттуда вышел Распутин. Я очень волновалась ожиданием встречи с таким человеком, тем более, что Милица Николаевна сказала мне: «Попросите его, о чем хотите,— он помолится, он все может у Бога». Распутин поцеловался с Милицей Николаевной, и затем последняя представила ему меня. Он был одет в простой черной сибирке, и меня поразили его пронизательные, глубоко сидевшие в глазных впадинах глаза. Мы втроем стали ходить по комнате. Распутин начал расспрашивать меня о том, чем я занимаюсь, где живу и т. п., и я, озабоченная предстоящим браком, так как я очень мало знала своего жениха, спросила его о том, следует ли мне выходить замуж. Распутин ответил, что он советует мне выйти замуж, но что брак будет не-

счастлив. Весь разговор длился минут 10—15, и я уехала»⁵⁴.

Уже через полтора года А. А. Вырубова была убежденной сторонницей «старца». В ноябре 1908 г. генеральша А. В. Богданович получила через камердинера царя удивительную информацию, которую тут же записала: «Оказывается, что Вырубова дружит с каким-то мужиком, да еще с монахом. И вот фотография, на которой она снята, сидящая рядом с мужиком, и принесла горничная. Радциг (камердинер Николая II — А. Б.) глазам своим не поверил, когда это увидел. У этого мужика звериные глаза, самая противная нахальная наружность. Эту фотографию Вырубова не держит открыто на столе, а лежит она у нее в евангелии. И что еще печальнее, что и мужик, и монах бывают у Вырубовой при царице, когда она посещает Вырубову. Этому мужику Вырубова собственноручно сшила шелковую голубую рубашку. Часто бывает он у Вырубовой в Царском, но пока еще во дворец не показывался»⁵⁵.

Отношения с этим человеком она сохраняла до конца его жизни, всегда питая к нему почтение, перераставшее в обожание. «Он умный человек, мне казалось, самородок, и я любила его слушать... Он объяснял священное писание... Он знал все св. писание, библию всю...», — вспомнила о нем Анна Александровна⁵⁶. Она, как и царица, уверовала в то, что молитвы этого «посланца Божьего» спасут и сохранят царскую семью, приведут Россию к счастью и процветанию. Для себя Анна ничего не просила, так как собственной жизни у нее не было. Она жила интересами и заботами монаршей семьи. Приведем несколько ее телеграмм Распутину. «Посылаю тебе, дорогой отец Григорий, письмо от старшей (речь идет очевидно о письме Ольги Николаевны — А. Б.). У нас маленький все очень болен, говорят от жары и кашля лопнул внутренний сосуд и кровоизлияние, опухоль на боку, боль и жар. Молись о нас. Твоя Анна» (июнь 1912 г.; «Мама (царица — А. Б.) обрадована телеграммой, у маленького нога болит, тоскую по тебе, верю: все также о всех молишься. Анна». (9 июня 1913 г.); «Ножка болит. Папа (Николай II — А. Б.) также расшиб ногу больно, помолись. Другие ничего, часто вспоминаю. Анна» (29 ноября 1913 г.) и т. д.⁵⁷.

«Дорогая Аничка» настолько стала близка царской семье, что уже не всегда считала возможным слушаться императрицу и стала проявлять признаки своеволия, что

у Александры Федоровны начинало вызывать раздражение. В 1914 г. наступил кризис их отношений. Помимо мелких неудовольствий от повседневного поведения Анны, царицу стали мучать приступы ревности. Ее возмущало поведение «коровы» (так они называли ее между собой) в отношении Николая, которому та постоянно писала пространные послания, полные объяснений в глубоких симпатиях, отнимая у того «драгоценное время» и не понимая, по словам царицы, что «ее письма не представляют для тебя интереса»⁵⁸. Хотя эту корреспонденцию А. Вырубова всегда давала читать царице, но тем не менее, у той возникали какие-то тревожные опасения.

Вот выдержка из письма царицы от 27 октября 1914 г.: «Утром она опять была со мной очень нелюбезна, вернее даже груба, а вечером явилась гораздо позже, чем ей было позволено прийти и странно вела себя со мной. Она сильно флиртует с молодым украинцем (речь идет о раненом царскосельского госпиталя — А. Б.), тоскует и жаждет тебя, и по временам чрезвычайно весела... Конечно, это нехорошо, что я на нее ворчу, но тебе хорошо известно, как она может раздражать. Увидишь, когда вернешься, она будет тебе говорить о том, что как ужасно она без тебя страдала, хотя она вполне наслаждается обществом своего друга, которому кружит голову, но не настолько, чтобы позабыть о тебе. Будь мил и тверд, когда вернешься, не позволяй ей грубо заигрывать с тобой, иначе она становится еще хуже — ее постоянно следует охлаждать»⁵⁹.

Постоянно призывая царя к твердости, к проявлению воли, сама Александра Федоровна не нашла в себе силы и твердости, чтобы объясниться со своей подругой, на это у нее духа не хватило. Однако отношения между ними явно начали затухать и если бы не события начала 1915 г., то вряд ли А. А. Вырубова продолжала оставаться особо доверенным лицом. Однако страшная железнодорожная катастрофа, жертвою которой стала фрейлина царицы, изменила ход событий. Предоставим слово товарищу министра внутренних дел генералу В. Ф. Джунковскому: «2 января мне сообщили, что на 6-ой версте на Царскосельской дороге от Петрограда, произошла железнодорожная катастрофа. Это было во второй половине дня, в 5 час. 43 мин. вечера. Убито было 4 человека, тяжело ранено 10 и легко около 40. Среди тяжелораненных оказалась А. А. Вырубова, которую отнесли в ближайшую будку стрелочника. У нее были переломаны обе

ноги, она страшно кричала... Императрица прислала врача-женщину княгиню Гедройц — главного врача Царско-сельского лазарета императрицы. Осмотрев А. А. Вырубову, она нашла ее состояние настолько тяжелым, что просила немедленно вызвать ее родителей, так как ей оставалось жить несколько часов.... На поезде императрицы Вырубову отвезли в госпиталь в Царском Селе»⁶⁰. Вечером у постели бредившей больной появился Г. Распутин. Неожиданно для всех А. А. Вырубова вернулась из запятой и ее состояние удивительным образом с этого момента стало улучшаться. Несмотря на многочисленные переломы ног и тазобедренных костей и общее сотрясение организма, Анна Александровна выжила, но навсегда уже осталась хромой. Царица же, забыв все свои обиды и недовольства, часами сидела рядом и ухаживала за нею все время ее болезни.

Железнодорожная катастрофа и связанные с нею тяжелые потрясения вызвали в душе А. А. Вырубовой еще большую симпатию к Распутину, молитве которого она приписывала свое спасение. Часто еобщение с ним стало потребностью ее души. В поябре 1915 г., говоря о ней, императрица с удивлением воскликнула: «Как она выносила, хотя и жалуется, что калека! Почти ежедневно трясется в автомобиле в город и взбирается на третий этаж к нашему Другу»⁶¹.

В результате аварии характер «коровы» ухудшился, и она стала часто вести себя как капризный ребенок, что Александра Федоровна молча выносила, но в письмах мужу постоянно жаловалась на ее поведение: «Она думает только о себе,— писала императрица в марте 1915 г.,— и злится, что я так много времени провожу с ранеными... Если бы она хоть раз сооблаговостила вспомнить, кто я, она поняла бы, что у меня есть другие обязанности, кроме нее. Мы ее слишком избаловали, но я серьезно нахожу, что она, как дочь наших друзей, должна была бы лучше понимать вещи... меня изводит ее эгоизм»⁶².

Но ничего уже больше не изменилось. Александре Федоровне и А. А. Вырубовой суждено было еще пережить многое. До окончательного крушения всего их мира они остались неразлучными, и царица смирилась со всеми причудами и неудобными привычками Ани, у которой так никого ближе на свете не было и которая доверяла царице все. Приведем интересное свидетельство старшей дочери Николая II великой княгини Ольги Николаевны, которая сообщала отцу в августе 1916 г.; «Аня получила длинное,

интересное письмо от Н. Н. Родионова (старший лейтенант гвардейского экипажа — А. Б.), которое она сама не читала, но в ее отсутствие мама получает всю ее почту и разрешается такие письма читать»⁶³.

После Февральской революции для А. А. Вырубовой началась полоса арестов и гонений. Ей, как и ее развенчанной покровительнице, пришлось испытать много унижений и оскорблений; эту личность воспринимали как олицетворение всего самого темного и грязного, что было в свергнутом режиме. Находясь в заточении в Свеаборгской крепости, она писала одной своей знакомой в сентябре 1917 г.: «Боже, что я переживаю и пережила и часто думаю, за что Богу угодно было так снова испытать меня после всех уже пережитых страданий... Я в руках черни — то, чего боялась, и Вы сами знаете, что эта топла матросов не рассуждает, они как дикие звери...»⁶⁷.

Примерно также воспринимала окружающий мир и арестованная царица, которая никак не могла понять, чем она прогневала Господа, но не теряла надежды на его милость. Послефевральская судьба Александры Федоровны уже не была связана с «дорогой Аничкой», которая, что можно предположить почти наверняка, по своей воле никогда бы не оставила императора и императрицу. Потерпев множество крушений и разочарований, опальная царица могла быть уверена, что в искренней верности А. А. Вырубовой она не ошиблась.

ДОРОГОЙ ГРИГОРИЙ

Распутин... — символ, эмблема, клеймо и проклятие последних Романовых. Его разоблачали при жизни, клеймили и высмеивали после смерти, но этот человек-призрак, человек-демон до сих пор не прояснен до конца. Не сам по себе, с конкретными человеком все более или менее ясно; он нуждается в анализе и истолковании в контексте персонифицированного им духовно-нравственного явления, имя которому — старчество. Если мы хотим что-то действительно понять в загадочной судьбе этой личности, то необходимо обратить внимание не только на «Гришку Распутина», но и особенно на «старца Григория».

В Советском энциклопедическом словаре, можно прочитать: «Распутин (Новых) Григ. Еф. (1872—1916), фаворит Николая II и его жены Александры Федоровны. Из крестьян Тобольской губернии. В качестве «провидца» и «целителя» приобрел неограниченное влияние на царя, царицу и их окружение. Вмешивался в государственные дела. Убит монархистами. «Распутинщина» — выражение крайнего разложения правящей верхушки России». Почти идентичные по смыслу характеристики можно встретить и в других изданиях. Энциклопедическая информация, всегда и везде — отражение высшего уровня знания в любой области. Прочитированный выше текст и есть вершина знания, точнее говоря, представления, приобретшего в силу ряда причин аксиоматический характер. Между тем уже приведенные несколько строк полны передержек и неточностей. Во-первых, неверна дата рождения. Однако это не самое главное. Значительно важнее два других взаимосвязанных сущностных момента: фаворит, имевший неограниченное влияние. Был ли он любимцем самодержцев? Безусловно! Пользовался ли он влиянием? Да! Было ли это воздействие беспредельным? Конечно же, нет!

Во всей распутиниаде простые и односложные ответы всегда о многом говорят, но часто ничего не объясняют. А между тем здесь давно уже требуется именно спокойное и обстоятельное объяснение, которого до настоящего времени нет. Тема эта всегда вызывала (и вызывает) ажиотажный интерес и, например, количество различного рода публикаций о Распутине просто трудно учесть. Но при

этом вопросов остается больше, чем существует вразумительных ответов. Причиной этого нельзя, конечно же, считать только качество существующих сочинений; среди них встречаются и яркие публикации. Наряду с ними имеется большое количество низкопробной рыночной «продукции», в духе популярных послереволюционных писаний о «Гришке, Сашке и Николашке». Уязвимость основной массы работ о Г. Е. Распутине в их одномерности и схематизме.

В неповторимо-феерической, просто невыносимой истории жизни и судьбы сибирского крестьянина, сумевшего подняться на неимверную высоту, всегда искали тайну, какую-то баснословную и единственную роковую «мглу», способную поразить воображение. И ее, как часто казалось, находили. И в алькове («сексуальный маньяк, подчинявший своему влиянию выродившихся неудовлетворенных столичных матрон»), и в особенностях психики последней царицы («истеричка, легко поддающаяся гипнотическому воздействию»), и в наличии разветвленного иностранного заговора (распутинская «шайка врагов России окружила трон») и т. д. и т. п. Вот эта запрограммированность и есть «ахиллесова пята» публикаций на распутинскую тему. Они в основном нацелены на разоблачение и осуждение, а не на исследование и понимание. Да! — может покачать головой эрудированный читатель. — До чего мы дожили, к чему нас призывают? Что надо понимать и изучать, когда речь идет о простом безграмотном мужике, бесстыжем и развратном? Разве не было этого? Хочу успокоить возможных оппонентов. Все это было, и автор этих строк не собирается создавать некий сусальный образ этой личности. Очень хорошо о человеке-явлении написала русская писательница Н. А. Тэффи (Бучинская), заметившая, что он «весь словно выдуманный, в легенде жил, в легенде умер и в памяти легендой облетится. Полуграмотный мужик, царский советник, греховодник и молитвенник, оборотень с именем Божьим на устах»¹.

Однако вне зависимости от поведения самого Распутина, его нравственного облика, при всей скандально-известной жизни, нельзя забывать о том явлении, которое вполне очевидно олицетворял этот «злой гений» романовской династии, рожденный тем высшим обществом, которое ушло в небытие вслед за ним. Здесь уместно сослаться на З. Н. Гиппиус, изрекшую, что «Распутин, как личность — ничтожен и зауражен. Лишь как тип — он глубоко интересен»². Она же справедливо заметила в одном из пи-

сем П. Н. Милюкову, что этого человека «фатальным сделали время и место»³. Размышляя о глубинных истоках революционных потрясений в России, русский философ С. Н. Булгаков писал: «Распутин был точкой приложения, медиумом для некоторых мистических сил. И тем не менее в этом роковом влиянии более всего сказался исторический характер, даже значительность последнего царствования. Царь взыскал пророка теократических вдохновений. Его ли одного вина, что он встретил на свой зов, идущий из глубины, только лжепророка? Разве здесь не повинен и весь народ, и вся историческая церковь с ее первосвященниками во главе?»⁴ Распутинский феномен породила эпоха кризисов и канунов, и он навсегда остался ее отпечатком.

О духовном облике российского общества, о путях и поисках нравственно-исторической ориентации его многие десятилетия писать не дозволялось. И Распутина «разрешили излагать» лишь как «отражение вырождения» самодержавия и никак иначе. Сказано же было основоположником еще в 1917 г., что Россией правила циничная и развратная царская шайка с Распутиным во главе⁵. Что же тут надо анализировать, если В. И. Ленин тогда же окончательно диагностировал, что Николай и Распутин были полоумными?⁶ Задавлена и задушена была всякая мысль в нашем отечестве веригами и глыбами бесценных истин в последней инстанции. Что же там еще изучать, если все выводы сделаны и все ответы получены? Шайка, она и есть шайка! Вот так и жили. Историки лишь цитировали, а популярные и плодовитые, но лишённые вкуса и чувства меры беллетристы пересказывали исторические анекдоты и выдавали их за факты. Публика же читала и ахала: «Ужас! До чего же выродились цари! С кем жили!? Кого в дом пускали! И если бы не революция, чего бы они еще тогда натворили!»

Обращаясь к истории последних Романовых, приходится буквально продираться сквозь завалы слухов, сплетен, полуправды и откровенной лжи, которые бесконечной чередой обступают и личность Николая, и личность Александры Федоровны, и особенно их отношения с Григорием Распутиным. Что же о нем доподлинно известно? Хотя рассказов и упоминаний об этом человеке великое множество, конкретных данных о нем не так уж и много. И здесь особое значение имеет специальное расследование, проведенное созданной Временным правительством в марте 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссией (ЧСК). За-

канчивала она свою деятельность в декабре 1917 г., когда никакого Временного правительства уже не существовало, а в стране правила «группа мужчин из института благородных девиц». Главной целью деятельности ЧСК было расследование свидетельств и документов, отражающих «преступные деяния» царского режима и особенно выявление и исследование роли и характера влияния Распутина. Следовало дать соответствующее юридическое обоснование для привлечения главных политических действующих лиц к суду (подразумевался в первую очередь суд над Николаем II, идея которого муссировалась с марта 1917 г., но к концу года эти разговоры почти прекратились). Комиссией был собран огромный и во многих отношениях просто уникальный материал, который частично опубликован*.

Родился Григорий в слободе Покровской, Тюменского уезда Тобольской губернии в семье крестьянина среднего достатка Ефима Яковлевича Распутина очевидно в 1869 (но никак не в 1872 г., как значится во многих публикациях). В литературе можно встретить много спекулятивных умозаключений о происхождении фамилии этого «царева друга», которую часто выводят из разнузданного образа жизни ее носителя. Однако эта, как кажется на первый взгляд, очевидная взаимозависимость все же не является исторически обоснованной. Фамилия «Распутин» достаточно широко распространена в Сибири и на русском Севере и встречается в летописи уже в первой половине XVII в.⁷ Да и сам «Гришка-чародей», решив поменять ее в конце 1906 г., объяснял это желание в письме царю следующим образом: «Проживая в селе Покровском я ношу фамилию Распутина в то время, как и многие другие односельчане носят ту же фамилию, отчего могут возникнуть всевозможные недоразумения. Припадаю к стопам Вашего Императорского Величества и прошу: дабы повелено было мне и моему потомству именоваться по фамилии „Распутин Новый“». И далее шла подпись: «Вашего императорского Величества верноподданный Григорий»⁸.

* Это в первую очередь семь томов стенографических отчетов и показаний, данных в 1917 г. ЧСК десятками бывших сановников, придворных, политических и общественных деятелей, военных и изданных под общей редакцией П. Е. Щеголева в 1924–1927 гг., а также специальное заключение следователя Ф. П. Симсона о Распутине, в частично опубликованное (см.: Вопросы истории. 1964. № 10, 12). Материалы ЧСК находятся в ГАРФ, ф. 1467.

О первых десятилетиях жизни этого человека конкретных данных почти не сохранилось. Со слов односельчан и соседей удалось уже в XX в. установить, что в молодости Григорий был малый шалый, любил выпить, участвовал в драках, несколько раз уличался в кражах. Помнившие его в те годы люди отмечали экспансивный, буйноразгульный характер натуры, не знавшей удержу ни в работе, ни в гульбе. Тогда никто не замечал у него необычных склонностей, кроме тех, которые были широко распространены среди молодых жителей больших сел: тяга к бражничеству, к блуду и утарному веселью.

В начале 90-х годов XIX в. этот «пьяница и бабник» женился на тихой девушке Прасковии, от брака с которой имел двух дочерей, Марию (Матрену) и Варвару, и сына Дмитрия. Все эти эпизоды, конечно же, ничего не раскрывают, и главное не объясняют причин глубокого духовного переворота, случившегося у этого человека где-то в последние годы прошлого века. По очень смутным данным, похожим скорее на предположения, перелом произошел во время его посещения Верхотурского монастыря в Пермской губернии. Первый раз он отправился туда вместо своего отца, Ефима Андреевича Распутина, давшего обет совершать в обитель ежегодное паломничество, но заболевшего. Это путешествие на богомолье способствовало перерождению Григория, и очевидцы отмечали эту разительную перемену. «Спустя несколько недель после ухода Распутина в Верхотурье, я со своей матерью поехал в Тюмень, — свидетельствовал односельчанин, — и дорогой встретил возвращавшегося из Верхотурья Распутина, причем на этот раз он мне показался человеком ненормальным. Возвращался тогда он домой без шапки, с распущенными волосами и дорогой все время что-то пел и размахивал руками». Удивлялись и другие. «На меня в то время Распутин произвел впечатление человека ненормального: стоя в церкви, он дико осматривался по сторонам, очень часто начинал петь неистовым голосом», — констатировал еще один житель Покровского⁹.

Распутин бросил пить, курить, есть мясо, стал истязать себя жесточайшими постами, часами иступленно молился. Затем начались его паломничества по святым местам. За свою жизнь он посетил множество обителей в России, бывал на Афоне и в Иерусалиме. Вокруг него в Покровском сложился небольшой кружок единомышленников из числа друзей и родственников. Под своим домом вырыл моленную, где они собирались, читали молитвы,

пели псалмы и религиозные песни. К моменту появления в Петербурге он уже хорошо знал священное писание и мог часами вести беседы на религиозные темы. Насколько известно, Г. Е. Распутин ни в каком учебном заведении не обучался и был по сути дела безграмотным, с трудом выводил лишь свою подпись. Но некоторые письма от его имени написаны вполне грамотными людьми под его диктовку. Со временем ему удалось научиться выводить слова, но техникой письма в полном смысле этого слова он так и не овладел.

Говоря о Г. Е. Распутине, необходимо отметить такие качества его натуры как огромную силу воли, а также природный ум и крестьянскую сметку. Этого человека отличала и удивительная интуиция, много раз проявлявшаяся к вящей славе его как прорицателя. Все это вместе создавало образ сильный и цельный, способный производить впечатление особенно на людей слабых, рефлекслирующих, находившихся в состоянии глубоких колебаний и сомнений, на тех, кто оказался в жизненном тупике и не имел сил самостоятельно решить свои проблемы. Прирожденные качества плюс пиететная, а затем скандальная молва доделали демонический образ. В начале XX в. слух о появлении необыкновенного «старца», провидца и предсказателя распространился далеко за пределы Тюменского уезда.

Старчество имело в России давнюю и очень глубокую традицию. По сути дела оно являлось одним из важнейших элементов православия, утвердившегося на огромных просторах Европейской равнины, на Украине, на Урале и в Сибири. Старец не был ни священником, ни монахом, но пользовался высочайшим моральным авторитетом, так как считалось, что опытом своей жизни он постиг бесценные христианские добродетели. Осмыслить многие перипетии исторических судеб страны, понять душу русского народа, о чем много размышляли выдающиеся философы (В. С. Соловьев, кн. Е. Н. Трубецкой, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Г. П. Федотов и др.), можно, лишь уяснив себе глубинный смысл народных представлений и верований. Поиск высшей правды, стремление к абсолютной истине и божественному свету были характерны для многих в России, вне зависимости от того, жили они в каменных палатах или в бедных хижинах *. Эта тяга была как бы

* Описанию русской святости посвящена блестящая работа Г. П. Федотова «Святые древней Руси», впервые изданная в нашей стране в 1990 году.

тем магическим кристаллом, через призму которого смотрели на окружающее. Правильно же увидеть себя и мир, научиться истинному, богоугодному «жизнетворчеству» могли в первую очередь те, кто был «божественной свечой на земле» — старцы. Так мыслила последняя царица, так понимали высший смысл бытия и многие, многие другие.

О сути старчества прекрасно написал Федор Михайлович Достоевский в своем романе «Братья Карамазовы». «Старец — это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искуc, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог, наконец, достичь, чрез послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избежать участи тех, которые всю жизнь бродили, а себя не нашли. Изобретение это, то есть старчество, — не теоретическое, а выведено на Востоке из практики, в наше время уже тысячелетней. Обязанности к старцу не то, что обыкновенное послушание, всегда бывшее и в наших русских монастырях. Тут признается вечная исповедь всех подвигающихся старцу и неразрушимая связь между связавшим и связанным»¹⁰.

Понять удивительный феномен Распутина трудно, если оторвать его от исторических общественных представлений о нравственной жизни. Православному часто требовался наставник, своего рода друг, советчик и поводырь, способный указать правильную дорогу в жизни. Народное сознание было в неменьшей степени мифологизировано, чем сознание правителей; все всегда ждали знамений, чудес и божественных откровений, толкователями которых выступали «Божьи люди». Старец — это бесспорный праведник, благочестивый человек и христианин, строго соблюдавший все канонические принципы веры. Вот почему, когда началась борьба с Распутиным, то очень много усилий было положено на то, чтобы доказать всем, но в первую очередь венценосцам, что пресловутый Гришка есть сектант, «хлыстовец», и по этой причине его деятельность не может быть угодна Богу.

Судьбу этого человека нельзя изолировать от исторического духовно-нравственного контекста, иначе получится та жуткая картина, которую так часто рисовали. Какой-то грязный, развратный мужик пробрался в царские чертоги, подчинил своей воле царя и правит огромной

страной. Было отчего содрогнуться, сделать вывод о том, что «царь полоумный» и призывать к его свержению. Однако если представить, что монархи видели не «Гришку-конокрада», «Гришку-развратника», о котором много говорили в гостиных, а одного из тех светочей истины, которыми была так богата история России и который к тому же неоднократно проявил свои чудодейственные способности, то картина будет иной. Вера — это чувство, ум — рас-судок; они далеко не всегда находятся в ладу друг с дру-гом. Первое нуждается в сердце, второе в здравомыслии. Последний царь и его жена имели, как раньше говорили, много сердца, но, к сожалению, этого было недостаточно правителям.

С начала XX в. в биографии Григория Распутина по-являются уже некоторые хронологические ориентиры, позволяющие хоть как-то систематизировать его путь на-верх. По всей вероятности, впервые в Петербург он при-ехал в 1903 г., уже успев к тому времени «покорить серд-це» казанского епископа Хрисанфа, рекомендовавшего его ректору Петербургской духовной академии епископу Сер-гию, который в свою очередь представил Распутина про-фессору, иеромонаху Вениамину и инспектору академии (затем ректору), архимандриту Феофану. Последний был приветливым человеком, добрым христианином, целиком занятым благочестивым служением.

В кругах церковных иерархов и учеников академии Рас-путин вращался довольно долго, прошел здесь «свои уни-верситеты» и, обладая живым и цепким умом и прекрас-ной памятью, многое почерпнул от общения с ними. Не-известно, на какие конкретные темы они разговаривали, как часто и долго общались, но уже к началу 1905 г. Фео-фан испытывал глубокую симпатию к этому сибирскому мужику-проповеднику, увидев в нем носителя новой и истинной силы веры. «Старец Григорий» произвел силь-ное впечатление и на известного в начале века проповед-ника, благочестивого пастыря, имевшего огромный мо-ральный авторитет в России — отца Иоанна Кронштадтско-го, благословившего его.

Здесь необходимо сделать некоторые пояснения. Распу-тин сам почти никогда и никуда «не лез»; ему везде по-могали многочисленные покровители и почитатели его, как казалось, природной правдивости и божественных дарова-ний. Ему на своем веку удалось очаровать и покорить души нескольких крупных церковных деятелей, имевших и глубокую веру, и кругозор, и разносторонние знания. Име-

но они выводили этого человека в свет, давая ему наилучшие аттестации.

Нельзя не сказать и о том, что к началу XX в. православие переживало кризис, в значительной мере вследствие того, что оно прочно и давно срослось и слилось с государственной системой, что отчуждало церковь от человека. Это аномальное положение ощущалось очень многими, в том числе и из правящих кругов. В начале 1911 г., обращаясь к императору, П. А. Столыпин писал: «Вашему Величеству известно, что я глубоко чувствую синодальную и церковную нашу разруху»¹¹. Вернуть исконный смысл православной обрядности, наполнить душу каждого «светом глубокой веры» стремились многие священнослужители, как и многочисленные члены их паствы, и один из путей к этому они видели как раз в опрощении и упрощении. В конечном итоге триумф Распутина — символ болезни и церкви, и общества, а отнюдь не следствие «полоумия» нескольких лиц из придворных кругов.

Распутин — это личность-явление, сочетавшие в себе часто просто несоединимое. Был ли он по-настоящему верующим? Однозначно на этот вопрос трудно ответить. Очевидно, что в нем постоянно происходила борьба (о чем он сам неоднократно рассказывал) между «бесовским» и божественным. Блуд, злость и пьянство — бесовское, любовь и молитва — божественное. Противоборство этих двух начал в душе его происходило годами, но постепенно темное все-таки стало одолевать. Архиепископ холмский и волынский, член Государственной думы, а после 1917 г. — «митрополит всех православных русских церквей за границей» Евлогий заметил в этой связи: «Сибирский странник, искавший Бога в подвиге, и вместе с этим человек распущенный и порочный, натура демонической силы, — он сочетал поначалу в своей душе и жизни трагедию: ревностные религиозные ходовики и страшные подвиги перемежались у него с падениями в бездну греха. До тех пор, пока он ужас этой трагедии сознавал, не все еще было потеряно; но он впоследствии дошел до оправдания своих падений, — и это был конец»¹².

Духовник великого князя Петра Николаевича и его жены великой княгини Милицы Николаевны, отец Феофан ввел «сибирского старца» в великокняжеские покои. О Милице и ее сестре Анастасии речь выше уже шла. Главным «стержнем» этого кружка все-таки была Милица, истово преданная поиску глубинного смысла в иррациональном и даже, чтобы ознакомиться с сочинениями восточных ми-

стиков, специально изучившая языки народов Востока. Усадьба Знаменка под Петербургом, недалеко от Петергофа, где Милица с мужем проживали с весны до поздней осени, стала центром «поисков и прозрений», которые несло с собой все то, что не поддавалось обычному объяснению. Здесь жил и «кудесничал» месье Филипп; бывали тут и другие многочисленные маги и провидцы; здесь же весьма успешно произошел «великокняжеский дебют» Григория Распутина.

От салона Милицы уже был всего лишь один шаг до царских чертогов. Роковая встреча должна была состояться и она в конце концов состоялась. Существует большая разногласия в определении времени первой встречи Григория с царской четой: называется и 1905, и 1906, и 1907 годы. В этот вопрос можно внести полную ясность. Это произошло 1 ноября 1905 г. в Петергофе. В дневнике Николая за этот день читаем: «Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божьим — Григорием из Тобольской губернии»¹³. Царь и царица находились в подавленном состоянии духа. Общее положение дел в стране было для них безрадостным. Несмотря на Манифест 17 октября умиротворение не наступило. Отовсюду шли сигналы о беспорядках и насилиях. В такой мрачной атмосфере и появился тот, кто утешил их беседой, предсказав благоприятное и скорое завершение смут и волнений.

Никаких особых потрясений от первого общения царь не испытал; беседы с «Божьими людьми» были для него давно обычным делом, и некоторые встречи глубоко западали в душу. Он, например, навсегда запомнил пророчества юрдовикой Паши из Саровской пустыни (обители), предсказавшей ему при встрече в 1903 г. и войну с Японией, и убийство дяди Сергея. Исполнялись и другие пророчества. Причем в памяти оставалось почти исключительно то, что сбывалось. Об этом всегда много говорили, припоминая различные детали, и расцветчивая случившееся богатыми подробностями. Все же остальное, что не исполнялось, каким-то образом всегда объяснялось, отодвигалось в даль памяти и там забывалось. Человек верит всегда в то, во что верит!

Черногорки выступали покровительницами Распутина, всячески расхваливая его способности перед царем и царицей. 9 декабря 1906 г. Николай записал: «Обедали Милица и Стана. Весь вечер они рассказывали нам о Григории»¹⁴. Трудно сказать, чем поразили этот человек вообра-

жение черногорских принцесс, но не исключено, что они действительно хотели использовать его как инструмент своего воздействия на царя. Однако это утверждение, многократно уже повторенное, все-таки является не более чем предположением. Примерно до 1909 г. сестры принимали в Распутине большое участие, а Милица даже подарила ему несколько тысяч рублей, на которые был построен в Покровском большой и добротный дом для распутинской семьи.

Первые год-два после знакомства Г. Распутин еще не стал для царя и царицы тем «дорогим Григорием», для которого были открыты их души. Они с радостью встречались и охотно слушали других носителей «высшей правды». «В 4 часа к нам пришел человек Божий Дмитрий из Козельска около Оптиной пустыни,— записал Николай 14 января 1906 г.— Он принес образ, написанный согласно видению, которое он недавно имел. Разговаривали с ним около полтора часа»¹⁵. С позиций рационалистического и циничного XX века может возникнуть недоуменный вопрос: что могло связывать правителя огромной державы и каких-то безграмотных странников и юродивых, с которыми он и жена разговаривали часами!

Этот вопрос уместен лишь в том случае, если отнять у Николая и Александры право на душевную радость, тот праздник, который давало верующему прикосновение к «божественному откровению». Поэтому и воспринимали они этих внешне непрезентабельных людей совершенно иначе, чем те, для кого жизнь — это всего лишь «способ существования белковых тел». Им, как и всем глубоко верующим людям, нужен был совет, наставление в повседневной жизни, который обычные смертные дать не могли, так как не несли в себе того света истины, который был доступен лишь посланцам Божьим. Неверующий не может судить жизнь верующего. Они существуют в разных мирах. Драма последнего монарха во многом объяснялась тем, что благочестивый христианин вряд ли мог быть вообще удачным правителем в новейшее время. Если родоначальник романовской династии, Михаил, в первой половине XVII в. имел возможность править, опираясь на веру и молитву, находя в пророчествах и предсказаниях ответы на многие вопросы, то через триста лет требовалась совсем другая опора. Николай и Александра были опоздавшими людьми, они пришли в XX век из другой эпохи, из времен Московского царства.

До конца 1907 г. встречи императорской четы со «старцем Григорием» были случайными и довольно редкими. Вторая встреча произошла через много месяцев после первой, летом 1906 г., когда посетив усадьбу Анастасии Сергеевны, там «увидели Григория». Но радость от общения, как всегда в таких случаях, возникала. Вот, например, запись Николая от 19 июня 1907 г.: «В 3 часа поехали с Аликс в ее двуколке на Знаменку... Встретили Стану на террасе перед дворцом, вошли в него и имели радость увидеть Григория. Побеседовали около часа и вернулись к себе»¹⁷.

Между тем, слава сибирского молитвенника и предсказателя в Петербурге постепенно росла. Даже П. А. Столыпин, человек, далекий от мистических настроений, летом 1906 г. приглашал его помолиться у постели своей дочери, тяжело раненной террористами при покушении на отца. Однако до широкой известности Григория, той, можно сказать, шумной популярности, окружавшей его в последние годы монархии, еще было очень далеко. В свете же он мало-по-малу становился экзотической фигурой, им стали «угощать» гостей в некоторых богатых домах.

В течение многих лет, часто приезжал в Петербург, Г. Е. Распутин не имел здесь своего пристанища. Его охотно принимали почитатели, число которых, вопреки распространенным слухам, никогда не было особенно велико. Вначале он неоднократно проживал у Феофана. Много раз его охотно принимали в семье петербургского журналиста правой ориентации, кандидата прав Г. П. Сазонова, которого восхищало глубокое религиозное чувство этого человека. «Прислуга наша,— вспоминал Г. П. Сазонов,— когда Распутин, случалось, ночевал у нас или приезжал к нам на дачу, говорила, что Распутин по ночам не спит, а молится. Когда мы жили в Харьковской губернии на даче, был такой случай, что дети видели его в лесу, погруженного в глубокую молитву. Это сообщение детишек заинтересовало нашу соседку-генеральшу, которая без отвращения не могла слышать имени Распутина. Она не поленилась пойти за ребятишками в лес, и действительно, хотя уже прошел час, увидела Распутина, погруженного в молитву»¹⁸.

По мере роста известности достоянием общественности становился целый шлейф скандальных слухов, тянувшийся за Г. Е. Распутиным из Сибири. Чад «леденящих кровь историй» о невероятных эротических похождениях его и о немислимых оргиях пьянил воображение образованных

мещан. Установить, где кончается правда и начинается вымысел в таких рассказах, чрезвычайно трудно. Некоторые истории имеют множество «интерпретаций», что затрудняет выяснение истины. Очевидно только, что некоторые из них были публично оглашены самим «Гришкой-эротоманом», который, по мере усиления своего влияния и известности любил пооткровенничать о случившихся с ним невероятных приключениях. Много шуму наделал, например, такой рассказ, опубликованный в петербургских газетах нововременским журналистом И. Ф. Манасевичем — Мануйловым, поданный в форме доверительного признания: «Будучи в Сибири, у меня было много поклонниц и среди этих поклонниц есть дамы, очень близкие ко двору. Они приехали ко мне в Сибирь и хотели приблизиться к Богу... Приблизиться к Богу можно только самоунижением. И вот я тогда повел всех великосветских дам — в бриллиантах и дорогих платьях, — повел их всех в баню (их было 7 женщин), всех раздел и заставил меня мыть»¹⁹. На обывателя, погрязшего в неприметных, серых буднях, подобные красочные рассказы производили огромное впечатление: светские дамы «в бриллиантах и дорогих платьях», моющие в бане крестьянского мужика, — это видение настолько сильно подействовало на публику, что навсегда осталось в околораспутинской мифологии.

В первые свои наезды в Петербург Г. Е. Распутин вел себя очень скромно, тихо и этим расположил многих из числа тех, кто пытался найти «истинного Бога». Знавший его тогда полковник Д. Н. Ломан рассказывал: «Познакомившись с Распутиным, стал его посещать с женою, а равно и он бывал у меня, но встречи наши не были часты. В то время Распутин вел себя безукоризненно, не позволял себе ни пьянства, ни особого оригинальничья. Распутин произвел на меня очень хорошее впечатление. Подобно доктору, ставящему диагноз при болезни физической, Распутин умело подходил к людям, страдающим духовно, и сразу разгадывал, чего человек ищет, чем он волнуется. Простота в обращении и ласковость, которую он проявлял к собеседникам, вносили успокоение...»²⁰.

С конца 1907 г. можно вести отсчет систематических встреч Г. Е. Распутина с царской семьей. Местом их в последние годы монархии чаще всего служил небольшой одноэтажный каменный дом на Церковной улице № 2 в Царском Селе, в котором поселилась А. А. Вырубова. Этот «Анин домик», которому суждено было стать своего рода «папертью власти», находился в полуверсте от Александ-

ровского дворца и, минуя все придворные условности, во время своих прогулок в неофициальной обстановке императорская чета могла видеть человека, «объясняющего жизнь». Судя по дневникам царя, первая такая встреча относится к весне 1908 г. «Вечером покатались и заехали к Ане. Видели Григория с Феофаном. Так было хорошо»²¹, — записал Николай 12 марта.

Вскоре в этих посиделках-собеседованиях стали принимать участие и царские дети: сначала старшие (Ольга и Татьяна), а затем и все остальные. Царь и царица принимали его и в своих покоях, правда, такие встречи бывали довольно редкими, и проходили они под покровом тайны. Затем, после серии скандальных историй, они почти совсем прекратились. Очень скоро «сибирский старец» стал своим и для детей Николая и Александры, воспитанных в духе глубокой религиозности, беспредельно всегда уважавших и ценивших все то, что было дорого родителям. 25 июня 1909 г. Ольга Николаевна писала отцу из Петергофа: «Мой милый дорогой Папа. Сегодня чудесная погода, очень тепло. Маленькие (Анастасия и Алексей. — А. Б.) бегают босиком. Сегодня вечером у нас будет Григорий. Мы все так чудесно радуемся его еще раз увидеть...»²².

В 1908—1909 гг. в высшем обществе шепотом стали передавать друг другу сенсационную новость: в царской семье появился советник, родом из Сибири, какой-то мужик. Говорили, что раньше он был конокрадом, а потом стал сектантом-хлыстом. Слухи были неопределенные, никто толком ничего не знал, но это тем не менее стало вызывать озабоченность в первую очередь у тех, кто искренне стоял на страже самодержавия, а следовательно, как многие были уверены, и России. Дворцовый комендант В. А. Дедюлин счел своим долгом сообщить начальнику петербургского охранного отделения генералу А. В. Герасимову, что у «Вырубовой появился мужик, по всей вероятности переодетый революционер», который бывает там в присутствии царя и царицы²³. Довольно быстро удалось установить, что к революционной среде Распутин отношения не имеет и что у него уже в это время существовала известная духовная близость с самодержавием.

Последнее обстоятельство стало беспокоить министра внутренних дел и премьера П. А. Столыпина, поручившего товарищу министра внутренних дел и шефу корпуса жандармов генералу П. Г. Курлову установить за Распутиным наблюдение. Собранные сведения (до нас они не

дошли) были неутешительными. Многие страницы биографии этой личности не только не вызывали никаких симпатий, но и производили отталкивающее впечатление. Петр Аркадьевич прекрасно понимал, что нахождение около венценосца человека с сомнительной репутацией неизбежно будет дискредитировать его, тем более, что об этом рано или поздно станет широко известно. Враги трона и династии получают еще один козырь в свои руки.

Имевшуюся информацию премьер решил представить царю. Это была первая серьезная попытка «раскрыть глаза государю» на облик человека, к которому монархи питали такое расположение. Объяснение произошло ранней весной 1911 г. Николай все выслушал как всегда очень внимательно, поблагодарил и в конце заявил: «Я знаю и верю, Петр Аркадьевич, что Вы мне искренне преданы. Быть может все, что Вы мне говорите, — правда. Но я прошу Вас никогда больше мне о Распутине не говорить. Я все равно сделать ничего не могу»²⁴. Точная дата этого разговора неизвестна, но 4 июня, за три месяца до трагической гибели «сильного премьера», царь записал: «После обеда имели радость видеть Григория по возвращении из Иерусалима и с Афона»²⁵.

«Радость видеть» император редко от встречи с кем испытывал. И уж если этой эмоции нашлось место среди лапидарных и сухих ежедневных дневниковых записей, то надо думать, состояние духа у него было действительно приподнятым. Что же произошло? Под воздействием каких чар находился самодержец? Неужели только хорошее знание священного писания, о котором говорили, могло так покорить сердце царя? Конечно же, нет! Знатоков священного писания было много. Хватало и предсказателей. Распутин появился в числе многих, а остался единственным не только по этим причинам, которые, безусловно, оказали свое влияние, но не были определяющими. Как заметила А. А. Вырубова, царь и царица «верили ему, как отцу Иоанну Кронштадтскому, страшно ему верили; и когда у них горе было, когда, например, наследник был болен, обращались к нему с просьбою помолиться»²⁶.

«Роковой цепью», связавшей, как оказалось навсегда, семью последнего монарха и пресловутого старца, была болезнь цесаревича Алексея. По имеющимся данным, именно в конце 1907 г. Г. Е. Распутин, оказавшись рядом с заболевшим наследником, «сотворил молитву» и положение малыша улучшилось. О том, что вмешательство Г. Е. Распутина неоднократно изменяло в лучшую сторону

ну течение болезни наследника, сохранилось довольно много различных упоминаний, но конкретных, подлинно документированных данных почти нет. Кто-то что-то слышал, кто-то что-то знал от кого-то, но никто из числа людей, оставивших письменные свидетельства, ничего сам не видел.

Болезнь Алексея мать и отец никогда не делали темами разговоров и уж тем более в случаях нездоровья никого не подпускали к сыну. Только несколько самых-самых «своих людей», от которых практически не было тайн, могли стать свидетелями. Когда же к кровати цесаревича подходил с молитвой-заклинанием Григорий Распутин — такое имели возможность узреть лишь два-три лица из ближайшего окружения, но никто из них описаний происходившего не оставил. Слухов в этой области всегда было больше, чем надежных фактов. Но одно можно все-таки констатировать вполне определенно: Распутину действительно удивительным образом неоднократно удавалось оказывать помощь маленькому наследнику. Анализ природы подобных воздействий находится за пределами возможностей историка. Тут требуются серьезные и объективные исследования медиков, которых пока нет, а существующие «пробы пера» нельзя признать убедительными.

Интересно отметить, что прорицатель-целитель стимулировал выздоровление не только при личном присутствии, но и воздействовал по телефону, и некоторые такие эпизоды описаны присутствовавшими. Приведем один. В богатой петербургской квартире собралось небольшое общество. Пьют чай. Разговаривают. Старец наставляет. В разговор беседы раздается телефонный звонок из Царского и к телефону подходит Распутин. Далее происходит следующий диалог: «Что? Алеша не спит? Ушко болит? Давайте его к телефону. Ты что, Алешенька, полуночничаешь. Болит? Ничего не болит. Иди сейчас ложись. Ушко не болит. Не болит, говорю тебе. Слышишь? Спи!» На этом разговор оборвался. Через несколько минут раздался новый звонок и «отцу Григорию» сообщили, что «у Алеши ухо не болит. Он спокойно заснул»²⁷. О несомненных психотерапевтических способностях этого сибирского крестьянина сохранилось достаточно свидетельств. Факт существования подобного дарования можно считать исторически установленным.

Приведем красочное описание сеанса лечения «наложением рук», проведенного Григорием Распутиным. Этот

рассказ принадлежит князю Ф. Ф. Юсупову, будущему убийце «Гришки-мерзавца», в задачу которого отнюдь не входило «выпячивание» способностей своей жертвы. «Сила гипноза Распутина была огромная,— вспоминал через несколько лет князь.— Я чувствовал, как эта сила охватывает меня и разливается по всему моему телу. Вместе с тем, я весь был точно в оцепенении: тело мое онемело. Я попытался говорить, но язык мне не повиновался, и я медленно погружался в сон, как будто под влиянием сильного наркотического средства. Лишь одни глаза Распутина светились передо мною каким-то фосфорическим светом, увеличиваясь и сливаясь в один яркий круг. Этот круг то удалялся от меня, то приближался, и когда он приближался, мне казалось, что я начинаю различать и видеть глаза Распутина, но в эту самую минуту они снова исчезали в светившемся кругу, который постепенно отодвигался. До моего слуха доносился голос «старца», но слов я различить не мог, а слышал лишь пеленное его бормотание. В таком положении я лежал неподвижно, не имея возможности ни кричать, ни двигаться»²⁸. «Его величеству случаю» было угодно распорядиться, чтобы эти способности вполне успешно реализовывались в лечении наследника русского престола. Здесь — основной узел всей распутинщины.

Истинным же «стержнем» распутинского исторического феномена были отношения между этим прорицателем-целителем и императрицей Александрой Федоровной. Без них жизнь этого человека вряд ли стала бы тем, чем стала: роковым знаменем романовской династии. О бесконечной вере ее в «дорогого Григория» так много написано, что повторяться не имеет смысла. Но и обойти молчанием этот сюжет нельзя. Оттенить здесь лишь главное. В оцепеневшем от страха и ожидания драмы сознании императрицы мало-по-малу укрепились уверенность, переросшая в догматическое убеждение, что «друг Григорий» — бесспорно «человек Божий», надежда и опора ее семьи, что под защитой его молитвы ее семье и России не угрожает опасность. Она это знала точно. Она это чувствовала своим сердцем, «которое никогда не обманывало».

При всей неприглядности разнообразных слухов и сплетен, окружавших Распутина, она видела его лишь с одной стороны. По словам дворцового коменданта В. Н. Воейкова, Александра Федоровна на него смотрела как «на святого человека», которых «всегда любила»²⁹.

Он был для нее правоверным христианином с молитвой на устах, ничего для себя не пожелавшим, а всегда печалившимся только о судьбе «простых людей» и просившим за униженных и оскорбленных. Это обстоятельство необходимо особо подчеркнуть: за несколько лет душевной близости и «неформальных отношений» царский друг ничего у монархов для себя не попросил, хотя, казалось, какие возможности открывали их интимные встречи! Императрица, как уже отмечалось, была очень щепетильна в таких вопросах и всегда болезненно реагировала на попытки приближенных добиться определенных льгот или материальных выгод. Ладанки, иконки, пояски, вышитые рубашки, платки и другие подобные мелочи и изделия домашнего рукоделия — это все, чем его одаривали в царской семье. Он, в свою очередь, посылал высочайшей последовательнице освященные куличи, пасхальные яйца, иконки, но главное, чему она всегда искренне радовалась, напутствия и пожелания даваемые лично, или отправляемые по телеграфу. Кроме того, она ведь и на себе испытала удивительные целительные способности Григория. Он неоднократно избавлял ее от мигреней, снимал сердечные спазмы.

Распутин играл в жизни Александры Федоровны роль наставника-утешителя. Однако не будем спешить в очередной раз возмущаться и осуждать. Попробуем себе представить, как должна была воспринимать любящая мать человека, который помогал жить, спасая от смерти ее долгожданного и любимого больше всего на свете сына? Наверное, редкая женщина не стала бы боготворить того, кто нес такое счастье! Она была убеждена, что на это способен лишь истинный посланец Господа, заступничество которого перед Всевышним дает надежду на будущее. Императрица Александра видела многих старцев, предсказателей, ясновидящих и магов, но считала, что у нее с Ники было только два настоящих друга: месье Филипп и Григорий. Первый помог появлению наследника, а второй стал защитником и охранителем благополучия венценосцев.

Свои представления и собственное понимание роли Г. Е. Распутина она излагала в письмах мужу. В июне 1915 года Александра Федоровна, например, писала: «Слушайся нашего Друга: верь ему, его сердцу дороги интересы России и твои. Бог недаром его нам послал, только мы должны обращать больше внимания на его слова — они не говорятся на ветер. Как важно для нас

иметь не только его молитвы, но и советы»³⁰. Она была убеждена, что «та страна, государь которой направляется Божьим Человеком, не может погибнуть»³¹. Ослепление отчаянием — дорого пришлось в итоге за это заплатить! Мы теперь это знаем. Царица же этого не ведала: она получила в лице Григория Распутина утешителя, в общении с которым обретала покой ее истерзанная за многие годы душа. Она ему верила и как простому человеку, и как прорицателю.

Многokrатно разочаровываясь в людях, узнав на своем веку всю ложь и коварство людской молвы, она с каким-то сладострастным пренебрежением относилась к разговорам о недостойном поведении ее кумира, о бесконечных грязно-скандальных историях, в которых фигурировало это имя. Ну и что из того, что кто-то про него дурное говорит? Я же вижу, какое открытое у него сердце и какая чистая душа! Он ведь столько раз помогал нашей семье! Его предсказания всегда сбываются! И ведь наговаривают на него часто те люди, которые еще совсем недавно возносили его до небес: епископ Гермоген, епископ Феофан, царские родственники, великие князья Петр Николаевич и Николай Николаевич и их жены, эти «подлые галки» Милица и Анастасия, как и некоторые другие. Им не стыдно порочить человека только за то, что он не стал им служить, отказался быть исполнителем их эгоистической воли! Как хорошо Григорий сам об этом рассказывал! И я ему верю, так как меня ведь нельзя обмануть, я сердцем понимаю и чувствую людей! Его наставляет Господь, который всегда указывает единственно правильную дорогу. И то, что он оказался около царской семьи,— в том воля Всевышнего!

Таковы были взгляды царицы, которым она оставалась верной всегда. По ее представлениям, ложь и клевета неизбежно сопровождают путь праведников на земле. «Испорченность мира все возрастает,— заключила Александра Федоровна в апреле 1916 г.— Во время вечернего евангелия я много думала о нашем Друге, как книжники и фарисеи преследовали Христа, утверждая, что на их стороне истина. Действительно, пророк никогда не бывает признан в своем отечестве... Он живет для своего государя и России и выносит все поношения ради нас»³². Как тут не вспомнить старую истину: сон разума рождает чудовищ! Распутина вряд ли можно назвать чудовищем, но проклятием монархии он все-таки стал.

Однако неприглядность образа Г. Е. Распутина проявлялась постепенно, и «во всей красе» он предстал перед публикой в ореоле истинных и мнимых дел и поступков уже в годы мировой войны. Когда пытаешься здесь отделить зерна от плевел, то неизбежно приходишь к выводу о сложной и противоречивой природе этого человека-символа, в котором переплеталось и сливалось воедино хорошее и плохое, искреннее и лживое, светлое и темное. Здесь невольно напрашивается вывод о том, что он — своего рода олицетворение России, страны, где все всегда было невероятно, где подвиг и предательство, удаля и трусость, истинное благочестие и дикий разврат, высоты мысли и скудоумие, трудолюбие и праздность, многие и многие другие явления-антагонисты сплошь и рядом существовали неразделимо не только в обществе, но и в душах и судьбах отдельных людей. Он — продукт России и мог появиться только здесь! Портрет этого человека нельзя рисовать исключительно мрачными красками, иначе, как это почти всегда и делалось, вместо изображения личности со своими чертами и признаками, появлялось большое темное пятно, своего рода «черная дыра» истории, которую пытались прикрывать набором расхожих умозаключений, возникших еще на заре его известности.

В существующих описаниях этого человека удивляет то, что в них всегда говорится о «Гришке-развратнике», о «Гришке-богохульнике», о «Гришке-аферисте», как будто ничего другого в его жизни никогда не было. Первые разоблачения вышли из тех кругов петербургского света, где его еще недавно охотно принимали, восхищаясь «такими яркими природными дарованиями». Однако отношение к «сибирскому самородку» стало меняться по мере его утверждения в столичных сферах. Когда же он поднялся до уровня императорских апартаментов и встретил там симпатию к себе, это озадачило многих. Кто-то, как например П. А. Столыпин, был искренне обеспокоен нежелательным умалением престижа высшей власти, кто-то возмущался там, что царь постоянно общается и даже слушает советы человека «без роду и племени» и пренебрегает знаниями и опытом образованных и родовитых. Чиновно-дворянская спесь и корпоративные амбиции «благородного сословия» с этим примириться не могли. Для многих же других Распутин стал «пикантной темой» разговоров, в которых вымысла всегда было больше, чем правды. О том, что и как связывало

Распутин с императорской семьей, никто ничего доподлинно не знал, но слухи плодились. Им верили, их сочиняли и тиражировали не только забитые обыватели, но и те, кто относился к своего рода духовной элите общества и считался передовой частью его. Скажем, А. М. Горький в письме А. В. Амфитеатрову в 1914 г. не постеснялся пересказать грязную сплетню о том, что «старец Григорий» — отец наследника престола!³³

Внешность этого человека была достаточно колоритной, и любое его публичное появление уже само по себе привлекало внимание. Вот каким увидела его, например, одна молодая дама. «Распутин я узнала сразу, по рассказам я имела представление о нем. Он был в белой вышитой рубашке, навывпуск. Темная борода, удлинненное лицо с глубоко сидящими серыми глазами. Они поразили меня. Они впадают в Вас, как будто сразу до самого дна хотя прощупать, так настойчиво, пронипательно смотрят, что даже как-то не по себе делается»³⁴. А вот описание того же человека, принадлежащее Н. А. Тэффи: «Был он в черном суконном русском кафтане, в высоких сапогах, беспокойно вертелся, ерзал на стуле, пересаживался, дергал плечом... Роста довольно высокого, сухой, жилистый, с жидкой бороденкой, с лицом худым, будто втянутым в длинно-длинный мясистый нос. Он шмыгал блестящими глазами, колючими, близко притиснутыми друг к другу глазами из-за нависших прядей масляных волос. Кажется, серые были у него глаза. Они так блестели, что цвет нельзя было разобрать. Беспокойные. Скажет что-нибудь и сейчас все глазами обегает, каждого кольнет, что, мол, ты об этом думаешь, доволен ли, удивляешься ли на меня?» Приведем еще портрет-зарисовку, оставленную французским послом в Петербурге М. Палеологом, встретившим Распутина в доме одной петербургской аристократки. «Темные длинные и плохо расчесанные волосы; черная, густая борода; высокий лоб, широкий, выдающийся вперед нос, мускулистый рот. Но все выражение лица сосредоточено в глазах льняно-голубого цвета, блестящих, глубоких, странно притягательных. Взгляд одновременно пронзительный и ласкающий, наивный и лукавый, пристальный и далекий. Когда речь его оживляется, зрачки его как будто заряжаются магнетизмом»³⁵.

При очевидных разночтениях в приведенных текстах, одна черта его облика поражала всех: глаза, неизменно притягивающие внимание. Вот что в этой связи написал

знаток сектантства, историк и этнограф, а после 1917 г. — известный деятель советского правительства В. Д. Бонч-Бруевич: «Мое внимание прежде всего обратили его **глаза**: смотря сосредоточенно и прямо, глаза все время **играли** каким-то фосфорическим светом. Он все время **точно** прощупывал глазами слушателей, и иногда вдруг речь его замедлялась, он тянул слова, путался, как бы думая о чем-то другом, и вперялся неотступно в кого-либо, в упор, в глаза, смотря так несколько минут, и все почти нечленораздельно тянул слова. Потом вдруг спохватывался: «Что это я», смущался и торопливо старался перевести разговор. Я заметил, что именно это упорное смотрение производило особенное впечатление на присутствующих, особенно на женщин, которые ужасно смущались этого взгляда, беспокоились и потом саморобко взглядывали на Распутина и иногда точно тянулись к нему еще поговорить, еще услышать, что он скажет»³⁷. Подобные описания можно еще долго множить.

В последние годы монархии интерес к Распутину был огромный, что во многом объяснялось таинственно-скандальным ореолом, окружавшим этого человека. Нравственному падению Григория Распутина несомненно способствовал ажиотаж вокруг него. Он не устоял против соблазнов популярности и не выдержал испытаний роскошью и почетом. Оказавшись желанным гостем в шикарных столичных апартаментах, получив доступ к жизни, о которой он совсем еще недавно даже не подозревал, сибирский проповедник какое-то время держался. Но постепенно отсутствие воспитания и твердых моральных принципов не могло не дать о себе знать. И уже через несколько лет после появления Распутина в Петербурге, стали все больше проявляться отрицательные черты характера. Жизнь превращалась в кураж. Унижения, грубость, каторжный труд, холод и голод прошлых времен оставили след в его душе.

Общение с царями пьянило крестьянскую натуру. Он стал мнить себя всемогущим, любил произвести впечатление рассказами о своем влиянии, и эти его застольные повествования (а во многих случаях рассказы) передавались из уст в уста. Общественное мнение, осуждая императрицу за ее веру в этого человека, тоже в известном смысле стало жертвой распутинского воздействия, безропотно принимая слово за дело. Однако очевидно и то, что в делах Григория Распутина было достаточно истинного пренебрежения к традициям и порядкам. В этих

вопросах вряд ли он действительно сколько-нибудь серьезно разбирался. В то же время прекрасно понимал, что его необразованность («неотесанность») и грубые манеры не мешали ему быть популярным и оставаться «царевым другом». «Меня не будет — царей не будет, России не будет» — в это мрачное распутинское пророчество уверовала царица, и он об этом знал. Все остальное рядом с таким жизненным предначертанием становилось несущественным.

В нем постоянно росло, достигнув со временем невероятных размеров самомнение, мешавшее ему правильно понять и оценить себя и свое поведение. Это качество вело к самооправданию всех своих поступков, что действительно, как заметил митрополит Евлогий, означало начало конца личности. Товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий, близко наблюдавший Г. Е. Распутина и много раз с ним встречавшийся в последние годы жизни, отмечал такую характерную черту его как «чувство какой-то болезненной чуткости в проявлении к нему знаков внимания со стороны того общества, в среде которого он находился, желание его быть все время центром общего к нему интереса»³⁸.

При всем обилии мемуаров, в которых так или иначе фигурирует это имя, все «вспоминатели» безусловно отрицательно относились к этому «бесстыжему мужику». Примечательно, что хотя всегда было много разговоров о сторонниках и ставленниках Г. Е. Распутина, никаких сколько-нибудь благожелательных высказываний о нем в литературе встретить нельзя. В обществе существовали свои неписанные «правила игры». Даже те, кто по той или иной причине искали благорасположения царского друга, вынуждены были скрывать эти свои слабости, никогда не высказывать своих симпатий и иногда даже публично осуждать поведение и роль «старца Григория». Такое фарисейство диктовалось опасением подвергнуться моральному террору общества, где возобладало однозначное мнение о том, что любые связи с этим человеком безнравственны и даже преступны.

Примечательно в этом смысле двуличие графа С. Ю. Витте. Много лет он поддерживал неофициально-доверительные отношения с ближайшим сподвижником Распутина, епископом Каргопольским, а затем Тобольским, Варнавой (в миру — Василий Некрытин). Этот иерарх был желанным гостем в особняке экс-премьера и экс-министра, а во время пребывания в Петербурге неиз-

менно получал от него приглашения наподобие следующего: «Не будете ли Вы так любезны, высокочтимый владыко,— писал С. Ю. Витте 24 февраля 1907 г. в телеграмме,— приехать к нам на днях завтракать. Доставите большое удовольствие. Не откажите назвать день»³⁹. О близких связях между Варнавой и Распутиным Сергей Юльевич прекрасно был осведомлен, выражал через него свою симпатию «старцу», и когда летом 1914 г. распространился слух об убийстве «проклятого Гришки», послал из Германии, где тогда отдыхал, письмо Варнаве, полное сочувствия и возмущения. Среди прочего — писал: «Сейчас я прочел телеграмму об убийстве старца. Я его видел один раз в жизни (семь лет тому назад!). Отказался от дальнейших свиданий дабы не давать ядовитую пищу в руки врагов моих и его. Но убийство это в высшей степени возмутительно»⁴⁰. Слухи скоро эти были опровергнуты, и опосредованные отношений с Распутиным С. Ю. Витте поддерживал до своей смерти (в феврале 1915 г.). Роль «связующего звена» между ними выполняла жена графа, неоднократно посещавшая квартиру Распутина. После революции она была зачислена следственной комиссией в число самых рьяных распутинцев⁴¹. Однако все эти симпатии и отношения не помешали С. Ю. Витте в своих мемуарах неоднократно уничижительно отозваться о Г. Е. Распутине⁴².

Надо отдать должное всем писавшим о Распутине: все-таки одно положительное качество они за ним признавали — ум. В массе опубликованных оценок и суждений никто и никогда не назвал его глупым. Однозначно такое мнение высказывали и те, кто его знал лично. «Он был очень умный. Он был великий комедиант», констатировал И. Ф. Манусевич-Мануйлов⁴³. Последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов на допросах в ЧСК, назвал Распутина «умным, но неразвитым человеком»⁴⁴, а генерал П. Г. Курлов уже в эмиграции поражался «природному уму Распутина»⁴⁵. Приведем еще высказывание одного из самых рьяных и оголтелых противников Г. Е. Распутина, председателя III и IV Государственных дум М. В. Родзянко, деятельности которого распутиниада обязана канонизацией некоторых мифологем, заметившего, что он «умный и тонкий», хотя почти неграмотный мужик»⁴⁶.

За несколько лет до крушения монархии ни для кого уже не составляло секрета, что Распутин стал заметным общественным явлением лишь в силу симпатий, как ка-

залось многим, необъяснимых, которые питали к этому император, и особенно императрица. Общественность особенно «прозрела» после ознакомления с текстом письма, которое приводится ниже. «Возлюбленный мой и незабвенный учитель, спаситель и наставник. Как томительно мне без тебя. Я только тогда покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки и голову свою склоняю на твои блаженные плечи. О, как легко, легко мне тогда бывает. Тогда я желаю мне одного: заснуть, заснуть на веки на твоих плечах, в твоих объятиях. О, какое счастье, даже чувствовать одно твое присутствие около меня. Где ты есшь? Куда ты улетел? А мне так тяжело, такая тоска на сердце. Только ты, наставник мой возлюбленный, не говори Ане о моих страданиях без тебя. Аня Добрая, она — хорошая, она меня любит, но ты не открывай ей моего горя. Скорее приезжай. Я жду тебя и мучаюсь по тебе. Прошу твоего святого благословения и целую твои блаженные руки. Во веки любящая тебя М.»⁴⁷

Даже тот, кто впервые видит вышеприведенный текст, без особого труда может догадаться, что речь идет о письме царицы к своему «дорогому Григорию». В пользу этого говорит и прозрачный намек на «Аню», несомненно Вырубову, и подпись — сокращенное от неофициального титулования царицы в придворном кругу: «Мама земли русской» (Николая называли соответственно «Папа земли русской»). Читая эти строки, невольно приходишь к выводу о том, что отношения Александры Федоровны к старцу строились на чем-то большем, нежели только на восхищении прилежной ученицы своим уважаемым наставником. Однако не следует спешить делать вывод об альковных связях. Очень многое в самом тексте говорит о том, что перед нами — ловко состряпанная фальшивка, которую тем не менее широко используют для доказательства «падения» и «вырождения» последней царицы. Попытаемся спокойно разобраться в этом сюжете, который представляется принципиальным для понимания и личности последней императрицы, и ее отношений с Г. Е. Распутиным.

Появление этого послания относится еще к дореволюционному времени, когда оно, как и письма четырех царских дочерей, имели широкое хождение «в списках». Впервые опубликован этот текст был после Февральской революции в скандально-сенсационной книге воспоминаний бывшего церковнослужителя, иеромонаха Илиодора

в 1917 г. Обрисуем в общих чертах личность автора и историю данных воспоминаний, сыгравших заметную роль в разжигании «документированной» антиромановской истерии.

Имя Илиодора гремело в России в конце первого — начале второго десятилетия XX в. Это был известный проповедник, собиравший тысячные толпы верующих, беспощадно клеймивший революционеров, интеллигенцию, евреев, сановников. Отстаивая незыблемость «исконных основ» самодержавия и играя роль глашатая самых темных общественных сил, выпускник Петербургской духовной академии определенной политической программы не имел. Как показала вся его шумная и довольно скоротечная «общественная карьера», он руководствовался не принципами и глубокими убеждениями; им двигало главным образом неумное честолюбие, жертвою которого он в конце концов и стал. Судьба этого «факира на час» сама по себе не была бы интересна, если бы она не высветила некоторые важные и примечательные реалии того давнего, но еще не понятного времени.

Иеромонах Илиодор происходил из донских казаков и в миру носил имя Сергей Труфанов. В 1903 г. он принял монашество и после окончания духовной академии в 1905 г. поступил в Почаевскую лавру, где получил широкую известность своими антиреволюционными проповедями. В России бушевали общественные страсти, и молодой проповедник завоевал расположение в правых кругах российского общества, был принят во влиятельных петербургских салонах и даже удостоился аудиенции у Николая II. Консервативные круги увидели в нем деятеля, способного, как казалось, противопоставить свою проповедь разрушительной радикальной пропаганде.

В 1908 г. его переводят в г. Царицын — большой торгово-промышленный центр Саратовской губернии, где он стал настоятелем монастыря. Здесь под покровительством сочувствовавшего ему саратовского епископа Гермона Илиодор развернул шумную черносотенную кампанию, подвергая постоянным резким нападкам и шельмованию не только революционеров, но в еще большей степени многих других, в том числе и крупнейших сановников. Среди них особое место отводилось премьеру-реформатору, характер деятельности которого вызывал злобу и ненависть среди немногочисленных, но влиятельных сил. Факт появления Илиодора на политической сцене

П. А. Столыпин рассматривал как симптом серьезной болезни и писал в феврале 1911 г. Николаю II: «Я считаю самое направление проповедей Илиодора последствием слабости Синода и Церкви и доказательством отсутствия церковной дисциплины»⁴⁸.

Демагогический и кликушествующий характер проповедей Илиодора приводил толпу в состояние, близкое к экстазу, о чем свидетельствуют сохранившиеся их описания. Постоянные выпады Илиодора против местной администрации заставили подать в отставку саратовского губернатора графа С. С. Татищева. Прибывший ему на смену в марте 1911 г. П. П. Стремоухов вспоминал, как Илиодор утверждал, что «революция в России затеяна жидами, поддержана всею интеллигенцией и продавшись им чиновниками, губернаторами, министрами, а в особенности Столыпиным». Эти его монологи сопровождались театральным действием: «На дворе монастыря иеромонах соорудил картонного пятисаженного дракона — «гидру революции». По окончании проповеди он пронзал ее копьем, наподобие Георгия Победоносца, и отрубал одну голову, которая за ночь вырастала. В галерее монастыря был им повешен портрет Льва Толстого и он требовал, чтобы все проходившие плевали на него» и т. д. и т. п.⁴⁹. Все это убедительно свидетельствует о низком интеллектуальном и нравственном уровне и самого проповедника, и его аудитории.

Бесконечные оскорбления членов правительства и лично П. А. Столыпина не могли долго оставаться незамеченными. Монаха несколько раз отстраняли от управления монастырем и высылали из Царицына. Но заступничество его друзей, Гермогена и Распутина, некоторое время спасало его от серьезных неприятностей. Осенью 1912 г., находясь фактически в заключении во Флорищевой пустыне (Владимирская губерния), Илиодор обратился в Синод и к поклонникам с заявлением, в котором отрекался от своих убеждений, просил прощения у евреев и интеллигенции и объявлял, что он «оставляет христианскую религию и просит о снятии с него сана». Одновременно с этим он опубликовал в газетах письмо, уверяя, что «страдает за честь царя-батюшки»⁵⁰.

Дальнейшая жизнь этого авантюриста и демагога не была тихой и уединенной. Уехав на Дон, Сергей Труфанов женился и стал проповедовать новую религию «разума и солнца». В одной из своих речей он непочтительно отозвался об императоре и императрице и, стремясь из-

бежать уголовного наказания, скрылся за границу: сначала в Швецию и Норвегию, а затем — в Северную Америку. Там начал заигрывать с леворадикальными кругами и в 1914—1915 гг. написал книгу «Святой черт», содержащую массу скандальной информации. Авторам изначально двигало желание отомстить своим «обидчикам и притеснителям», в числе которых главное место отводилось Распутину и императрице.

Не лишено интереса то, что помогал Илиодору бежать за границу А. М. Горький, на даче которого он останавливался. Причем замысел написать «книгу-бомбу» у монаха созрел уже в начале 1912 г., и это желание нашло живой отклик у «буревестника революции» А. М. Горького, писавшего в марте того года журналисту-посреднику С. С. Кондурушкину: «Мне кажется,— более того, я уверен, что книга Илиодора о Распутине была бы весьма своевременна, необходима, что она может принести многим людям несомненную пользу. И я очень настаивал бы,— будучи на вашем месте,— чтобы Илиодор написал эту книгу. Устроить ее за границей я берусь»⁵¹.

Основной центр тяжести сочинения «монаха-отступника», этого, по меткому выражению С. Ю. Витте, политического негодяя⁵²,—распутинская тема, и здесь разоблачительная заданность проступает сразу же. «Царева друга» Илиодор люто ненавидит, хотя ранее они поддерживали дружеские отношения. Причины их разрыва лежали вне сферы нравственно-этической, как пытается уверить автор. Просто чары Григория Распутина оказались более сильными, чем представлялось Илиодору, которому не удалось добиться подобного влияния, хотя он очень этого хотел, встречался с монархами и проповедовал. Царь якобы даже обещал возвести его в сан митрополита, но обещание свое не сдержал. Илиодор проиграл борьбу «со слугой дьявола» и, оказавшись за границей совершенно без средств, решил нанести удар неблагодарному царю публикацией книги, полной якобы скандальных разоблачений (и заодно неплохо заработать).

Предваряя издание, Сергей Труфанов усгно и письменно неоднократно заявлял о наличии у него сенсационных документов, изобличающих в неблагоприятных делах Распутина, но что особенно важно, «срывавших покровы» с отношений между ним и царской семьей. Понимая, что деятельность бывшего монаха может нанести вред престижу императорской семьи, государственная власть несколько раз пыталась с ним договориться «полюбовно»

и выкупить все возможные материалы. Весной 1916 г. в столицу Норвегии г. Христианию по распоряжению министра внутренних дел Б. В. Штюрмера, пожелавшего проявить ревностное усердие, тайно выехали высокопоставленные чиновники этого ведомства и вступили в переговоры с Труфановым. Эмигранту обещали прощение и разрешение возвратиться в Россию в обмен на имевшиеся у него бумаги. Он встретил эти известия с радостью, выразил готовность примириться с Распутиным и начать совместно работать с ним «на благо России». При этом он выдвинул лишь одно условие: выплатить ему несколько десятков тысяч рублей, сумму по тем временам огромную. Однако даже показать пресловутые документы бывший проповедник отказался, и соглашения достичь не удалось. Участвовавший в переговорах адъютант министра жандармский подполковник Р. Ю. Пиранг заметил, что бывший священник произвел на него «впечатление совершенно беспринципного человека, готового на что угодно»⁵³.

Интерес власть имущих к персоне Илиодора-Труфанова лишь усилил его шумную деятельность по рекламированию себя и своего сочинения. В середине 1916 г. он покидает Европу и переезжает в США. Здесь один журнал приобрел у него право на издание, выплатил часть гонорара и анонсировал публикацию. По распоряжению все того же Б. В. Штюрмера, ставшего к этому времени министром иностранных дел, дипломатическая служба России в Вашингтоне зорко следила за развитием событий. В августе-сентябре того года представители посольства вступили в переговоры с бывшим монахом, стремясь воспрепятствовать изданию. Русский посол сообщал в Петроград 31 августа 1916 г. о том, что «Илиодор считает себя несправедливо униженным и мстительно настроен, но явно не хочет порывать с родиной»⁵⁴. Он опять живо откликнулся на предложение начать переговоры и сразу же согласился продать все имевшиеся материалы за несколько десятков тысяч рублей (сумма была несколько меньшей по сравнению с затребованной весной).

Однако очень скоро выяснилось, что никаких подлинных документов в распоряжении этого авантюриста и шантажиста нет, а имеются только какие-то копии довольно сомнительного свойства. Сделка опять не состоялась. Будучи абсолютно бессовестным человеком, Труфанов не постеснялся обратиться и к Александре Федоровне лично. Об этом эпизоде А. А. Вырубова позднее напи-

сала: «Илиодор осенью 1916 г. предложил по телеграфу Императрице купить у него эту книгу за 20000 рублей, но императрица отклонила это предложение, находя недостойным для себя отвечать что-либо Илиодору»⁵⁵. Вышесказанное убедительно подтверждает полную беспринципность «монаха-разоблачителя».

Ознакомившись с рукописью, и американский журнал «Метрополитэн» отказался от публикации, найдя недопустимым издание книги, содержащей бездоказательные обвинения конкретных лиц. Это произведение получило право на жизнь сразу же после падения монархии в России, когда самые невероятные обвинения и клеветы по адресу бывших самодержцев выглядели уместными и обоснованными. Русская журналистика не выдержала пристойной испытание свободой в 1917 г. То, что считалось неприличным в Америке, в России, двигавшейся «из царства мрака в царство света и свободы», стало не только возможным, но и желанным. Ничего не надо было доказывать, нужно было только разоблачать свергнутую власть. Публика жаждала деталей и подробностей «гниения» и «вырождения» в красках, лицах и альковных ситуациях. Она их получила в избытке! Бойкие «мастера пера» потрудились на славу*. Изготовление скандального чтива было поставлено на поток, и среди первых подобных публикаций оказалось сочинение Илиодора.

Этот опус полон самых невероятных историй, анализировать неправдоподобность которых здесь нет возможности. Остановимся лишь на уже упомянутом чрезвычайно важном в данном случае сюжете: на отношениях между царицей и Распутиным, которые автор описывает, ссылаясь на рассказы «Гришки Окаянного». Мы никогда уже не узнаем, рассказывал ли что-нибудь подобное Распутин в действительности, хотя хорошо известно, что он любил в состоянии алкогольного опьянения прихвастнуть о своем невероятном влиянии в «царевом доме». Однако с большой долей вероятности можно предполагать, что эти описания — плод сексуально неуравновешенной фантазии Илиодора. В отношениях между Александрой Федоровной и Распутиным никогда не было никаких «поцелуев», «объятий», «посещений царских спален» и т. п. атрибутов, рисующих последнюю императри-

* Не может не вызвать сожаления, что в последние годы этот, как казалось, ушедший навсегда в небытие поток бульварного чтива, в значительной степени переиздан без какой-либо научной атрибуции.

пу какой-то эротоманкой. Все было значительно сложнее и драматичней.

Важно подчеркнуть, что аутентичность приводимых в книге Илиодора романовских писем, и в первую очередь писем императрицы, не установлена, хотя их часто используют для иллюстрации пресловутого тезиса об интимных отношениях между Александрой Федоровной и сибирским проповедником. Впервые в обращении эти «документы» появились примерно в 1911 г. Здесь возникает уместный вопрос о том, писала ли она «своему Другу» вообще? Ее confidentка А. А. Вырубова однажды логично заметила: «Что же писать письма, он их не читал, давал посторонним, это не особенно приятно»⁵⁶. Царица, конечно же, прекрасно знала, что Г. Е. Распутин был безграмотный и что для ознакомления с любым письменным текстом ему надо привлекать каких-то людей. Учитывая ее щепетильность, трудно предположить, что она могла посылать подобные письма-исповеди.

К моменту издания сочинения Илиодора подлинников писем в распоряжении публикаторов не было, и по заявлению автора, они были переданы министру внутренних дел А. А. Макарову еще в 1912 г.; а тот вручил письма царю. Происхождение всех этих якобы документов довольно туманно. «Поп-расстрига» рассказывал, что в конце 1909 г. он гостил у Распутина в селе Покровском, и там хозяин в приступе любви к своему гостю-другу достал из сундука пачку писем и позволил Илиодору выбрать «на память» несколько штук. Эта история выглядит неправдоподобной, так как не подтверждается хронологией и некоторыми другими данными. В то же время имеются сведения, позволяющие считать, что до 1912 г. императрица Распутину все-таки писала. Факт существования одного царицыного письма Распутину удостоверяла в своих письменных показаниях ЧСК осенью 1917 г. А. А. Вырубова⁵⁷. Однако те ли это тексты? Председатель Государственной думы М. В. Родзянко уже в эмиграции утверждал, что подлинное письмо Александры Федоровны находилось у него и что «ранее оно в извращенном виде ходило по рукам»⁵⁸. Бывший премьер В. Н. Коковцов уверенно называл циркулировавшие послания апокрифами⁵⁹. Существуют и другие аналогичные констатации, позволяющие считать воспроизведенный в книге Илиодора текст очередной мистификацией, ставшей одним из «краеугольных камней» всей распутиниады.

Илиодоровские фальшивки очень способствовали рас-

ширению интереса к распутинской теме; стали утверждать, что не только «эта Алиса», но и государь находится в руках ужасного человека. Дворцовый комендант позднее так объяснил смысл всей истории: «Это был гипнотизер, каких у нас очень много, у нас в деревне, в Пермской губернии был мужик Михайлов. Он был совершенно на том же положении, что и Распутин. Все помещики считали — раз он что-то сказал — конечно, это был закон для них; на мужчин это не так действовало»⁶⁰. Между тем воздействие Распутина на Николая II действительно существовало. Он тоже видел в нем «человека Божьего», хотя подобное убеждение формировалось медленней и не было столь всеохватывающим, как у Александры. Император бесконечно доверял своей «дорогой Аликс» во всем, что касалось спокойствия и благополучия семьи. Царь был убежден, что лучше его жены никто не знает, что такое счастье, и что такое любовь. Один из исследователей справедливо сказал: «Может быть главным недостатком императора Николая II, как правителя, было то, что он слишком любил свою жену и слишком полагался на эту ненадежную опору»⁶¹.

Общение с «дорогим Григорием» давало успокоение душе, то, чего часто так не хватало последнему самодержцу в повседневной жизни. В минуту откровенности царь заметил генерал-адъютанту В. А. Дедюлину, что Распутин — «хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнений и душевной тревоги я люблю с ним беседовать и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно»⁶². Подобные заявления не могли остаться незамеченными. «Боже мой! До чего мы дожили! Что творится в России!?» «Образованное общество» начинало роптать. Чиновно-дворянский мир стал ужасаться. Знакомая нам уже генеральша А. В. Богданович восклицала в феврале 1912 г.: «С печальным, подавленным чувством сажусь писать. Более позорного времени не приходилось переживать. Управляет теперь Россией не царь, а проходимец Распутин, который громкогласно заявляет, что не царица в нем нуждается, а больше он, Николай. Это ли не ужас!»⁶³.

Борьба с Распутинным постепенно приобрела характер общественной добродетели. После смерти П. А. Столыпина ей стали уделять внимание и другие известные деятели. В начале 1912 г. с трибуны Государственной думы громкую речь произнес один из ведущих российских либеральных политиков, глава партии «Союз

17 октября» («октябристы»), бывший председатель Государственной думы Александр Иванович Гучков. Он был почитателем реформаторских устремлений убитого премьера, оказывал ему поддержку и вообще входил в число близких к нему лиц. Не исключено, что Петр Аркадьевич успел поделиться с ним некоторыми сведениями о биографии и роли Г. Е. Распутина. У А. И. Гучкова возникло убеждение, что серия внутрицерковных скандалов в 1910—1912 гг., связанных с именами епископа Гермогена, иеромонаха Илиодора и некоторыми другими, была результатом сторонних влияний. Неожиданные перемещения в среде церковных иерархов в тот период позволяли делать вывод о том, что именно «темные силы» во главе с императрицей и ее другом стояли за этими событиями.

Публичных разоблачений «Грязного Гришки» пока еще не было. А. И. Гучков положил им начало. Выступая 9 марта 1912 г. при обсуждении сметы Синода, Александр Иванович заявил: «Какими путями достиг этот человек этой центральной позиции, захватив такое влияние, под которым склоняются внешние носители государственной и церковной власти. Вдумайтесь только, кто же хозяйничает на верхах, кто вертит ту ось, которая тащит за собою и смену направлений, и смену лиц, падение одних, возвышение других?... Но Григорий Распутин не одинок: разве за его спиной не стоит целая банда, пестрая и неожиданная компания, взявшая на откуп и его личность и его чары?»⁶⁴ Эта эмоциональная и эффектная речь прогремела на всю Россию. Пожалуй, именно с этого момента и можно вести отсчет постоянно набиравшей силу политической кампании общественных деятелей по разоблачению «засилья темных сил».

Незадолго до гучковского выступления председатель Думы М. В. Родзянко имел разговор с царем о Г. Е. Распутине. В своих воспоминаниях «этот толстяк», которому было суждено сыграть в истории не соответствующую его возможностям политическую роль, преподносил этот свой шаг, как акт великого общественного блага. Но его рассказ невольно вызывает и другие мысли: насколько общественные представления, о чем уже неоднократно упоминалось выше, были приблизительными, в какой значительной степени сплетня, слух и запрограммированный вывод определяли взгляды людей. 28 февраля 1912 г. состоялось объяснение, при котором глава палаты депутатов заявил о недопустимом влиянии Г. Е. Рас-

путина, о том, что этот человек — «оружие в руках врагов России, которые через него подкапываются под церковь и монархию», что под его влиянием перемещаются церковные иерархи, что он «хлыстовец» и развратник.

Председатель Государственной думы вообще прославился своими мрачно-истерическими монологами и прогнозами, где восклицаний типа: «России грозит опасность», «Трон в опасности», «Нужны решительные действия», «Россия на краю катастрофы» и т. д. было много, а сколько-нибудь трезвого анализа положения и обоснованных рекомендаций явно не хватало. Перед Февралем 1917 года энтузиазма многих людей «позы и фразы» часто хватало лишь на то, чтобы произнести эффектную речь, в которой в ярких метафорах и остроумных лексических оборотах разоблачалась правящая власть, и, предсказав неизбежную катастрофу, покинуть трибуну под гром восторженных аплодисментов, чтобы затем в кругу друзей-единомышленников, за богато сервированным столом обсуждать очередное «крупное общественное событие».

В беседе с М. В. Родзянко самообладание Николаю II изменило, и он несколько раз прерывал поток страстных инвективов и возвращал своего собеседника, что называется, на землю обычными и такими обоснованными вопросами: «У Вас есть факты о том, что Распутин сектант? Откуда Вы взяли, что он занимается развратом? Какие перемещения произведены под его влиянием?» Из прозвучавших же ответов сразу стало ясно, что все выводы построены на каких-то смутных свидетельствах. Хлыстовство Распутина выводилось из умозаключений автора одной брошюры, в обоснование его «развратных действий» лидер Думы привел сообщение, относившееся к какому-то давнему времени о том, что о, ужас! он ходил с женщинами в баню! На это Николай, будучи более уравновешенным человеком, чем его собеседник, спокойно заметил: «Так что же здесь особенного? У простолудинов это принято»⁶⁵. Но М. В. Родзянко успокоиться не мог. Он показал царю фотографии, на которых проповедник сидел в окружении женщин. Это широко известное ныне изображение, многократно публиковавшееся под названием «Распутин в кругу поклонниц», на котором при самом пристальном изучении нельзя заметить никаких признаков «развратно-сексуальных деяний». Зачитывались еще и два письма от женщин, ставших жертвами распутинских чар, которых он

якобы обольстил. Эти признания обнаружить не удалось, но, зная общую ситуацию, не исключено, что это «блюдо» было приготовлено на той же кухне, что и илиодоровские фальшивки.

О своей встрече глава Думы рассказывал в подробностях направо и налево, представляя себя борцом с «темными силами». Его шумная кулуарная деятельность, громкая речь А. И. Гучкова и антираспутинская записка премьера В. Н. Коковцева, составленная примерно в то же самое время для царя, — все это делало свое дело. Страх, возмущение, злорадство, ненависть охватывали в той или иной степени многих. Признаки беспокойства начинали проявлять особо близкие к трону лица. Подруга императрицы княгиня З. Н. Юсупова, красивая, обаятельная и искренне добродетельная женщина, имела объяснение со своей порфироносной приятельницей, закончившееся тем, что Александра Федоровна фактически прекратила с Зинаидой Николаевной всякое близкое общение.

Шум и скандал не мог не привлечь внимания и вдовствующей императрицы. Всю жизнь Мария Федоровна помнила пророчество, слышанное ею еще в давние времена, тогда, когда она, молодая жена и молодая императрица, ждала своего первенца, будущего сына Николая. Рассказывали, что старушка-ясновидящая ей предсказала: «Будет сын твой царить, все будет на гору взбираться, чтобы богатство и большую честь занять. Только на самую гору не взберется — от руки мужицкой падет»⁶⁶. Имя Распутина и его роль вызывали у вдовствующей императрицы тяжелые предчувствия. Не известно, сколько раз она разговаривала с сыном и его женой на эту тему, но что такие беседы были — несомненно. Поддерживая отношения с такими людьми как М. В. Родзянко и В. Н. Коковцев, она была наслышана о многом и однажды заметила последнему: «Несчастливая моя невестка не понимает, что она губит и династию и себя. Она искренне верит в святость какого-то проходимца, и мы бессильны отвести несчастье»⁶⁷.

Между тем Александра Федоровна всегда была резкой противницей любого вмешательства в ее семейные дела и не желала изменять своему правилу даже для свекрови. Распутин — их с Ники внутрисемейное дело, которого никто не смеет касаться! Те, кто не понимали или не хотели понять, что значит для них Григорий, вызывали в ее душе антипатию. «Злая молва заполнила их серд-

це», — так она считала, комментируя рассказы и призывы приближенных и в том была непоколебима. Надо заслужить благоволение Господа — только в этом высший смысл жизни, а симпатии и недовольство смертных — этим можно пренебречь! Люди не вправе рассуждать о царе, и уж тем более судить о его поступках. Он помазанник Божий, он выше всякого общественного мнения!

Царь и царица имели к этому времени уже свой взгляд на Распутина и не желали уступить давлению родни и общества, требовавших выдворения «дорогого Григория» из Петербурга, на чем настаивал еще П. А. Столыпин. Помимо прочих соображений, Николай, в силу особенности своей натуры, не мог принять решение, которое ему навязывалось. В таких случаях он проявлял поразительную неуступчивость, доходившую порой до необъяснимого упрямства. Иногда, когда у него хотели вырвать согласие на что-то, он просто говорил «нет» и разговор прекращался, причем он только в редких случаях мотивировал свою позицию. Отказ прогнать «исчадие ада» от подножия трона он объяснял министру двора В. Б. Фредериксу: «Сегодня требуют выезда Распутина, а завтра не понравится кто-либо другой и потребуют, чтобы и он уехал»⁶⁸, а высказывавшему возмущение дворцовому коменданту В. Н. Воейкову (зятю министра императорского двора) сказал, как отрезал: «Мы можем принимать кого хотим»⁶⁹. Желание Николая и Александры принимать в своей семье, кого они хотят, вполне можно понять. Но они не были просто частными лицами; императорская чета не имела права пренебрегать традицией.

Сам прорицатель и целитель понимал, какое необычное положение он приобрел, чувствовал, что окружающий мир его не любит и хочет его гибели. Он каждый год на несколько месяцев уезжал из Петербурга или к себе на родину, или по скитам и монастырям. С его отъездом разговоры о нем стихали, а возвращение вызывало всегда новую волну интереса и слухов. Со временем жить, где придется, в императорской столице становилось неудобным. Нужна была постоянная крыша над головой. Свое последнее пристанище в Петербурге старец-проповедник получил незадолго до начала мировой войны, когда для него была снята обширная квартира из нескольких комнат на третьем этаже большого доходного дома по Гороховой улице, 64. Здесь он жил с мая 1914 г. и до последнего дня своей жизни, т. е. в то время,

когда достиг вершин славы, обрел всемирную известность (о Распутине писали во время войны многие иностранные издания). Отсюда же холодной декабрьской ночью 1916 г. он уехал на встречу со своей смертью.

Оплачивал арендные счета за нее управляющий императорской канцелярией и отец А. А. Вырубовой — А. С. Танеев. Точно не известно, из каких фондов черпались средства, но не исключено, что на эту цель выделяла собственные деньги императрица Александра Федоровна. Сохранилось уведомление личного секретаря царицы и заведующего ее канцелярией графа Я. Н. Ростовцева, направленное Александре Федоровне, в котором говорилось: «Во исполнение высочайшего Вашего Императорского Величества повеления, последовавшего в 19 день марта 1914 г., известному Вашему Императорскому Величеству лицу переведено 75000 рублей»⁷⁰. Что это было за лицо, получившее по высочайшему повелению целое состояние? При этом собственные расходы императрицы за весь 1914 г. составили немногим более 36 тыс. руб., из которых более 20 тыс. руб. пошли на пособия и пожертвования⁷¹. Зная природную расчетливость и экономность царицы, можно быть вполне уверенным, что подобный расход она могла произвести лишь в экстраординарном случае. Не исключено, что эти деньги должны были обеспечить Распутина, хотя для найма квартиры и для повседневного существования его семьи размер указанной субсидии слишком велик (аренда очень хорошей квартиры в Петербурге стоила тогда 2—3 тыс. рублей в год).

В своих показаниях, данных в казематах Петропавловской крепости осенью 1917 г., А. А. Вырубова затрагивает и эту тему, вокруг которой всегда существовало множество домыслов. В частности, она писала: «На какие средства жил Распутин я не знаю, но приблизительно в 1910—1911 году и в последующее время Император и Императрица, когда Распутин уезжал из Петрограда, что бывало раза по три в год, передавали ему деньги из своих личных средств «на дорогу», но никогда не более, чем в сумме ста рублей в один раз. От Распутина я слышала, что его поклонники дарят ему деньги, причем таковые иногда он находит неизвестно кем положенными в карманах его пальто. По моим сведениям после смерти Распутина, никаких денег не осталось и дочери его бедствуют. Император и его семья предполагали обеспечить

самого Распутина, но до революции не успели сделать этого» ⁷².

В последнем утверждении А. А. Вырубова была правда: никаких средств своей семье «старец Григорий» не оставил, хотя о его якобы немислимом богатстве постоянно толковали и вокруг этого было много слухов. В то же время трудно поверить в то, что «дорогая Аннушка», конфидентка царицы и ближайшая «сподвижница» Распутина не ведала, на какие средства существовал ее кумир. Очевидно, она и об этом, как и об очень многом другом, не хотела откровенно говорить. Секреты отношений между венценосцами и Распутиным, а ведь она была по сути дела единственной постоянной свидетельницей на таких встречах, эта, чудом уцелевшая женщина, берегла десятилетия и унесла их с собой в могилу (умерла она в 1964 г. в Финляндии). О назначении указанных 75 тыс. руб. что-нибудь определенное утверждать нельзя и эта история останется еще одним неразгаданным эпизодом в трагически-грандиозной панораме заката монархии.

Обосновавшись в столице империи, превратившись в центр интереса и восхищения для «господ», Распутин не подлаживался под существовавшие стандарты жизни и принятые нормы отношений. Он несомненно знал, что своеобразный облик, грубые манеры, необычный стиль поведения и речи — все это то, что во многом и делает его притягательным для этих привыкших к роскоши и комфорту людей. Постепенно эта распутинская специфика стала приобретать явно нарочитый характер, в его общении с людьми все больше и больше проступали актерские приемы. Не изменял он в Петербурге и многим своим бытовым привычкам. По словам близко с ним общавшегося С. П. Белецкого, «Распутин никогда не ел ни белого, ни черного мяса и не любил, если при нем курили, ел всегда мало, редко прибегал к ножу и вилке, из вин любил мадеру и иногда красное; минеральных отрезвляющих вод не пил, а заменял их для отрезвления или простой водой или простым квасом, который любил» ⁷³.

Любой рассказ о Григории Распутине непременно требует выяснения двух взаимосвязанных вещей: сути его проповедей и состава распутинского кружка, о тлетворном влиянии которого так много говорили. Смысл распутинских наставлений касался важнейших религиозно-правственных категорий: любовь и смирение.

В первом случае речь шла о том, что только человек, сердце которого наполнено любовью к ближнему, и является истинным христианином.

Сохранилась целая тетрадь посланий и изречений старца, составлявшаяся несколько лет второй дочерью Николая II, Татьяной. Эти материалы чрезвычайно интересны по той причине, что помогают уяснить темы и характер его монологов в царской семье. Приведем ряд типичных распутинских пассажей: «Любовь есть свет и ей нет конца. Любовь — большое страдание. Она не может кушать, не может спать. Она смешана с грехом по полам. Все-таки лучше любить. В любви человек ошибается, но зато страдает и страданием искупает свои ошибки. Если любить сильно — любимые счастливы. Им сама природа и Бог дают счастье. Надо Бога просить, чтобы Бог научил любить светлое, ясное, чтобы не мученье была любовь, а радость. Любовь чистая, любовь ясная — есть солнце. Солнце греет, а любовь ласкает. Все в любви, любовь и пуля не возьмет»⁷⁴.

Однако одной только любви для праведной жизни, наставлял он, недостаточно. Только тот найдет истинную дорогу к Богу, кто преодолеет свою гордыню, отрешится от земной суеты и слабостей, научится спокойно воспринимать все те испытания, которые ему ниспослются свыше для проверки крепости веры его. Ведя постоянно разговоры о любви и смирении, он очень легко относился к греху и, отступая от принципов христианской добродетели, считал, что исповедальным раскаянием можно легко заслужить прощение. С. П. Белецкий свидетельствовал: «Мне лично пришлось, бывая на воскресных завтраках-чаях Распутина в ограниченном кругу избранных, слышать своеобразное объяснение им своим неофиткам проявлений своей греховности. Распутин считал, что человек, впитывая в себя грязь и порок, этим путем внедрял в свою телесную оболочку те грехи, с которыми он боролся, и тем самым совершал «преображение» своей души, обмытой своими грехами»⁷⁵. Подобная философия открывала дорогу к вседозволенности, на которую этот наставник-утешитель в последние годы несомненно ступил.

Судить о распутинских представлениях можно на основании текстов его книг. Многие не знают, что под этим именем было издано несколько брошюр, составленных, как заметила А. А. Вырубова, примерно в тех же выражениях, которые он произносил и на своих встре-

чах. Есть упоминания о шести книжках, но в центральных библиотеках и архивах удалось обнаружить только три. Причем рукописных подлинников в наличии нет нигде. Первая называлась: «Великие дни торжества в Киеве! Посещение высочайшей семьи! Ангельский привет!» (СПб., 1911). Вторая вышла через год и имела заголовок: «Божественные размышления», а последняя появилась в 1915 г. и была самой объемной (55 страниц!). Заголовок ее достаточно витиеват: «Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванное им размышление по различным вопросам». Она была напечатана в Петрограде и, как и все прочие, в открытую продажу не поступала, а рассылалась автором лишь своим близким людям. Не может не вызвать удивления, что человек, едва умевший вывести на бумаге корявые, часто трудночитаемые слова (распутинских автографов существует очень много) смог осилить сочинение книжечек. Несомненно, Г. Е. Распутину помогали, а в его окружении всегда были люди из числа тех, кто сам писал, или занимался издательской деятельностью. Это и упоминавшиеся уже Г. П. Сазонов и И. Ф. Манасевич-Мануйлов, а также А. Ф. Филиппов, специализировавшийся на публикации консервативно-националистических статей и книжечек, ранее доверенное лицо всесильного обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, редактировавший журналы и газеты «Русское обозрение», «Дым отечества», «Черноморское побережье», «Деньги». Близкими к Г. Е. Распутину являлись и еще два возможных соавтора: бывший сторонник Илиодора, писатель консервативного направления И. А. Родионов и богатый купец из Москвы Н. И. Решетников. Заметим попутно, что последний и его мать относились к группе преданнейших сторонников старца, а в их доме на Большой Царицынской улице в Москве (Б. Пироговская) для него имелись специальные апартаменты с особой молельной, и во время пребывания в первопрестольной «старец Григорий» почти всегда останавливался у них.

Однако независимо от того, кто был редактором этих книг, все основные «положения» их несомненно формулировались самим проповедником. Здесь он был всегда очень требовательным и, например, когда кто-то его цитировал, он требовал буквального пересказа. Остановимся вкратце на последней из названных книжечек. Она примечательна тем, что содержит наиболее связный текст, и именно ее неоднократно перечитывала императрица,

находя в ней ценные мысли и ответы на духовные вопросы. Сама по себе книга «Мои мысли и размышления» — краткий рассказ о паломничестве в Иерусалим в 1911 г., по пути в который Г. Е. Распутин посетил ряд известных обителей в России и за границей. В кратком предисловии от издателей (имена их не названы) сказано, что это сочинение «примечательно по своей оригинальности и тому характерному приему мышления, который присущ народу и понятен ему». Кстати, последнее качество очень ценила императрица, считавшая, что знакомство с Григорием открыло ей настоящий русский язык, который она, в силу своего положения, была лишена возможности слышать. Только он связал ее наконец с народом.

Приведем два пассажа из распутинской книжки, дающие представление о некоторых важных темах. В Почаевской лавре у богомольца Григория возникли мысли о величии православия: «И вот вступил я в собор и обуял меня страх и трепет. И помянул суету земную. Дивные чудеса! О какие мы счастливые русские люди и не знаем цены чудесам! Горе православным христианам, что мы не хотим их посмотреть и лень съездить, а едем за границу смотреть разные горы; но ведь мы смотрим на них, как на роскошь, а не как на Божие Создание». «Если любишь, то никого не убьешь — все заповеди покорны любви — в ней великая премудрость, больше чем в Соломоне, и такая высота, что только одна любовь и существует, а остальное все, как дробь в ней и через нее выход на небо... Насколько один маленький кусочек хлеба дороже для человека большого корабля. А сколько денег на корабль надо. Кто уразумет, тот и уразумей»⁷⁶.

Современному читателю вышеприведенные тексты могут показаться плоскими и примитивными. Однако они предназначались для совершенно других людей, имевших иную психологию в душевно-нравственную ориентацию. Другие — отнюдь не значит плохие. Мы не можем их до конца понять и уже по этой причине не имеем права осуждать. Распутин никому ничего не навязывал, он говорил для тех, кто его хотел слушать и слышал.

Наставление письменным словом было любимо проповедником. Однако в ряду распутинских письменных источников основными были все-таки не книги, а «малые формы»: записки и телеграммы. Первые — это почти всегда просьбы о чем-нибудь к кому-нибудь, которые Распутин щедрой рукой раздавал ходатаям и просителям,

обращавшимся во множестве к этому «цареву другу» за помощью в своих житейских нуждах. Такому человеку вручался листок, на котором было написано что-нибудь вроде «милай сделай», «милай выслушай ево», «милай-хороший помоги ему» и т. д. и т. п. Этот клочок бумаги в силу удивительного положения писавшего часто срабатывал в чиновных канцеляриях.

Стоит поразмыслить над вопросом: насколько психология служилого люда была подвержена воздействию истинно российских пороков: чинопочитания и пресмыкательства перед сильными мира сего. Слухи о влиянии Распутина прокладывали дорогу его действительному влиянию без всякого высочайшего вмешательства. Длительное состояние политической несвободы в России сформировало угодническую психологию даже у тех, кто занимал несравненно более высокое положение на служебной лестнице, чем гоголевский Акакий Акакиевич.

Однако вернемся к нашему персонажу. Ключки бумаги с распутинскими каракулями позволяли просителю попасть «на самый верх», туда, куда без подобной рекомендации проникнуть было бы невозможно. Эти удивительные документы во множестве сохранились в бумагах целого ряда государственных деятелей. Среди документов премьера и неоднократного министра И. Л. Горемыкина, например, находятся такие собственноручные распутинские обращения, два из которых приведем с сохранением орфографии и стиля: «Дорогой божей старче выслушай их ежели возможно извиняюсь григорий»; «дорогой старче божей выслушай ево он пус твоему совет и мудрости поклонитца распутин»⁷⁷. Возникает вопрос, кому и зачем помогал Г. Е. Распутин. Оказывал содействие он многим. Его квартира на Гороховой превратилась постепенно в своего рода «департамент ходатайств»; человека, близкого к царям, просили «замолвить словечко» и помочь в разных случаях. В отдельные дни он принимал у себя на дому до полусотни просителей.

Эта деятельность, о которой было широко известно не в последнюю очередь благодаря распутинским запискам, вызвала общественное негодование. Как он смеет вмешиваться в государственные дела?! Это возмутительно и недопустимо! Подобные стенания, которые часто можно встретить на страницах различных мемуаров и других свидетельств того времени, были вполне обоснованными. Однако «безответственных влияний на власть» всегда было много в отечественной истории, что уже само

по себе является показателем авторитарного характера системы управления. Они практически существовали всегда. Во всяком случае, почти двести лет императорского правления дали достаточно примеров того, как царские любимцы, становясь всесильными временщиками, воздействовали на политику государства.

Об истинном и мнимом распутинском влиянии на дела управления речь пойдет ниже. Здесь же стоит подчеркнуть, что временщики всегда были окружены плотной толпой искателей удачи, а часто и просто аферистами. Получить чин, добиться звания или пенсии, ускорить судебное разбирательство, удостоиться субсидии, проверить выгодное коммерческое дело и многое, многое другое можно было через неофициальные ходы в петербургско-царскосельских коридорах власти. При авторитарных режимах, при отсутствии четких гражданских юридическо-правовых механизмов регулирования взаимоотношений человека и государства роль закулисной деятельности и «пужных связей» необычно велика. Они часто важнее, чем просто богатство, титул или древность рода. Система неизбежно рождала временщиков. В эту историческую «картину нравов» Г. Е. Распутин внес некоторые специфические черты, но принципиально новым его положение не являлось.

На допросах в ЧСК А. А. Вырубова заметила, что к ней «все лезли со всякими вопросами» и что у нее «вечно не было покоя от них». Причем она часто просителей не только лично не знала, но и не слышала о них⁷⁸. Все они стремились разжалобить сердце царской подруги и добиться удовлетворения разных своих надобностей. То же самое, но в еще большей степени, происходило и с Г. Е. Распутиным. Для некоторых он стал «последней надеждой», а для других — «желанным шансом». Говоря о скандальном поведении Распутина, генерал В. Р. Джунковский признал, что «само общество потакало ему в этом, поощряло его; было очень много лиц, занимавших очень высокие посты, которые считали за честь близкое знакомство с Распутиным — поэтому, конечно, он привык, что ему все позволено. Сделавши волшебную карьеру, взобравшись на высоту, этот темный сибирский крестьянин увидел вокруг себя такой разгул низости, такое пресмыкательство, которое не могло вызвать ничего другого, кроме презрения»⁷⁹.

Использовать утешителя и наставника царской семьи в своих корыстных целях хотели многие. В его ближай-

шее окружение входил ряд людей со скандально-темной репутацией. Среди них особенно выделялись, так сказать, своими масштабами два персонажа, принадлежавшие в начале XX в. к числу воротил делового мира России: И. П. Манус и Д. Л. Рубинштейн. Эти предприниматели-миллионеры были петербургскими купцами первой гильдии, возглавляли некоторые крупнейшие российские компании, а в ряде других имели заметное влияние, являлись крупнейшими биржевыми спекулянтами. Первый состоял председателем правления Российского транспортного и страхового общества, директором в правлении общества Петербургского вагоностроительного завода, членом совета Сибирского торгового банка и входил в руководство еще нескольких компаний. Второй — кандидат юридических наук, возглавлял правление Белостокского коммерческого банка, был учредителем, а затем директором крупного Русско-французского банка, а накануне и в годы первой мировой войны принимал участие в делах еще почти десятка крупных компаний. Они не были друзьями: каждый оставался предан своим интересам, но иногда им приходилось выступать партнерами.

В случае с Распутиным каждый из них, что называется, «тянул одеяло на себя». Сделать царского приближенного орудием своих интересов — такая перспектива была заманчива. Много в обществе говорили о том, что оба они осуществили через него крупные финансовые комбинации, в угоду которым якобы изменялись даже направления действий войск. Однако здесь, как и во многих случаях, слухов и бездоказательных утверждений было много, а конкретные факты практически отсутствовали. Отсутствуют они и до сих пор, хотя отзвуки старых мифов об этих «антрепренерах старца» можно встретить на страницах и недавних публикаций. Но что и Манус и Рубинштейн хотели подчинить его себе — несомненно. Для «ублажения» Г. Е. Распутина не скупилась: присылали к нему на дом дорогие подарки и вина, передавали в его распоряжение свои автомобили, оплачивали астрономические счета в дорогих ресторанах.

Тобольский крестьянин все это принимал, и, наверное, о чем-то все-таки «молвил словечко», но установить документально, какие действительные комбинации удалось осуществить этим нахрапистым дельцам при помощи «дорогого Григория», не удалось. Правда, в 1915 г. И. М. Манус добился своего награждения высоким гражданским чином действительного статского советника, со-

ответствовавшим военному званию генерал-майора. Однако для этого ему потребовалось не только содействие каких-то лиц, но и крупные пожертвования на нужды армии и на благотворительные цели. Пресловутый же «Митька Рубинштейн» в 1916 г. угодил в тюрьму за финансовые махинации и, несмотря на заступничество Распутина, как и иных высокопоставленных лиц, встретить Февральскую революцию ему пришлось в заключении.

Общение Г. Е. Распутина с подобными людьми, неприглядный облик которых был достаточно хорошо известен, конечно же, неизбежно вызывало предположения о нем, как об инструменте кого-то и чего-то. Эту версию исследовал П. А. Столыпин. Об этом же как уже о реальном факте публично заявил А. И. Гучков. В последние годы монархии размышления и предположения о том, кто же действительно стоял «за этим Гришкой», стали любимой шарадой в различных кругах общества. В наше время, когда очень многое уже прояснено, можно со всей определенностью заключить, что в целом деятельность Г. Е. Распутина никто не направлял и никакой заговор за ним не стоял. В Григории Распутине отразилась эпоха и время. Он стал своеобразным символом обреченной самодержавной России. Страх, но еще больше отчаяние венценосцев, стояли за ним. Он — крик безысходности людей и системы.

Число сторонников этого старца не ограничивалось лишь Николаем, Александрой и Вырубовой. Определенная группа последователей у него все-таки была. В 1917 г. следственная комиссия провела скрупулезное исследование того, кто же конкретно входил в распутинское окружение. Потребности революционного времени требовали выявить и назвать всех поименно. Была произведена своеобразная регистрация распутинцев, при которой принималось в расчет участие в воскресных посиделках-собеседованиях у него на Гороховой, визиты в дом самого Распутина, переписка с ним и т. п. Однако это расследование никаких сенсационных открытий не сделало. Мало того, оказалось, что число распутинцев очень невелико: всего 68 человек⁸⁰. Причем, сюда были причислены и те, кто один раз посетил старца, и те, кто общался с ним постоянно многие годы.

Основную часть распутинцев составляли женщины, о которых бог весть что говорили! Приняв безоговорочно все разговоры о любвеобильности Григория Распутина за правду, общественное мнение было почти единодуш-

но: в его квартире на Гороховой собирались ненормальные, сексуально неудовлетворенные и психически неуравновешенные женщины, предававшиеся там, как считали многие, невероятному, «просто разнузданному разврату». Говорили, что он гипнотизировал сознание разговорами о любви, а затем овладевал своей очередной жертвой, которая уже не могла освободиться от его чар и оставалась преданной ему до конца. Так, или примерно так, рассуждали многие, от кухарок в богатых домах до собеседников в профессорских кабинетах. Вообще разговоров об эротических наклонностях и сексуальном магнетизме Распутина всегда было так много, что в этом сюжете надо разбираться отдельно. Здесь домыслов несравненно больше, чем надежных свидетельств.

Может быть, и не надо было бы в очередной раз перетрачивать «несвежее белье», но в литературе и сознании очень многие эти «пикантности» стали ключом и стержнем всей распутинской истории, и обойти молчанием эту сторону жизни «Гришки Окаянного» просто нельзя. Были у этого человека и пьянки, и скандалы. Имелось и достаточно связей с женщинами, в том числе с теми, которые входили в его ближайшее окружение. Однако в большинстве случаев по вполне понятным причинам утверждать здесь что-нибудь наверняка невозможно. Значительно важнее все-таки другое, о чем никогда не говорят. Никаких сексуальных действий криминального характера, ничего, что подпадало бы под статьи уголовного кодекса он не совершал. А с кем он находился в интимной связи — это дело его и тех, которые ему добровольно отдавались. Во всяком случае, и с царицей, и с А. А. Вырубовой никаких интимных отношений не существовало, а ведь именно они были главной опорой старца, придававшей Распутину характер общественного явления. Мало того, его «верная другиня», Анна Александровна, будучи человеком пуританских нравов, не допускала в своем присутствии (виделись они в последние годы очень часто) никаких вольностей и алкогольных возлияний. Если пытаться понять Распутина во времени, через призму заката царской империи, то «сексуальный мотив» сколько-нибудь значительным во всей этой теме никак нельзя назвать.

Необходимо иметь в виду, что многие дамы петербургского света из числа тех, кто посещал квартиру на Гороховой или принимал его у себя, никогда не забывали об огромной социальной дистанции, отделявшей их от

старца. Они встречались с ним, слушали эти приятные душевные беседы о любви и смирении, но хорошо помнили при этом, что перед ними сидит человек, который близко стоит к царю, вхож в его семью. При случае они были не прочь использовать это в своих сугубо земных, сиюминутных и суетных интересах. Затронем здесь вкратце одну примечательную в этом смысле историю.

В числе самых именитых распутинок почти всегда фигурировало имя очень высокопоставленной дамы — жены великого князя Павла Александровича, упоминавшейся уже «Мамы-Лёли», до 1916 г. носившей титул графини Гогенфельзен, а затем ставшей княгиней Палей. Почти десять лет провела она в Париже, где вместе со своим «любимым Павлом» ждала царского прощения, и дозволения вернуться в Россию. Незадолго до начала мировой войны они окончательно перебрались в Петербург, так как их брак был, наконец-то признан и узаконен. Однако полного удовлетворения «у мадам» все-таки не было. Она хотела занять княжеский титул, стать «светлостью» и превратиться в полноправного члена императорской фамилии, войти в круг избранных, окружавших императора. Неумное честолюбие не давало Ольге Валерьяновне покоя. Она жаждала добиться приема во дворце, что означало окончательное признание. Однако императрица Александра Федоровна не желала видеть новоявленную родственницу, считая ее одной из главных возмутительниц спокойствия в среде Романовых, женщиной, «окрутившей бедного Павла».

Для графини отказ в аудиенции был настоящей драмой, всю глубину которой мог понять только тот, кто вращался в среде русской аристократии (нам, увы, это даже представить невозможно!). Она была безутешна. Что же делать? Как вымолить признание? Однако неожиданно удача оказалась совсем рядом! Сестра графини, Любовь Валерьяновна Головина, и ее дочь Мария Евгеньевна («Муля») были уже несколько лет поклонницами старца Григория и принадлежали к числу самых близких ему людей. Они-то и предложили «Леле» свести ее с этим человеком, для которого открыты душа царя и царицы, и который может совершать невозможное. За исключением венценосцев, среди Романовых в этот период сторонников у Распутина уже не было, и графиня Гогенфельзен, пойдя на эту встречу, рисковала своей репутацией. Но другого выхода, как она считала, не было! Ее любимым девизом было: «Женщины возражений и

поражений не признают» — и этим принципом она руководствовалась всю свою жизнь.

Дошедший до нас дневник графини-княгини содержит ряд интересных штрихов всей этой истории, когда Г. Е. Распутину удалось в первый и в последний раз «внёдриться» во внутриромановские отношения. В последние годы жизни он неоднократно стремился добиться расположения к себе великих князей, но сделать этого не удавалось. Великие князья и великие княгини, опасаясь людской молвы, всячески избегали любых встреч с этой одиозной личностью. Графиня же была человеком решительным и не боялась сплетен: за свою жизнь эта почти пятидесятилетняя женщина к ним привыкла. В конце января 1914 г. состоялась знаменательная встреча, которую она описала так: «Утром пришел Бэби (ее сын, А. Э. Пистолькорс.— А. Б.) и мы должны были идти гулять, по по телефону Муни должны были сейчас пойти к Гр. Еф. Впечатление странное, по чарующее. Он меня целовал, прижимал к сердцу, «тяжко полюбил» и обещал, что все сделает «у мамы» (императрица), хотя «она строптивая»⁸¹. Чарующее впечатление скоро было омрачено, по ее словам, «дурной и тяжелой сценой», или, проще говоря, скандалом, который ей устроил великий князь Павел Александрович, узнав об этом знакомстве. Он наотрез отказался встречаться с Григорием, о чем тот просил, «чтобы все окончательно устроить».

Однако сестра Люба и ее дочь Муня продолжали уверять: «отец Григорий» обязательно поможет, тем более, что к графине у него возникла большая симпатия. Незирая на возражения мужа, она втайне от него через несколько дней после первой встречи опять виделась с Распутиным накануне его намечавшейся поездки в Царское Село. Он собирался просить там за нее. На следующий день после долгожданного визита, 3 февраля 1914 г., в девять часов утра — небывало раннее время для аристократки, она примчалась к Распутину, чтобы узнать подробности. Известия были обескураживающими: «Он с грустным и ласковым видом мне сообщил, — записала графиня, — что ничего не добился! В глазах императрицы я все та же интриганка, желающая играть роль и одурачивающая даже его, Григория Ефимовича! Он говорил с 8 до 12 часов и что слова его и Ани сильно продвинули дело».

Хотя надежда оставалась, но она куда-то отодвигалась, а пока ничего не менялось. Еще через неделю она

увиделась с Распутиным в доме своей сестры, и эта встреча вообще произвела на нее гнетущее впечатление. В дневнике запись: «Григ. Еф. заперся со мною в любимой спальне и я ничего не понимаю. Говорил, что любит меня так, что ни о чем другом думать не может, целовал меня, обнимал и мой глаз не мог не заметить его волнение. Взял у меня по секрету 200 рублей! Господи, что это за люди!» Потрясение графини можно понять. Какой-то мужик ее обнимает, целует, объясняется в любви, а затем берет деньги! Господи, неужели все эти унижения не будут вознаграждены?

Она вместе с мужем вскоре отправилась в Париж, где отдыхала от всех переживаний на родине. Когда в мае они вернулись в Петербург, то мечты графини стали осуществляться. Однако вряд ли тут определяющую роль сыграл Распутин. За Павла и его жену просили их родственники и некоторые влиятельные сановники, в числе которых были великие князья Дмитрий Павлович, Кирилл Владимирович и министр юстиции И. Г. Щегловитов. Первой ее приняла вдовствующая императрица, а затем, 5 июня — Александра Федоровна, которая, по наблюдению графини, «сначала волновалась и дышала тяжело, потом оправилась и мы говорили обо всем». После этого интерес графини к «отцу-утешителю» стал падать и наконец, проведя с ним вечер у сестры, 17 июня она записала: «Ничего он из себя не представляет»⁸². И хотя время от времени она продолжала встречаться с Григорием, но уже ни о каком «чарующем впечатлении» речи больше не было.

Искренних и надежных последовательниц у Распутина хотя и было сравнительно мало, но они все-таки были. И среди них одной из самых надежных, если не самой верной, была упоминавшаяся выше племянница княгини Палей, дочь камергера Муня Головина. Несколько последних лет жизни сибирского проповедника она виделась с ним очень часто, всегда с интересом и трепетом внимая его размышлениям и наставлениям. Эта молодая девушка (родилась в 1891 г.) была по натуре очень верующей и добродетельной, много и постоянно помогала другим, а в годы мировой войны работала медсестрой в госпитале. Ее желание помочь, угодить, услужить было хорошо известно, и эти ее качества ценила в ней императрица. В 1917 г. следователь ЧСК записал, что она в 1910 г. потеряла человека, которым увлеклась, и вследствие этого заболела каким-то нервным расстрой-

ством⁸³. Трудно сказать, насколько это утверждение соответствовало действительности. Можно лишь с уверенностью констатировать, что она много лет безответно любила князя Ф. Ф. Юсупова и именно она познакомила Распутина с этим человеком, ставшим впоследствии его убийцей.

Молодая Головина несомненно была человеком, потерявшим опору в жизни, и пытавшимся обрести ее «в отце Григории». Сохранилось примечательное письмо, отправленное Муней в начале июля 1914 г. своей тетке графине Гогенфельзен вскоре после покушения на Распутина, в котором Муня объясняет свое видение этого человека. Других таких признаний сторонников Распутина практически нет (письмо царицы царю — особая статья), что придает этому документу особое значение. Она писала: «Дорогая Мама-Лёля! Я была взволнована и напугана ужасным случаем с дорогим Григорием Ефимовичем! Благодарю Вас, дорогая Мама-Лёля, за Ваше участие в нашем страшном беспокойстве за его жизнь. Эта жизнь так дорога для всех, кто его знает и понимает, что страх лишиться ее не может сравниться ни с чем. Это не только мое к нему чувство, это сознание, что среди нас живет такой человек, который добровольно взял на себя все наши тяжести и несет за них ответственность перед Богом, отдавая Ему всего себя, получая взамен от Бога все те богатые духовные дары, которыми он нас же питает, а от людей, ради которых он приносит себя постоянно в жертву — одни насмешки, одно непонимание, одну холодность, неблагодарность и злобу! За его безграничную любовь и жалость к людям — ему платят подозрением в самых низких чувствах, которые для него — слугителя и избранника Божьего давно не существуют! Клевета его всегда преследовала и будет преследовать, потому что в этом его подвиг и потому что истинных Божьих подвижников всегда презирали, гнали, судили и осуждали!»⁸⁴.

Взгляд Муни на Григория Распутина очень близок, почти идентичен, восприятию его императрицей, которая судила о нем часто буквально в тех же выражениях. Несомненно, что страстная эмоциональность процитированных строк свидетельствует о беспредельной вере этих женщин в необычное земное предназначение Распутина. Эта безраздельная, фанатическая уверенность осталась с ними до конца.

Выше уже было упомянуто и о покушении на Распутина, происшедшем 29 июня 1914 г. в селе Покровском.

По описанию товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского, «Распутин вышел из дому, направляясь в сопровождении сына в почтово-телеграфную контору. В это время какая-то женщина подошла к нему и попросила у него милостыню. Не успел Распутин ответить, как она, выхватив из-под платка большой тесак, ударила им его в живот, отчего Распутин упал, обливаясь кровью»⁸⁵. Злоумышленницей оказалась крестьянка Сызранского уезда Сибирской губернии Хиония Гусева, ранее его почитательница, ставшая затем последовательницей Илиодора. Нападение на «старца» приобрело характер сенсации. Сообщения о подробностях происшествия публиковались под броскими заголовками на страницах всех крупных газет, где регулярно сообщалось и о состоянии здоровья этой одиозной личности. Рана была серьезной, и первые день-два даже распространялись сведения о его смерти. Многие ликовали. Другие же, но таких были единицы, горевали и переживали.

Потрясение испытала царская семья и особенно императрица, пославшая семье «дорогого друга» и ему самому несколько телеграмм. «Глубоко возмущены. Скорбим с Вами. Молимся всем сердцем. Александра» (30 июня); «Мысли, молитвы окружают. Скорбим неопишимо, надеемся на милосердие Божие, Александра» (2 июля)⁸⁶ и т. д. Сочувствие выражали и другие, в том числе и те, кто не был сколько-нибудь близок к Распутину, но очевидно решил, воспользовавшись удобной минутой, засвидетельствовать свою преданность царской семье таким необычным путем. Старый светлейший князь, флигель-адъютант и обер-егермейстер (зав. императорской охотой.— А. Б.) Д. Б. Голицын послал телеграмму: «Глубоко возмущены ужасным злодеянием, молим Бога о ниспослании исцеления защитнику сирых и обиженных». Через несколько дней его сын, Н. Д. Голицын, последовал тому же примеру: «Глубоко потрясены известием о зверском покушении на Вашу жизнь. Молимся вам здоровье. Семья князя Голицына»⁸⁷.

Поток сочувственных обращений не ослабевал несколько недель, и среди них, конечно же, преобладали ритуальные, за которыми не было настоящей симпатии. По-настоящему горевали лишь немногие. Преданная Муня писала: «Дорогой, дорогой Григорий Ефимович! Это мое первое письмо после того ужасного злодеяния, которое перевернуло всю душу и заставило еще больше убедиться, что Вы, как солнце, освещаете нашу жизнь

и разгоняете мрак, что при одной мысли, что Вас могут у нас отнять — мрак этот стал надвигаться со всех сторон и свет померк... Я только и прошу у Бога научить меня, как Вам помочь, чем послужить и доказать все то, что я чувствую...»⁸⁸.

Но Распутин получал не только выражения сочувствия. В Покровское пришло, например, и такое анонимное послание, составленное по всей вероятности тем самым Илиодором, сторонника которого нанесла удар: «Я вышел победителем из этой борьбы, а не ты, Григорий, — писал бывший друг, намекая, очевидно, на старое утверждение Гришки-проповедника, что он заговоренный, его охраняет Бог, который отведет от него любую злую руку. — Твой гипноз рассеялся как дым, под лучами солнца. Говорю тебе, что ты умрешь несмотря ни на что. Я — твой мститель»⁸⁹. Рана Распутина была довольно серьезна, и он несколько дней находился между жизнью и смертью, но, как он позже рассказывал императрице, он сотворил молитву, Бог услышал его и спас для благополучия ее.

Покушение изменило общественный статус крестьянина Тобольской губернии. По высочайшему распоряжению его еще в 1912 г. начали охранять, но позже полицейская опека была снята. Теперь же она возобновилась. Уже 30 июня 1914 г. Николай II послал министру внутренних дел Н. А. Маклакову телеграмму, в которой писал: «В селе Покровском Тобольской губернии совершено покушение на весьма чтимого нами старца Григория Ефимовича Распутина, причем он ранен в живот женщиной. Опасаясь, что он является целью злостных намерений скверной кучки людей, поручаю Вам иметь по этому делу неослабное наблюдение, а его охранять от повторения подобных покушений»⁹⁰. Отныне утешитель царской семьи стал находиться под постоянным полицейским контролем, что впрочем его не спасло.

Вернулся он в столицу уже после начала мировой войны, в конце августа 1914 г., и сразу же встретился с венценосцами. 22 августа царь записал: «После обеда видели Григория, в первый раз после его ранения»⁹¹. Началась последняя глава жизни этого человека. В оставшиеся ему месяцы он стал в полной мере наставником-повелителем императрицы и, если перефразировать слова Ф. М. Достоевского, действительно полностью взял «ее волю в свою волю». Наступила эпоха ответственных решений. Царям нужен был совет и помощь, которые они в лице Григория и получили.

ГОСПОДИ! СПАСИ И СОХРАНИ!

Войны бывают разные: большие и малые, справедливые и захватнические, освободительные и колониальные, народные и антинародные, холодные и горячие, продолжительные и скоротечные. Бывают еще и абсурдные. Именно такой кровавой и жестокой бойней, унесшей миллионы жизней, бойней, в огне которой сгорели великие старые монархии Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов стала та, что началась 15 июля 1914 г. с объявлением Австро-Венгерской империей войны маленькой Сербии. Россия, исстари являвшаяся покровительницей славян, приступила 17 июля к мобилизации. В ответ союзница Австро-Венгрии Германия объявила 19 июля (1 августа) войну России. С этого момента война стала мировой.

Это была схватка имперских амбиций. Все давно шло к такому лобовому столкновению, о котором много и часто говорили еще с весны, а уже в июне, после убийства в г. Сараево наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, признаки надвигающейся войны стали вполне различимы; «выяснение отношений» между крупнейшими европейскими континентальными державами Австро-Венгрией и Германией, с одной стороны, и Россией и Францией — с другой, как-то само собой становилось неизбежным.

Женщина удивительной судьбы и «божией милостью поэт» — А. А. Ахматова метко заметила, что XIX век закончился лишь в 1914 г., именно с началом мировой войны. Эпоха европейского гуманизма, русского просветительства, время борьбы за свободу и права личности уходила в прошлое. Еще на пороге «хронологического XX века» известный русский журналист С. Н. Сыромятников, размышляя о прошлом и будущем, писал 31 декабря 1900 г. на страницах влиятельной газеты «Новое время»: «Наконец, он кончился, пресловутый девятнадцатый век, и перед нами встает вопрос, следует ли оплакивать его или радоваться его кончине. Он не повторится более, как не повторяются люди. И с ним ушла наша молодость и вместе молодость нашей литературы и науки. С завтрашнего дня будут говорить, что поэзия Пушкина при-

надлежит прошлому веку. А что будет принадлежать веку будущему? В девятнадцатый век мы входили с Державиным и Карамзиным, в двадцатый — мы входим с Максимом Горьким».

Время становилось жестче, а общественные интересы и устремления проступали все грубее. Россия втянулась в войну, которой никто не хотел и которой все боялись. Цели ее были отвлеченными, доступными пониманию лишь ограниченного круга лиц, и призывы отстоять престиж империи, завоевать Черноморские проливы и водрузить крест на соборе Святой Софии в Константинополе (Стамбуле) вызвать глубокого отклика в народе не могли. Подавляющая часть населения плохо себе представляла, где находятся Австро-Венгрия или Германия и почему с ними надо воевать. Русскому крестьянину были неведомы никакие Дарданеллы и он не мог понять, почему за них надо идти на войну и насмерть. Но авторитарная власть живет по своим законам. Она не спрашивает у «низов», она им лишь «ниспосылает» свои решения, которые надлежит неукоснительно выполнять. Такая война не только убивала и калечила физически, она калечила нравственно, так как чем дальше, тем больше бессмысленное насилие и кровь ее во множестве ковали людей «железной воли» и «неколебимых принципов», которые стали вскоре созидателями невиданного и грандиозного общества коллективного счастья. 1917 год очень во многом был результатом 1914 года. Война все довела до предела, обострила конфликты, усугубила отчуждение и изоляцию носителей высшей власти, способствовала разложению и деформированию морали, так как утверждала в сознании многих людей представления о возможности насилия для достижения политических целей. Война была неудачной для России, но иной она вряд ли вообще могла стать.

Но пачало ее вызвало подъем патриотических чувств, когда угрозы реальные и мнимые «братьям-славянам» и самой России, о чем голосила вся печать, объединили в едином порыве правительство и оппозиционно настроенные по отношению к нему силы. Орган октябристов газета «Голос Москвы» уже 18 июля призывала забыть все политически разногласия, так как «в настоящую минуту в России может быть только одна партия — русская»¹, а возглавлявшаяся П. Н. Милюковым кадетская партия — крупнейшее партийное объединение либералов, опубликовала 22 июля заявление, где говорилось: «Отло-

жим же внутренние споры, не дадим ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия»². Близкие по духу и форме декларации делали и многие другие общественные организации и органы прессы; идея «защиты отечества» объединила представителей различных общественных сил от националистов до правых социалистов (меньшевиков). На открывшейся 26 июля однопалатной сессии Государственная Дума поддержала правительство и подавляющим числом голосов (против были лишь социал-демократы) проголосовала за военные кредиты. Начало войны стало своего рода звездным часом последнего императора, когда он превратился в символ надежды на скорую и полную победу. Ему оставалось царствовать всего 31 месяц.

В начале июля 1914 г. царь с семьей традиционно отдыхал на императорской яхте «Штандарт» в финляндских шхерах. Погода стояла жаркая, но неровная: невероятная духота, чередовалась с ураганами и проливными дождями. Николай II не мог спокойно наслаждаться красотами пейзажа и тихими житейскими радостями. Уже с конца июня одно неприятное известие сменяло другое. Сведения об убийстве хорошо им с Аликс знакомого эрцгерцога Фердинанда и покушение на жизнь дорогого Григория надолго вывели его и Александру из душевного равновесия. Довольно быстро, правда, выяснилось, что Бог услышал молитвы и жизнь их друга вне опасности. Однако на сцене мировой политики тучи продолжали сгущаться.

Русский самодержец, естественно, был возмущен до глубины души злодейским покушением на австрийского престолонаследника. Было очевидно, что нити этого заговора тянулись в столицу дружественной Сербии, город Белград. Но допустить разгром и несомненную дальнейшую аннексию этого славянского государства он тоже не мог. Напряженная работа русского Министерства иностранных дел и его, Николая II, собственная интенсивная переписка с германским императором Вильгельмом («Вилли») в течение почти трех недель после покушения не привели к изысканию приемлемого для всех компромисса.

Николай не хотел войны. После горького урока русско-японской авантюры он прекрасно осознавал, что любой вооруженный конфликт неизбежно принесет страдания, лишения, смерть. В глубине души он всегда был противником насилия, а когда ему приходилось так или иначе

к нему прикоснуться, то неизбежно испытывал сожаление, а часто и раскаяние. Понимал он и то, что любая неудачная война таила в себе угрозу революционного взрыва, повторения всего того кошмара, который они с Аликс пережили в 1905—1906 гг. Знал он и то, что начатое незадолго до того перевооружение русской армии было еще в полном разгаре. Ее техническая оснащенность и огневая мощь существенно уступали германской. Однако пойти на предательство, бросив на растерзание дружественную страну, значило для него совершить аморальный поступок, потерять престиж и в России, и в мире; пойти на это он не хотел и не имел права. Встать на защиту славян и России — в этом был его долг, а монарший долг — святая обязанность, это угодное Богу дело. Как же можно уклониться от него!? Безысходность диктовала военный выбор; и он был сделан.

Приятный отдых на лоне природы пришлось прервать и возвратиться в Петербург (3 сентября того же года он был переименован в Петроград). Проследим за дальнейшими событиями по дневниковым записям Николая II за два роковых июльских дня. «19 июля. Суббота. Утром были обычные доклады. После завтрака вызвал Николашу (великий князь Николай Николаевич — А. Б.) и объявил ему о его назначении верховным главнокомандующим впредь до моего приезда в Армию. В 6 1/2 поехали к всенощной. По возвращении оттуда узнали, что *Германия нам объявила войну* (подчеркнуто в подлиннике — А. Б.). Обедали Ольга, Дмитрий и Иоанн. Вечером приехал английский посол Бьюкенен с телеграммой от Джорджи. Долго составлял с ним вместе ответ. Потом видел еще Николашу и Фредерикса. Пили чай в 12 1/4». «20 июля. Воскресенье. Хороший день, в особенности в смысле подъема духа. В 11 часов поехал с Мари и Анастасией к обедне. Завтракали одни. В 2 1/4 отправились на «Александрию» в Петербург и на катере прямо в Зимний Дворец. Подписал манифест об объявлении войны. Из Малахитовой прошли выходом в Николаевскую залу, посреди которой был прочитан манифест и затем отслужен молебен. Вся зала пела «Спаси, Господи» и «Многая лета». Сказал несколько слов. При возвращении дамы бросились целовать руки и немножко потрепали Аликс и меня. Затем мы вышли на балкон на Александровскую площадь и кланялись огромной массе народа. Около шести часов вышли на набережную и прошли к катеру через большую толпу офицеров и публики. Вернулись в Петер-

гоф в 7 1/4. Вечер провели спокойно»³. Царь, приняв решение, как всегда успокоился. Осознание правого дела, которое так горячо поддерживали все окружающие, вселяло надежду на то, что ему, наконец-то удастся проявить себя как большого правителя, продолжив славную череду ратных дел и выдающихся военных баталий, выигранных его предками.

Великий князь Константин Константинович со слов Николая II описал в дневнике события нескольких дней, предшествовавших войне. Приведем выдержку из этого документа, относящуюся к кульминационному моменту — дню принятия окончательного решения. «19 июля, в день Святого Серафима, столь почитаемого Государем, выходя от всенощной, он узнал от графа Фредерикса (министр императорского двора — А. Б.), с которым для скорости говорил по телефону Сазонов (министр иностранных дел — А. Б.), что у последнего был Пурталес (посол Германии — А. Б.) с объявлением войны России Германией. При этом Пурталес вручил Сазонову бумагу, в которой содержались оба ответа германского правительства, как на случай благоприятного, так и неблагоприятного ответа России относительно прекращения мобилизации. Не знаю, что руководило послом, растерянность или рассеянность. Итак, нам была объявлена война. Государь вызвал к себе английского посла Бьюкенена и работал с ним с 11 вечера до 1 час. ночи. Государь совершенно свободно, как сам он выразился мне, пишет по-английски; но должны были встретиться некоторые технические термины, в которых он не был уверен. Бьюкенен тяжкодум и медлителен. С ним сообщая Государь сочинил длиннейшую телеграмму английскому королю. Усталый, во 2-м часу ночи зашел он к ждавшей его Императрице выпить чаю; потом разделся, принял ванну и пошел в опочивальню. Рука его уже была на ручке двери, когда нагнал его камердинер Тетерятников с телеграммой. Она была от императора Вильгельма; он еще раз (уже сам объявив нам войну), взывал к Милолюбию Государя, прося о прекращении военных действий. Ответа ему не последовало»⁴.

Во главе армии был поставлен двоюродный дядя царя Николай Николаевич (внук Николая I), который был давно приставлен к военному делу: в 1895—1905 гг. состоял генерал-инспектором кавалерии, с 1905 г. по 1908 г. возглавлял совет государственной обороны, а затем стал командующим войсками гвардии и петербургского военно-

го округа. Этот Романов был хорошо известен в войсках, пользовался в офицерской среде авторитетом, что и определило назначение его на пост Главнокомандующего всеми вооруженными силами России. Еще шесть-семь лет назад семьи Николая II и Николая Николаевича связывала большая душевная привязанность. Они вместе трепетно внимали откровениям и предсказаниям сибирского крестьянина Григория Распутина. Вот, например, что писал Николай Николаевич своей жене в декабре 1908 г.: «Сию минуту вернулся из дому Пусси (очевидно, речь идет о великом князе Петре Николаевиче — А. Б.). Видел Григория. Он ужасно огорчен, что не застал Вас... Для твоей матери привез флакон от Макария. Я получил образок на цепочке от Макария. Пусси получил такой же... Сказал, что подобного ужаса как мы пережили в 1905—1906 гг. — больше не только нам не будет, но и дети и внуки чрез подобный ужас не пройдут»⁵.

Однако к началу мировой войны Николай Николаевич уже входил в число явных и активных противников Распутина. Об этом было широко известно из его публичных антираспутинских заявлений: «этого негодяя давно пора убрать», «если появится на пороге моего дома — спущу с лестницы», «грязный развратник — не может быть наставником» и т. д. и т. п. Царь, несмотря на большую душевную привязанность к «дорогому Григорию», сторону которого всегда теперь держала и Александра Федоровна, тем не менее в делах государственного управления старался учитывать более широкие настроения и интересы дела, как он их понимал. Хотя и здесь были исключения. «Николаша» к этому времени был самым старшим в императорской фамилии, и царь испытывал к нему известное почтение и в связи с этим.

В 1907 г. император принял живейшее участие в устройстве семейных дел «дяди Николаши», который уже давно «сгорал от любви» к черногорке Анастасии Николаевне, состоявшей в браке с герцогом Г. М. Лейхтенбергским и имевшей уже троих детей. В марте 1907 г. Николай II писал матери: «Недавно у меня был митрополит Антоний по некоторым делам. Между прочим я его спросил, что он думает по вопросу о возможности Николаше жениться на Стане? Он мне сказал, что он переговаривает с другими членами Синода. И затем сообщит их общее мнение. Через неделю он приехал с ответом, что т. к. такие браки постоянно разрешаются епископами в разных епархиях, то они ничего не имеют против этой

свадьбы, лишь бы она состоялась вдали от Петербурга.

Признаюсь, такой ответ меня очень обрадовал и я сообщил его Николаше вместе с моим согласием. Этим разрешается трудное и неопределенное положение Николаши и в особенности Станы. Он стал неузнаваем с тех пор и служба его сделалась для него легкой. А он мне (подчеркнуто Николаем — А. Б.) так нужен!»⁶.

Удивительна та легкость, с которой Николай II одобрил расторжение брака Анастасии, хотя это непосредственно касалось высоких династических интересов. Ведь ее муж — внук императора (его мать была старшей дочерью Николая I). Еще совсем недавно, в 1905 г. Николай искренне негодовал при известии о браке Кирилла Владимировича. А тут, при довольно схожей ситуации, полное одобрение и поддержка! Очевидно, личная дружба в это время между Анастасией и венценосцами и большая душевная симпатия к своему родственнику, который «был так нужен», определяли отношения. И если семейная дружба с годами улетучилась без следа, то потребность в организаторских и военных способностях Николая Нилаевича у императора осталась до конца.

Распутин приложил массу стараний для дискредитации Верховного главнокомандующего и со временем нашел в этом поддержку императрицы, убедив ее в том, что Николай Николаевич опасный человек, способный осуществить дворцовый переворот и провозгласить себя императором. В начале, правда, получила распространение несколько иная версия: опираясь на свое положение главы армии, он якобы собирается отделить от России ее польские губернии (10 западных губерний, составлявших вместе так называемое «Царство Польское») и провозгласить себя королем Польши. Недаром же в своей ставке в Барановичах он так часто принимает поляков! Трудно сказать, у кого родились впервые такие подозрения, но в силу их политической абсурдности, вполне возможно, что именно «провидец Григорий» являлся их сочинителем. Имени Николая Николаевича он вообще спокойно не мог слышать, а в вопросах мировой политики был явно не силен. Во всяком случае известно, что он первый высказал предположение такого рода, что несомненно имело целью опорочить князя.

Графиня О. В. Гогенфельзен записала в своем дневнике 18 сентября 1914 г.: «Поехала к Гр. Ефим., с которым вела политический разговор. Он тоже, как и мы, против окончания войны до полного уничтожения германства.

Он подозревает в. к. Ник. Ник. в желании объединить Царство Польское, надеть на себя корону, а там и до русского престола добраться!» Аристократка была удивлена таким невероятным предположением и заметила: «Думаю и надеюсь, что он ошибается и преувеличивает»⁷. Примерно в то же время А. А. Вырубова донесла эти распутинские опасения до императрицы, сказавшей, чтобы она его успокоила, так как совершенно бессмысленно представить, чтобы император допустил подобное⁸.

Война изменила облик страны, уклад жизни людей и семей, в том числе и императорской. Все теперь должно было работать на победу. Для Николая, Александры и их детей служить России было обязанностью, ради которой они готовы были отказаться от многих приятных привычек семейного времяпрепровождения. За победу они молились, к ней были направлены все их помыслы! Она непременно должна была скоро наступить; ведь справедливость и благословение Божие на стороне России! Коварная и жестокая Германия должна была быть повержена! Алиса — Александра, будучи наполовину немкой, никаких прогерманских настроений не имела, хотя в Германии оставалось несколько ее близких родственников. Во время войны она неоднократно высказывала антигерманские мысли в своих письмах мужу, перед которым всегда была абсолютно откровенна и уже в сентябре 1914 г. заметила, что поведение немцев унижительно и позорно⁹. По поводу германофильства императрицы было много предположений и утверждений, но никаких фактов в пользу этого никогда не приводилось. Между тем, именно слухи о предательстве царицы очень способствовали распространению антиромановских настроений в стране и в армии.

В этой связи генерал А. И. Деникин, будучи уже в эмиграции, меланхолически заметил: «Переживая памятью минувшее, учитывая то впечатление, которое произвел в армии слух об измене императрицы, я считаю, это обстоятельство сыграло огромную роль в настроении армии, в отношении ее и к династии, и к революции... История выяснит несомненно то исключительно отрицательное влияние, которое оказывала императрица Александра Федоровна на управление русским государством в период, предшествовавший революции. Что же касается вопроса об «измене», то этот злосчастный слух не был подтвержден ни одним фактом и впоследствии был опровергнут расследованием специально назначенной Времен-

ным правительством комиссии Муравьева с участием представителей от Совета р. /рабочих — А. Б./ и с. /солдатских — А. Б./ депутатов»¹⁰. Этот генерал-лейтенант царской армии, а затем глава белой добровольческой армии был во многом прав: никаких материалов, изобличающих императрицу в прогерманской деятельности никогда обнаружено не было. Говоря об «исключительно отрицательном влиянии» императрицы на государственные дела, он замечает, что это еще надо выяснить. Спрашивается, как можно было делать подобные категорические умозаключения, если проблема еще не ясна? Но в том-то и дело, что общественное мнение вынесло свой беспощадный вердикт на этот счет раз и навсегда и особая вина императрицы не нуждалась ни в каких доказательствах. Ведь это и так, как казалось, было очевидно!

В течение первых месяцев войны, порочащих власть сплетен и слухов было мало. Всех объединил единый патриотический порыв. Царица и ее старшие дочери пошли работать медсестрами в царскосельские лазареты. В конце октября 1914 г. Александра сообщала мужу: «В первый раз побрила солдату ногу возле и кругом раны. Я сегодня все время работала одна». Она с радостью поведала ему, что «мы прошли полный фельдшерский курс с расширенной программой, а сейчас пройдем курс по анатомии и внутренним болезням, это будет полезно и для девочек»¹¹. Или вот, например, строки из ее письма от 17 ноября 1914 г., в котором она описывает поступление новых раненых в царскосельские лазареты: «Боюсь, что некоторые из них обречены, — но я рада, что они у нас и что мы, по крайней мере, можем сделать все от нас зависящее, чтобы помочь им. Мне сейчас следовало бы отправиться посмотреть на остальных, но я слишком утомлена, так как у нас кроме этого было еще 2 операции, а в 4 я должна быть в Большом Дворце (Екатерининский Дворец Царского Села — А. В.), так как хочу, чтобы княгиня (речь идет о докторе медицины и старшем враче Царскосельского дворцового лазарета Вере Игнатьевне Гедройц — А. Б.), также осмотрела бедного мальчика и одного офицера 2-го стрелкового полка, ноги которого уже стали темного цвета: опасаются, что придется прибегнуть к ампутации. Я вчера присутствовала при перевязке этого мальчика — ужасный вид, он прижался ко мне и держался спокойно, бедное дитя»¹². В приведенных строках слышится голос матери и женщины, но никак не императрицы.

В госпитале Александра не чуралась участвовать в самой сложной и неприятной деятельности. Вот, например, ее отчет о медицинской службе за 20 ноября 1914 г. «Сегодня утром мы присутствовали (я, по обыкновению, помогала подавать инструменты, Ольга продевала нитки в иголки) при нашей первой большой ампутации (рука была отнята у самого плеча). Затем мы все занимались перевязками (в нашем маленьком лазарете), а позже очень сложные перевязки в большом лазарете. Мне пришлось перевязывать несчастных с ужасными ранами...; они едва ли останутся мужчинами в будущем, так все пронизано пулями... страшно смотреть,—я все промыла, почистила, помазала иодином, покрыла вазелином, подвязала,—все это вышло вполне удачно,—мне приятнее делать подобные вещи самой под руководством врача»¹³.

Вера в Бога, любовь к ненаглядному Ники и его России, обожание своего «солнечного луча» (наследника Алексея — А. Б.) и нежность к милым дочерям — все это было с ней всегда. Война добавила иные заботы и новые переживания. Как там дела на фронте? Когда же кончится весь этот ужасный кровавый кошмар? Извещения о гибели своих близких стали получать и придворные, что огорчало императрицу, которая всегда находила для них слова утешения и сочувствия. В царской семье никогда и раньше не были приняты шумные развлечения, а после начала войны уклад жизни стал еще больше аскетическим. Работа в госпиталях, беседы с ранеными, подготовка вещей для санитарных поездов, встречи с фронтовыми офицерами и, конечно же, ежедневная молитва заполняли большую часть времени. В феврале 1915 г. она сообщала мужу: «Я ненадолго пойду в церковь, это так облегчает,—это, да работа и уход за этими славными молодцами — вот вся моя утеха»¹⁴.

В силу эмоционального восприятия окружающего мира, Александре не всегда удавалось сохранять самообладание, а окружающее горе угнетало: «Я иногда мечтаю заснуть и проснуться только, когда все кончится и водворится повсюду мир — внутренний и внешний»¹⁵. Эта ее мечта не осуществилась; ей не суждено было уже больше жить в спокойное время. Но свой долг женщины-христианки она выполняла с честью и до конца. Как бы не относиться к последней императрице, нельзя не признать, что ее «госпитальная служба», ее удивительная страдания простым солдатам и офицерам являлись беспрецедентными. Много в прошлом страны было войц,

много было крови и страданий, но никогда, ни до, ни после, жена правителя в нашем отечестве не сделала лично так много для простых раненых. Через ее руки прошли сотни человек; она успокоила и утешила множество беспокойных сердец, но никто ни разу не написал об этом. Да и зачем? В советские годы, в эпоху маниакального оптимизма, надо было воспевать светлое и прогрессивное, где уж там до каких-то реакционных истеричек, доведших страну до краха. Сострадание и милосердие вообще были «изъяты из обращения» и, скажем, в годы Великой Отечественной войны неизвестно ни одного случая, чтобы жена какого-либо советского бонзы хоть приблизилась к простым раненым людям, не говоря уже о том, чтобы кто-то из этих представительниц «советской элиты» стал бы служить простой санитаркой!

В некоторых исторических романовских резиденциях, например, в Зимнем дворце размещались раненые. Работе в госпиталях и занятиям в благотворительных комитетах посвящали большую часть своего времени императрица и ее старшие дочери. Они считали это естественным и обязательным в такое тяжелое для страны время и воспринимали с осуждением всякие формы праздного времяпрепровождения. Приведем выдержку из письма Ольги Николаевны от 5 марта 1915 г.: «Были мы сегодня в Петрограде. Я имела удовольствие председательствовать 2 часа в большом комитете... Оттуда заехала к Ирине (Юсуповой — А. Б.) за Татьяпой. Она и тетя Ксения сидели у нее в гостях. Феликс (князь Юсупов, муж племянницы Николая II — А. Б.) — «сущий штатский», одет во все коричневое, ходил по комнате, рылся в разных шкафах с журналами и в сущности ничего не делал; весьма неприятное впечатление он производит — мужчина в такое время лодырничает...»¹⁶. Антигерманские настроения в семье царя были очень сильны и, например, Алексея вообще даже не стали обучать немецкому языку, а дочери исключили немецкий из обращения и, как заметила Ольга, на нем она говорить «не любит и не хочет»¹⁷.

В семье Романовых все понимали, что главные тяготы суровых военных испытаний несет император. Он оставался верховным правителем в стране, вступившей в жесточайшую военную схватку. Экономическая, общественная, административная стороны жизни огромной империи начинали перестраиваться, исходя из условий

и потребностей времени. Приходилось спешно решать множество вопросов самого различного характера. Царь всегда проявлял особый интерес к военным проблемам, а после 19 июля (1 августа) этот интерес стал всепоглощающим и положение дел на двух основных фронтах — Северо-Западном (против Германии) и Юго-Западном (против Австро-Венгрии, к концу года открылся еще и Кавказский фронт против Турции) было все время в поле его зрения.

Военная кампания началась блестящим прорывом русских войск в Восточной Пруссии, но хорошо начатое наступление, через две недели закончилось разгромом. Николай II записал 18 августа: «Получил тяжелое известие из 2 армии, что германцы обрушились с подавляющими силами на 13-й и 15-й корпуса и обстрелом тяжелой артиллерии почти уничтожили их. Ген. Самсонов (Александр Васильевич, генерал от кавалерии, командующий армией — А. Б.) и многие другие погибли». Несмотря на все свое самообладание и как бы душевную отстраненность от событий, Николай II остро переживал самсоновскую катастрофу и, как позднее признавался, тогда впервые ощутил «свое старое сердце»¹⁸.

На Галицийском направлении против Австро-Венгрии дела разворачивались значительно успешней, что вселяло искреннюю радость. «Днем получил радостную весть о взятии Львова и Галича! Слава Богу! Погода тоже стояла светлая. Завтракал и обедал Саблин. Гулял и ездил на велосипеде с М. (Марией — А. Б.) и А. (Анастасией — А. Б.). Миша и Павел пили чай. Невероятно счастлив этой победе и радуюсь торжеству нашей дорогой армии»¹⁹. Как всегда в дневниковых записях Николая, казалось бы, важное и второстепенное, существенное и незначительное всегда соседствовало рядом. Но такова была его натура, не приемлющая никакой патетики, и эти записи он делал сугубо для себя.

Первый свой визит в ставку и поездку в прифронтовую полосу Николай I осуществил почти через два месяца после начала военных действий. Император со свитой выехал 20 сентября. Начальник канцелярии императорского двора записал: «С утра жизнь в Императорском поезде была обычная, вся разница поездки в мирное время заключалась в том, что за столом салфетки для каждого в кольцо и что их не будут менять каждый раз, когда накрывают стол, и что завтрак и обед состоят из супа (щи или борщ), одного мясного блюда и сладкого.

Государь-император был в хорошем настроении духа — утром было получено известие о взятии Сувалок и ускоренном отступлении немцев»²⁰. Николай прибыл в Барановичи в радужном настроении. После некоторых военных неудач, положение дел на фронтах становилось лучше и опять укреплялась надежда на скорое окончание войны.

Пребывание в ставке было непродолжительным и 26 сентября император, по его словам, «вернулся в лоно дорогой семьи»²¹. Однако, разлуки, все более продолжительные, с «возлюбленной душкой-женой», как он ее называл в письмах, и дорогими детьми становились неизбежными, и с этим следовало примириться. Однако его Алиса — Александра каждое расставание воспринимала чуть ли не как драму; не успевал он еще доехать до места, а вслед ему уже летел ее крик отчаяния: «Мой ненаглядный! Как ужасно чувствовать одиночество после твоего отъезда, хоть с мною и остались наши дорогие дети, — с тобой уходит часть моей жизни, — мы с тобой одно!». «Снова пишу тебе письмо. Ты прочтешь его завтра в поезде, который умчит тебя от нас. Эта разлука не будет долговременной, и все же она так тяжела, но я не стану жаловаться...»; «Так грустно было видеть тебя уезжающим в одиночестве, сердце кровью обливалось»²² и т. д.

Вынужденные расставания они оба воспринимали как неизбежную необходимость. В начале 1916 г. Николай писал жене: «Ты очень верно выразилась в одном из своих последних писем, что наша разлука является нашей собственной личной жертвой, которую мы приносим нашей стране в это тяжелое время. И эта мысль облегчает мне ее переносить»²³.

Второй раз император поехал в Барановичи в конце октября. Вплоть до лета 1915 г. он будет посещать этот небольшой городок, где разместился «мозговой центр военной России», регулярно, через каждые три-четыре недели. Прибывая в ставку к «Николаше», царь выслушивал доклады, гулял, принимал участие в совещаниях, но старался не вмешиваться в текущие оперативные дела командования. Он ездил на позиции, осматривал поля сражений, военные укрепления и дислокации войск, принимал парады и смотры, встречался с офицерами, награждал медалями, орденами и памятным оружием, но своих суждений и представлений о ведении войны не навязывал, считая, как всегда, что разработкой конкретных

планов должны заниматься специалисты в лице командного состава.

Нужды армии были хорошо известны царю и он как глава государства старался разрешать возникшие проблемы и помогать удовлетворению настоятельных нужд армии. «Единственным большим и серьезным затруднением для наших армий является то, что у нас опять не хватает снарядов,— писал он 19 ноября 1914 г.— Поэтому во время сражений нашим войскам приходится соблюдать осторожность и экономию, а это значит, что вся тяжесть боев падает на пехоту; благодаря этому, потери сразу сделались колоссальны. Некоторые армейские корпуса превратились в дивизии; бригады растаяли в полки и т. д. Пополнения прибывают хорошо, но у половины нет винтовок, потому что войска теряют массу оружия»²⁴. Эти трудности совместными усилиями государственных ведомств и общественных организаций удалось в основном преодолеть лишь к концу 1916 года.

В первый год войны царь посещал не только Барановичи и близлежащие фронты, но и многие другие районы. Назовем лишь некоторые пункты и территории, где он побывал в первые месяцы 1915 г., и которые подробно перечислены в камер-фурьерских журналах. Январь: Киев, Полтава, Севастополь, Екатеринослав; февраль — Гельсингфорс (Хельсинки); март — апрель — Львов, Перемышль, Каменец-Подольский, Броды и другие места Галиции, а также Николаев, Одесса, Севастополь, Тверь и т. д. Он знакомился с положением дел на месте, выслушивал рапорты должностных лиц, совершал объезды различных территорий, осматривал хозяйственные и военные объекты.

Разлукам с семьей из-за военной поры мы обязаны наличием большого пласта переписки за последние два с половиной года царствования Николая. Они писали друг другу десятилетия и, когда Александра Федоровна пронумеровала все послания, оказалось около семисот писем, не считая телеграмм и записочек. На указанное время, с сентября 1914 г. по март 1917 г. приходится почти две трети всего числа. Главную их часть составляют послания царицы, которая писала иногда по два раза в день. Удивительная преданность ее этому каждодневному труду и довольно сложной, при ее загруженности, обязанности можно объяснить лишь тем, о чем уже неоднократно выше упоминалось — глубокой любовью, заставлявшей ежедневно посылать многостраничные пись-

ма-отчеты, письма-признания, письма-мольбы. Император всегда был рад получать эти весточки и признавался жене: «Каждый раз, как я вижу конверт с твоим твердым почерком, мое сердце подпрыгивает несколько раз и я скорей запираюсь и прочитываю, или, вернее, проглатываю письмо»²⁵.

Сам царь писал значительно реже, в характерной для него манере бесстрастной отстраненности от событий. Чувствами пронизаны лишь те фрагменты, где говорится о военных поражениях, или о победах, а также повествуется об отношении к жене и детям. Венценосцы страстно молились вместе и порознь, прося у Всевышнего помощи добиться долгожданной победы. После встречи нового, 1915 г., Николай записал: «В 11 ч. 45 мин. пошли к молебну. Молились Господу Богу о даровании нам победы в наступающем году и о тихом и спокойном житии после нее. Благослови и укрепи Господи, наше несравненное доблестное и безропотное воинство на дальнейшие подвиги»²⁶.

Однако мир должен был наступить только после победы. Никакого другого исхода из этой жестокой и кровопролитной войны они себе не мыслили. Какие-либо закулисные переговоры с врагом о заключении сепаратного мира отвергали. Ведь это предательство и России, и армии, и союзников! Летом 1915 г., когда стали циркулировать слухи о возможности скорого перемирия, они при каждом удобном случае категорически их отвергали. Вот, к примеру, как изложила Александра Федоровна в письме Николаю свой длительный разговор с великим князем Павлом о возможности этого: «Я сказала ему, что ты и не помышляешь о мире и знаешь, что это вызвало бы революцию у нас,—потому-то немцы и стараются раздуть этот слух. Он сказал, что слышал, будто немцы предложили нам условия перемирия. Я предупредила его, что в следующий раз он услышит, будто я желаю заключения мира»²⁷. Предполагая это, она как в воду глядела. Довольно скоро подобные слухи получили широкое хождение.

В процитированных выше высказываниях нельзя не заметить безразличие императрицы к появлению любых домыслов. Ее это не задевало. Александра Федоровна верила в милость Господа, который поможет ее Ники, которому приходилось так нелегко! С начала войны он, «бедный», сделался таким задумчивым! У него теперь такие грустные глаза, а сон его стал тревожным и не-

продолжительным! И хотя Николай почти никогда не жаловался на здоровье, но любящее сердце разве обманешь! Его, конечно же, так угнетала эта ужасная война, конца которой все не видно! Заботы мужа, его тяжелые обязанности чрезвычайно волновали императрицу. «Ненавижу быть вдали от тебя, когда ты мучаешься», — восклицала она²⁸. Раньше Александра выражала мужу поддержку моральным сочувствием, теперь, во время этого «страшного испытания», она решила помогать ему делом.

Мы подходим к одному из важнейших сюжетов последнего царствования: к роли Александры Федоровны в делах государственных. До мировой войны она сводилась главным образом к представительским функциям. Положение стало резко меняться лишь на последней стадии существования монархии. О негативной роли вмешательства Алисы-Александры в прерогативы монарха много говорили и писали. Ее обвиняли в том, что она, подчинив Николая своей воле, занялась не своим делом, что ее вмешательства дестабилизируют положение в стране, что по ее протекции к управлению приходят бездарные и бесчестные люди, что она, в свою очередь, — инструмент в руках Распутина и т. д. и т. п. Обойти молчанием эту тему невозможно, хотя она нуждается в специальном обстоятельном рассмотрении. Тем более, что этот сюжет просто «нашпигован» невероятным количеством слухов и сомнительных утверждений. Однако, прежде чем подтверждать, или оспаривать какие-то заключения и делать выводы, необходимо разобраться в некоторых основополагающих моментах.

Существовало ли вообще сколько-нибудь значительное влияние царицы на дела государства? Не вызывает сомнения, что она воздействовала на Николая, стараясь добиться от него определенных решений. В принципе, само по себе, это не может выставляться в качестве обвинения. Действительно, какая жена не воздействует или хотя бы не пытается воздействовать на своего мужа?! Важно установить, каковы были при этом ее мотивы и какова была результативность этого воздействия. Тем более, что речь идет не об обычном, «рядовом» муже, а о монархе. Не боясь ошибиться, можно уверенно констатировать, что главная причина ее интереса к политической деятельности не была следствием злокозненных устремлений, а коренилась в ее женском сердце. Любовь этой женщины была безбрежной, и она не сомневалась, что если мужу трудно и плохо, то она должна быть рядом с ним.

Второе важнейшее обстоятельство, так сказать, «стимулировавшее» ее активность на политическом поприще, заключалось в позиции самого царя. Его частые и довольно продолжительные отлучки из столицы неблагоприятно сказывались на ходе дел, что он прекрасно понимал. Нужно было принимать решения, а никто не мог взять на себя ответственность — это бремя монархов. Александра же редко куда выезжала, прекрасно была осведомлена о настроениях и мнении самодержца и могла заменить его в некоторых случаях, тем более, что он ей целиком доверял. Важно иметь в виду, что Николай и Александра после двадцати лет супружества по всем основным вопросам были единомышленниками. Царица была права, когда восклицала, что они с мужем — «одно целое!» Хотя реакции на те или иные события в силу своеобразия каждой из натур были часто несхожими, но видели они мир в одинаковых окрасках (правда, у императрицы было больше темных оттенков). Все разговоры о том, что Алиса, как более волевая личность, подчинила волю Николая и навязывала ему свои желания, не могут быть признаны обоснованными. В подавляющем большинстве случаев их представления совпадали.

Императрица «втягивалась» в государственные дела постепенно. В первые месяцы войны она занята исключительно благотворительной деятельностью и, во всяком случае в письмах, никаких советов и рекомендаций мужу не дает, считая себя для этого негодной. «О, дорогой мой, как бесконечно ты мне дорог! Если бы я могла помочь тебе нести тяжелое бремя, ты как безмерно отягощен», — сетовала она в октябре 1914 г.²⁹. Пока она была еще убеждена, что не может давать советы мужу в политических делах. Однако с начала 1915 г. эти представления начинают меняться. Понимая, что для выполнения миссии правителя надо много и долго учиться, что просто так, в одночасье, царями не становятся, она заключила, что довольно долго находясь рядом с самодержцем, сумела много увидеть и понять. Кроме того, у нее есть ведь великое чувство любви к мужу и к его России, сильная воля и благословение Господа! Разве этого недостаточно? Ведь дорогой Григорий много раз говорил, что сердце ее обмануть не может.

Собственно говоря, с весны 1915 г. в потоке ее корреспонденции, адресованной Николаю начинают появляться первые просьбы и пожелания политического характера. Следует подчеркнуть, что Николай благосклонно

все это принимал и был даже благодарен дорогой Алике за столь живое ее участие в государственных делах. Летом же 1915 г. он вообще дал ей, что называется, карт-бланш, заявив: «Подумай, женушка моя, не прийти ли тебе на помощь к муженьку, когда он отсутствует? Какая жалость, что ты не исполняла этой обязанности давно уже, или хотя бы во время войны!»³⁰ Очевидно, он с ней и раньше обсуждал различные аспекты своей деятельности, о чем можно догадаться по различным обмолвкам и намекам в переписке. С лета же 1915 г. ее соучастие в управлении становится уже нормой.

Сама она горела желанием ему помогать: «Ты все переносишь один, с таким мужеством! Позволь мне помочь тебе, мое сокровище! Наверное есть дела, в которых женщина может быть полезна. Мне так хочется облегчить тебя во всем». Ее участие вначале ограничивалось почти исключительно пересказом светских сплетен: «Извини меня за то, что так к тебе пристаю, мой бедный усталый друг, но я так жажду помочь тебе, и, может быть, могу быть полезна тем, что передаю тебе все эти слухи», — писала она в июне 1915 г. Чуть ли не с восторженным пренебрежением воспринимала царица недовольные сетования на ее новую роль и заявляла, что люди бояться ее, «потому что знают, что у меня сильная воля, я лучше других вижу их насквозь и помогаю тебе быть твердым».

Она делает дело, угодное Богу, помыслы ее возвышенны и никто не вправе судить поступки Ники и ее. Один только Всевышний! «Ты, дружок, слушайся моих слов, — писала она мужу в сентябре 1915. — Это не моя мудрость, а особый инстинкт, данный мне Богом помимо меня, чтобы помогать тебе». В этом она была абсолютно убеждена. «Некоторые сердятся, что я вмешиваюсь в дела, но моя обязанность — тебе помогать. Даже в этом меня осуждают некоторые министры и общество: они все критикуют, а сами занимаются делами, которые их совсем не касаются. Таков уж бестолковый свет!», — констатировала Александра в сентябре 1915 г.³¹ Она не подменяла и не хотела подменять собой мужа, которого всегда оценивала очень высоко как политика, считая его мудрым руководителем, которому иногда не хватало лишь решимости и твердости характера, и была убеждена, что при ее поддержке он преодолет свои слабости. Ведь это так необходимо для улучшения положения на фронте и в тылу!

Пристальное внимание и интерес императрицы привлекала важнейшая политическая область, находившаяся целиком в руках монарха — назначения высших должностных лиц. Ее особенно интересовали претенденты на должности в церковной и гражданской администрации, так как здесь, в отличие от военной области, она не сомневалась в своих возможностях рекомендовать достойных. Вообще тема о служебных взлетах и падениях отдельных деятелей в последние годы монархии — есть фрагмент более обширной проблемы кризиса власти. Перестановки на высших ступенях государственной лестницы, с легкой руки известного правого политика В. М. Пуришкевича, получили броское название «министерской чехарды». Действительно за 31 военный месяц сменилось шесть министров внутренних дел, три министра иностранных дел, четыре премьера, четыре военных министра и т. д. Правда, в некоторых ведомствах смены руководства не происходило: в министерстве финансов, морском министерстве, в министерстве императорского двора.

И все же нестабильность в высшем административном эшелоне несомненно существовала. Но определяли ее не «безответственные влияния», сами по себе, о чем постоянно говорили тогда и много размышляли позже. Это лишь второстепенные факторы, как бы внешнее проявление куда более глубоких, структурных проблем всей самодержавной системы как формы жизнедеятельности общества и организации власти. Именно здесь коренились причины «министерской чехарды».

То же, что дела в России идут не так как надо и как хотелось бы людям, желавшим блага стране, видели не только женевско-парижские эмигранты и радетели и спасатели России из Государственной Думы. Это чувствовал и самодержец. Николай и Александра знали, что события развиваются не так хорошо, как следовало бы, что результаты государственной деятельности далеки от желаемых, а хорошие времена все никак не наступают. И они, как и остальные, были убеждены — это во многом результат того, что к управлению часто приходят не те люди. Именно поэтому правильные решения до конца не выполняются, а некоторые игнорируются совсем.

Здесь следует сделать отступление более общего порядка. В сознании большинства россиян испокон веков существовало представление, что в неурядицах настоящего и прошлого виновато в первую очередь начальство. Для одних это был не тот урядник, для других — земский

начальник или даже губернатор, для третьих — министр. Об этом вслух не говорили: было запрещено. Лишь после 1905 г., когда произвол цензуры был ограничен, тема «не тех руководителей» стала любимейшей для всей российской прессы. Правда, леворадикальные политики ратовали не за смену начальства, а за разрушение до основания всего государственного здания. Однако такие рекомендации мало кто слышал.

Большинство все же выступало не за уничтожение, а за улучшение. Для них изменить ситуацию в благоприятном направлении — значит, в первую очередь привлечь к управлению достойных и способных людей, которых можно найти в либеральной среде. Они все наладят, отремонтируют в государственном механизме и он опять заработает продуктивно. Трудно сказать, чего в таких построениях было больше — красноречия или политической слепоты, но объективно подобные планы «улучшателей» неизбежно вели к разрушению, правда, этого никто из них не видел и не хотел видеть. Главное, что бы в России стало «как в Англии».

Отчуждение общества от власти, власти от общества и самого этого общества от широких народных слоев происходило под воздействием различных факторов долгое время, но со всей драматической очевидностью проявилось на заключительной стадии существования монархии и сразу же после ее падения. Именно из среды либеральных деятелей во время войны широко пошло гулять утверждение, что «царь не тот», да и большинство должностных лиц «не те». Уже в конце 1913 г. А. И. Гучков восклицал на собрании октябристов: «Историческая драма, которую мы переживаем, заключается в том, что мы вынуждены отстаивать монархию против монарха, церковь против церковной иерархии, армию против ее вождей, авторитет правительственной власти — против носителей этой власти»³².

Удивительно, но факт: почти никто из тех, кто определял настроения в среде «образованного общества», не задумывался над тем, что в переломные моменты истории не люди создают роковые обстоятельства, а условия формируют людей; что причины проблем коренились не только в том, что высшие должностные лица были плохи, а в существовавшей системе отношений между людьми, в их социальной организации, во всем том, что было принято называть государством и властью. Самодержавие формировалось веками и постепенно эволюционировало

по пути раскрепощения собственности, сознания и личности. В начале XX века «ресурс эволюции» был уже основательно исчерпан; дальнейшее движение по пути европейского парламентаризма поднимало вопрос о самом существовании стержневой основы государственности — самодержавной монархии. В возникшей драматической коллизии «или-или» изыскать приемлемый и спасительный исторический компромисс не удалось. Да, он вряд ли вообще был возможен.

Правители в отличие от их либеральных оппонентов при анализе политических неудач и неуспехов расставляли смысловые акценты совершенно иначе. Во многом, по их мнению, было виновато как раз это «общество», которое ничего не знает, но судит обо всем, плодит недоброжелательство, сплетни; одним словом — мешает правильно руководить. Себя царь и царица ни в чем не обвиняли. Им было ясно, что виноваты обстоятельства и плохие советчики! Николай, лишенный амбициозных претензий на свою гениальность, при принятии любых сколько-нибудь важных политических решений был склонен слушать умных и знающих людей, тех самых «специалистов», мнением которых он постоянно интересовался. Правда, решения принимались, исходя из высшей, часто только ему с Алисой известной целесообразности. Но таково было право самодержцев в России. Николай II прекрасно помнил, что этой прерогативой пользовались и дед, и «дорогой папа», и никаких возражений тогда ни у кого это не вызывало.

При нем же, когда он по доброй воле в интересах дела выслушивал многих, со всех сторон только и было слышно: «Ваше величество! Такое решение опасно»; «Ваше величество! Этот человек, ставший министром — враг династии»; «Ваше величество! Подобный шаг создает угрозу трону!» и т. д. и т. п. Любые распоряжения самодержца, сделанные на основании рекомендаций одних, почти сразу же рождали возражения и неудовольствие других. Решения, которое единодушно одобрило бы даже ближайшее окружение, изыскать практически не удавалось. Вот, например, совет министров. Все министры клялись в верности своему государю, а даже в годы великой войны многие из них заняты лишь интригами, а своим непосредственным обязанностям уделяют недостаточно внимания. Некоторые озабочены больше тем, как бы понравиться либеральной фронде, всем этим Милюковым, Гучковым и пр., чем честно служить своему

царю и отечеству. «Поведение министров злит меня,» — подобные восклицания неоднократно можно встретить на страницах писем царя.

Деятельность многих сановников неоднократно за годы правления доставляла ему переживания. Вот хотя бы всем известный С. Ю. Витте, умерший в феврале 1915 г. Известие о его кончине император, этот верующий христианин, встретил чуть ли не с радостью. Николай получил его «в наследство» от своего отца, сделавшего безвестного еще в 1892 г. человека министром сначала путей сообщения, а затем — финансов. Он ему так доверял! Не без его влияния Николай пошел в 1905 г. на казалось бы невозможное: подписал Манифест 17 октября. Он оказал Витте такое доверие, сделал его премьером! А тот, уверявший, что демократические свободы принесут мир и процветание, был занят больше удовлетворением своего безудержного честолюбия и не смог воспрепятствовать распространению кровавого насилия в конце 1905 — начале 1906 гг. Кроме того, он постоянно плодил сплетни, которые так или иначе задевали царскую семью. После отставки сановника в апреле 1906 г. Николай не мог спокойно слышать имя «этого интригана». Еще в ноябре 1906 г. он писал матери: «Сюда вернулся на — днях, к сожалению, гр. Витте. Гораздо умнее и удобнее было бы ему жить за границей, потому что сейчас же около него делается атмосфера всяких слухов, сплетен и инсинуаций... Нет, никогда, пока я жив, не поручу я этому человеку самого маленького дела»³³. Свое обещание Николай сдержал, хотя за опального экс-премьера просили многие, в том числе и Распутин, но он оставался непреклонен. В этом его всегда поддерживала и императрица, платившая С. Ю. Витте взаимной ненавистью.

Николай и Александра в последние годы были все время обеспокоены поиском людей, достойных назначения на должности в государственном и церковном управлении. Критерием отбора служили знания, опыт, лояльность к царской семье. Постепенно, по мере роста антиромановских слухов и настроений, самодержец и его порфиноносная советчица на первое место при оценке конкретного человека стали ставить преданность трону, а точнее им лично. Говорят, что французский король Людовик XIV любил повторять сочиненный им же афоризм: «Государство — это я». Взгляды последних русских монархов были близки к представлениям «короля — солнца»,

с той лишь разницей, что в романовской формуле местоимение «я» было заменено на «мы».

Если человек лично бескорыстно предан императорской семье, любит и ценит ее, защищает их доброе имя и борется со всякими инсинуациями, выполняет безропотно царскую волю, то этот человек достоин быть призван на коронную, то бишь государственную службу. Компетентность и интересы дела подменила угодливость отдельным людям. Такой принцип в XX веке не мог быть оправдан в делах государственных, но тем не менее именно он часто и определял назначения на высшие посты. Трудно сомневаться в том, что императорская чета хотела действительного блага стране, ведь они должны были ее передать своему Алексею. Но создали это благо они по своему разумению и прибегали к мерам, которые ничего изменить к лучшему не могли.

Венценосцы были убеждены, что правила для управления Россией не существует, что этой необозримой империей можно управлять лишь опираясь на Божественное Провидение. Еще в декабре 1906 году Николай в письме П. А. Столыпину признавался: «Я несу за все власти мною поставленные, перед Богом страшную ответственность и во всякое время готов отдать ему в том ответ»³⁴. «Господи! Помогите! Укрепите! Сохраните!», — на эти призывы и мольбы они последние годы и уповали. «Все должно хорошо пойти, и так оно и будет, — только нужно иметь терпение и уповать на господ Бога!» — заявляла императрица³⁵. Главное, распознать и привлечь к делу хороших, преданных престолу людей, а все остальное должно получиться само собой. Иллюзии рождали оптимизм, который помогал жить.

Александра Федоровна, считая себя человеком проницательным, в чем не сомневался и ее муж, уверилась, что рекомендовать надежных людей — ее долг перед Никой и перед Россией. Когда кандидатуры претендентов на те или иные посты предлагали другие, то за этим, как она считала, почти всегда стоял скрытый, но определенный личный интерес. Уж о чем, о чем, а о неприглядности и изнанке сановно-аристократического мира царица хорошо была осведомлена. Она же могла рекомендовать лишь тех, кто находил отклик в ее сердце и, конечно же, кроме общего блага у нее никаких иных побуждений не было! В возвышенной чистоте ее помыслов не сомневался и император.

Круг лиц, которых лично знала императрица, был очень ограничен и при всем ее самомнении она понимала, что этих знаний недостаточно. Поэтому она старалась принимать к сведению все, что говорили те, кому она доверяла. Но все равно, как только возникала потребность нового назначения, неизбежно вставал вопрос: кого? Иногда, правда, должности подбирались под конкретных кандидатов, но такое случалось реже. Несмотря на бесконечные раздумья и обсуждения, один неудачный выбор сменял другой. «Где у нас люди,— сетовала царица в сентябре 1915 г.— я всегда тебя спрашиваю и прямо не могу понять, как в такой огромной стране, за небольшим исключением, совсем нет подходящих людей»³⁶. На эту тему она много размышляла всегда, но особенно весной 1916 г., после скандальной истории с ее выдвиженцем на пост министра внутренних А. Н. Хвостовым, кандидатура которого была поддержана и Распутиным, и который тем не менее, будучи министром, вознамерился убить Григория. Было отчего впасть в отчаяние. «Дорогой мой, как не везет,— восклицала она в письме к мужу в марте 1916 г.— Нет настоящих «джентльменов»,— вот в чем беда. Ни у кого нет приличного воспитания, внутреннего развития и принципов, на которые можно было бы положиться. Горько разочаровываться в русском народе — такой он отсталый; мы столько знаем, а когда приходится выбирать министра, нет ни одного человека, годного на такой пост».

Императрицу интересовали не знания, опыт, административные навыки, а такие нравственные, этические характеристики как доброта, честность, манеры, смирение и желание действовать наперекор всем и всему для исполнения воли монарха. Вот, например, ее оценка И. Л. Горемыкина: «С ним я могу быть вполне откровенной, я его знаю с тех пор, как замужем; он безгранично тебе предан». Это царице казалось достаточным для занятия Горемыкиным ведущих постов.

Чтобы распознать душевные качества людей, она опиралась не только на интуицию, но и пользовалась некоторыми приемами. Еще давно, задолго до войны, их «первый друг» месть Филипп подарил ей икону с колокольчиком, которая, как она уверилась, предостерегала ее от злых людей и препятствовала им приближаться к ней. «Я это чувствую и таким образом могу и тебя предостеречь от них. Даже твоя семья чувствует это, и поэтому

они стараются подойти к тебе, когда ты один, когда знают, что что-нибудь не так и я не одобряю». Императрица считала, что эта чудодейственная икона научила ее распознавать людей. «Сначала я не обращала достаточного внимания, не доверяла своему собственному мнению, но теперь убедилась, что эта икона и наш Друг помогли мне лучше распознавать людей»³⁷. Подобные выводы вряд ли могут свидетельствовать о рациональном восприятии Александрой Федоровной окружающей действительности. Но, с другой стороны, если бы она только тихо молилась и рыдала в своих апартаментах, ничего бы не изменилось. Вера же давала ей надежду, питавшую самообладание, которое позволяло ей всегда переносить все с поразительной для очевидцев внешней невозмутимостью.

Надежной опорой являлся «дорогой Григорий», который был рядом с венценосцами. Во время войны, которой он не хотел и неоднократно утверждал что если бы тогда находился в Петербурге, то ее бы не допустил, он стал уже совсем своим в семье. «Наш друг», — этим званием редко кого награждали Романовы, а последние годы так именовали исключительно Распутина. Очевидные признаки душевной привязанности к этому человеку можно легко обнаружить на страницах дневника Николая, где самодержец описывал в основном внутрисемейные события. Встречи и беседы с «дорогим Григорием» обязательно фиксировались царем. Из этих заметок следует, что последние три года монархии общались они особенно интенсивно. Чем сложнее становилась обстановка в стране, чем нужнее было Николаю общество старца-проповедника, тихим, вкрадчивым голосом говорившим о мире, о любви, о надежде и благодати. Он нес с собой то, чего постоянно не хватало венценосцам, а в последние годы особенно — покой.

Можно довольно точно установить количество встреч между «Императором и Самодержцем Всероссийским, Царем Польским, Великим Князем Финляндским и прочая, и прочая, и прочая» (таков был официально употребляемый титул Николая) и крестьянином Тобольской губернии Григорием Ефимовичем Распутиным. Вот, например, 1914 г. — год перелома в жизни и страны, и царской семьи. Уже 2 января царь записывает: «Вечером имели отраду видеть Григория. Так было тихо и спокойно.» Встречались и беседовали они обычно вечерами, когда заканчивался царский обед (не ранее восьми часов)

редко у себя, большей частью у Ани, в ее царскосельском домике. Приходили они туда или всей семьей, реже вдвоем, а с началом войны, когда Николай постоянно отсутствовал, Александра стала видаться со старцем и самостоятельно, но обо всех встречах обязательно уведомляла мужа. Следующее свидание состоялось через месяц, когда император записал: «После обеда приехал Григорий, поговорили вместе часок»³⁸. С января 1914 г. до середины июня 1914 г., то есть до отъезда Распутина в Покровское, они виделись восемь раз.

С началом войны «интенсивность общения» заметно возрастает. Потребность в успокоительных беседах у царя и царицы усиливается. Вот 17 октября, день грусти и возмущения. Николай получил известие о том, что накануне турки и немцы вероломно напали на русский флот в портах Крыма. Вечером он занес в свой дневник: «Находился в бешеном настроении на немцев и турок из-за подлого их поведения на Черном море! Только вечером, под влиянием успокаивающей беседы Григория, душа пришла в равновесие»³⁹. О том, что под воздействием каких мыслей и слов у царя «душа пришла в равновесие», не будем гадать. Умом понять смысл и характер данного воздействия невозможно.

Здесь уместно сказать о следующем. Наставления Распутина производили действительно гипнотически-успокаивающее воздействие на душу человека, а сознание не затрагивали. Это был как бы своеобразный сеанс «душевного снадобья». И не удивительно, что никто из тех, кто общался с Распутиным и высоко ценил его, не пытался пересказать распутинские слова. В отрыве от НЕГО самого они теряли яркость, свою воздействующую силу, становились тусклыми и банальными. Можно бесчисленное число раз прочесть в письмах и дневниках сторонников старца такие, например, выражения, «как он хорошо говорил», «его слова так на меня сильно подействовали», «на душе от его слов сделалось так спокойно» и т. д. Однако уловить за этими многочисленными восклицаниями и восторгами, что же он все-таки говорил — невозможно. Это не случайно.

Известно, что глубина воздействий любой проповеди измеряется не только смыслом идей, заключенных в ней, мастерской формой проповеди и силой веры слушателя, но и, в данном случае особенно, умением и природными качествами проповедника. Соединение этих свойств, создавало, по-видимому, неповторимый гипнотический рас-

путинский феномен, а исключение одного из «элементов» — главного действующего лица, сводило все на нет. И не случайно, что императрица, например, в своих письмах мужу, описывая встречи с «дорогим Григорием», цитировала лишь его телеграммы, но никогда — устное слово. Императрица признавалась, что «трудно передать сказанное им — слова недостаточны и нужен сопровождающий их дух, чтоб осветить их»⁴⁰.

Для Николая и Александры в это время общение с Распутиным превращается в потребность, они ждут встреч с ним, получая от них искреннее удовлетворение. Достаточно привести несколько выдержек из царских дневников за вторую половину 1914 года: «Вечером имел утешение побеседовать с Григорием с 9.45 до 11.30» (5 сентября); «Вечером долго ждали Григория. Долго потом посидели с ним (14 сентября); «Вечером сидели и долго разговаривали с Григорием» (28 сентября); «Вечером хорошо побеседовали с Григорием» (7 октября); «Вечером имели утешение беседы Григория, перед его отъездом на родину» (4 ноября)⁴¹.

Из приведенных текстов отнюдь не следует, что Распутин подчинил царя своему влиянию. Духовная беседа — это хотя и важная, но только часть жизни монарха (кстати, этот вид досуга был широко распространен вообще во многих русских благочестивых семьях). Они разговаривали, затем молились перед сном, а утром жизнь царя шла своим чередом: утренняя краткая молитва и бесконечные встречи, приемы, поездки, доклады, бумаги. Из того, что Николай с семьей любил беседы о добре и зле, о любви и смирении, о смысле жизни, никоим образом нельзя делать вывода о том, что он любил слышать из уст «дорогого Григория» разговоры и на другие, в первую очередь, на государственные и политические темы. И уж тем более, констатацией лишь самого факта таких встреч нельзя подтверждать расхожий тезис о безусловном воздействии Распутина на царя. Несмотря на очевидную близость Распутина с царем, он признавался генералу П. Г. Курлову, что «иногда целый год приходится упрашивать государя и императрицу для удовлетворения какого-нибудь ходатайства»⁴².

Воздействие его на царицу было значительно сильнее; она была как зачарованная и безоглядно верила, что благополучие ее семьи зависит от молитв «дорогого Григория». Мнением же света вообще можно пренебречь: они лезут в дела управления, а сами ничего не понимают.

Как хорошо Григорий говорил об аристократах, что их воспитание очень ограничивает в жизни, исключает природную естественность! «Большая половина сего воспитания,— размышлял Распутин,— приводит в истуканство, отнимает простоту. А почему? Потому, во-первых, не велит с простым человеком разговаривать. А что такое простой человек? Потому что он не умеет заграничные фразы говорить, а говорит просто и сам в простоте живет и она его кормит и его дух воспитывает и мудрость»⁴³.

Не известно в подробностях как происходило «перерождение» этого «царева друга» в государственного человека, но думается, что именно обращения царицы к нему за советами проложили дорогу его необычной деятельности, сделавшей из «старца Григория» историческую фигуру. Будучи умным и сообразительным мужиком, он, несомненно, понял, что уклоняться от роли советчика «мамы земли русской» он не может, иначе потеряет частично или полностью расположение романовской семьи. Что же, царица просит совета у своего духовного наставника, а он будет молчать? Сначала хватало откровений и рекомендаций самого общего свойства: «Сила души укрепляет»; «любовь в сердце — надежда на завтра»; «ублажи раненых, Бог имя свое прославит за ласкоту и за подвиг твой»; «пусть небесная сила в пути с вами ангелы в ряды воинов наших спасенье непоколебимых героев с отрадой и победой» и т. д.

Но положение царского советника, которым Распутин упивался и бахвалился на каждом шагу, требовало и другого: надо было определять для царицы хороший или плохой тот или иной человек. Он ведь провидец и может узнать и понять то, что простым смертным не дано разглядеть! И вот здесь мы подходим к кульминации всей распутиниады, к самой драматической главе последнего царствования. Императрица предназначила «простецу и молитвеннику» роль, которую он ни при каких обстоятельствах не имел права играть, да и не имел возможности ее удачно исполнить. Но той Россией, в ту драматическую эпоху, руководили люди, обращенные в прошлое, где, как им казалось, было так много чистоты, простоты и правды; не знавшие и не подозревавшие о грядущем. Они жили и правили так, как могли, но не так, как хотели. На излете империи, как заметил последний министр внутренних дел А. Д. Протопопов, «счастья не было никому. Бывший царь это инстинктивно чувствовал»⁴⁴.

Чувствовала это и императрица. Но что же делать, как узнать судьбу? Мучительные повседневные вопросы и заставили ее взять себе в помощники «дорогого Григория», чтобы легче и лучше стало.

Какова же была «техника назначений» и кого конкретно можно отнести к распутинским креатурам? Согласно распространенным представлениям, «аспирант на ту или иную должность заручался содействием Распутина; тот прямо или через Вырубову сообщал имя кандидата государыне; эта же последняя упорно воздействовала на царя, пока не добивалась желанного результата»⁴⁵. Но если считать подобную схему движения по иерархической лестнице точным отражением действительного положения вещей, то все равно остается два вопроса: что или кто стояло или стоял за желаниями Распутина? И чем он руководствовался, оказывая содействие одним и выражая недоверие другим? Ответ на первый вопрос теперь очевиден: он не был марионеткой в руках каких-то сил или отдельных лиц. Об этом было уже сказано. Главный смысл его усилий «на государственном поприще» заключался в горячем желании сохранить столь приятное положение советчика и наставника в царском доме, для этого он должен помогать.

Тема о мотивах распутинских симпатий близко связана с предыдущей. Ему нравились почти исключительно те, кому нравился он, его симпатии вызывали те, кто не стал бы выступать против него. Конечно же, часто встречаясь со своей «дорогой другиней» Аннушкой (виделись они последние годы не реже раза в неделю и постоянно общались друг с другом по телефону), он не мог не знать о настроениях «мамы», о чем Вырубова часто рассказывала. Передаточно-рекомендательная роль дуэта Распутин — Вырубова очень быстро стала широко известна и оба оказались в эпицентре карьерно-корыстных интересов, устремлений и желаний многих и многих, старавшихся на них воздействовать со всех сторон. Они должны были как-то реагировать и реагировали. В силу своего понимания и разума они высоко оценивали «добрых и смиренных» и ненавидели «злых и гордых».

Такой подход устраивал и Александру Федоровну, па усмотрение которой предлагались уже прошедшие «отбор» у Вырубовой и Распутина. Но это касалось лишь тех, кого царица сама не знала. Если же она имела представление о человеке, то от «дорогого Григория» (провидческие способности Анны она в расчет не принимала,

так как была невысокого мнения о них) требовалось не называть достойного и оценивать его, а лишь удостоверить душевные качества. После того, как выбор был сделан, и императрица убеждалась, что рекомендованный действительно достоин назначения, так как добр, искренен, порядочен и верен, она с присущей ей категоричностью начинала поддерживать и «проводить» такого человека, проявляя в этом просто маниакальную одержимость. Во всей этой «механике» Распутин исполнял весьма своеобразную, просто удивительную партию «эксперта по душевным качествам» действительных или потенциальных сановников.

Мир людей разделялся в представлении императрицы на два полюса: на небольшой кружок «своих» и основную массу «чужих». И вот в этом взгляды Николай и Александры не совсем совпадали. Это был тот редкий случай, когда они не были «одним целым». Император, как более спокойная натура, относился ко многим «чужим» спокойно, а иногда и испытывал дружеское расположение. Оценки царицы были более резкими, крайними. Она не желала такого человека ни видеть, ни знать и тем более не хотела, чтобы он занимал сколько-нибудь значительный государственный пост. «Разгони всех, назначь Горемыкину новых министров, и Бог благословит тебя и их работу», — неистовствовала в письме⁴⁶. Поступить таким безответственным образом царь не мог, хотя имел полное право назначать на любую должность любое лицо исключительно по своему усмотрению.

Это было, действительно, право монарха, и здесь Николай никаких существовавших законов и традиций не нарушал. Замечания оппозиционеров о том, что «не те выдвигаются», имевшие целью воздействовать на власть, в юридическо-правовом смысле нельзя расценивать иначе, как противозаконные. Другое дело, что в политике часто поступают вопреки букве нормативных положений; партийная тактика и стратегия сплошь и рядом не могут замыкаться в рамках существующих условий. К тому же издавна в России, где законов было мало, они были несовершенны, а механизмы их реализации не отработаны, юридические нормы повсеместно не уважались. «Закон — что дышло, куда повернешь — туда и вышло» — пословица, очень верно передающая народное правосознание. Честь, слово, традиция, долг, — стояли всегда в России дороже, чем какие-то там юридические «филькины грамоты».

Призывы императрицы «разогнать всех» демонстрируют насколько она была далека от того, чтобы прислушаться к недовольным голосам и постараться хоть как-то завоевать общественные симпатии. Но уж если она не уважала или не любила каких-то людей, то с мнением их не желала считаться. Это относилось и, — к петербургским светским «сферам» и к думским кругам. Там же, в свою очередь, уже через несколько месяцев после начала мировой войны были убеждены, что царица — орудие в руках Распутина. Кстати, распространению этих слухов способствовал и сам «старец», так как они, несомненно, поднимали его значение в различных слоях общества, в особенности среди тех, кто имел намерение добиться чего-либо закулисным путем. Согласно этим же якобы проверенным данным, императрица совсем прибрала к рукам государя, не имевшего сил противостоять ее волевому напору. На самом же деле все было не совсем так, а чаще и совсем не так. Император вынужден был считаться со многими обстоятельствами, о которых царица в своем узком царскосельском мире или не знала, или которым она не придавала должного внимания. Рекомендации «дорогой Аликс» и мнение Григория для Николая имели значение, но их желания и просьбы далеко не всегда становились волей монарха.

Император обладал удивительной способностью не слышать и не видеть того, что не хотел видеть или слышать. Очень часто царица многократно обращалась к нему за чем-либо, а царь, получая ее послания, нежно благодарил за них, но совершенно обходил молчанием то, что требовало от него нежелательных решений. Иногда Александра Федоровна чуть не рыдала, умоляя мужа сделать то-то и то-то, а царь молчал. Даже оказать милость и помочь лично своему «дорогому Григорию» не хотел. Интересен в этом смысле эпизод, относящийся к 1915 году и наглядно раскрывающий степень, характер и возможности распутинского влияния. В июне царица сообщила Николаю, что из Покровского пришла телеграмма, в которой Распутин уведомлял, что собираются призвать в армию единственного его сына Дмитрия. «Любимый мой,— писала Александра,— что можно для него сделать. Кого это касается? Нельзя брать его единственного сына».

Письмо с этим призывом датировано 20 июня. В написанных затем нескольких посланиях Николая просьба «дорогого Григория» обойдена молчанием. Никаких попы-

ток помочь ему сделано не было, но не от жестокосердия, а потому что уклонение от защиты отечества, по мнению императора, противоречило долгу, святой обязанности каждого взрослого мужчины. В конце августа Распутин прислал телеграмму «своей Аннушке» и Вырубова через царицу довела ее до сведения императора: «Первое объявление ратников вести, узнайте тщательно, когда губерния пойдет наша. Воля божия это последние крохи всего мира, многомилостивец Никола творящий чудеса». Еще раньше им было передано прошение на имя царя, содержащее ходатайство об отсрочке призыва сына. Императрица считала, что «эту просьбу вполне можно удовлетворить».

Однако на все эти обращения Николай не реагировал. Через несколько дней Александра Федоровна опять обратилась к этой теме: «Наш Друг в отчаянии, что его сына призывают — это его единственный сын, который в отсутствии отца ведет все хозяйство». Реакции на это жалостливое обращение опять не последовало. Было над чем призадуматься Распутину. Вот она царская милость! Другом называют, совета спрашивают, он за их благополучие денно и нощно молится, а они? Единственного сына от солдатчины защитить не могут. Да скажи государь хоть одно слово за него и никто бы не посмел тронуть! Но царь не вмешивался.

Через несколько дней, уже в середине сентября, тема помощи «нашему другу» опять всплывает в переписке и императрица довольно меланхолично по этому поводу замечает: «Гр. (Григорий — А. Б.) прислал отчаянные телеграммы о своем сыне, просит принять его в Сводный полк (военное подразделение, составленное из представителей всех полков гвардии и предназначенное для охраны царя — А. Б.). Мы сказали, что это невозможно. А. (Вырубова — А. Б.) просила Воейкова что-нибудь для него сделать, как он уже прежде обещал, а он ответил, что не может. Я понимаю, что мальчик должен быть призван, но он мог бы устроить его санитаром в поезде, или чем-нибудь вроде этого. Он всегда ходил за лошадьми в деревне; он единственный сын, конечно, это ужасно тяжело. Хочется помочь и отцу и сыну. Какие чудные телеграммы Он опять прислал»⁴⁷. В конце концов распутинского сына все-таки призвали и единственное благодеяние монаршее для него состояло в том, что его определили в санитарный поезд императрицы, доставлявшей с передовой раненых в царскосельские госпитали. И все

это происходило тогда, когда в обществе уже уверенно говорили «о всемогуществе этого временщика». Приведенная история не может не поставить под сомнение широко распространенные взгляды о всеилии Распутина.

Не все было так просто, как о том сплетничали, и при назначениях. Первый год войны Распутина и царицу особенно занимал вопрос не о выдвижении на должность, а о снятии с поста. Речь шла о Главнокомандующем великом князе Николае Николаевиче. Если бы это зависело от воли царицы — Александры Федоровны, то он никогда бы не был на такой высоте. Несмотря на ее постоянные и целенаправленные попытки сместить ненавистного родственника, он оставался при этой должности более года. Распутин в этой интриге принимал самое живейшее и заинтересованное участие. Он давно уже уяснил, что за блаженное место около царя надо бороться, что здесь отдать все на произвол судьбы нельзя, что если не будешь отстаивать и подтверждать свое положение, то на эту роль очень скоро может придти другой, а возможно ее и совсем отменят. Он ведь нужен, пока нужен! Царь так неблагодарен, и как однажды заметил, «равнодушно устранит человека, которого недавно ласкал»⁴⁸.

Ненависть к Николаю Николаевичу объединяла Александру Федоровну и Распутина. Оба они не могли чувствовать себя в безопасности, пока этот человек возглавлял многомиллионную армию и был во главе второго центра власти в Барановичах. Императрица также боялась его, столько даже не самого великого князя, сколько тех «черных женщин», орудием которых, в чем она не сомневалась, он являлся. В известном смысле характер ее страхов был сродни распутинским: тот опасался стать бывшим царским любимцем, а она — бывшей императрицей. Подозрения в династических устремлениях Николая Николаевича прочно укрепились в сознании императрицы. Очевидно, распутинские внушения только усилили чувства, которые одолевали ее раньше.

Когда «дорогой Григорий» подтверждал своими «прозрениями» и «откровениями» какие-либо предположения, к которым сама она пришла раньше, уверенность этой женщины приобретала просто фанатический характер. Вполне вероятно, что о настроениях «мамы», о многих ее взглядах и оценках проповедник знал до разговора с ней: его бесценная «другиня» А. А. Вырубова постоянно ему рассказывала о взглядах своей любимой повелительницы-

покровительницы. Поэтому Распутин часто изрекал именно то, что хотела от него слышать царица. Таким путем он достигал сразу двух целей: утверждал в самомнении Александру Федоровну, но что особенно было важно для него — постоянно подтверждал в ее глазах свои провидческие способности.

К лету 1915 г. антипатии к Николаю Николаевичу у Алисы — Александры превратились в «идею фикс». Великого князя она всегда оценивала через призму якобы предпринимавшихся им попыток умалить авторитет самодержца. «Хотя Н. (Николай Николаевич — А. Б.) поставлен очень высоко, ты выше его. Нашего Друга так, как и меня, возмутило то, что Н. пишет свои телеграммы, ответы губернаторам и т. д. твоим стилем, — он и должен бы писать более просто и скромно», — изрекала она в апреле 1915 г. Объяснялась эта ненависть довольно просто: раз князь против их друга, против «Божьего человека», значит он и против них». «Я совершенно не доверяю Н... Я знаю, что он далеко не умен и, раз он враг Божьего человека, то его дела не могут быть успешны и мнения правильны... Враги нашего друга — наши враги», — утверждала она в июне того же года. Александра Федоровна не могла успокоиться даже тогда, когда уже был решен вопрос о переводе Николая Николаевича наместником на Кавказ, и 22 августа 1915 года восклицала: «Не из среды народа выходят люди, могущие повредить твоим близким, а Н. с кликой... буду мучиться все время, пока в ставке все не уладится и Н. не уйдет»⁴⁹.

Она искренне боялась усиления политической роли Николая Николаевича, возможности инспирирования им династического переворота. Товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий получил от нее распоряжение держать под контролем все связи и всю переписку великого князя⁵⁰. Царицу не мучили сомнения, когда она очень внимательно читала перлюстрированные письма, не считая это неприличным. Вокруг Николая Николаевича образуется целое, как ей казалось, гнездо карбонариев, и она обязана знать и предупредить их коварные козни. О заговорщической деятельности Николая Николаевича в то время действительно циркулировали слухи, и не исключено, что рождались они как раз в Царском селе. В данном случае императрица опять увидела то, чего не было, поверила тому, чего не могло быть. Никаких действительных доказательств подобных намерений великого князя не было тогда, не обнаружилось их и потом. Просто

Распутин сумел навязать свои представления императрице.

Несомненно «дорогой Григорий» воздействовал на мнение императрицы о лицах, занимавших высокие должности или стремившихся их занять. Достаточно открыть любое сочинение, где говорится о последнем периоде царствования Николая II., чтобы сразу же встретить там утверждение об определяющей роли Распутина в назначениях высших должностных лиц в этот период. Такие выводы, как и многие другие в распутиниаде, почти никогда не подтверждены сколько-нибудь надежными доказательствами. Да какие тут нужны еще доказательства? Это же всем известно! Шайка же, ведь правила! На самом деле точно известно лишь следующее. Содействию Распутина в общей сложности были так или иначе обязаны своей карьерой одиннадцать человек. Притом, что число назначений, перемещений, увольнений на вершине российского иерархического Олимпа во много раз превышало этот показатель. (Вершина — это на местном уровне — не ниже губернатора, а на центральном — не ниже товарища (заместителя) министра).

Приведем полный список этих благодетельствованных с указанием должностей в период так называемого «самовластья Распутина». **Белецкий С. П.** — в 1912—1914 гг. директор Департамента полиции, затем — сенатор. С сентября 1915 г. по февраль 1916 г. — товарищ министра внутренних дел **Волжин А. Н.** — бывший Седлецкий, а затем Холмский губернатор, в июле 1914 г. стал директором Департамента общих дел министерства внутренних дел (МВД), а с сентября 1915 г. по август 1916 г. был обер-прокурором Синода. **Добровольский Н. А.** — бывший Гродненский губернатор, а затем — глава одного из департаментов Сената и с 20 декабря 1916 г. последний царский министр юстиции. Князь **Жевахов Н. Д.** — помощник статс-секретаря Государственного Совета, а с 15 сентября 1916 г. — товарищ обер-прокурора Синода. **Питирим**, бывший экзарх Грузии, архиепископ Самарский, Карталинский и Кахетинский, а с 1915 г. — митрополит Петроградский и Ладожский. **Протопопов А. Д.** — с сентября 1916 г. министр внутренних дел. **Раев Н. П.** (сын умершего в 1898 г. петербургского митрополита Палладия), бывший член совета министра народного просвещения, директор Высших женских историко-литературных и юридических курсов, а с 1916 г. — обер-прокурор Синода. **Хвостов А. Н.** — бывший Вологодский и Ни-

жегородский губернатор, член IV Государственной думы, с ноября 1915 г. по март 1916 г. министр внутренних дел. Князь **Шаховской В. Н.**, бывший начальник управления внутренних водных путей и шоссейных дорог Министерства внутренних дел, а с мая 1915 г. — управляющий Министерством торговли и промышленности. **Штюмер Б. В.**, бывший Новгородский и Ярославский губернатор, член Государственного Совета, с 20 января по 10 ноября 1916 г. председатель Совета министров и одновременно с 3 марта по 7 июля министр внутренних дел, а с 7 июля по 10 ноября — министр иностранных дел.

Перечисленные лица имели большую служебную биографию и за исключением, пожалуй, Раева не могут быть названы случайными людьми. Распутин подсказывал императрице их имена, она собирала о них сведения, а император назначал их на пост лишь с учетом предыдущей деятельности. Обо всех десяти вышеупомянутых деятелях известно, что их кандидатуры в той или иной степени поддерживал Распутин, и большинство из них с ним близко общалось. Все это так. Однако он лишь помогал и содействовал, но никогда не определял выбор. Только одно лицо среди т. н. «распутинских ставленников», **Н. В. Ордовский — Танаевский**, бывший управляющий Tobольской и Пермской казенными палатами (налоговой службой), стал в ноябре 1915 г. губернатором в родной для Распутина Tobольской губернии вследствие настоятельного желания «старца».

Вкратце суть этой истории такова. После ряда скандальных столкновений летом 1915 г. между «старцем» и местной администрацией, Распутин убедил царицу, что на высшем посту в губернии должен находиться верный человек, преданный царской власти. Им была названа кандидатура желаемого губернатора, за которого он просил уже давно. Этого человека Распутин знал около десяти лет. Дворянин и бывший офицер **Н. А. Ордовский — Танаевский** давно уже симпатизировал Григорию, который бывал у него в гостях и в Tobольске,² и в Перми, где ему всегда устраивали торжественную встречу. Императрица наконец-то согласилась с этим выбором и 25 августа писала царю: «Наш Друг желает, чтобы Ордовский был назначен губернатором. Он теперь председатель казенной палаты в Перми. Помнишь, он поднес тебе книгу, написанную им про Чердынъ, где похоронен один из Романовых, которого почитают как святого?»³¹ Николаю надоели бесконечные жалобы и доносы местных тоболь-

ских властей на «их друга» и он решил уважить просьбу. В середине мая 1915 г. распутинский кандидат получил эту должность. Это самый яркий и наиболее очевидный случай непосредственного вмешательства Распутина в систему должностного производства. Случай Ордовского — Танаевского почти всегда и приводили для иллюстрации «безответственных влияний» Распутина.

С остальными десятью фигурами положение не такое простое. Карьера любого чиновника, вне зависимости от высоты положения, в общем-то непосредственно зависела от воли, настроения и симпатий правителя. Такова внутренняя природа существования и функционирования авторитарных государств. Тот, кто хотел сохранить свое положение, или тем более подняться выше, обязан был добиваться расположения монарха и близких к нему людей. Один из самых распространенных путей к этому — изыскание возможности получить рекомендацию. Кто-то должен был «замолвить словечко», похвалить, отметить заслуги, устроить встречу. Даже сановникам, занимавшим крупные государственные посты, не всегда было легко встретиться с государем и удостоиться беседы с ним. Иногда аудиенции приходилось ждать очень долго. А уж для того, чтобы добиться каких-то решений — нужен был «верный ход». И Распутин давал шанс. Симпатии и антипатии к нему часто определяющего значения не имели. Таковы были правила игры: малопривлекательные средства — тоже средства. Примечательный в этом смысле разговор со своим шурином А. Ф. Треповым описал генерал А. А. Мосолов. Дело происходило в ноябре 1916 г. сразу же после назначения А. Ф. Трепова премьером. Новый глава кабинета Распутина терпеть не мог, но после всеобщего обсуждения политической ситуации его родственники пришли к заключению, что «с ним нужно считаться» и А. А. Мосолов предложил свои услуги для налаживания контактов.⁵² Вот это «нужно считаться» и определяло интерес к «грязному мужику» многих высокопоставленных лиц, в том числе и тех, которые никакими добрых чувств к нему не питали.

Собственно, из всех перечисленных выше одиннадцати человек помимо Тобольского губернатора, к разряду распутинских выдвиженцев, да и то с оговорками, можно отнести лишь князя Н. Д. Жевахова и Н. П. Раева. Остальные в разной степени стремились управлять влиянием самого Распутина и, конечно же, не были пешками в его руках. Вообще рисунок придворной политической

партии в 1914—1917 гг. был таким сложным, запутанным, что развязать тугой узел интриг, инсинуаций, интересов, амбиций, манипуляций и взаимосвязей очень трудно, а во многих случаях и невозможно. Во всяком случае ясно, что перед Распутиным заискивали, его расположения домогались, а в душе очень часто ненавидя и презирая его.

Характерна в этом смысле история отношений С. П. Белецкого и А. Н. Хвостова, с одной стороны, и царского утешителя — с другой. В сложной амбициозной игре двух первых Распутину отводилось центральное место. В 1915—1916 гг. эти два сановника, которые относились друг к другу весьма настороженно, объединили свои усилия для достижения вполне определенных целей: А. Н. Хвостов хотел получить пост премьера, С. П. Белецкий, в свою очередь, грезил о должности министра внутренних дел. Им казалось, что «этого мужика» можно довольно просто одурачить, сделав его орудием своих устремлений. Драматическая коллизия стала бурно развиваться со второй половины 1915 г., когда А. Н. Хвостов стал министром внутренних дел, а С. П. Белецкий его «правой рукой» в роли заместителя.

В этом качестве они продолжили «штурм высот». Встречались и очаровывали А. А. Вырубову, которая одно время их часто принимала и высказывала свое расположение. Это не осталось незамеченным императрицей, которая писала 3 ноября 1915 г. мужу: «Хвост. и Бел. обедают у А. Это, по-моему, напрасно,— похоже, что она хочет играть роль в политике. Она так горда и самоуверенна и недостаточно осторожна». ⁵⁸ В данном случае Александр Федоровна оказалась права.

Конечно же, сама по себе А. А. Вырубова этих прожженных интриганов не интересовала. Им нужна была узда для Распутина, а через него и верная дорога к монарху. В интересах «дела» им нужно было завязать с Распутиным близкие отношения, но так, чтобы о них никто не знал, иначе не избежать скандала. Ведь даже их жены были резкими противницами Распутина, и встречи «с ужасным человеком» происходили втайне от них. Две влиятельные петербургские дамы и не подозревали, что их мужья, благородные отцы семейств, занимавшие столь ответственные посты, могут делать карьеру, прибегая к услугам подобного человека. Когда жена Белецкого узнала об этом, то это была целая семейная драма.

Естественно, что ни Хвостов, ни Белецкий никаких распутинских чар на себе не испытывали, хотя последний,

например, чтобы угодить царскому советчику неоднократно в 1914—1915 гг. посещал «благочестивые обеды» на Гороховой, 64, где по воскресеньям на распутинскую уху собирались почитатели, главным образом почитательницы. В общем, Белецкий изображал сторонника «старца», хотя еще совсем недавно, возглавляя Департамент полиции (до начала 1914 г.), снабжал антираспутинской информацией некоторых его врагов, в том числе и великого князя Николая Николаевича.

Назначение Хвостова министром, а Белецкого его заместителем происходило в отсутствие Распутина, который находился в Покровском. Когда он вернулся, то они сочли необходимым организовать встречу для завязывания близких отношений. Конфиденциальный роскошный обед был организован на квартире князя М. М. Андроникова, чело века, который был удивительным порождением сановного Петербурга — Петрограда периода заката империи. Не занимая никаких заметных постов (числился чиновником особых поручений при обер-прокуроре Синода), не имея никаких значительных средств, но располагая большой энергией и прекрасно владея мастерством салонной интриги, этот недоучившийся и постоянно жалующийся на нездоровье человек, сумел стать заметной фигурой в столице, расположение или ненависть которого могло многого стоить.

Конспиративная трапеза сняла все «шероховатости» в отношениях. Белецкий позднее вспоминал: «Из разговоров за столом мне стало ясно, что наши назначения Распутину были известны и что он против нас ничего теперь не имеет, но что он, видимо, хотел, чтобы мы получили назначение как бы из его рук»⁵⁴. Успех встречи решено было закрепить дальнейшей деятельностью по «приручению» Распутина. Руководители МВД решили начать выплачивать ему солидную ежемесячную субсидию (1500 рублей). Белецкий подыгрывал А. Н. Хвостову, стремившемуся провести на должность обер-прокурора синода своего родственника А. Н. Волжина, который, не отказываясь от содействия Распутина, категорически возражал даже против знакомства с ним. Комбинация блестяще удалась, но, став в конце концов в главе Синода, новый обер-прокурор занял резкую антираспутинскую позицию.

Здесь нет возможности и необходимости пересказывать сложные закулисные перипетии отношений между императрицей, Распутиным, Вырубовой, Хвостовым, Белецким и Волжиным. Скажем лишь, что убедившись в том, что

подчинить Григория своим интересам не удастся, министр внутренних дел А. Н. Хвостов начинает вынашивать планы убийства временщика. Но все было организовано так бездарно, что дальше разговоров и каких-то опереточных действий дело не пошло. К тому же С. П. Белецкий предал своего «патрона» и хвостовские намерения стали известны царице. Министр, конечно, сразу же был отстранен от должности и потрясенная императрица восклицала в письме царю 2 марта 1916 г.: «Я в отчаянии, что мы через Гр. рекомендовали тебе Хв. Мысль об этом не дает мне покоя, ты был против этого, а я сделала по их настоянию, хотя с самог начала сказала А., что мне нравится его большая энергия, но он слишком самоуверен и что это мне в нем антипатично. Им овладел сам дьявол, нельзя его иначе назвать»⁵⁵.

Данная история изложена здесь для того, чтобы стало ясно, насколько так называемое «всемогущество» Распутина было условным. В конечном итоге им пользовались в своих целях, каждый работал на себя и становиться приспешником «Гришки» никто не хотел. По сути дела из сильных мира сего лишь Александре Федоровне он был нужен как человек-наставник, большинство остальных нуждалось только в его связях и влиянии. Сама же формулировка «ставленник Распутина», которая кочует из книги в книгу при характеристике многих деятелей самодержавного режима, практически ничего не дает для понимания роли заклеянного этим ярлыком лица в политической жизни.

Эта и многие другие интриги, склоки, сплетни, подсиживания, все то, что всегда было за чопорным и импозантным фасадом сановно-аристократического мира России, происходило в разгар жесточайшей войны. В первой половине 1915 г. на театре военных действий разворачивались важные события. Год начался удачными операциями русской армии на Юго-Западном фронте, и к марту австрийская армия понесла серьезные поражения и уступила всю Галицию. Возникла полная веяютность скорого выхода Австро-Венгрии из войны. Германия, стремясь изменить подобный ход событий и воспользовавшись затишьем на своем Западном фронте, бросила против России большие военные силы, оснащенные мощной артиллерией. Весной и летом 1915 г. русская армия приняла участие в ряде кровопролитных сражений, в которых понесла огромные потери главным образом в силу недостаточного обеспечения вооружениями и боеприпасами.

С конца апреля события на фронтах развивались не в пользу России, хотя в сражениях были задействованы лучшие войска, в том числе цвет армии и опора монархии — гвардейские части.

Император был удручен. Надежда на окончание войны в скором будущем исчезала. Оставалась лишь вера в милость Всевышнего, и 21 июня он писал матери: «И Ты и Мы все здесь живем ечевидно одними чувствами, одними мыслями. Больно отдавать то, что было взято с таким трудом и с огромными потерями в прошлом году. Теперь к германцам и австрийцам подошли подкрепления, но и нашим войскам также послапы свежие корпуса, в том числе и гвардейский; так что надо ожидать скоро большое сражение. Помог бы Господь нашим героям остановить их! Все от Бога и потому надо верить в его милость»⁵⁶.

Натиск «проклятых тевтонов» принудил русскую армию отойти на Восток, оставив Галицию, Польшу и некоторые другие районы. Пришлось срочно эвакуировать и Ставку главнокомандующего из Барановичей. Она была перенесена в августе в город Могилев. События лета 1915 г. походили на огромную военную катастрофу, и командование было какое-то время просто деморализовано военными поражениями. Еще в мае, когда только разворачивалось наступление немцев, Николай приехал в Ставку и застал там картину полного уныния. «Бедный Н., рассказывая мне все это, плакал в моем кабинете и даже спросил меня, не думаю ли я заменить его более способным человеком. Он нисколько не был возбужден, я чувствовал, что он говорит именно то, что думает. Он все принимался меня благодарить за то, что я остался здесь, потому что мое присутствие успокаивало его лично»⁵⁷.

В истерическом состоянии великий князь летом 1915 г. находился неоднократно. Вот, например, свидетельство священника Г. И. Щавельского, посетившего главнокомандующего в начале августа: «Великий князь полулежал на кровати, спустивши ноги на пол, а голову уткнувши в подушку, и всё вздрагивал. Он поднял голову. По лицу его текли слезы. Батюшка, ужас! — воскликнул он. — Ковно отдано без боя. Комендант бросил крепость и куда-то уехал. Крепостные войска бежали. Армия отступает. При таком положении что можно дальше делать! Ужас, ужас! И слезы еще сильнее полились у него»⁵⁸.

Общественные деятели всех политических направлений оправившись от первого шока неожиданных поражений, негодовали. Как могло случиться, что у армии нет

достаточного количества боеприпасов и артиллерии? Почему уроки кампании 1914 г. не пошли впровк? И, конечно же, постоянно звучал традиционный российский вопрос: кто виноват? Им как кувалдой били по власти, сотрясая все здание государства. Требовали назвать конкретного виновника, и он был назван: военный министр В. А. Сухомлинов. Занимал эту должность с 1909 г., он много раз публично заверял, что русская армия готова ко всем возможным испытаниям. Все как-то поверили сразу в то, что этот человек повинен в преступной халатности, лихоимстве, а затем стали уверенно звучать голоса и о том, что он государственный изменник. Фактов, подтверждающих это, не было, тем не менее никто не сомневался в предательстве этого человека. «Высочайшей волей» под командой генерала Н. П. Петрова была учреждена специальная комиссия, получившая пышное название: «Для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снаряжения».

На основании постановления этой комиссии в 1916 г. было возбуждено уголовное дело против бывшего министра. На суде уже в 1917 г. обвинения во взяточничестве и измене не подтвердились. Как и все, этим слухам верили и царь, и царица. Александра Федоровна, склонная везде видеть закулисные интриги, считала, что на преступления военного министра толкала его жена (урожденная Е. В. Гошкевич), что это «авантюристка, окончательно погубившая его репутацию» и что «за ее взятки он страдает»⁵⁹ Очень скоро получили широкое хождение слухи о предательстве самой императрицы. До лета 1915 г. об этом только шушукались.

Однако отставка непопулярного министра никого не удовлетворила. Особенно активизировались либеральные деятели, которые первые месяцы войны, скрепя сердце, умерили свои нападкн на власть, так как время заставляло консолидировать усилия. Серия позорных поражений армии в конце весны — начале лета 1915 г. вывели их из оцепенения и предоставила прекрасную возможность «подать себя» в традиционной роли спасателей России. Они увидели, что режим ослаб и заколебался, а значит — наступило их время. Старые деятели потеряли свое лицо и, конечно же, кто должен повести страну, стоящую на краю пропасти? Только те, кто так много произнес красивых слов о величии России и о благе народа!

Уже в мае некоторые органы прессы высказались за создание кабинета национальной обороны. В качестве возможных кандидатов на министерские посты назывались многие политические и общественные деятели, но особенно часто фигурировали имена лидеров двух крупнейших либеральных партий П. Н. Милюкова (конституционно-демократическая — «кадеты») и А. И. Гучкова («Союз 17 октября» — «октябристы»). Высказывались также призывы срочно созвать Государственную Думу (последняя краткосрочная сессия ее была в январе).

Но волновались и выражали свое беспокойство отнюдь не только либеральные деятели; эти чувства сделались всеобщими. Следовало предпринять какие-то действия, чтобы, во-первых, мобилизовать страну для отпора врагу и, во-вторых, довести войну до победного конца. Об этом много думал и царь. 10 июня 1915 г. он выехал в Ставку, где провел совещания с генералитетом и министрами и пришел к заключению, что необходимо обновление высшей администрации. Увольнялось в отставку несколько влиятельных министров, известных своей правой политической ориентацией: министр юстиции И. Г. Щегловитов, занимавший этот пост более десяти лет, министр внутренних дел Н. А. Маклаков и обер-прокурор Синода В. К. Саблер (в 1915 г. в пылу патриотических антигерманских настроений взявший фамилию Десятовский).

К управлению были привлечены те, кто имел авторитет в общественных кругах. Военным министром стал генерал-от-инфантерии (пехоты) и член Государственного Совета А. А. Поливанов; Министерством внутренних дел стал руководить брат адъютанта великого князя Николая Николаевича, бывший Полтавский губернский предводитель дворянства князь Н. Б. Щербатов; пост Министра юстиции занял сенатор и член Государственного Совета А. А. Хвостов (дядя вышеназванного неудачного организатора убийства Распутина), а обер-прокурором Синода был назначен Московский губернский предводитель дворянства, сын известного славянофила А. Д. Самарин. В июне же было объявлено и о созыве Государственной Думы, открытие сессии которой намечалось на 19 июля.

Все эти меры носили паллиативный характер и ничего принципиально решить не могли. К тому же во главе кабинета остался старый царедворец И. Л. Горемыкин, пользовавшийся большим расположением в царской семье за свою преданность и опыт (в романовской переписке его шифровали словом «мудрость»). Общественные деятели,

приветствуя некоторые назначения, находили их недостаточными и требовали ответственного министерства. Подразумевалось, что существовавший кабинет, исключенный из-под контроля «общественных сил», находится всецело в руках «безответственных влияний». Такие взгляды были популярны, и в общем они отражали действительное положение вещей. Однако горькая ирония исторической судьбы России состояла в том, что претенденты на ведущие посты в составе «ответственного министерства» в первую очередь из кругов думских депутатов и руководства ряда общественно-политических организаций, хотя и говорили от имени народа и страны, но выражали интересы очень узких социальных слоев. Это наглядно проявилось на относительно свободных, равных, тайных и прямых выборах в Учредительное собрание в 1917 г. Но кого из них это тогда заботило? «Выврать власть» — это самое главное, а что будет потом, об этом и думать надо потом.

Удивительно, что не прозрели они даже тогда, когда после провала всех их ответственных министерств в 1917 г. (вот уж когда, воистину, началась «министерская чехарда») некоторым удалось бежать из России от того народа, которым они там рвались руководить. Однако и вдалеке от родины осознание очевидного несоответствия их представлений реальной жизни давалось с большим трудом лишь некоторым. Многие же и умерли с убеждением, которое они рьяно пропагандировали в мемуарах, книгах, в бесчисленных статьях в эмигрантской печати, что если бы не ограниченный царь, «эта ненормальная царица», и эти ужасные искусители-большевики, то вполне возможно, что в России молго бы стать «как в Англии»! Примерно такова суть размышлений многих из тех, кто летом 1915 года с трибуны Государственной Думы провозгласил важнейшую политическую задачу — создание ответственного министерства.

Эта идея было не нова. Но, пожалуй, лишь с того лета она стала главнейшей идеей известных общественных и политических деятелей, особенно кадетского толка. Вообще, вера русских либералов в спасительную роль ответственного министерства была просто фанатической, и этим параличом сознания, как это не покажется странным, они походили на императрицу Александру Федоровну, самозабвенно надевавшуюся на Божественной Провидение. В августе 1915 г. несколько думских и околодумских общественных групп объединились в так называемый «прогрессивный блок», центром которого стала партия кадетов.

С этих пор требование организации «кабинета доверия» стало важнейшим их политическим требованием, непременным условием сотрудничества с верховной властью.

Осуществляя перестановки должностных лиц и соглашаясь на открытие Государственной Думы, Николай II понимал, что такой шаг мало кого удовлетворит. Думская трибуна давно стала местом поношения высших сановников и почти всех аспектов государственной политики. А уже сколько оттуда несло на всю страну (речи депутатов редко цензурировались) нападок на Распутина и прозрачных оскорбительных намеков на его связи с царской семьей! Император все это понимал, но хотел сделать примирительный шаг. Ведь надо же было что-то делать, чтобы добиться национального согласия в это трудное время. Однако принять требование ответственного не перед монархом министерства он не мог, понимая, что этот шаг будет началом конца самодержавия, той силы, которая являлась всегда основой всей империи и государственности. Ни для того он надел на себя корону и давал коронационную клятву, чтобы разрушить дело своих предков. Он до конца оставался верен этому принципу и даже незадолго до окончательного краха заявлял: «В день своей коронации я присягал самодержавию, и я должен передать эту клятву нерушимой сыну»⁶⁰. Подобная убежденная преданность идее достойна сочувствия.

Новые правительственные назначения и согласия мужа на открытие Государственной Думы были неприятны императрице. Особенно ее беспокоило выдвижение А. Д. Самарина, который возглавил церковное управление, будучи ярким противником «их Друга», а следовательно, по этой логике, и царской семьи. Николай предвидел это и в письме из Ставки, написанном 15 июня, довольно подробно объяснил жене причины, побудившие его принять решения: «Я уверен, что тебе это не понравится, потому что он москвич; но эти перемены должны состояться, и нужно выбирать человека, имя которого известно всей стране и единодушно уважается. С такими людьми в правительстве можно работать, и все они будут держаться сплоченно — это совершенно несомненно»⁶¹. Александра Федоровна была расстроена. Она сразу же решила, что ее милый Ники стал жертвой коварных влияний в Ставке, что именно Николай Николаевич и его окружение заставили его пойти на это. Она всегда не любила, когда Николай надолго уезжал, а тем более теперь, когда кругом столько

врагов и недоброжелателей, когда надо быть очень осторожным и полагаться только на советы своих людей.

Серьезное беспокойство охватило Распутина, понимавшего, какими неприятностями чревато для него именно это назначение. В руках Святейшего Синода находились все дела церкви: каноническое толкование религиозных догматов, соблюдение обрядов, духовная цензура, образование и что особенно для него существенно: борьба с еретиками и раскольниками. В свое время против него уже возбуждалось Синодом дело по обвинению его в хлыстовстве *. Правда, расследование все-таки удалось прекратить, так как ничего серьезного найдено не было. Распутин очень боялся всяких разбирательств; в жизни его было много темного и нежелательного для выяснения. Он сам говорил, что у него «раньше все темно было». Прекрасно понимал, что обвинение его в сектантстве или богохульстве будет очень весомо и может значить для него отлучение от царской семьи. А его многочисленные враги, могут сделать что вздумается. У них кругом свои люди, они везде вхожи и люто его ненавидят. Если Николаю докажут, что он богохульник, то царь этого никогда не простит. Пока в Синоде сидел Саблер, Распутин мог быть спокоен: этот уважал старца и никогда не пошел бы поперек его воли. Теперь одна надежда на «маму». Надо ей все объяснить подробно, чтобы знала, чего скоро можно ждать.

«Старец» 15 июня 1915 г. уехал в Покровское. Накануне имел продолжительную беседу с императрицей и убеждал ее: счастья и мира не будет в стране, если государь не станет советоваться с человеком, под защитой молитвы которого он находится. Александра Федоровна послала в Ставку несколько писем, где криком кричала об угрозах и опасностях, поджидавших их, если любимый Ники и дальше будет делать уступки этому пресловутому обществу. «Самарин, без сомнения, пойдет против нашего Друга,— справедливо предсказывала царица,— и будет на стороне тех епископов, которых мы не любим,— он такой ярый и узкий москвич... он из недоброй, ханжеской клики Эллы» (15 июня); «в августе собирается Дума, а наш Друг тебя несколько раз просил сделать это как можно позднее... Мы еще не подготовлены для конституционного правительства. Н. и Витте виноваты в том, что Дума существует, а тебе она принесла больше забот, чем радости»

* Хлыстовство — религиозная секта, т. н. «хлыстоверов», проводящая собрания-радения, молитвами и плясками доводящая себя на них до исступления..

(17 июня); «Ах, мой Ники, дела идут не так, как следовало бы! Поэтому Н. и удерживает тебя там, чтобы влиять на тебя своими мыслями и дурными советами. Неужели ты мне еще не хочешь поверить, мой мальчик» и т. д.⁶².

Лето 1915 г. — время многих окончательных решений Николая, время — бесповоротного избрания им апокалиптической судьбы. Груз проблем нарастал, а изменений к лучшему не происходило. Страну все явственней охватывала волна всеобщего недовольства. Критические оценки и суждения о положении дел в России делались как бы общепринятыми; их уже имели и не боялись высказывать не только думские депутаты и различные партийные деятели, но и простые «подданные его величества», обычные, как бы теперь сказали, «люди с улицы». Эти разговоры и настроения подогревали не только собственно военные неудачи, но и усугублявшиеся экономические трудности: нехватка сырья и энергии, дороговизна, расстройство транспорта, вероятность свертывания производства в ряде секторов хозяйства, а следовательно — рост безработицы и т. д.

Требовались новые неимоверные усилия для улучшения ситуации, и Николай надеялся на понимание и поддержку со стороны общественных кругов. Но кредит доверия был исчерпан. На думской сессии большинство депутатов, «сомкнув ряды», выступило против самодержавной власти с требованиями кабинета доверия. Да и новые министры, как быстро заключил царь, вместо того, чтобы объединиться вокруг своего монарха и действовать совместно для общего блага, занялись сведением личных счетов, взаимными обвинениями и интригами против премьера И. Л. Горемыкина. Некоторые из них, о чем император знал из надежных полицейских источников, вели сложную политическую игру и тайно сотрудничали с его откровенными противниками, такими, например, как А. И. Гучков.

Новый обер-прокурор Синода, как и предполагала Александра, свои усилия стал направлять в основном на борьбу со «старцем Григорием», стараясь собрать компрометирующие материалы на него и на тобольского епископа Варнаву, этого по мнению Николая, честного и бесхитростного иерарха. В июне 1915 г. без формального согласия Синода, но с одобрения императора (являвшегося верховным покровителем церкви) и в соответствии с древними епископскими правилами, Варнава объявил о прославлении (шаг предшествующий канонизации) мощей Иоанна Тобольского. Это как раз совпало с назначением А. Д. Самарина. Что тут началось! Не зная, о согласии монарха,

глава Синода развернул шумную кампанию за увольнение епископа, прекрасно понимая, что сокрушением Варнавы наносится ощутимый удар по Распутину и императрице. Была задействована печать и вся эта история несколько месяцев оживленно муссировалась на страницах различных газет и журналов. Как заметил С. П. Белецкий, «государь, как человек верующий, всегда отрицательно относился к огласке тех или других неприятных происшествий в сфере церковной администрации»⁶³. Судьба А. Д. Самарина была решена; в конце сентября он был уволен.

Все это угнетало и нервировало царя. Николай в это время несомненно, понимал, что серьезные реформы государственного управления неизбежны. Но в то же время он не сомневался, что проводить их во время войны — безумие! Прекрасно осознавал император и то, что именно война обострила все старые проблемы и постоянно рождала новые. Срок ее окончания, а в начале у всех была уверенность, что она будет скоротечной, постоянно отодвигался, а с лета 1915 г. он стал вообще неразличим. Николай постоянно думал о том, что же сделать, чтобы переломить ход войны в пользу России и добиться победоносного мира. В конце концов он пришел к решению, к которому его давно подталкивала императрица со своим «духовным поводом»: принял на себя командование армией.

Смысл этого поступка был довольно простым и объяснялся во многом представлениями венценосцев о безграничной любви народа к ним. Казалось, что если во главе войск встанет помазанник Божий, то «простые солдаты», воодушевленные его предводительством, воспрянут духом и сокрушат врага. Несомненно, что сам факт принятия командования в период тяжелых неудач говорит о большом личном мужестве Николая, подтверждает его преданность монаршему долгу. Николай всегда считал, что в дни военных испытаний обязан находиться на поле сражений. Еще в разгар русско-японской войны, в сентябре 1904 г. он писал из Петергофа своей матери в Данию: «Меня по временам сильно мучает совесть, что я сижу здесь, а не нахожусь там, чтобы делить страдания, лишения и трудности похода вместе с армией. Вчера я спросил д. Алексея, что он думает? Он мне ответил, что не находит мое присутствие там нужным в эту войну. А здесь оставаться в такое время гораздо тяжелее!»⁶⁴ Тогда осуществить намерение не удалось. Но вот теперь, «в эту войну», когда опасность еще более велика, ему необходимо поступить по зову сердца.

Раз армии плохо — император должен быть с ней. К тому же великий князь Николай Николаевич не мог оправиться от шока поражений и просил об отставке. Николай и Александра подробно обсуждали этот шаг и окончательно убедились в его необходимости в конце июня 1915 г. Когда в начале августа вернулся из Покровского Распутиц, то было спрошено и его мнение. В царском дневнике за 4 августа читаем: «Вечером приезжал Григорий, побеседовал с нами и благословил меня иконой»⁶⁵.

Благословение Распутица положило конец сомнениям. Выбор был сделан. Трудно сказать, советовался ли царь еще с кем-либо, но вполне вероятно, что ему это не потребовалось. Новая роль угодна Богу и рядом с этим все остальное ничего не стоило. Не известно, как к этому отнеслась мать, но она вообще старалась не оспаривать решения сына. Во всяком случае дети разделяли настроения родителей. Провожая отца в армию, старшая дочь Ольга писала в конце августа: «Папа, золото мое! Как ни грустно, что ты уезжаешь, но в этот раз с особенным чувством радости Тебя провожаем, т. к. все мы горячо верим, что этот Твой приезд туда подымет как никогда кроткий дух нашей могучей армии. Помоги и храни Тебя Господь на этом новом и тяжелом, но святом пути. Все наши молитвы и мысли будут около Тебя. Папа Ангел, мой любимый. Крепко, как люблю Тебя, обнимаю и целую»⁶⁶.

Однако многие не разделяли этих убеждений. Приятие на себя обязанностей главнокомандующего неизбежно делало царя лично ответственным на все возможные неудачи и провалы на фронте. Кроме того, царедворцы и саванники прекрасно отдавали себе отчет в том, что отъезд Николая из столицы надолго неизбежно приведет к усилению роли и влияния нелюбимой императрицы. Из министров одобрил решение царя, безусловно, лишь И. Д. Горемыкин, большинство же других, когда царь 20 августа объявил им о своем решении, или промолчали, или высказали опасения и призвали отказаться от этого. На следующий день восемь из них послали Николаю специальное письмо, в котором еще раз призвали его не занимать поста главнокомандующего. Среди прочего они писали: «Государь, еще раз осмеливаемся Вам высказать, что принятие Вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями»⁶⁷.

Все было тщетно. Жребий был брошен. Император со свойственной ему спокойной решимостью приступал к

новым обязанностям. Приведем пространные выдержки из его дневника, относящиеся к последним числам августа. «22 августа. Суббота. В 10.20 поехали втроем в город в Зимний дворец, где у меня происходило первое заседание совещания по снабжению армии боевыми припасами и снаряжением. После этого разговаривал с членами совещаний, в это время вошла Аликс с Алексеем и тоже обошла их. Вернулись в Царское село до часа. Завтракали с Н. П. Саблиным на балконе. Погода была удивительная. Сделали хорошую прогулку в Баболово. После чая принял Поливанова, затем ко всеобщей. Обедали: Аня и Н. П. (Саблин — А. Б.). В 10 часов простился с дорогой Аликс и детьми и отправился в путь. Господь, да благословит поездку мою и решение мое». «23 августа. Воскресенье. В 3.30 прибыл в свою Ставку в одной версте от города Могилева. Николаша ждал меня. Поговорив с ним, принял ген. Алексеева (начальник штаба верховного главнокомандующего. — А. Б.) и первый его доклад. Все обошлось хорошо! Выпив чаю, пошел осматривать окружающую местность. Поезд стоит в небольшом густом лесу. Обедали в 7 1/2. Затем еще погулял, вечер был отличный». «24 августа. Понедельник. Проснулся около 9 часов. Утро было такое красивое в лесу. После чая поехал в Могилев в собор и оттуда в дом губернского правления, где помещается ген. Алексеев, штаб и управление. После доклада перешли в дом губернатора, где живет Николаша. Подписал ему рескрипт и приказ по армии о принятии мною верховного командования со вчерашнего числа. Господи, помоги и вразуми меня! Вернулись в ставку перед самым завтраком. Днем сделал прогулку за Днепром по Гомельскому шоссе и погулял в хорошем лесу. К вечеру собрался дождь. Поиграл в кости»⁶⁸.

Царь вступил в безысходную полосу своей жизни. Теперь можно было надеяться только на чудо, чтобы полагать, что война может быть в обозримом будущем завершена. Мысли и настроения последнего самодержца отразил и тот приказ по армии и флоту от 23 августа, в котором он объявлял о своем решении: «Сего числа я принял на себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий. С твердой верою в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамям земли русской»⁶⁹. Ему оставалось править еще только полтора года.

ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

В первой телеграмме из Ставки Николай сообщал Александру: «Благодарю за вести. Свидание сошло удивительно хорошо и просто. Он уезжает послезавтра, но смена состоялась уже сегодня. Теперь все сделано. Нежно целую тебя и детей. Ники». Расставание с великим князем Николаем Николаевичем выглядело очень корректно, без всякого внешнего отчуждения, и окружающие были удивлены самообладанием обоих, хотя неловкость положения ощущалась всеми (князю сообщил о решении царя военный министр А. А. Поливанов еще 10 августа). Через три дня после приезда Николая II в Могилев, бывший главнокомандующий с группой офицеров отбыл из Ставки к месту своего нового назначения: он сменил на посту наместника Кавказа престарелого графа И. И. Воронцова-Дашкова. Вместе с ним отбыл в Тифлис его брат Петр Николаевич и, конечно же, две сестры-подруги Анастасия и Милица. Последние негодовали.

Великая княгиня Анастасия Николаевна от злости потеряла самообладание. Старая дружба и привязанность к семье царя были забыты навсегда, хотя старший сын ее, Сергей Лейхтенбергский, был первым крестником Николая, и император сохранял к нему добрые чувства. Забыв все приличия, эта воспитанница Смольного института теперь говорила всем и каждому, что царь в руках царицы, которая «сошла с ума». Можно себе представить, какое сильное впечатление производили подобные утверждения на слушателей, не знавших ничего о распрях и вражде, царившей в царском окружении. Надо же, думал какой-нибудь штабной офицер, или провинциальная светская дама, услышав подобные откровения, до чего дошло? Раз это утверждает царская родственница, то значит все правда! Ужас, ужас! Бедная Россия! Не без участия Анастасии и Милицы вскоре по стране пошла гулять ложь о предательстве императрицы, которую охотно подхватили и страстно популяризировали Керенские, Милюковы и пр. «господа спасатели».

Недоумение, опасения и страх испытывали и те, кто искренне любил царя. Неблагополучие в российской империи становилось видимым и ощутимым для всех. Вдов-

ствующая императрица находилась в подавленном состоянии и постоянно повторяла: «Я ничего не понимаю». Зачем, зачем ее дорогой сын взвалил на себя эту опасную ношу командования армией и уволил любимого войсками Николая Николаевича? Почему он удаляет от себя верных людей, таких как В. Ф. Джунковский и «милый Влади Орлов» (князь В. Н. Орлов до августа 1915 г. был начальником императорской военно-походной канцелярии, затем был отправлен помощником наместника Кавказа). Мать просила этого не делать, но Николай II только улыбался и ничего не обещал.

В разговоре с кузеном царя, великим князем Андреем Владимировичем, старая «тетя Минни» (так звали вдовствующую императрицу в романовском кругу) восклицала: «Он слишком добр, чтобы сделать подобную вещь. Он очень любил их обоих. Это все она! Она одна ответственна за все, что сейчас происходит. Это слишком ужасно! Он останется совершенно один с этим ужасным «Кувакой» (прозвище дворцового коменданта Н. В. Воейкова — А. Б.), Я ничего не понимаю. Я не могу понять. Это слишком ужасно, чтобы это можно было выразить словами. Это напоминает времена императора Павла, который начал в последний год удалять от себя всех преданных людей, и печальный конец нашего прадеда мерещится во всем своем ужасе!»

По другим причинам, но многое возмущало и царствовавшую императрицу, и ее настроение тоже было безрадостным. В начале сентября 1915 г. она неожиданно приехала пить чай к великой княгине Марии Павловне («старшей»). Надо думать, что этот визит не был случайным, так как Александра Федоровна прекрасно знала о большом влиянии в высших кругах столичного общества главы клана владимировичей и очевидно старалась добиться расположения у нее. Младший сын Марии Павловны, Андрей, описал это событие в своем дневнике. «Аликс горько жаловалась, что все, чтобы она ни делала все критикуют, в особенности в Москве и Петрограде. Все восстают против и связывают этим руки. Приехали теперь из Германии сестры милосердия; для пользы дела мне следовало бы их принять, но я этого не могу сделать, т. к. это снова будет истолковано против меня». Разговор коснулся и причин принятия монархом верховного командования. В этой связи Александра Федоровна заявила: «Ники ничего не знал, что делается на войне, «он» (Николай Николаевич — А. Б.) ему ничего не писал, не говорил. Со всех сто-

рон рвали у Ники власть. Урывали все, что было возможно. Это недопустимо в такое время, когда нужна твердая и непоколебимая власть, среди этого развала во власти. Я умоляла Ники не гнать Горемыкина в такое время. Это горный и преданный человек, твердых убеждений и правил. Нельзя же ему гнать от себя людей ему верных и преданных. Кто же тогда останется у него?» Теперь, по ее словам, Николай чувствует себя отлично и находится в курсе всех дел.

Великий князь Андрей Владимирович и его мать подробно обсудили визит в их дом царицы и состоявшийся разговор. Они пришли к заключению, что «этот эпизод... важен в том смысле, что дал... возможность понять Аликс. Почти вся ее жизнь была у нас окутана каким-то туманом непонятной атмосферы. Сквозь эту завесу фигура Аликс оставалась совершенно загадочной. Никто в сущности ее не знал, не понимал, а потому создавали догадки, предположения, перешедшие впоследствии в целый ряд легенд самого разнообразного характера. Где была истина, трудно было решить. Это было очень жалко. Фигура императрицы должна блеснуть на всю Россию, должна быть видна и понятна, иначе роль сводится на второй план и фигура теряет необходимую популярность». Далее великий князь пишет: «Конечно, разговор Аликс с Мама не может восстановить все то, что было потеряно за 20 лет, но для нас лично этот разговор очень важен. Мы увидели ее в новом освещении, увидели, что многое из легенд не верно, что она стоит на верном пути... Удивительно, как не популярна бедная Алекс. Можно безусловно утверждать, что она решительно ничего не сделала, чтобы дать повод заподозрить ее в симпатии к немцам, но все стараются именно утверждать, что она им симпатизирует. Единственно в чем ее можно упрекнуть, что она не сумела быть популярной»¹. В какой же глухой изоляции жили венценосцы, если даже ближайшие царские родственники имели весьма смутное представление об их настроениях и взглядах!

Царь обживался на новом месте. 27 августа он из своего поезда, в котором раньше всегда оставался, находясь в Ставке, переехал на жительство в старый двухэтажный губернский дом, расположенный на высоком холме над Днепром. Он занял под свои апартаменты две комнаты на втором этаже, обстановка которых была почти спартанской: простая кровать, стол, несколько стульев, этажерки. К бывшей губернаторской резиденции примыкало здание

присутственных мест, где располагался «мозговой центр» — штаб русской армии. В Ставке постоянно находилось несколько сот офицеров (максимальное число достигало трехсот). Здесь за годы войны сложились определенные традиции, свой повседневный уклад.

Прибытие императора внесло существенные коррективы в эту жизнь. Вместе с ним прибыли некоторые члены придворной свиты, обязанные находиться при особе государя. В их числе: министр императорского двора граф В. Б. Фредерикс, дворцовый комендант генерал-майор В. Н. Воейков, генерал-адъютант и адмирал гвардейского экипажа К. Д. Нилов, генерал-лейтенант и начальник канцелярии министерства императорского двора А. А. Мосолов, флигель-адъютант А. А. Мордвинов и др. Кроме того, постоянными гостями ставки теперь стали и многие члены императорской фамилии, которые находились здесь иногда по несколько недель. Особенно часто и много здесь бывал великий князь Дмитрий Павлович, имевший звание флигель-адъютанта, и контр-адмирал гвардейского экипажа великий князь Кирилл Владимирович. Отношения между штабными офицерами и лицами свиты не были особенно дружественными, но сам император ко всем относился с ровным добродушием.

Вставал Николай обычно около восьми часов. После утреннего туалета и легкого завтрака, шел в штаб, где принимал доклады, продолжавшиеся полтора-два часа. Затем был завтрак, после которого опять доклады. Во второй половине дня, ближе к вечеру, Николай почти всегда совершал прогулку в губернаторском парке или чаще за городом, куда выезжал на автомобиле в сопровождении кого-нибудь из особенно близких лиц: Н. П. Саблина, А. А. Мордвинова, великого князя Дмитрия, В. Н. Воейкова и некоторых других. Затем опять были доклады, приемы министров и иных лиц. После ужина, заканчивавшегося обычно в девятом часу вечера, царь час-два проводил за дружеской беседой или игрой в домино или в трик-трак. В программу вечернего времяпрепровождения обязательно входило чтение, которому царь посвящал время перед сном.

Уклад жизни был бесхитростным, трапеза непритязательной, а отношения с окружающими людьми простыми и откровенными. В Могилеве значительно меньше ощущалась вымученная обязательность придворного этикета, что царю, несомненно, нравилось. Протоспесвитор Г. И. Шавельский вспоминал: «Сидя за столом, государь запросто

беседовал с ближайшими своими соседями. Делились воспоминаниями, наблюдениями; реже затрагивались научные вопросы. Когда касались истории, археологии и литературы, государь обнаруживал очень солидные познания в этих областях... В тесном кругу, за столом, государь был чрезвычайно милым и интересным собеседником, а его непринужденность и простота могли очаровать кого угодно. С ним можно было говорить решительно обо всем, говорить просто, не подбирая фраз, не считаясь с этикетом. Чем прямее, проще, сердечнее, бывало, подходишь к нему, тем проще и он относился к тебе»².

Согласно существовавшей традиции в ставку не допускались женщины. Даже императрицы и великие княжны, приезжая в гости к царю, жили всегда в своем поезде, а пребывание их в ставке было всегда кратковременным. Остальных же вообще даже на порог не пускали и в июле 1916 г., например, царю пришлось в этой связи объясняться с матерью, приятельницу которой не пустили в ставку для передачи самодержцу письма от вдовствующей императрицы. Николай писал: «Эту даму я не приаю, так как никогда (подчеркнуто в тексте — А. Б.) дам не принимаю. Я послал Валу Долгорукова (князь Василий Александрович состоял в свите в качестве гофмаршала — А. Б.) к ней на станцию объяснить ей причину моего отказа»³.

Текущую оперативную военную работу в ставке осуществлял генерал М. В. Алексеев, которого царь заслуженно считал крупным военным специалистом. Выпускник Николаевской академии генерального штаба, Михаил Васильевич ряд лет преподавал в этой академии, затем был начальником штаба Киевского военного округа, начальником штаба армий Юго-Западного фронта, а в августе 1915 г. был назначен царем на второй по значению пост в армии — начальника штаба. Это был человек, лишенный внешнего лоска, не любивший и ничем не похваставшийся породу «паркетных шаркунов», делавших военную карьеру интригами и угодничеством во влиятельных кабинетах. Он приехал в Могилев работать для победы России и этому посвящал почти все свое время. Здесь намечались планы военных кампаний, решались вопросы жизни не только многомиллионного войска, но и страны в целом. Маленький заштатный губернский город Могилев стал на полтора года главным центром огромной империи, ее армии и тыла. Император внимательно заслу-

шивал все рекомендации и пожелания своего начальника штаба и почти всегда с ним соглашался.

Воспользовавшись затишьем на фронтах, царь 22 сентября поехал «погостить» в Царское, где был с радостью встречен всеми членами семьи. Пробыв здесь несколько дней, он 1 октября выехал обратно. В этой поездке его сопровождал наследник, который впервые выехал с отцом в ставку (при Николае Николаевиче ни он, ни Александра Федоровна здесь не бывали). Этот день Николай описал так: «1 октября. Покров Пресвятой Богородицы. Укладывался, читал и принял доклад Маркова (Владимир Иванович, генерал-лейтенант, статс-секретарь по делам великого княжества Финляндского — А. Б.). В 11 час. поехал к обеду. После завтрака сидели вместе до 2 час. Простился с дорогой Аликс и дочерьми в поезде. Отправился с Алексеем в действующую армию. Много сидел с ним и играл в его отделении»⁴. По пути следования устраивались смотры войск, которые Алексей принимал вместе с отцом.

Несмотря на то, что ему было всего одиннадцать лет, цесаревич очень серьезно относился к своей миссии, а к военному делу вообще проявлял, как и отец большой интерес. Хотя после несчастья в Спале в 1912 г. (о чем речь шла выше) наследник часто прихрамывал и много ходить и стоять ему было трудно, но он никогда не жаловался и в годы войны мужественно выдерживал все смотры, парады и поездки. Родители теперь считали, что Алексея надо чаще показывать народу и войску. Они должны были знать и любить своего будущего повелителя. Императрица вообще была уверена (в этом ее поддерживал Распутин), что зрелище ангелоподобного ее сына только усиливало симпатию людей к своим правителям, крепило основы монархии и развеивало зловредные слухи о физической неполноценности, природной ущербности цесаревича.

Николай был безмерно счастлив проводить время в обществе горячо любимого сына. Они вместе гуляли, читали книги, разговаривали, писали письма в Царское. В Могилеве Алексей разместился в одной комнате с отцом; спал на такой же простой железной кровати и иногда даже присутствовал на докладах и официальных встречах. Те строки писем Николая, где он описывает жизнь и занятия сына, полны большого настоящего отцовского чувства. «Его присутствие дает свет и жизнь всем нам — включая и иностранцев, — заявлял Николай в письме Александре 6 октября 1915 г., — Ужасно уютно спать друг возле друга; я молюсь с ним каждый вечер, с той поры, как мы нахо-

димся в поезде; он слишком быстро читает молитвы, и его трудно остановить; ему страшно понравился смотр, он следовал за мною и стоял все время, пока войска проходили маршем, что было великолепно... Только в первый день Алексей завтракал с Жильяром в моей комнате, но потом он стал сильно упрашивать позволить ему завтракать со всеми. Он сидит по левую руку от меня и ведет себя хорошо, но иногда становится чрезмерно весел и шумен, особенно, когда я беседую с другими в гостиной. Во всяком случае это им приятно и заставляет их улыбаться. Перед вечером мы выезжаем в моторе (по утрам он играет в саду) либо в лес, либо на берег реки, где мы разводим костер, а я прогуливаюсь около. Я поражаюсь, как много он может и желает ходить, а дома не жалуется на усталость. Спит он спокойно, я тоже, несмотря на яркий свет его лампадки»⁵.

Императрица тяжело переживала свою разлуку сразу и с «Солнечным Светом» (Николаем) и с «Солнечным Лучом» (Алексеем). Уже на следующий день после их отбытия она в письме мужу восклицала: «Ах, как обоим мне недостает! В час, когда он обыкновенно молится, я не выдержала, расплакалась, а затем убежала в свою комнату и там прочла все его молитвы на случай, если бы он забыл их прочитать. Прошу тебя, каждый день спрашивай его, не забывает ли он молиться?.. Мне кажется, что прошел целый век со дня вашего отъезда, такая тоска по вас, и так мне вас не достает, мои ангелы, что не могу этого выразить словами!»⁶. Императрица в Царском селе занималась делами, которые считала важными и нужными ее Ники, России и, конечно же, ей с сыном. Приемы, встречи, бумаги (царь стал ей пересылать для просмотра и заключения часть предназначенной ему документации). Не порывала она и с лазаретами. Хотя ассистировать при операциях теперь в силу большой загруженности приходилось редко, но посещение госпиталей она не прекратила.

Первый раз императрица вместе с дочерьми приехала в ставку 15 октября 1915 г. Участница торжественной встречи ее на могилевском вокзале позднее вспоминала: «Царица в сопровождении дочерей вышла из поезда и медленно, еле передвигая ноги, пошла по направлению депутатов... Она подошла к дамам и каждой протянула свою необыкновенно выхоленную и красивую руку. Дамы делали реверанс и целовали руку царицы. Четыре дочери стояли отдельно и всех поразили их костюмы. Они все, как одна, были одеты в светлые шляпы, коричневые короткие коф-

точки и юбки цвета бордо. Смесь этих цветов была так безвкусна, что вряд ли самся скромная провинциальная барышня могла бы так одеться. Сказалось ли в этом отсутствие вкуса у Государыни или же нарочно во время войны подчеркивалась скромность царской семьи, неизвестно, но костюмы царских дочерей осуждались всеми»⁷.

Естественно, что провинциальные барышни и дамы грезили увидеть другое, куда более торжественное и пышно-помпезное зрелище. Всех несомненно разочаровала обыденность происходившего. Простые туалеты, простые манеры — разве это желали лицезреть жители захолустной губернии. Ведь для них царь и его семья символизировали нечто недостижимо-возвышенное и величественное. Сейчас нам трудно даже вообразить сколь велико было раболепие перед царем и его семьей, на какой невероятной высоте они находились в сознании многих и многих людей. Вплоть до самого падения монархии, любой публичный выход царя или царицы непременно сопровождался бурным проявлением верноподданических чувств и неподдельного интереса к ним народных толп. Этот пиетет и восхищение формировались века, и хотя к 1917 г. они были серьезно поколеблены, но развеять их до конца так и не удалось, несмотря на то, что против них работала и сама ситуация в стране и деятельность различных общественных кругов.

Да и самодержцы своими поисками простоты и искренности немало способствовали умалению «божественного облика» высшей власти в глазах простых россиян. Если бы мимо плотной толпы зевак и встречающих промчался кортеж золотых царских карет в окружении блестящей свиты, а появление самих венценосцев ослепило всех сверканием дорогих одежд и украшений, такой «выход к народу» произвел бы, несомненно, сильное впечатление и повысил авторитет монархов. Подобными внешними атрибутами власти, всегда имевшими в России большое значение, прекрасно пользовалась в свое время «матушка императрица» — Екатерина II, образ которой в великолепном обрамлении навсегда запечатлелся в народном сознании, в легендах и сказаниях, в литературе и искусстве. А что последние цари? Мелкий чиновник, приказчик, крестьянин, гимназист и многие другие смотрели на самодержцев и невольно начинали размышлять: какие они невидные! В них так мало величия! Они совсем не похожи на тех властных и могучих царей, которые раньше правили в России, о делах которых всегда говорили в народе, написано столько книг! Маленькие люди, выросшие в атмосфере

чилопочитания и угодничества, желали видеть сходящих с небес божеств, а их взорам представляли люди, внешне ничем особым не примечательные, такие же, каких можно было встретить на улице.

Однако последние Романовы, особенно Александра Федоровна, полагали, что простота и доступность высочайших особ должны были усиливать любовь к ним. Считая себя проникательным человеком, императрица постоянно убеждалась, какой искренний восторг охватывал народ, при появлении царя или его семьи. Она видела радость на лицах людей и никогда не сомневалась, что эти чувства являются основой и залогом их долголетнего благополучия. По ее мнению, чтобы там не говорили изнеженные аристократы и эти фигляры и болтуны из Думы, сила ее Ники в этой бескорыстной любви и обожании, испытываемом к ним простыми людьми, теми, у кого чистые и светлые души, не развращенные фальшью светского мира и лживыми истинами различных политических учений.

В народной любви всегда убеждал царицу и «дорогой Григорий». После отъезда царя в ставку он стал еще ближе императрице. Он считал необходимым познакомить с императорской семьей свою жену, которая вместе с дочерьми была представлена Александре Федоровне в доме у Вырубовой. Григорий правильно рассчитал, что его родственники — простые крестьянки несомненно понравятся Александре и укрепят в ней чувства симпатии к нему, как уважаемому отцу семейства. Это было тем более необходимо, что носилось слишком много всяких слухов и рассказов о его безнравственном поведении. В своих расчетах «старец» не ошибся. Впечатление было самое благоприятное. После встречи Ольга Николаевна писала отцу 27 августа: «Видели мы у Ани жену и дочерей Григория Ефимовича. Она такая простая и хорошая»⁸. Царица же нашла необходимым в письме мужу упомянуть о том, что «жена Григория шлет тебе привет и молится архангелу Михаилу, чтобы он был с тобой»⁹.

Несмотря на очевидную привязанность царицы к Распутину, принимать его у себя она решалась лишь в самых крайних случаях, в последние годы лишь тогда, когда требовалась оказать помощь Алексею. Раньше же он к ним приезжал для беседы, и начальник дворцовой полиции полковник Б. А. Герарди утверждал, что до 1914 г. этот человек бывал во дворце «один раз в месяц», а иногда и два раза в месяц»¹⁰. Однако такое утверждение не подтверждается дневниковыми свидетельствами Николая II,

согласно которым подобных посещений было значительно меньше. Во всяком случае он бывал во дворце регулярно. За последние же полтора года царствования эта одиозная личность посетила царские чертоги не более двух раз.

Теперь, как уже говорилось, они встречались почти исключительно в «Авином домике». Здесь можно было общаться без широкой огласки. Любой же его приезд во дворец неизбежно становился известным многим и обязательно делался темой пересудов. При достаточно безразличном отношении Александры Федоровны к недоброжелательным мнениям, игнорировать их совершенно она не могла. Особенно после того, как получила хождение сплетня о ее сожителстве с Распутиным. Здесь уже было оскорблено и уязвлено ее женское самолюбие и достоинство. Как нужно было низко пасть людям, негодовала она, чтобы распространять такую мерзость.

Показателен следующий случай. В 1915 г. Вырубова организовала в Царском селе собственный госпиталь, основанный на несколько десятков тысяч рублей, которые она получила в качестве компенсации за свое увечье от железной дороги. Госпиталь стал центром забот для этой женщины. Сюда часто приходили ее друзья и знакомые: сама императрица и ее дочери, Распутин, Н. П. Саблин и многие другие. Старшей сестрой здесь работала вдова подъяесаула Надежда Ивановна Воскобойникова, приехавшая в 1911 г. в Петербург с Дона «искать счастье». В столице она довольно быстро освоилась и стала содержанкой тайного советника и первоприсутствующего департамента герольдии Сената сенатора В. Н. Мамонтова. После его смерти в начале 1916 г. она оказалась «без места» и собралась идти в монастырь. Однако осуществить это намерение не спешила, решив посоветоваться с Распутиным. Его она знала уже несколько лет, встречая не раз в доме своего «благодетеля», давно занимавшегося «религиозными исканиями».

В квартире Распутина на Гороховой, которую Воскобойникова усердно посещала, она познакомилась и близко сошлась с Вырубовой и в конце концов вместо монастыря решила поступить к ней в лазарет. Там бывали многие влиятельные лица и имелся реальный шанс завести «симпатичное знакомство» (что она и осуществила, став душевной приятельницей последнего министра внутренних дел А. Д. Протопопова). Именно Распутин посоветовал «другие Анне» принять к себе на службу Надежду, вметив: «она тебя не обкрадет». Такой рекомендации ока-

залось достаточно. Воскобойникова очень деятельно занялась медицинской службой и хорошо себя здесь зарекомендовала, став не только медсестрой, но и горничной у Вырубовой. Она близко увидела и узнала императрицу, которой делала регулярно массаж. О якобы существовавших интимных связях между царицей и Григорием она была наслышана и горела желанием разгадать эту тайну и стать ее хранительницей. При каждом удобном случае она аккуратно подглядывала и подслушивала, наблюдая за всем, что происходило в лазарете и доме Вырубовой. Главной же ее мечтой было застать и уличить царицу. Какие возможности здесь открывались для шантажа и влияния! Но любопытную соглядатайку ждало разочарование. Ничего компрометирующего узнать не удалось.

Давая показания в ЧСК, она рассказывала: «К Вырубовой, во время пребывания там Государыни и Распутина, я была приглашена в качестве не равной — не гостьи, а чтобы отдать, то или другое распоряжение по хозяйству... точные мои наблюдения не оставили во мне никакого сомнения в том, что слухи совершенно не соответствуют действительности и что Государыня не допускает ничего, что могло бы дать основание для этих слухов... Хотя при встречах Государыни и Распутина посторонних не было, тем не менее прислуживающий лакей Берчин (обычно Распутин приглашался к чаю, завтраку, обеду) беспрепятственно, а не по вызову входил в комнату, где находился Распутин и Государыня. Распутин пил вино, но до неприличия пьяным я его не видела» ¹¹.

В начале января 1916 г. Александра Федоровна писала мужу в Могилев: «Мне бы хотелось повидаться с нашим другом, но я никогда не приглашаю Его к нам в твоё отсутствие, так как люди очень злоязнены. Теперь уверяют, что Он получил назначение в Ф. Собор (на церковную должность по закону и по традиции Распутин никак не мог быть назначен, так как не имел никакого сана — А. Б.), что связано с обязанностью зажигать все лампы во всех коинах дворца! Понятно, что это значит, но это так идиотски-глупо, что разумный человек может лишь расхохотаться. Так отношусь к этой сплетне и я» ¹².

Она никогда не предавала своих друзей, а уж тем более Распутина, отношения с которым не собирались рвать для того, чтобы угодить светским кумушкам. Дочь английского посла в России, несколько лет вращавшаяся в аристократических кругах, написала об Александре Федоровне: «Императрица ненавидела С.-Петербург, не лю-

била его большого света, общества и всего, что имело к нему отношение. Она не хотела занять в окружающей ее среде подбающее ей место, не умела скрывать своих личных чувств и быть любезной. Позднее мои родители объяснили мне, что у Государыни были серьезные причины, чтобы отделяться от общества и что это не было ее капризом. Но это не могло ослабить дурного впечатления, которое оставляла нелюдимость Императрицы»¹³. В особняке английского посольства лучше понимали драму жизни последней царицы, чем во многих особняках и дворцах подданных русской короны. Она платила верностью тем, кто был ей верен, и, не колеблясь, пренебрегала придворным этикетом, когда он противоречил ее представлениям о добре и зле. Сколько раз ей говорили, что надо изыскать подобающую должность для Ани Вырубовой. Императрица же всегда отвечала, что «она у нее уже есть — она моя подруга»¹⁴. В последние годы перед революцией А. А. Вырубова — Танеева даже не числилась в придворном штате, и, скажем, в Придворном календаре на 1917 г. ее имя вообще отсутствовало, но играла при дворе огромную роль.

В конце 1915 г. произошло событие, окончательно убедившее Николая в том, что Распутин предназначен им судьбой. Связано это было с Алексеем. Первое пребывание царевича в ставке закончилось во второй половине октября. После десятидневной жизни в Царском они опять туда вернулись. Цесаревич упросил отца с матерью разрешить ему снова сопровождать Николая, который собирался совершить большую инспекционную поездку по прифронтовой полосе и некоторым другим районам. Царь был этому очень рад, а императрица с большой неохотой согласилась отпустить Алексея, у которого уже несколько недель болела после ушиба рука и он ее не мог согнуть. Не советовал брать с собой Алексея и Распутин, но Николай настоял на своем. 24 ноября они отбыли в Могилев.

Третьего декабря Николай с сыном выехали из ставки на Юг, в Галицию. Вечером царь записал: «У Алексея простуда началась вчера, а сегодня утром после нескольких чиханий пошла понемногу кровь носом. Пошел в 10 час к докладу. В 12 1/2 мы покинули Могилев, чтобы посетить гвардию. Но так как кровь, хотя и с перерывами, не упиралась, то по совету С. П. Федорова (лейб-хирург, с осени 1915 г. состоял при ставке — А. Б.), решил со станции Бахмач повернуть обратно в ставку»¹⁵. Однако и по возвращении положение не улучшилось. У наследника стала подниматься температура и начались сильные головные

боли. Император решил переехать в Царское село, куда и прибыл с сыном вечером 5 декабря. Положение наследника было тяжелым. Кровотечение не прекращалось, температура была высокой, и Алексей часто терял сознание. На следующий день был вызван Распутин, который приехал, дал Алексею яблоко, погладил его по голове, прочел молитвы и состояние мальчика сразу же стало улучшаться. Однако окончательно он поправился только в феврале. Уместно добавить к этой истории, что сам цесаревич питал довольно нежные чувства к Григорию, которого он почитал за святого, всегда ему помогавшего при болезни.

В обществе же ангел-хранитель царской семьи по-прежнему не вызывал никаких иных чувств кроме зависти, ненависти и отвращения. Квартира его на Гороховой становилась широко известной не только в Петербурге, но и в России. Сюда уже нескончаемой чередой тянулись просители; здесь часто устраивались шумные застолья, сопровождавшиеся песнями и плясками. По высочайшему распоряжению с лета 1914 г. здесь ежедневно дежурили чины полиции, которые выполняли двоякую функцию: охраняли царского друга и вели наблюдения за ним и его посетителями. О том, сколь плотной опекой был окружен «старец Григорий», поведал в 1917 г. бывший директор Департамента полиции С. П. Белецкий: «Я учредил двойной контроль и проследку за Распутиным. не только филерами Глобачева (Константин Иванович, генерал-майор, начальник петроградского охранного отделения — А. Б.), но и филерами Комиссарова (Михаил Степанович, генерал-майор, возглавлявший охрану Распутина — А. Б.), заагентурил всю домовую прислугу на Гороховой, 64, поставил сторожевой пост на улице, завел для выездов Распутина особый автомобиль с филерами-шоферами... и особый быстроходный выезд с филером-кучером. Затем все лица, приближавшиеся к Распутину или близкие ему, были выяснены и на каждого из них составлена справка... Далее была установлена сводка посещаемости Распутина с указанием дней посещения и проследка за теми из случайной публики, которые так или иначе возбуждали сомнение, и самое тщательное наблюдение и опросы в швейцарской обращающихся к Распутину лиц, хотя это не нравилось и ему и его близким»¹⁶.

Но за Распутиным следила не только государственная тайная полиция. Сосед по дому, служащий Синода, вел дневник, в котором сохранились некоторые примечательные бытовые зарисовки жизни этой скандальной личности.

«Обедает «он» на кухне со всеми домашними. Садится «он» посредине, с одной стороны черненький господин, по-видимому, агент в роли «его» секретаря, с другой стороны, простая какая-то женщина, деревенская, в черном платье, с белым платочком на голове... затем какая-то сестра милосердия и девочка в коричневом коротком платье, лет 16—18, в роли прислуги-горничной. Едят суп из одной все миски деревянными ложками. «Он» сам очень часто во время приема посетителей своих приходит на кухню, берет закуску, фрукты: апельсины, яблоки, землянику — и несет сам в комнаты. Кухня «его», кстати сказать, как раз напротив моей кухни, так что все прекрасно видно, но вечером почти всегда бывает спущена штора»¹⁷.

Однако несравненно более подробную информацию об укладе жизни Распутина содержали полицейские сводки-отчеты, составляющиеся ежедневно дежурившими при нем лицами. До нас дошли главным образом краткие выжимки из этих материалов. Воспроизведем некоторую часть их, относящуюся ко второй половине 1915 г.— началу 1915 г.

24 сентября. Распутин выехал из села Покровского в Петроград, куда прибыл 28 сентября.

14 октября. Распутин вернулся домой в час ночи совершенно пьяный, на лестнице кричал на швейцариху, что она якобы взяла в 25 рублей взятку с какого-то министра и добавил: «Меня хотели похоронить, но теперь самого раньше похоронили».

22 октября. К Распутину около 8 часов вечера пришла неизвестная дама, которая через 10 минут вышла очень взволнованная. Ее на лестнице догнала прислуга и сказала: «Просят вас с ним поговорить, а то ему скучно». Дама сначала смутилась, отказываясь вернуться, говоря, что зайдет завтра, а то ему сегодня нездоровится. Потом согласилась и вернулась.

5—6 ноября. Распутин на моторе уехал в Царское село и вернулся 6-го числа в 10 часов 50 минут на моторе вместе с Вырубовой. Выйдя из мотора. Распутин перекрестил Вырубову, и та уехала.

14 ноября. Распутин пришел домой с Татьяной Шаховской (княгиня Татьяна Федоровна, 26 лет, поклонница Распутина — А. Б.), очень взволнованный и вместе сейчас же ушли. Вернулся домой в два часа ночи совершенно пьяный.

21 ноября. Распутин вернулся к себе домой, неся две бутылки вина.

22 ноября. Распутин вернулся домой в 8 часов утра, после отсутствия со вчерашнего дня.

3 декабря. Распутин ушел из квартиры с Филипповым и вернулся пьяный. Вскоре после его возвращения пришла в первый раз Лейкерт, урожденная Мордвинова просить за мужа. Распутин предложил ей поцеловать его, но та отказалась и ушла, а потом пришла содержанка Мамонтова — Воскобойникова, которой Распутин предложил зайти в час ночи.

14 декабря. Около двух часов ночи с 13 на 14 декабря Распутин вышел из д. № 11 по Фурштедской ул. от Свечиной (Елизавета Евгеньевна, жена полковника генерального штаба — А. Б.), вместе с женой потомственного почетного гражданина Марией Марковной Ясинской, 28 лет, проживающей в № 104 по Мойке и на моторе отправились в Новую Деревню, в ресторан «Вилла Роде», куда за поздним временем их не пустили. Тогда Распутин стал бить в двери и рвать звонки, а стоявшему на посту городовому дал 5 рублей, чтобы не мешал ему буяннить. Отсюда Распутин вместе со своей спутницей поехали в д. № 49 по 1-й линии к Новой Деревне в цыганский хор Масельского, где пробыли до 10 часов утра, а потом, сильно подвыпившие, поехали на квартиру я Ясинской, где Распутин пробыл до 12 часов дня и отсюда вернулся домой. На ночь ездил в Царское Село.

1916 год

1 января. У Распутина были гости до 1 час. ночи, пели песни.

10 января. В этот день (именины Распутина) его посещали много лиц и принесли много подарков и несколько корзин с винами, играли на гармошке, гитаре, балалайке, танцевали и пели песни, а потом, позднее, молитвы и «многие лета». Гости от Распутина разошлись в 1 час ночи.

11 января. Распутин говорил по телефону в Царское Село из квартиры Соловьевых (свой телефон был испорчен).

13 января. Распутин послал телеграмму в Царское Село Вырубовой следующего содержания: «Сам Бог его исповедует в радости истинной пусть правда на детях моих во-век, не пришло время видеть воотчию».

14 января. Распутин вернулся домой в 7 часов утра, совершенно пьяный в компании Осипенко (Иван Зиновьевич, секретарь Петроградского митрополита Питирима — А. Б.) и неизвестного мужчины; разбил большое

стекло в воротах того дома, где живет, и заметна была опухоль около носа, по-видимому, где-нибудь упал. В 4 часа 30 минут Распутин с Рубинштейном и двумя дамами уехали в Царское Село, а в 7 часов 41 минута вечера вернулся домой один, причем во время пути обратно обратился к агентам со словами: «Кто-то из вас передал кому-то, что будто бы я держал на коленях какую-то даму. Это нехорошо говорить. Вы ведь посылаетесь для охраны, а передаете другое», Нейштейн, проживающий по той же лестнице, проходя мимо агентов, обратился к ним: «Вашего патрона скоро назначат в Царское Село управлять всеми лампадами».

1 февраля. Распутин вернулся домой в 4 часа ночи с мужчиной и двумя женщинами. Прибывший из Москвы священник в разговоре с агентом Тереховым сказал, что дело, о котором он хлопочет, затянулось, потому что оно передано Вырубовой, а последняя действует через дворцового коменданта, а тот находится в действующей армии. Распутин жаловался агентам, что его кто-то ругает по телефону, а станция ему номера не дает и т. д.¹⁸.

Приведенные выдержки из полицейских сводок дают определенное представление о многом. Во-первых, нельзя не заметить высокий профессиональный уровень работы полицейских агентов. Они сообщали не только о том, кто и когда пришел к Распутину и расписание передвижений последнего. Здесь имеется и другая информация, которую получить со стороны было довольно трудно: тексты и адреса телеграмм, характер телефонных переговоров, замечания и реплики распутинских гостей, посетителей и его самого. Во-вторых, приведенные данные свидетельствуют о бурной жизни Распутина: постоянные отъезды, приезды, посещения, пирушки. Ну и, конечно же, нельзя не констатировать, что времяпрепровождение «отца Григория» совсем не походило на традиционный уклад жизни русских странников и старцев, проводивших свои дни в тихой молитве и смирении. В распутинской жизни было слишком много разнузданности, походившей на разгул и кураж обезумевшего от власти и возможностей раба, волею случая вознесшегося вдруг наверх и спешившего насладиться несказанной удачей.

Сохранилось всего несколько полных поденных сводок полицейского наблюдения за другом царской семьи, относящихся к началу 1916 г. Приведем полностью одну из них, за 10 февраля. «Вчера к Темному (полицейская кличка Распутина — А. Б.) в 12 часов ночи пришел муж-

чина, по приметам Мануйлов, скоро ушел; и еще были Соловьева, тоже скоро ушла. В 10 ч. 30 м. утра пришла генеральша Соколова, скоро ушла. В 11 ч. утра пришла Позднякова (Елизавета Захарьевна, крестьянка, поклонница Распутина — А. Б.) с неизвестной дамой, но приняти не были. В 11 час. 10 мин. дня пришел Филиппов и с неизвестной дамой. Дама ожидала у подъезда, а Филиппов пробыл у Темного 10 мин., вышел и передал даме карточку, после чего дама пошла к Темному, откуда через 5 минут вышла с письмом на имя товарища министра г. Белецкого. В 11 час. 40 мин. дня пришла Мария Головина. В 11 час. 45 мин. пришла Никитина (Лидия Владимировна, дочь генерала, фрейлина императрицы — А. Б.), пробыла 30 мин. В 12 час. 40 мин. дня пришла Гаар (Мария Генриховна, поклонница Распутина — А. Б.) с дамой Софьей Михайловной, пробыли 1 ч. 30 мин. В 1 час. 20 мин. вторично пришла генеральша Соколова с неизвестной дамой, пробыли 10 минут. В 2 часа дня был подан мотор № 224 и в 2 часа 10 мин. дня вышел Темный с Марией Головиной и уехали, а в 3 часа 45 мин. вернулись обратно на том же моторе. В 2 час. 15 мин. ушла Лаптинская (Акулина Никитична, крестьянка, проживала в доме Распутина на правах его домоправительницы — А. Б.), которая через час вернулась. В 3 часа 20 мин. дня пришла Добровольская (Мария Семеновна, жена инспектора народных училищ Царскосельского уезда, поклонница Распутина — А. Б.). В 4 час. 40 мин. дня пришел Киселев, но принят не был. В 5 час. 20 мин. вечера пришел Добровольский, пробыл 1 час. В 5 час. 30 мин. ушла Мария Головина с Лаптинской и Дуней. В 5 ч. 50 мин. вечера пришла Берман (Екатерина Ивановна, жена купца, поклонница «старца» — А. Б.), пробыла 30 мин. В 8 час. вечера Темный вышел из дому с Добровольским и на извозчике уехали, а через 45 мин. на том же извозчике вернулись. Со слов извозчика — катались и никуда не заезжали. В 8 час. 50 мин. вечера вернулись Мария Головина с Лаптинской и Дуней. В 10 час. вечера Мария Головина ушла, а в 10 ч. 10 м. ушла и Добровольская. Посетителей было человек 15. Сегодня Нейштейн говорил, что «все мои знакомые спрашивают, здоров ли Темный. Говорят, что его поколотили, и поколотили будто бы какой-то Орлов — Денисов из-за бабы»¹⁹.

Не трудно сделать вывод о том, что о распутинской повседневной жизни знали очень многие. Он был центром, вокруг которого ежедневно вращались десятки людей:

просители, посетители, соседи, чины полиции, просто любопытствующие. От видевших и знавших, как круги по воде, расходились в публику факты, фактики и утверждения, в бесконечных пересказах свободно перелагавшиеся, обраставшие множеством деталей и событий, часто и не имевших места в действительности. Конечно, сама по себе открытая полицейская охрана служила наглядным подтверждением наличия влиятельнейших покровителей у человека, внешней облик, манеры и образ жизни которого вызывали в различных кругах общества неприятие и возмущение. Даже члены императорской фамилии так не охранялись, а какой-то мужик удостоился такого внимания! Как он, значит, дорог царю и царице! В этом же нет никакого сомнения, так как «Гришка окаянный» постоянно бывает в Царском, где, как об этом уверенно твердила стоустая молва, его встречали всегда с распростертыми объятиями! Многие интересовались распутинойаодой не ради праздного любопытства; было достаточно тех, что стремился собрать сведения для разоблачений. Можно выделить, условно говоря, две группы людей, проявлявших интерес к Распутину. Первым сведения о нем были нужны для подкрепления их убеждения о разложении самодержавия вообще, но особенно о вырождении самодержцев. Перемешивая и смакуя реальные факты и мнимые события, радикалы последовательно призывали свергнуть «царя и всю распутинскую клику». Либералы же не ратовали публично за переворот. Они требовали лишь положить конец «безобразиям» созданием ответственного перед общественностью (в качестве таковой они имели в виду главным образом себя) правительства, не понимая, что такой шаг неизбежно приведет к коренной ломке всей системы власти. Распутин для них был удобным поводом рекламировать себя и себе подобных в качестве «рыцарей без страха и упрека». Лейб-медик Е. С. Боткин справедливо заметил, о подобных салонно-банкетных радетелях: «Если бы не было Распутина, то противники царской семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой, из меня, из кого хочешь»²⁰.

Недовольство охватывало и различные элементы в правящих кругах. Царская семья, по мнению многих убежденных монархистов, общалась с недостойным человеком и эта связь, как и скандальный характер жизни «царева друга», умаляли ореол «божественной непогрешимости» всегда окружавшей царей. Попытки «раскрыть глаза го-

сударю» и объяснить опасность сложившейся ситуации предпринимались, как уже говорилось, еще до войны. Стараясь собрать как можно больше порочащих Распутина фактов, его противники коллекционировали все что о нем говорилось, не заботясь о достоверности подобных утверждений. Когда же этот «черный набор» представлялся царю, то часто выяснялась неубедительность расхожих аргументов (вспомним случай с М. В. Родзянко). В подобной ситуации оказался и бывший распутинский сторонник великий князь Николай Николаевич, когда с подачи С. П. Белецкого представил скандальную сводку филерских наблюдений за Распутиным, где подробно перечислялись пьянки, встречи с проститутками и другие, не имевшие ничего общего с благочестием, деяния «старца». Император усомнился в подлинности этих сведений, так как быстро установил, что в один из вечеров, когда Распутин якобы разгульно пировал в ресторане, он находился допоздна в Царском Селе, беседуя с ним и императрицей*.

Николай II был педантом. Небрежность и неаккуратность в любом деле его всегда раздражали, вызывали неудовольствие. Он не любил сплетни и всегда верил только надежным свидетельствам или своему сердцу. Неубедительность антираспутинского материала формировала у царя стойкую реакцию неприятия разоблачительных выступлений вообще. Сохраняя отношения с Распутиным, император отстаивал этим помимо прочего и свое право на личную жизнь, напрасно надеясь, что семейные дела венценосцев никого не касаются. Но «антираспутинский подход» продолжался. В 1915 г., пожалуй, самой мощной и громкой акцией было «дело Джунковского», развернувшееся летом и чрезвычайно волновавшее ближайшее царское окружение, как и некоторые другие общественные круги.

Владимир Федорович Джунковский (1865—1938 гг.) происходил из старинного дворянского рода. Окончил Пажеский корпус и начал служить в Преображенском полку. С 1891 г. по 1905 г. был адъютантом Московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, искренне любившего и высоко ценившего этого умного и способного человека. Адъютант пользовался расположением жены великого князя Сергея —

* Вопрос о подлинности опубликованных филерских сводок в литературе никогда не поднимался.

великой княгини Елизаветты Федоровны, с которой и после убийства ее мужа сохранил доверительные отношения. К Джунковскому питал симпатии и император, выдвигавший его на ответственные посты. В апреле 1905 г. Джунковский получил чин флигель-адъютанта и был зачислен в свиту, а в ноябре того же года стал Московским вице-губернатором, а затем — губернатором. В январе 1913 г. этот генерал-майор занял ответственный пост товарища министра внутренних дел и возглавил корпус жандармов, получив доступ к секретной полицейской деятельности.

Летом 1914 г., после покушения на Распутина, Джунковскому была поручена его охрана, и генерал стал получать сведения о нем почти ежедневно. Не лишена интереса характеристика, данная одиозному «сибирскому мужику» этим влиятельным деятелем: «Он своими поступками производил на меня впечатление умного мужика, себе на уме, нахального, который, пользуясь положением человека, которому все разрешается, без всякого стеснения общался с дамами, которым такое обращение нравилось. Он безобразничал, пьянствовал, развратничал, но это не мешало ему в то же время прикидываться самым кротким, смиренным и набожным, когда он бывал в Царском»²¹.

В мае 1915 г. под влиянием военных неудач в Москве прошли шумные антигерманские манифестации, закончившиеся погромами и грабежами многих фирм и магазинов, основанных и принадлежащих лицам с немецкими фамилиями, или теми, имена которых напоминали немецкие. Поношениям и публичным оскорблениям подвергалась даже сестра царицы великая княгиня Элла, которую обвиняли (кстати, совершенно безосновательно) в том, что она оказывала помощь в первую очередь раненым австрийцам и германцам, а Марфо-Мариинскую обитель называли «гнездом шпионов». Царь и царица были возмущены разгулом насилия в Москве, и для расследования всех обстоятельств дела туда был командирован В. Ф. Джунковский, которому затем надлежало сделать подробный доклад императору.

В России набирали силу голоса, требовавшие поставить под контроль общества государственную власть, ставшую «заложницей темных сил», которые главным образом олицетворял Распутин. Генерал В. Ф. Джунковский решил воспользоваться случаем и нанести этой личности, и стоявшей за ней императрице, сокрушительный

удар, представив царю сводку компрометирующих данных в форме специального составленной докладной записки. О характере полицейской информации речь шла выше и повторяться не имеет смысла. Однако замыкаться только в кругу распутинских пьянок и разгула Джунковский не стал, решив обвинить «старца» в том, что, к чему особенно был чувствителен Николай II: к личному оскорблению величества. В основу джунковского разоблачения легла история, происшедшая в конце марта 1915 г. в фешенебельном московском ресторане «Яр», где Распутин в нетрезвом состоянии якобы позволил себе скабрезные замечания о личности царицы и о ее дочерях, как и пренебрежительные замечания по адресу монарха. Удар был точно рассчитан.

Доклад состоялся первого июня 1915 г. и занял несколько часов. В своем дневнике за этот день Николай записал: «В 10 час. принял Джунковского по возвращении его из командировки в Москву по случаю беспорядков и погромов»²². Однако большая часть времени, как это явствует из воспоминаний генерала, была посвящена распутинской теме. В. Ф. Джунковский так описал эту часть аудиенции: «Я начал докладывать государю как проводит Распутин время вне Царского Села, но потом мало-помалу воодушевляясь, и видя, что государь внимательно слушает меня и не останавливает, я все смелее и убедительнее стал доказывать то зло, которое Распутин приносит династии, а этим самым и России. Государь не проронил ни слова, все время пристально смотря мне прямо в глаза и очень внимательно слушая, только бледность лица выдавала его волнение. Когда я кончил, государь тихим голосом меня спросил: «у Вас это все изложено, у Вас есть памятная записка?» Я ответил утвердительно. Государь ее взял, открыл средний ящик своего письменного стола и, положив ее туда, запер ящик на ключ»²³.

Царь имел объяснение с Распутиным и, как признался последний С. П. Белецкому, «таким он никогда до того даже и не видел государя; но Распутин, в свое оправдание говорил, что он как и все люди — грешник, а не святой. По словам Распутина, государь после этого его долго не пускал к себе на глаза, и поэтому Распутин до конца своей жизни не мог слышать или говорить спокойно о ген. Джунковском»²⁴. Объяснение произошло очевидно 9 июня, когда Николай записал: «Вечером посидели с Григорием»²⁵ и до начала августа того года

встреч между самодержцем и пресловутым старцем не было, но с императрицей он продолжал впасть, как и раньше. Флигель-адъютанту Н. П. Саблину была поручена перепроверка сведений Джунковского, и утверждения последнего, в той части, где говорилось об оскорбительных замечаниях Распутина в адрес царской семьи, не подтвердились.

Приведем полностью донесение полицейского чина о происшествии в ресторане, вокруг которого разгорелись общественные страсти, а подробности события несколько месяцев спрягались вкривь и вкось в думских кулуарах, в светских салонах и даже, правда эзоповским языком, на страницах популярных периодических изданий.

«Рапорт пристава 2 уч. Сущевской части подполковника Семенова о происшествии в ресторане «Яр».

Его превосходительству Мовсковскому градоначальнику. В ночь с 26 на 27 марта сего года в ресторан Яр приехал Распутин в компании с Соедовым, Решетниковым и еще с какой-то молодой женщиной и вызвали в ресторан Кугульского (корреспондент московских газет — А. Б.). Распутин приехал уже выпивши. Вся компания заняла отдельный кабинет, пригласили русский хор и заказали себе ужин. Распутин требовал, чтобы хор пел, заставлял плясать циничные танцы, сам плясал русскую, подсаживал к себе певиц и говорил с ними всякие двухсмысленности, приглашая к себе на квартиру. Распутин позволял себе непочтительно упоминать имя Императрицы, говоря: «Воображаю, как она злилась бы, если бы увидела меня сейчас». Затем показывая на свой кафтан, хвастал певицам, говоря, что кафтан ему шила сама императрица. Распутин вообще вел себя крайне цинично с самого начала. За все платила бывшая с Распутиным молодая женщина, которую он заставлял платить и певицам. Распутин дал нескольким певицам записки, написанные им, в записках были различные изречения, например: «Люби безкорыстно» и т. д. Вся компания пробыла в кабинете около двух часов и уехала. Распутин всем объявлял, кто он такой». В отличие от мужа, царица в своих симпатиях к Распутину не колебалась ни минуты и была уверена, что вся эта история — ловко рассчитанная интрига, направленная против нее и Николая. Подтверждение своей уверенности Александра Федоровна находила в опровержениях Н. П. Саблина и московского градоначальника. Генерал

В. Д. Джунковский стал ее личным врагом и в августе 1915 г. был снят с должности и отправлен на фронт.

Трудно теперь установить доподлинно, что же тогда произошло в московском ресторане и какие конкретные слова говорил человек, считавшийся своим в окружении императора. С большой степенью уверенности можно предположить, что вряд ли Григорий смог в течение двух часов обойтись без упоминаний о своей близости к царским особам. Будучи невероятно тщеславным, он просто обожал лести и заискивание и постоянно подогревал эти чувства в окружавших его людях напоминаниями и рассказами о собственной значимости. Он буквально упивался тем шоком и оцепенением, в которое приходили слушатели, внимая его повествованиям о близких отношениях с царской семьей. Ради такого мига торжества Распутин готов был переступить запретную для всякого мало-мальски образованного и воспитанного человека черту. В трезвом виде он еще держался в пьяном же кураже уже не знал никаких тормозов и болтал неведь что. Так как эти откровения никто публично не опровергал, то они приобретали характер общеизвестных истин.

После декабря 1915 г., когда Распутин, как казалось, таким очевидным и удивительным образом исцелил наследника, Николай вообще уже не придавал большого значения выпадам против «дорогого Григория» и все антираспутинские монологи царедворцев и других должностных лиц прерывал словами: «я это уже слышал», «мне об этом говорили» и т. д. Император целиком связал свою судьбу с судьбой человека, вызывавшего гнев и возмущение многих, но умевшего вносить успокоение в сердце его и его жены, постоянно давать им надежду. За этот душевный покой семье последнего царя пришлось заплатить потом самую высокую цену.

Время работало против Романовых. Положение на фронтах коренным образом не менялось: отдельные удачные локальные операции, сменяли длительные периоды позиционного затишья. Отсутствие надежды на скорое окончание войны и вызванная ею дестабилизация жизни страны рождали отчаяние и возмущение в стране. К 1916 г. патристические восторги уже давно были в прошлом, и в обществе царило глухое брожение, прорывавшееся наружу в повседневных разговорах о шпионах и предательстве. Ну кто же мог быть виноват во всех бедах и неудачных! Конечно же, только агенты Германии, засевшие на ключевых постах в государстве и стре-

мившиеся погубить Россию! Объяснять собственные неудачи интригами и происками других — такой подход был традиционен для русского национального сознания. Жестокая война лишь добавила к этому новые штрихи в виде шпиономании. В обществе постоянно говорили об антигосударственной деятельности шпионов, и многие верили в их страшную и роковую силу. Под подозрение попадали обычные лавочники, профессора университетов, министры и даже члены правящей династии, особенно Александра Федоровна. Распутин же вообще представляли главой некой шпионской шайки.

Постоянно пересказываясь, сначала неясно, а затем все отчетливей, предположения приобретали характер утверждения, и общественность уверовала в то, что императрица Александра работала на Германию. Доводов и аргументов в пользу такого вывода никаких не приводилось, кроме одного: она ведь немка! (о том, что она наполовину англичанка вообще не говорилось!). Как власть должна была самоизолироваться от общества и как это самое общество должно было оторваться от власти, чтобы подобный абсурд получил право на существование в сознании людей! Уже после падения монархии А. Ф. Керенский не стеснялся задавать бывшей царице вопросы все на эту же тему, хотя подобный разговор доставлял ей огромную и очевидную муку.

Царь ощущал внутренний раскол страны и понимал таившуюся здесь опасность. Несмотря на весь свой фатализм игнорировать это он не мог. Но принимаемые им решения ничего в сущности изменить не могли. Все и все в административной России находилось в состоянии оцепенения, ожидая дальнейшего развития кто со страхом, кто с надеждой. Последний министр-любимец Николая II А. Д. Протопопов, говоря о заключительном периоде существования монархии, заметил: «Всюду было будто бы начальство, которое распоряжалось, и этого начальства было много, но общей воли, плана, системы не было и быть не могло при общей розни среди исполнительной власти и при отсутствии законодательной работы и действительного контроля за работой министров»²⁶.

В начале 1916 г. был смнен старый премьер И. Л. Горемыкин (родился в 1839 г.) Он давно пользовался плохой репутацией в общественных кругах за свою ортодоксальную монархическую позицию, делавшую его безусловным противником всех форм общегосударственных учреждений, и в первую очередь Государственной

Думы. Власть царя абсолютна и нераздельна — таков был его главный политических принцип, целиком соответствовавший взглядом императрицы. Горемыкин не мог найти общего языка не только с Думой, но и с членами своего кабинета. Уже с осени 1915 г. Николай II размышлял о том, кого бы назначить на высший правительственный пост; где взять человека, который пользовался бы всеобщим уважением, был преданным монархистом, способным действительно сплотить совет министров и поладить с Думой.

Здесь уместно, ненадолго прервав изложение, поразмышлять над вопросом, который был злободневным и тогда, в конце династии Романовых, и теперь, на исходе XX века. Как и когда появляются на исторической арене сильные политические лидеры; имеются ли в этом какие-либо закономерности и обусловленности, или это случайный процесс? Естественно, что история чаще всего награждает званием лидера победителей. Эпоха царей в России, мир Романовых неумолимо клонился к упадку задолго до того, как Николай II поставил свою подпись под актом об отречении от престола. Угасающая власть не могла светить ярко, она лишь тлела, и отражением этого тления являлся политический уровень многих последних сановников (конечно, далеко не всех). У них, как и у последнего самодержца, уже не было воли и характера, позволивших бы активными действиями разорвать порочный круг обреченной безысходности.

Когда-то П. А. Столыпин писал Николаю II, что «для государственного человека нет большего проступка и большего греха, чем малодушие»²⁷. Стойкости и решительности императору действительно не хватало, но не от того, что не было желания «правильно править», а от отсутствия представления о том, как и «куда» править. Радикалы хотели загнать страну в «царство труда», либералы мечтали оказаться со своими именьями, особняками, гонорами и социальным положением в Англии, «правильные монархисты» желали вернуться ко временам Александра III, а еще лучше — Николая I.

Все говорили о справедливости, об исторических корнях и величии России, о своих правах и чужих обязанностях, но в этой какофонии искренних мыслей, амбиций, наивных политических порывов, корыстных устремлений, эгоизма, заблуждений, ненависти и отчаяния трудно было отделить важное от второстепенного в своей судьбе и судьбе страны. Никто не знал будущего, но

очень многим казалось, что они его предвидят. Император не заблуждался насчет собственных провидческих способностей. Он верил, что грядущее ведомо одному лишь Всевышнему. Смертным же не дано его разуметь. Николаю были понятны и близки размышления Распутина, наставлявшего: «Узнаешь себя, когда умрешь, а кто при жизни себя хочет узнать, тот глуп. Когда умрем, тогда дела наши нас покажут. Никто сам себя не узнает — всего себя никогда не узнаешь. Когда бы мы себя знали — мы были бы Боги, а ведь Господь Бог наш»²⁸.

В 1916 г. уже стало очевидным, что у власти нет будущего. Это была трагедия системы и людей, которых она производила. В исторической запрограммированности крушения монархии таилась главная причина того, что последние сановники и царедворцы не блистали талантами и масштабами своих личностей. Хотя при исторической оценке их необходим сбалансированный подход. Следует помнить, что и в числе победителей было слишком мало фигур, сумевших в памяти потомков сохранить на сколько-нибудь длительный период свою либеральную и революционную монументальность. Разве не была трагедией России, что на смену дворянско-чиновным «рамоли» революция вытолкнула на политическую авансцену таких деятелей как П. Н. Милюков и А. Ф. Керенский, которые умели произносить яркие речи на банкетах и собраниях единомышленников, но не поняли времени, не могли и не сумели стать национальными лидерами, хотя и претендовали на это. Что же касается сменивших их персонажей, то теперь уже ясно: легендарная преданность этих «железных» и «стальных» людей абстрактным классовым интересам лишь подчеркивает, что многие из них находились вне нравственности и культуры.

После И. Л. Горемыкина в России «случилось» еще три премьера, назначенных Николаем II. Первым был Борис Владимирович Штюрмер. Эту кандидатуру высоко оценивал Горемыкин, мнением которого царь дорожил, считая его искренне преданным человеком и всегда помня, что именно он порекомендовал привлечь к управлению П. А. Столыпина, сумевшего справиться со смутой и вернуть страну к мирной жизни. Сейчас, во время войны, в этом самодержец был убежден, сильный администратор и надежный слуга необходим не меньше. Штюрмер занимал раньше посты Новгородского, затем Ярославского губернатора, а с 1902 г. находился на должности

директора Департамента общих дел Министерства внутренних дел, был членом Государственного Совета. Лично царю он был мало знаком. По старой традиции Николай в таких случаях спрашивал приближенных. Знавшие этого человека в основном говорили одно и то же: ревностный службист, примерный семьянин, благочестивый христианин. Таких достоинств казалось достаточно. Правда, утверждали, что у него была любовница, но об этом добропорядочной царице не сообщали, а для других такая «деталь биографии» не имела особого значения. Но было два недостатка: возраст (родился в 1848 году) и фамилия.

Сам претендент времени даром не терял. Зная нравы и обычаи имперских коридоров власти, он сумел завоевать расположение влиятельных лиц, в том числе и Распутина, которого приглашал домой на интимные трапезы, представляя себя искренним и верным почитателем старца. По распутинскому каналу о Штюмере узнала и императрица, и после его наилучших рекомендаций уверовала, что он именно тот, кто сейчас особенно нужен. В начале января 1916 г. она писала Николаю: «Милый, подумал ли ты серьезно о Штюмере? Я полагаю, стоит рискнуть немецкой фамилией, так как известно какой он верный человек»²⁹.

Возрастным фактором в принципе можно было пренебречь. Преклонность лет никогда не была недостатком для политика в России и всегда считалось, что такие деятели вооружены жизненным опытом, обширными знаниями, а также наделены чувством ответственности. Второй недостаток — фамилия, был более значительным. В атмосфере истерической шпиономании, царившей в обществе, трудно было рассчитывать на то, что «властители дум» не заметят это обстоятельство и не сделают его предметом далеко идущих политических спекуляций (это в конечном итоге и произошло). Еще в начале войны, царь получил прошение Штюмера с просьбой разрешить ему пользоваться фамилией своей жены — Панин. Николай на это ответил, что согласится на это лишь тогда, когда все «живые Панины на то согласятся». Естественно, что при таком подходе вопрос о смене фамилии отпадал сам собой. Однако невзирая на это, император решил в интересах дела рискнуть. Пост премьер-министра Б. В. Штюмер занял 20 января 1916 г. и, пытаясь нажить политический капитал, начал демонстрировать свою симпатию к думским кругам.

Эта позиция отражала и устремления императора, не оставлявшего надежды изыскать приемлемую для всех формулу отношений и сотрудничества с российским парламентом. Добиться этого никак не удавалось. Еще в 1905—1906 гг. Николай II с С. Ю. Витте, а затем с П. А. Столыпиным вынашивали планы включить в состав правительства известных общественных деятелей. Велись переговоры, происходили встречи, но задача укрепления престижа исполнительной власти за счет привлечения к его работе таких лиц так и не была решена. Комментируя очередную неудачу, Николай II 21 июля 1906 г. писал матери: «Вчера я принимал Львова (Саратовская губ.) и Гучкова. Столыпин им предлагал места министерские, но оба отказались. Также и Самарин, которого я видел два раза — он тоже не желает принять место обер-прокурора! У них собственное мнение выше патриотизма вместе с ненужной скромностью и боязнью скомпрометироваться. Придется и без них обойтись»³⁰. Но чем дальше, тем больше становилось очевидным, что «обойтись без них» трудно; что для стабильности власти и положения в стране какой-то компромисс необходим. Между тем, Штюмер значительно был больше обеспокоен тем, как бы лично услужить императрице и ее ментору Распутину, чем изысканием нужных рецептов по управлению страной. И тем не менее, на первом этапе различные общественные круги приветствовали нового главу правительства и выражали, как говорят дипломаты, «осторожный оптимизм».

Вслед за назначением Штюмера последовал указ о созыве Государственной Думы, на сессии которой 9 февраля первый и последний раз выступил с краткой речью главнокомандующий армией и император Николай II. С идеей «явления царя Государственной Думе» с трудом согласилась Александра Федоровна, всегда считавшая, что любое учреждение в России существовало как бы при императоре. Однако в поддержку такого шага выступил Распутин, и царица смирилась. Следует заметить, что Распутин, невзирая на всякие слухи и домыслы, не был антагонистом отечественной палаты депутатов. Следователи ЧСК, специально занимавшиеся этим сюжетом, пришли к заключению, что «Распутин не был противником Государственной Думы, или вернее был противником ее лишь постольку, поскольку в ней развивались нападки против него, в политических партиях он не разбирался, или, как говорил: «какого черта от них

толку, все равно, что права, что лева»³¹. Николай II призвал Думу к совместной работе на благо отечества, и эти его слова были встречены думцами громом аплодисментов. Царь был удовлетворен и записал в дневнике: «удачный и оригинальный день»³².

В ближайшем придворном окружении многие считали, что этот шаг Николая приведет к объединению России. Великий князь Александр Михайлович («Сандро») писал своей жене Ксении (сестре Николая II) 9 февраля того года: «Только что пришла телеграмма, в которой ты говоришь, что Ники открыл Думу, Слава Богу, наконец, кто-то его надоумил. Надо надеяться, что он, наконец, понял, что править страной в союзе с обществом гораздо легче, чем идти против всякой надежды на успех. Надо же, наконец, признать, что страна созрела. Как он не видит разительный пример в Англии, где короля сильно уважают и нигде так не развито монархическое чувство, как в Англии, и между тем дана полная свобода парламенту. Это все Аликс, которая думает, что она умнее всех, или, по крайней мере, что ею управляет Господь»³³.

В письме Сандро, бывшего друга-родственника Николая, отношения с которым в последние годы стали достаточно прохладными, нельзя не заметить высокомерно-пренебрежительного взгляда на способности императора, хотя еще несколько лет назад князь восхищался ими. Теперь же, оказывается, Николая надо было «надоумливать», так как «он многое не понимал». Этой своей уверенностью Александр Михайлович, напомнил других светских «записных политиков», считавших, что они все знают: и как править страной, и где, и у кого учиться этому. В своей категорической убежденности великий князь упустил из виду лишь какие-то «мелочи»: что в Англии жили англичане, а в России — русские и что отечественные политические деятели и по своим представлениям, и по своему менталитету имели очень мало общего с членами британской Палаты Общин. Образно говоря, П. Н. Милюков в той же степени напоминал лидера английских либералов Д. Ллойд Джорджа, как Москва — Лондон.

Овации в Думе отгремели и все осталось по-старому. Николай в Ставке в кругу военно-политических забот, Александра Федоровна в Царском Селе со своими страхами, сомнениями и «дорогим Григорием», а общественные деятели в своих гостиных и салонах продолжали рас-

палять собственное воображение разговорами о «темных силах» и о грядущих потрясениях, утверждая, что положение может спасти лишь «министерство общественного доверия». Но был еще один грозный и могучий, молчавший до поры мир, о котором все знали, от имени которого управляли и выступали. Это страна с многомиллионным населением, Россия деревень, фабрик и заводов, в недрах которой черпались силы для ведения войны.

Миллионы солдат, главным образом бывших крестьян, были брошены на фронт и разметаны на огромных пространствах от Балтийского моря до Закавказья. К концу 1916 г. общее число мобилизованных достигало почти 13 млн. человек. Оторванные от привычного уклада жизни, загнанные в сырые окопы и холодные землянки, они мучились и погибали за цели, которые были ведомы лишь начальству. Многие из них почитали Бога и Царя, знали урядника в своем уезде, земского начальника, может быть, губернатора, но ни о каких «радетелях» и «спасителях» слыхом не слыхивали, да и не интересовались «забавами господ». Постепенно однако эти миллионы все больше и больше теряли определенные социально-духовные признаки наиболее массового общественного слоя России — крестьянства, превращались в огромную асоциальную группу, в которой зрели страшные «зерна гнева», давшие такие разрушительные плоды в 1917 г. и в последующие годы.

Два чужих друг другу мира. Две России. Они мыслили и чувствовали по-разному. С какой удивительной ясностью и потрясающей глубиной увидела это Марина Цветаева, писавшая уже вскоре после падения монархического режима:

«Из строгого, стройного храма
Ты вышла на визг площадей...
— Свобода!— Прекрасная Дама
Маркизов и русских князей.
Свершается страшная спевка,—
Обедня еще впереди!
— Свобода! Гулящая девка
На шальной солдатской груди!»

Конечно, разговоры о предательстве высших сановных лиц проникали на фронт, вызывали возмущение и вражду ко всем «столичным сытым хлыщам». Ненависть умело сеяли и подогревали различные группировки, особенно радикально-социалистической ориентации, в первую очередь эсеры и большевики, причем последние ра-

товали за «превращение войны империалистической в войну гражданскую». Эти группки давно и целеустремленно популяризировали идею насильственного свержения «романовской клики». Либеральные политики мысль о насильственной акции так и не приняли. Правда, и в этой среде находились отдельные «горячие головы» (например, А. И. Гучков), которые вели такие разговоры, но дальше них все-таки дело не пошло. Трудно было не видеть, что свержение царя во время войны может вызвать непредсказуемые последствия. Но и мириться с существовавшим положением вещей либералы не желали. Они оказались пленниками собственных политических представлений и сконцентрировали весь свой общественный энтузиазм на разоблачениях.

Роль обвинителей власти была им по душе; она позволяла без особого труда сохранять авторитет и репутацию «борцов за благо России». Делить же ответственность за неудачи и трудности они не собирались. Пусть клеймо позора истории ляжет на всех этих Горемыкиных, Штюрмеров, Хвостовых и пр., на тех, кого выдвигали и поддерживали «темные силы», эта «истеричка царица» и «пьяный развратник» Распутин. Либералы пришли к выводу, что придворная компания — обречена и с нею лучше не иметь ничего общего. Такова была, так сказать, тактическая линия наиболее влиятельных думских деятелей Прогрессивного блока, группировавшихся вокруг лидера кадетской партии П. Н. Милюкова. Не знали еще эти «народные страдатели» и «разоблачители», что нет у них будущего в стране, где ценности европейской политической культуры, которые были так им дороги, ничего не значили; не ведали эти господа, что не будет у них места в стране, лишенной власти царей. Они полагали, что их поддерживает народ, а за ними оказалась пустота, небытие, куда очень скоро провалились и они сами, и вся их либеральная маниловщина.

В последний период существования монархии, власть предоставила массу возможностей для ярких и эффектных выступлений против себя. Совет министров больше напоминал героев крыловской басни о лебеде, раке и щуке, чем центральный административно-координирующий орган. Чуть ли не каждый министр вел «свою политику», игнорируя других и интригуя против них, а некоторые искали популярности в либеральной среде и даже имели постоянные контакты с различными общественными деятелями. В целом же правительство и обществен-

ное мнение находились в состоянии открытой враждебности. Власть демонстрировала пренебрежение к «думской говорильне» и ее лидерам, а те, в свою очередь, платили власти жестокой клеветой и самыми низкопробными инсинуациями. Полный общественный разлад особенно ярко проявился в истории с последним царским министром внутренних дел. Им был Александр Дмитриевич Протопопов, ставший навсегда печально-символической фигурой в финальных сценах существования монархии. Преданность его императору носила фатально-мистический характер, а ненависть к нему различных кругов общества была беспредельна. Что же это была за личность?

Родился Александр Дмитриевич в 1865 г. в семье состоятельного дворянина, врача по образованию, Дмитрия Алексеевича Протопопова, отца трех сыновей, имевшего в Нижегородской губернии около трех тысяч десятин земли. Средний, Александр, воспитывался в кадетском корпусе, а затем — в Николаевском кавалерийском училище и после окончания в 1885 г. был определен кирасиром в лейб-гвардии Конно-гвардейский полк. Через несколько лет поступил в Академию Генерального штаба, где проучился только один год и по состоянию здоровья вышел в 1890 г. в отставку в чине штабс-ротмистра. В конце 90-х гг. XIX в. А. Д. Протопопов получил по завещанию своего дяди, сводного брата отца генерала Н. Д. Селиверстова, огромное состояние, включавшее почти семь тысяч десятин земли и суконную фабрику в Корсунском уезде Симбирской губернии и менее значительную недвижимость в Пензенской и Саратовской губерниях. Это был богатый, по-европейски образованный человек, великолепно знавший языки, хороший пианист, учившийся у французского композитора Ж. Массне.

Оставив военную службу и перейдя к гражданской жизни, А. Д. Протопопов занялся общественной благотворительностью и довольно быстро прославился щедрыми пожертвованиями. Несколько лет состоял он в штате крупнейшей российской благотворительной организации — Ведомства учреждений императрицы Марии (названной так по имени основательницы, жены императора Павла I). В 1900 г. А. Д. Протопопов был избран на должность депутата дворянства по Корсунскому уезду, стал почетным мировым судьей, в 1906 г. — Корсунским уездным предводителем дворянства и почетным смотрителем городского училища. С самого начала существования Государственной Думы он очень хотел по-

пасть в Таврический дворец, но ни в Первую, ни во Вторую Думу избран не был. Только в 1907 г. на выборах в Третью Думу ему удалось добиться успеха и удостоиться звания депутата, которое сохранил и на выборах в Четвертую Думу в 1912 г. Здесь А. Д. Протопопов занимал место на левом фланге октябристов. В 1916 г. он избирается Симбирским губернским предводителем дворянства, а за год до того, в 1915 г., назначен товарищем (заместителем) председателя Государственной Думы (замечим, что при баллотировке, на этот пост он получил подавляющее большинство голосов). Таков краткий послужной список того, кто сделался мишенью многочисленных нападок и клеветы в последние месяцы монархии.

До осени 1916 г. имя А. Д. Протопопова пользовалось не только известностью, но и уважением в либеральных думских и околдумских кругах. Весной он возглавил представительную парламентскую делегацию, которая посетила Англию, Францию, Италию. В европейских столицах светские манеры и широкий кругозор главы русских парламентариев произвели хорошее впечатление, о чем царю докладывали по дипломатическим каналам, а Английский король Георг, в письме своему кузену — императору Николаю выразил радость, что в России есть такие выдающиеся люди³⁴. Председатель Думы М. В. Родзянко рекомендовал самодержцу еще раньше назначить Протопопова Министром торговли и промышленности.

Царь не питал симпатий к думским политикам. Он считал, что большинство их — несерьезные и безответственные люди, мало разбирающиеся в истинных проблемах и нуждах страны. Он пошел на поводу у других, пригласил на ответственный пост одного из думцев, А. Н. Хвостова, как казалось, такого умного, преданного и делового человека. А чем закончилось? Публичным скандалом, запятнавшим и его выбор, и их с Аликс друга Григория. Надо же такому случиться: министр, пользовавшийся расположением царя и царицы, замешан в заговоре с целью убийства! Император тяжело переживал всю хвостовскую историю.

Отзывы о Протопопове были неплохие и Николай решил с ним познакомиться. Встреча состоялась в ставке 19 июля, и на следующий день царь писал жене: «Вчера я видел человека, который мне очень понравился — Протопопова, товарища председателя Гос. Думы. Он ездил за границу с другими членами Думы и рассказывал мне много интересного. Он бывший офицер конно-гвардей-

ского полка, и Максимович (Константин Клавдиевич, генерал-от кавалерии — А. Б.) его знает»³⁵. Заканчивая аудиенцию монарх сказал своему собеседнику: «Мы еще с Вами поговорим не раз». В итоге император поручил Протопопову руководство самым влиятельным министерством — Внутренних дел.

В поддержку этого назначения выступил Распутин, а с «его подачи» кандидатуру Протопопова поддержала и Александра Федоровна. Старец Григорий уже несколько лет был лично знаком с А. Д. Протопоповым. Судьба свела их в клинике П. А. Бадмаева, где Александр Дмитриевич неоднократно лечился, а Распутин уже давно являлся добрым знакомым известного петербургского врача-терапевта. Это была удивительная и примечательная фигура на петербургском небосклоне в последние годы монархии. Бурят по происхождению, Жамсаран Бадмаев приехал в Петербург к своему старшему брату, который с 1857 г. лечил столичную публику методами тибетской медицины и имел в столице особую аптеку. Здесь он поступил в университет на восточный факультет, а одновременно слушал лекции в Военно-медицинской академии и работал в аптеке у брата, помогая ему готовить медицинские препараты. Вскоре крестился, принял православие, а его восприемником стал будущий император Александр III.

Еще в конце XIX в. Петр Александрович Бадмаев на северной окраине Петербурга на Поклонной горе выстроил специальное здание, где открыл клинику. Там он начал эколого-физиологическими методами «пользовать» своих пациентов, число которых постоянно росло. Услугами загадочного целителя пользовались многие высокопоставленные лица, в том числе и члены императорской фамилии. Его неоднократно вызывали в царский дворец и он предписывал свои препараты, эти таинственные бадмаевские порошки, царским детям и даже самому императору. Этот человек не лишен был и политических интересов. Свои рекомендации по вопросам дальневосточной политики России он представлял еще Александру III и С. Ю. Витте, которые находили их весьма интересными. В 1911—1912 гг. он симпатизировал епископу Гермогену и иеромонаху Илиодору и поддерживал их борьбу с Распутиным (Илиодор даже одно время скрывался у него на Поклонной горе). Однако через несколько лет он сблизился с Распутиным и в годы войны поддерживал с ним довольно близкие отношения.

Своими в бадмаевской клинике были и еще два известных деятеля: упоминавшийся уже неоднократно Б. В. Штюрмер, и особенно генерал П. Г. Курлов. Последний с 1909 г. был товарищем министра внутренних дел и командиром корпуса жандармов, и именно он в 1911 г. заведовал охраной императора, когда в Киеве в присутствии Николая II был смертельно ранен П. А. Столыпин. Генерал был обвинен в халатности, уволен в отставку и по его делу было учреждено расследование, тянувшееся несколько лет и прекращенное по распоряжению самодержца незадолго до начала войны. Генерал страстно желал восстановить свою репутацию и вернуться «в большую политику». Его друг и сослуживец по полку Протопопов мог способствовать этому. Итак, Бадмаев, Курлов, Распутин, а через него и императрица были на стороне Александра Дмитриевича. Кроме того, сам государь проникся человеческой симпатией к нему. И в результате — 16 сентября Протопопов стал во главе самого мощного ведомства в России.

Назначение управляющим Министерством внутренних дел было и для самого Александра Дмитриевича неожиданным. Он мечтал об административной карьере, много размышлял о необходимости проведения различных мероприятий по упорядочению государственного устройства, о чем постоянно рассказывал в кругу посетителей бадмаевской клиники. Эти разговоры очаровали тех, кто мало что смыслил в таких «отвлеченных материях». Вот, например, что писала известная нам уже Муля Головина доктору Бадмаеву после получения известия о новом шефе МВД. «Многоуважаемый Петр Александрович! Во-первых, поздравляю с назначением Вашего друга, поздравьте его от меня и скажите, что я от души желаю ему успеха и очень рада, что теперь сможет осуществить все то хорошее, о чем говорил. Он всегда был моим кандидатом, когда вопрос шел о новом назначении, главным образом с Ваших слов составленного мнения о А. Д. как о выдающемся, умном и хорошем человеке. Сама же могла судить о нем, как об очень приятном и образованном собеседнике с очень чуткой душой»³⁸.

Принадлежность к «бомонду» (высшему обществу), изысканность манер, образованность и легкость в общении располагали к нему, привлекала людей, и его щедрость была хорошо известна. Однако всего этого было недостаточно для занятия такого ответственного поста. Здесь нужен был человек дела, в то время как Протопо-

пов был только человеком слова. Его обуревали различные планы, но не имел ни сил, ни способностей осуществить намеченное. Будучи глубоко верующим, он в глубине души не одобрял никакого насилия, в то время как в своей новой роли обязан был идти на меры, связанные с применением силы. Спасти самодержавие никто не мог, но меньше всех — последний министр внутренних дел.

Николай II полагал, что Протопопов сможет решить две насущные задачи. Во-первых, сумеет установить добрые отношения с думскими кругами. Ведь он сам из их среды и прекрасно там всех знает. Но еще большие надежды возлагались на решение им продовольственной проблемы. Война дестабилизировала жизнь страны и привела к продовольственным затруднениям, особенно в крупнейших городах. Вся Февральская революция, так сказать, ангажирована хлебной темой и обойти ее невозможно. Чтобы не утомлять читателя скучными статистико-экономическими выкладками, ограничимся только некоторыми общими наблюдениями и выводами.

Перебои в поставках продуктов питания в города начались уже вскоре после начала войны. Россия была единственной участницей мирового конфликта, не вводившей нормирования потребления продуктов (кроме сахара). Однако сложности с продовольствием были в очень большой степени результатом правительственной политики регулирования сбыта: ограничением свободной продажи зерна и муки, и фиксированной стоимостью их. Не физическое отсутствие тех или иных продуктов, а установление государственной властью ценовых ограничений привело к разрушению естественных рыночных отношений, что в конце концов сказалось на жизни всей страны.

Правительственная мера преследовала две цели: во-первых, воспрепятствовать падению цен на зерно на внутреннем рынке после прекращения экспорта в 1914 г. (мера блестяще удавшаяся); во-вторых, оградить широкие слои простых потребителей от вакханалии спекулятивных рыночных манипуляций. Защита интересов простых людей — такая цель делала царя и царицу убежденными сторонниками государственного регулирования. Результаты же были убийственно неудачными. Уже в середине 1915 г. принятые решения показали свою полную неэффективность. Перебои в поставках не прекращались, очереди у казенных хлебных лавок увеличивались, росло и недовольство. В 1916 г. цены были существенно повышены, но оставались фиксированными. Принципиально

эта мера ничего не решала, так как стоимость всех прочих товаров и услуг росла значительно быстрее, что делало производство и продажу зерна и муки коммерчески нецелесообразной.

Положение осложнялось расстройством транспорта, как и некоторыми причинами более общего порядка. Весной 1915 г. русская армия начала отступление из западных районов, продолжавшееся до сентября. Россия потеряла 15 губерний с необранным урожаем. Этот же год дал огромное число беженцев, спасавшихся от германской оккупации и оседавших в центральных районах страны. Кроме того, неблагоприятные погодные условия привели к серьезному недороду в 1916 г., когда урожай оказался ниже обычного примерно на 40%. Ситуация серьезно обострялась, что видели и самодержцы. Царица, например, писала 16 сентября 1916 г.: «Важнейшим для нас вопросом является сейчас продовольствие»³⁷. Надежда возлагалась на нового министра внутренних дел, намерившегося создать надежную систему продовольственного обеспечения. В августе 1915 г. все продовольственное дело было сосредоточено в Министерстве земледелия, и Протопопов решил вернуть его в свое ведомство, чтобы поставить всю эту деятельность, что называется, на широкую погу. Предложение это обсуждалось в совете министров, где мнения разделились, а бюджетная комиссия Государственной Думы выступила против этого проекта, поэтому он так и не был осуществлен.

Вскоре после назначения царица имела встречу с новым министром внутренних дел и осталась очень довольна, так как беседа быстро выявила полное взаимопонимание между ними. Она подробно рассказала об этом в письме мужу, и тот писал ей в ответ 23 сентября: «Нежно благодарю тебя за твое дорогое длинное письмо, в котором ты так хорошо излагаешь свой разговор с Прот. Дай Бог, чтобы он оказался тем человеком, в котором мы сейчас нуждаемся!.. Да, действительно, тебе надо быть моими глазами и ушами там, в столице, пока мне приходится сидеть здесь. На твоей обязанности лежит поддерживать согласие и единение среди министров — этим ты приносишь огромную пользу мне и нашей стране! О, бесценное Солнышко, я так счастлив, что ты, наконец, нашла подходящее дело! Теперь я, конечно, буду спокоен и не буду мучиться, по крайней мере, о внутренних делах»³⁸.

Назначение Протопопова на важнейший правительст-

венный пост внесло замешательство в думские ряды, на что и надеялась императрица! Деятели Прогрессивного блока, сомкнув ряды, успешно «добивали» кабинет Штюмерера; было ясно, что его падение не за горами. Так возникала реальная возможность создания долгожданного «кабинета общественного доверия». Милюковская компания видела себя уже в министерских креслах; им казалось, что час триумфа совсем близок. И вдруг такой удар! Один из их рядов, человек, которого и в состав будущего так называемого прогрессивного правительства не хотели приглашать, предал своих и занял пост без согласования с ними. Отступника необходимо было морально и политически уничтожить! Если раньше главным центром атак был Штюмерер, то теперь им стал новый министр внутренних дел.

Первое время Протопопов хотел найти общий язык с думской фрондой, и если уж не заручиться поддержкой там, то хотя бы оградить себя от оскорбительных дискредитаций с той стороны. С этой целью 19 октября он встретился у председателя Думы М. В. Родзянко с группой известных депутатов. Обращаясь к ним, министр заметил, что очень рад встрече и хотел бы товарищески побеседовать и для установления взаимопонимания обсудить все спорные вопросы. Претензии к новому шефу МВД изложил в своем выступлении известный кадет, сподвижник П. Н. Милюкова, А. И. Шингарев. Среди прочего он сказал: «Прежде чем товарищески беседовать, нужно уяснить вопрос, можем ли мы быть товарищами. Мы не знаем, каким образом Вы назначены. Слухи указывают на участие в этом деле Распутина; затем, Вы вступили в Министерство, главою которого является Штюмерер — человек с определенной репутацией предателя... И Вы не только не отгородились от него, но напротив, из Ваших интервью мы знаем, что Вы заявили, что Ваша программа — есть программа Штюмерера и что он будет развивать Вашу программу с кафедры Государственной Думы. В Ваше назначение освобожден другой предатель Сухомлинов... И, наконец, в происходящих теперь рабочих волнениях Ваше Министерство, по слухам, действует, как прежде, путем провокации...»³⁹

Трудно не заметить в приведенном пассаже приближенность, фальшивость представлений и аргументов либеральных деятелей. Штюмерер — предатель, Сухомлинов — предатель и тому подобные категорические и сокрушительные умозаключения были построены на слухах

и сплетнях, которые эти господа часто сами и инспирировали. Позиция Протопопова на этой встрече была достаточно определенной: меня пригласил государь, которого я люблю и которому предан, и я не могу уклониться от своей судьбы. «За вашей поддержкой я пришел, но я ее не нахожу. Что же делать — я пойду дальше один, — восклицал министр. — Я исполняю желание моего Государя; я ведь всегда признавал себя монархистом. Вы хотите потрясений, перемены режима — но этого вы не добьетесь. Тогда как я понемногу кое-что могу сделать. Это недолго — уйти. Но кому передать власть?... Я не имею ничего, кроме личной поддержки Государя, но с этой поддержкой я пойду до конца, как бы вы ко мне не относились»⁴⁰.

В тот октябрьский вечер 1916 г. стало окончательно ясно всем, что компромисс невозможен. Пропать между властью и Думой не только не уменьшилась, но даже увеличилась. Либералы уже хотели не сотрудничества с властью, а самой этой власти. Они претендовали на то, чего не могли бы иметь ни при каком демократическом строе, так как всегда и прочно представляли очевидное меньшинство населения. Прочитав в одной из бесчисленных либеральных газет статью о том, что уже и крестьянство якобы заговорило об ответственном министерстве, последний министр внутренних дел язвительно написал на полях: «ответственного перед кем?»

Перед всеми этими Милюковыми, Родзянко, Керенскими и прочими, которые умели произносить страстные монологи, овладели искусством эффектно «срывать покровы» с тайн режима, однако были лишены навыков, способностей и тяги вести скучную повседневную и такую необходимую законотворческую работу!? Могли разоблачить, но были неспособны созидать. И при этом они претендовали на роль спасателей! Трибуна Государственной Думы уже давно стала местом, с которого можно было прокричать на всю Россию, и даже на весь мир, все что взбредет в голову. Главное — «попасть в тон» общественных настроений. Несмотря на цензуру, многое из стен Таврического дворца становилось достоянием публики, рождало разговоры, слухи, все то, что в России издавна считалось общественным откликом на событие. В атмосфере кризиса и недовольства этот нехитрый прием разоблачителей срабатывал безотказно.

Безответственность многих общественных деятелей со всей очевидностью проявилась на думской сессии, начавшей работу первого ноября 1916 г. Именно на ней

П. Н. Милюков произнес свою скандальную речь, ставшую как бы камертоном общественных настроений в финальной сцене монархии. Правительство опасалось открытия сессии, предполагая, что на ней возможны эксцессы, которые могут еще больше накалить общественную атмосферу. Царь никогда не питал симпатий к Думе, а уж тем более к ее непроизводительной работе во время войны, когда она превратилась в центр поношения государственной политики и многих должностных лиц. Однако пойти на ее разгон, или ввести мораторий на ее работу он не хотел. Дума — политическая реальность и с ней следовало считаться, как бы это не было тяжело.

Пятую сессию Государственной Думы четвертого созыва открыло краткое слово председателя: «Мы собираемся здесь в пятый раз с начала мировой борьбы,— сказал М. В. Родзянко.— Война должна быть выиграна, чего бы это стране не стоило, во что бы то ни стало. Этого требует народная честь и народная совесть; этого повелительно требует не только государственная безопасность, но и благо грядущих поколений». После решения нескольких текущих процедурных вопросов открылись общие прения. И вот тут начался настоящий шабаш (другое слово трудно подобрать).

Тон был задан печально-известным, блестяще-бездарным премьером Временного правительства, а тогда депутатом от Саратовской губернии, членом фракции трудовиков, присяжным поверенным А. Ф. Керенским. Говоря о правящих кругах восклицал: «Связав великий народ по рукам и по ногам, заткнув ему рот и завязав ему глаза, они бросили его под ноги сильного врага, а сами, закрывшись аппаратом военных положений, цензур, ссылок и других преследований, они предпочитают в то же время исподтишка, как наемные убийцы, наносить удары. Где они эти люди (указывая на места правительства — А. Б.) в правительстве, подозреваемые, братоубийцы и трусы... Все жертвы и все попытки спасти страну бесплодны, пока власть находится в руках безответственных лиц, ставящих свои личные интересы, ставящих свои традиционные симпатии выше интересов и прав нации».

Не успел зал еще успокоиться после прозвучавших гневных филиппик, а на трибуну уже поднимался магистр русской истории, бывший приват-доцент Московского университета, известный политический деятель либерального толка П. Н. Милюков. Его выступление было продуманной и хорошо рассчитанной акцией. Общий смысл

выступления был достаточно прост: мы, т. е. либералы, будем бороться до полной победы над правительством. Однако он пошел дальше традиционного и банального рефрена о негодности администрации и разыграл целую интермедию. Размахивая какой-то немецкой газетой и ссылаясь на помещенную в ней якобы информацию, ученик выдающегося русского историка В. О. Ключевского обвинил ведущих членов кабинета и влиятельные придворные круги в воровстве, в попытках заключить мирный договор за спиной народа. При этом экономические трудности и военные неудачи он выводил из целенаправленной работы врагов России, окопавшихся на министерских постах. Свое выступление П. Н. Милюков перемежал одним и тем же вопросом: «Что это глупость или измена?». На что аудитория (на балконах для публики, что называется, яблоку некуда было упасть, так как слухи о грядущем важном политическом событии распространялись давно уже) дружно отвечала: «Измена».

Это обвинение он бросил лично главе правительства Штюрмеру, что нашло бурное одобрение многих присутствовавших, находившихся в состоянии необычайной экзальтации. Завершая эту эскападу, Милюков заявил: «Да и разве же не все равно для практического результата, имеем ли мы дело в данном случае с трусостью или изменой?»⁴¹. Оратор прекрасно понимал, что лжет. Знал об этом и тогда, когда стоял на трибуне и позже, но раскаяния никогда не испытывал, а в своих мемуарах нехотя признал несостоятельность лишь части своих утверждений⁴². Прошли многие десятилетия. Погибли или давно умерли все участники и очевидцы того «думского шоу». Но весь этот эпизод и характер поведения действующих лиц невольно поднимает актуальнейший и для конца XX века вопрос: все ли средства допустимы в борьбе за достижение любых, а уж тем более благородных целей? Шла жесточайшая война, кругом росло недовольство, существовавшее хрупкое общественное равновесие грозило рухнуть в любую минуту, а лидер одной из крупнейших партий громогласно клеветнически обвиняет главу правительства в измене, в пособничестве врагу.

Обсуждать законопроекты большинство этих «радетелей» за правду не хотело, думать о том, как решать продовольственный вопрос они не желали: пусть об этом печется правительство, а мы будем клеймить и разоблачать. Роли уже окончательно распределились. Через два

дня после Милюкова, другой видный кадет В. А. Маклаков, говоря на ту же тему — о негодности правительства, вещал: «Да, они, может быть, привыкли лгать около трона, они могут обмануть своего государя, но России они не обманут, Россия знает им цену». После этих слов в думской стенограмме значится: «рукоплескания»⁴³. Аплодисменты распаляли политическое самомнение всех этих могильщиков монархии, безоговорочно уверовавших в то, что они являются истинными народными героями. Через несколько месяцев они, обезумев от страха, побегут, теряя близких, имущество, комфорт, личное достоинство, куда глаза глядят, от той самой России, от того самого народа, за дело которого, как им представлялось, они так упорно боролись. А оказавшись в безопасном удалении от родного пепелища, начнут размышлять и придут к заключению, что в России не только «царь был плохой» и правительство «никуда не годилось», но и народ оказался «не тот»! Свое же политическое убожество они никогда не признают.

В деле дестабилизации политического положения в стране Государственная Дума сыграла свою роль. Принято считать, что члены любого парламента должны, а часто и в реальности выражают, интересы своих избирателей. При не прямых, многоступенчатых выборах в Государственную Думу эта связь часто была вообще иллюзорна. Думцы не столько выражали интересы широких слоев, сколько раздували в стране антигосударственную истерию, способствуя созданию обстановки морального террора против высших должностных лиц. Паралич власти вел к тому, что лгать можно было совершенно безнаказанно. Вот, например, история со Штюмером. Предатель — и все. Ни фактов, ни аргументов, ни доводов. Но в публике формировалась уверенность в правдивости подобных утверждений, так как их никто не опровергал.

Психологию думских инсинуаторов раскрыл депутат от Донской области, врач по профессии, член кадетской партии М. С. Аджемов, заявивший, что если Штюмер не является предателем, то он «должен явиться в Думу» и перед всей страной «доказать это». Вот так-то! Ни больше и не меньше! Эта «перевернутая логика» уже сродни той, которую имели карательные органы сталинской поры.

Штюмер и Протопопов, как главные объекты думских оскорблений и поношений, были глубоко оскорблены и первый даже хотел подать в суд на Милюкова. Они советовались с императрицей. Та хоть и была возмущена,

но советовала не обращать внимания. Однако премьер был деморализован и чтобы помочь ему и умерить общественные страсти, Николай II в середине ноября назначил председателем Совета министров члена Государственного совета, сенатора, министра путей сообщения А. Ф. Трепова, имевшего репутацию честного правого деятеля. Он сразу же отправился в Думу и выступил там с призывом к производительной совместной работе. «Забудем споры, отложим распри, посвятим все время положительной работе — этого от всех и каждого требуют жизненные интересы России». Этот его монолог несколько раз прерывался возгласами Аджемова: «Когда выгнать Протопопова?».

Политические события разворачивались в соответствии с замыслом «радетелей» за народ и удача их окрыляла. Штюрмер был повержен. Милюков и другие лидеры Прогрессивного блока принимали поздравления как будто выиграли военную битву. Но в том-то и дело, что для них это была война, которую разжигало их неумное честолюбие; азартная игра, где ставками были судьбы народа, страны.

Теперь главное для думских лидеров было сокрушить ненавистного отступника Протопопова, а затем, ... затем власть должна была пасть к их ногам. Глава МВД был малодетельным, безынициативным и плохо подготовленным к своей ответственной роли. Все это так. Но таких качеств Протопопова его врагам казалось недостаточно для полного политического уничтожения бывшего коллеги. Требовались более «весомые» аргументы и они сразу же нашлись; ведь господа-думцы давно подпаторели в фабрикацию сокрушительных сплетен. Для них не имела значения истина. Главное, найти что-нибудь погорячее, что-нибудь такое, что било бы не в бровь, а в глаз. Против Протопопова был выдвинут ряд обвинений, но особенно оскорбительным было два. Первое — попытка вести сепаратные переговоры с Германией («измена») — довольно быстро отпало в силу своей абсурдности. Зато второе — интенсивно муссировалось. Уже к ноябрю по всей России циркулировали сведения о том, что у министра внутренних дел «разжижение мозга» на почве сифилиса и что он абсолютно психически ненормален.

Эта тема очень занимала публику и до, и после падения монархии. Группа врачей даже обследовала летом 1917 г. арестованного сановника и в угоду общественному мнению очень хотела диагностировать сумасшествие

(о чем свидетельствуют подчистки и дописки в медицинских заключениях, сделанных уже после обследования), но констатировала лишь признаки депрессивных состояний на почве врожденного расстройства вегетативной системы (обследование ранее проведенное у французских врачей не выявило вообще никаких отклонений). Данные из его истории болезни публиковались в прессе и обсуждались публично, что считалось нормальным в стране, «освобожденной от тирании». В этой связи можно задаться и таким вопросом: насколько психическое состояние А. Ф. Керенского соответствовало норме и были ли у него врожденные болезни? Вопрос об обследовании истерика-премьера, этого кумира курсисток и экзальтированных петроградских дам, не поднимался, хотя внешних признаков для беспокойства было достаточно. В сознании же публики именно слуга прежнего режима должен был быть обязательно ущербным.

Слухи о слабоумии Протопопова усиленно распространялись. Дошли они и до царя. На вопрос Г. И. Щавельского об этом, Николай, со свойственной ему спокойной рассудительностью, заметил: «Я об этом слышал. С какого же времени Протопопов стал сумасшедшим? С того, — как я его назначил министром? Ведь, в Государственную Думу выбирал его не я, а губерния»⁴⁴. Действительно, еще совсем недавно симбирское дворянство, которое давно и хорошо его знало, избрало его своим предводителем, а ведущие предприниматели сделали его председателем Совета съезда представителей металлургической промышленности. Еще в апреле — июне 1916 г. он возглавил парламентскую делегацию, куда, кстати, входили и многие инсинуаторы, в том числе и Милюков, которую принимали в европейских столицах, и у членов делегации не возникало никаких предположений о сумасшествии товарища председателя Думы. И вдруг оказалось, что он давно был ненормальным!

Императрица совершенно обоснованно узрела в нападениях на Протопопова проявление натиска на власть: он дорог нам, его любит Григорий, а следовательно они его и ненавидят. «Не думай, что на этом одном кончится, — восклицала она в письме мужу, — они по одному удаляют всех тех, кто тебе предан, а затем и нас самих»⁴⁵. Подобные умозаключения Александры Федоровны были достаточно логичными. Думская фронда безусловно стремилась открыть себе путь к власти, подчинив тем или иным путем монарха своей воле.

В вопросе о Протопопове сошлись две силы, уже теперь непримиримые. Николай находился под сильным давлением царицы и Распутина, стремившихся не допустить отставки министра внутренних дел, на чем, стараясь нажить политический капитал в обществе, настаивал премьер А. Ф. Трепов. Александра Федоровна с трудом приняла выбор императором главы кабинета: она его не любила, не считала «своим», так как хорошо была осведомлена о его антираспутинских настроениях. Но в деле Протопопова использовала всю свою энергию, чтобы отворотить самодержца от неправильного шага и оставить при должности «этого милого, умного и преданного человека»... В таком развитии был кровно заинтересован Распутин, понимавший, что падение симпатизировавшего ему сановника, наверняка приведет к выдвижению на этот пост его недоброжелателя, или даже врага.

Когда судьба Протопопова висела на волоске после назначения Трепова, «старец» приложил много усилий для его спасения. В пользу Протопопова работала Вырубова, императрица, да и сам он постоянно посылал телеграммы. Так, в особо критический момент, 20 ноября, когда Александра Федоровна с «подругой Анной» была в ставке у Николая, Распутин отправил телеграфное послание из 238 слов на имя Вырубовой, заклиная сохранить портфель министра Протопопову (он шифровался именем генерала Калинина). Приведем выдержку из этой примечательной телеграммы: «Мой Калинин лица верного нет верного надеюсь что вы хоть маленько его поддержите. Вы знаете: репа хороша, когда зубы есть; ужасно мне больно, что я без зубов... Моя порука этот самый Калинин, а Вам разум пусть поймет»⁴⁶.

Усиливавшаяся общественная изоляция монархов, особенно царицы, вела к тому, что она теперь безраздельно верила только «дорогому Григорию», каждое его слово принимая как высшее откровение. Жизни без его советов она для себя теперь не мыслила и просила их как по бытовым, так и особенно по военно-государственным вопросам. Осень 1916 г.— время наивысшего влияния сибирского крестьянина, ставшего для царицы своим уже навсегда. Трудно вообразить, чтобы она смогла по доброй воле освободиться от этого наваждения, ее опоры и надежды в жизни. О ее представлениях в этот период можно судить по ряду писем, отправленных мужу в ноябре и декабре того, последнего царского года.

«Еще раз вспомни, что для тебя, для твоего царство-

вания и Бэби и для нас тебе необходимы прозорливость, молитвы и советы нашего Друга. Вспомни, как в прошлом году все были против тебя и за Н., а наш Друг оказал тебе помощь и придал тебе решимости, ты все взял в свои руки и спас Россию, мы перестали отступать... Ах, милый, я так горячо молю Бога, чтоб он просветил тебя, что в Нем наше спасение; не будь Его здесь, не знаю, что было бы с нами. Он спасет нас своими молитвами, мудрыми советами. Он — наша опора и помощь» (10 ноября); «Трудно писать и просить за себя, уверяю тебя, но это делается ради тебя и Бэби, верь мне. Я равнодушна к тому, что обо мне говорят дурно, только ужасно несправедливо, что стараются удалить преданных, честных людей, которые любят меня. Я всего лишь женщина, борющаяся за своего повелителя, за своего ребенка, за двух самых дорогих ей существ на земле, и Бог поможет мне быть твоим ангелом-хранителем, только не выдергивай тех подпорок, на которые я нашла возможным опереться» (12 ноября).

Сокровенные мысли и мечты императрицы отразило ее поздравительное послание Николаю, отправленное накануне его именин 5 декабря. «Солнышко желает тебе всего, чего только может тебе пожелать преданное любящее сердце. Крепости, стойкости, непоколебимой решительности, спокойствия, мира, успеха, больше солнца и, наконец, отдыха и счастья после твоей трудной, тяжелой борьбы... Милый, верь мне, тебе следует слушаться советов нашего Друга. Он так горячо денно и ночью молится за тебя. Он охранял тебя там, где ты был, только Он... Бог ему все открывает. Вот почему люди, которые не постигают Его души, так восхищаются его умом, способны все понять. И когда Он благословляет какое-нибудь начинание, оно удастся, и если он рекомендует людей, то можно быть уверенным, что они хорошие люди. Если же они впоследствии меняются, то это уже не Его вина — но Он меньше ошибается в людях, нежели мы...»⁴⁷.

Николай, искренне любя свою жену, питая уважение к «дорогому Григорию», все-таки был далек от того, чтобы безоглядно доверяться в государственных делах его советам-видениям. Так, рассказав императрице о своих планах относительно Думы и перестановках в кабинете, он заметил: «Только прошу, не вмешивай Нашего Друга. Ответственность несу я и поэтому я желаю быть свободным в своем выборе»⁴⁸. Это право осталось за императором и он назначил Трепова, вопреки настроению и Александры Фе-

доровны, и Распутина. Но в деле Протопопова, что называется, «уперся» и после некоторых колебаний согласился с царицей в том, что его отставка показала бы всем недопустимую слабость власти, превратило бы в глазах многих всех этих Милюковых и Керенских во всемогущих людей.

Министр внутренних дел сохранил свой портфель. Это обстоятельство очень способствовало утверждению мнения о всемогущии Распутина, без поддержки которого Протопопова давно бы уже убрали. Распутинская тема стала волей-неволей занимать даже людей, которые раньше были далеки от политики. Об этом так много говорили все, приводили такие скандальные подробности, что трудно было усомниться в их достоверности. Бедная, бедная Россия! — горевали искренне обеспокоенные судьбами страны люди. Неужели государь не понимает, что все может кончиться катастрофой? — недоумевали правверные монархисты. Говорят, что всех министров назначает Распутин за взятку! Ходят слухи, что этот Гришка-пьяница свободно бывает в спальне царицы! В основе этих и многих других «достоверных сведений» лежали недобросовестные измышления, которые производили сильное впечатление в силу многократной и постоянной повторяемости.

Беспокойство охватывало и императорскую фамилию. Царь в России всегда был выше суждений толпы; раньше она никогда не смела публично обсуждать его действия; а уж тем более касаться его семейной жизни. И уж коль до этого дошло, то значит дело плохо. Если бы об этом говорили только в салонах, было бы еще полбеды, но ведь это стало темой разговоров и у простолюдинов, и в армии и в тылу. Престиж власти и сила власти — вещи неразрывные. Как этого не понимает Ники! Может быть правду говорят, что он загипнотизирован этим Распутиным? Или его действительно опоили каким-то страшными бадмаевскими порошками и он потерял волю, подпав под влияние своей Алисы? Вопросы возникали, но ответов не было. Непонятное, как казалось, поведение императора не могли объяснить даже многие его родственники.

На протяжении 1916 г. некоторые члены «Дома Романовых» предпринимали попытки «раскрыть глаза» самодержцу на опасность сложившейся ситуации. Неизменно возникала при этом и довольно щекотливая тема — Распутин. Сестра царицы, княгиня Элла, будучи чрезвычайно благочестивой верующей, чутко относившейся всегда к несправедливости и не принимавшая светскую ложь молчания, сочла неуместным оставаться в стороне. Не-

сколько раз она заговаривала с Николаем. Император, испытывая большую душевную симпатию к свояченице, всегда отшучивался и прерывал выпренные монологи Эллы каким-нибудь шутливым замечанием. Серьезного разговора не получалось. Последнее объяснение состоялось в начале декабря 1916 г., и как позже вспоминала сама великая княгиня, тогда она сказала, что «Распутин раздражает общество и, компрометируя царскую семью, ведет династию к гибели». В ответ она услышала от Алисы, что Распутин великий молитвенник, что все слухи, — клевета и что ее просят не касаться более этого вопроса»⁴⁹. Как следует из писем императрицы, она была убеждена, что во время этой беседы смогла переубедить сестру⁵⁰. Однако великая княгиня Елизавета Федоровна осталась при своем мнении. Больше сестры уже не встречались.

В середине ноября 1916 г. муж графини Сони Меренберг, проживавший вместе с ней в Лондоне, великий князь Михаил Михайлович, близкий к английскому двору, прислал письмо царю, в котором писал: «Я только что возвратился из Бэкингемского дворца. Жоржи (английский король Георг — А. Б.) очень огорчен политическим положением в России. Агенты Ителлидженс Сервис, обычно очень хорошо осведомленные, предсказывают в России революцию. Я искренне надеюсь, Ники, что ты найдешь возможным удовлетворить справедливые требования народа, пока еще не поздно»⁵¹.

Однако наиболее резкое послание отправил царю известный историк, председатель Императорского исторического общества великий князь Николай Михайлович, в письме которого были такие строки: «Неоднократно ты мне сказывал, что тебе некому верить, что тебя обманывают. Если это так, то же явление должно повторяться и с твоей супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся, благодаря злостному, сплошному обману окружающей ее среды. Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно. Но что исходит из ее уст, — есть результат ловкой подтасовки, а не действительной правды. Если ты не властен отстранить от нее это влияние, то, по крайней мере, огради себя от постоянных, систематических вмешательств, этих нашептываний через любимую тобой супругу... Если бы тебе удалось устранить это постоянное вторгательство во все дела темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное тобой доверие громадного большинства твоих подданных»⁵². Алису-Александровну это письмо оскорбило до глубины

души. Она была хорошо наслышана о критических выпадах по своему адресу, допускавших последние месяцы этим родственником, который раньше всегда выказывал ей такое уважение. Мало того, он постоянно стал встречаться с разными недоброжелателями из думских кругов, например, с М. В. Родзянко, которого императрица терпеть не могла. На нападки родственников она реагировала очень остро, так как знала, что ее Ники всегда глубоко переживает вмешательство в их жизнь родни, которую он всегда уважал. С осени 1916 г. великий князь Николай Михайлович был зачислен Александрой Федоровной в разряд своих врагов.

Царь пребывал в состоянии глубоких сомнений, только усилившихся после посещения им матери в конце октября в Киеве, где она жила последние месяцы почти безвыездно. Она тоже просила его обратить внимание на настроения общества. Но почему все кругом недовольны? Этот вопрос не давал покоя. Что-то надо было делать, но что? Мысли были безрадостные. Великим князьям легко давать советы; они не несут ни за что ответственности. Положение монарха совсем другое. Он отвечает перед Богом, Россией и перед своим сыном, наконец! А все эти думские болтуны, с которыми заигрывали некоторые родственники, тот же Николай Михайлович, они перед кем в ответе? Ведь до чего дошло: стали обсуждать их с Алисой семейную жизнь? Как они не могут понять, что молитвы Распутина охраняют жизнь наследника и если бы не его заступничество перед Всевышним, то неизвестно могла бы Россия до сих пор иметь законного цесаревича или нет. Разве этим можно пренебречь? Наверное слишком мягок он всегда был со своей родней, а ведь еще когда-то П. А. Столыпин призывал его не давать воли великим князьям, непременно держать их в узде! Давным-давно, двадцать лет назад, молодой тогда император, говоря о постоянном своеволии великих князей, с возмущением писал дяде Владимиру: «Чтобы только не ссориться и не порочить семейных отношений, я постоянно уступаю и в конце концов остаюсь болваном, без воли и без характера»⁵³. Теперь же паступил еще больший разброд среди Романовых и положиться ему почти ни на кого было нельзя.

Николай был убежден, что их с Аликс благополучие охраняет Господь. Ведь сколько было всяких потрясений за 22 года царствования, а ничего, все обходилось в конце концов. Если Бог будет милостив, все обойдется и на этот раз. В таком фаталистически-обреченном состоянии пре-

бывал самодержец в последние месяцы своего правления. Опасность осознавалась, но ничего не предпринималось, так как отсутствовало сколько-нибудь четкое представление о том, что и как следовало делать.

Однако многие не хотели сидеть и ждать бездеятельно развязки. Монархия и монарх в опасности, нужно что-то делать. Этот истерический рефрен «что-то нужно делать» на все лады повторяли особенно в аристократическом кругу, среди тех, кто своей судьбой, происхождением и положением был неразрывно связан с династией. Планов «по спасению государя» возникало немало. Центральным пунктом их была ликвидация влияния Распутина. Однако по старой русской традиции планы возникали так же быстро, как и умирали. Лишь одному из них суждено было реализоваться. Его возникновение и осуществление связано с именем князя Феликса Феликсовича Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона, носителя одной из родовитейших фамилий, эстета, меломана, англомана, принадлежавшего к самым элитарным слоям аристократии.

Его мать, Зинаида Николаевна Юсупова, стала в 1882 г. женой графа Ф. Ф. Сумарокова-Эльстона, получившего в 1891 г. высочайшее соизволение присоединить к своей фамилии титул и фамилию жены, которая стала к тому времени последней представительницей старинного и знатнейшего юсуповского рода. Их сын, Феликс, родился в 1887 г. и получил прекрасное образование: окончил классическую гимназию, а затем — Оксфордский университет. В течение довольно длительного времени он добивался руки великой княжны Ирины Александровны — дочери сестры царя, великой княгини Ксении Александровны и великого князя Александра Михайловича, родившейся в 1895 г. Она была любимой племянницей Николая, любимой внучкой вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и их крестницей.

Свадьба князя Феликса Юсупова с Ириной Александровной состоялась в феврале 1914 г., в присутствии большинства членов Дома Романовых. Это была последняя пышная церемония такого рода в истории империи. Брачная церемония проходила в резиденции бабушки невесты, в Аничковом дворце. В дневнике Николая II за 9 февраля 1914 г. читаем: «В 2 часа Аликс и я с детьми поехали в город в Аничков на свадьбу Ирины и Феликса Юсупова. Все прошло очень хорошо. Народу было множество. Все проходили через зимний сад мимо Мама и повобрачных и так поздравляли их»⁵⁴.

Как уже отмечалось, родители Ирины относились к числу противников Распутина. В круг непримиримых великосветских врагов «старца» входили и родители Феликса, особенно его мать — обаятельная, умная и искренняя женщина Зинаида Николаевна Юсупова, поддерживавшая близкие отношения с великой княгиней Елизаветой Федоровной. Ранее Зинаида Юсупова принадлежала к числу конфиденток царицы, но однажды еще за несколько лет до свадьбы сына затеяла откровенный разговор с ней о ее друге, закончившийся тем, что порфиросносная почитательница Григория прекратила приятельские отношения с княгиней.

В атмосфере антираспутинских разговоров Феликс жил много лет и надо думать, что эти настроения, целиком разделявшиеся и его тестем и тещей, серьезно повлияли на решение покончить «с отвратительным мужиком». Конкретный замысел, судя по всему, начал складываться осенью 1916 г., хотя Феликс впервые встретился с ним значительно раньше. Поклонница старца-утешителя, известная нам Муля Головина, питавшая «большое романтическое чувство» к молодому Юсупову, познакомила их в своем доме еще тогда, когда имя Распутина не было широко известно. Феликс Юсупов, как истинный представитель золотой столичной молодежи, интересовался модными течениями и необычными явлениями занимавшими свет, каковым и числился проповедник из Сибири. Однако эта встреча не привела к каким-либо регулярным отношениям. Лишь в годы войны антираспутинская истерия толкнула князя на сближение с Распутиным, чтобы «разгадать его тайну».

Затем пришло осознание необходимости физически уничтожить эту одиозную личность. Сам друг царской семьи также проявил большой интерес к «Маленькому» (прозвище Феликса-младшего в придворной среде). У него был свой резон: высокое общественное положение князя и его родни давало Распутину шанс укрепить свои позиции, сделав молодого аристократа своим сторонником. Они встречались несколько раз в узком кругу, пили чай, Феликс играл на гитаре и пел очень любимые «старцем» жестокие романсы, а тот, в свою очередь, много пророчествовал и откровенничал с этим «русским денди».

План убийства сложился у Юсупова в течение ноября 1916 г. К его осуществлению он привлек любимца Николая II, его двоюродного брата великого князя Дмитрия Павловича, живо поддержавшего намерение своего друга.

Первоначально Феликс не хотел сам «пачкать руки убийством»; он собирался подыскать подходящего человека, согласившегося бы сделать это за деньги. По мнению аристократа, такого рода людей можно было найти, конечно же, в революционной среде. За посредничеством он обратился в начале ноября к видному кадету и известному адвокату В. А. Маклакову. Последний нашел такую просьбу бестактной, но тем не менее счел необходимым политически просветить Юсупова. «Вы воображаете, что Распутин будут убивать революционеры? — удивленно спросил он у собеседника и продолжал, — да разве они не понимают, что Распутин их лучший союзник? Никто не причинил монархии столько вреда, сколько Распутин; они ни за что не станут его убивать»⁵⁵.

Феликс был обескуражен. После некоторых колебаний он решил сам убрать «этого негодяя». План был обговорен с великим князем Дмитрием, В. А. Маклаковым и с еще известным общественным деятелем, членом Государственной Думы от Бессарабской губернии, видной фигурой правых политических кругов В. М. Пуришкевичем. Последний 19 ноября 1916 г. произнес в Думе речь, в которой заявил: «В былые годы, в былые столетия Гришка Отрепьев колебал основы русской державы. Гришка Отрепьев воскрес в Гришке Распутине, но этот Гришка, живущий при других условиях, опаснее Гришки Отрепьева»⁵⁶. Выступление произвело сильное впечатление на многих и вызвало большой интерес у князя, который, ознакомившись с намерениями Ф. Ф. Юсупова, оказал ему полную и безоговорочную поддержку.

Датой проведения «акции» выбрали ночь с 16 на 17 декабря. Юсупов должен был привести Распутина в свое «родовое гнездо» на набережную Мойки, якобы для того, чтобы познакомить со своей женой, которой вообще в это время не было в Петрограде. Здесь ненавистного мужика намеревались отравить. Первоначальный сценарий пришлось по ходу дела корректировать. Вся эта «последняя ночь временщика последнего царя» многократно описана, в том числе и главными участниками событий, в первую очередь самим Ф. Ф. Юсуповым (не оставил ничего лишь Дмитрий Павлович). Его воспоминания неоднократно переиздавались и пересказывать их не имеет смысла.

Остановимся лишь на некоторых сопутствующих событиях. Заговорщики придавали большое значение тща-

тельному сокрытию следов преступления. Труп ненавистного Распутина был отвезен на автомобиле великого князя далеко от юсуповского дворца и брошен под лед. Участники условились категорически отрицать все возможные обвинения. Однако эти ухищрения были напрасны. Уже 17-го декабря царица писала мужу: «Мы сидим все вместе — ты можешь представить наши чувства — наш Друг исчез. Вчера А. (Вырубова — А. Б.) видела его и он ей сказал, что Феликс просит его приехать к нему ночью, что за Ним заедет автомобиль, что б Он мог повидать Ирину... Я не могу и не хочу верить, что б Его убили. Да сжалится над ним Бог!»⁵⁷.

Сенсационная новость о смерти ненавистного Гришки очень быстро распространилась по стране. Многие ликовали. Так, еще не зная подробностей и не ведая о том, что в этом убийстве замешан ее брат Дмитрий, великая княгиня Мария Павловна («младшая») 19 декабря писала своей мате, княгине О. В. Палей: «Со вчерашнего утра весь Псков (она работала здесь в госпитале — А. Б.) чрезвычайно взволнован известием об убийстве Р., но подробностей мы никаких не знаем и даже штаб не имеет никаких подробных сведений. Страшно интересно узнать, кто это сделал и как все произошло: напиши мне хоть два слова. Письмо, чтобы не посылать по почте можно отослать с тем же санитаром, которого я посылаю сейчас в Петроград. Сколько народу по всей России перекрестились узнав, что больше нет этого злого гения... Политические настроения тех людей, которых мне приходилось видеть, самые ужасные. Все стали яркими революционерами и с ними часто прямо страшно говорить»⁵⁸.

Поклонники старца, в том числе и царица, считали его провидцем: они были уверены, что он видит всех насквозь. Убийство нанесло серьезный удар по этим представлениям, и искренне оплакивали его лишь несколько человек, включая Александру Федоровну и Вырубову. После получения подтверждения о смерти Распутина, царь, понимая в каком тяжелом состоянии находится императрица, прервал военные совещания и выехал в Царское село. С дороги, 18 декабря, послал Аликс телеграмму: «Только сейчас прочел твое письмо. Возмущен и потрясен. В молитвах и мыслях вместе с вами. Приеду завтра в 5 часов. Сильный мороз. Заседание закончилось в 4 ч. Благословляю и целую. Ники»⁵⁹. Его встретила вся семья. Вскоре был приглашен А. Д. Протопопов, который доложил результаты расследования, указывавшие на несомненную

причастность к этому делу Феликса и Дмитрия, помещенных до поры под домашний арест.

Однако виновность пока определенно доказана не была, и абсолютная уверенность в этом имелаась только у царицы. Многие другие сомневались. Несчастная Муня Головина, потерявшая в лице Распутина свою опору в жизни, не могла принять версию о причастности очень и очень симпатичного ей Феликса к этому страшному преступлению. «Не верю я, что убийца Ф. Ю., — восклицала она в письме к своей тетке княгине Палей, — это не он убил и если хотят свалить все на него — это еще лишняя несправедливость»⁶⁰. В защиту своего сына выступил и дядя царя, великий князь Павел Александрович. В ответ на его обращение 20 декабря царь писал: «Я не могу, к сожалению, отменить домашний арест Дмитрия пока предварительное следствие не будет закончено. Приказал с этим поторопиться, а также чтобы Дмитрия охраняли бережно. Все это больно и тяжело, но ведь кто же виноват, как не он сам, что по неосторожности попал в такую передрагу? Молю Господа Бога, чтобы Дмитрий вышел чистым и незапятнанным ни в чем. Сердечно твой Ники»⁶¹.

Особую грусть и потрясение испытывала царица, но на людях она себя вела очень сдержанно, что отмечалось всеми. Посетивший ее с докладом А. Д. Протопопов вспоминал: «Она была печальна, но спокойна, выражала надежду, что молитвы мученически погибшего Григория Ефимовича спасут их семью от опасности переживаемого тяжелого времени»⁶².

По настоянию императрицы было принято решение хоронить Распутина в Царском селе, хотя некоторые придворные считали, что это недопустимо, что не следует провоцировать общественный скандал и лучше отправить гроб на его родину, в село Покровское. После извлечения из воды тело пресловутого старца было тайно переправлено в Чесменскую богодельню, находившуюся за Петроградом, по царскосельской дороге. Погребение решено было осуществить в пустынном месте Царского села, на территории строящегося Вырубовой Серафимовского лазарета, под алтарем будущего храма. Тайная церемония состоялась 21 декабря. В дневнике Николая II записано: «В 9 час. поехали всею семьею мимо здания фотографии и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17-е дек. извергами в доме Ф. Юсупова, стоял уже опущенный в могилу. О. (отец — А. В.) Ал. Васильев отслужил литию, после

чего мы вернулись домой. Погода была серая при 12 мороза. Погуляли до докладов. Принял Шаховского и Игнатьева. Днем сделал прогулку с детьми. В 4 1/2 принял нашего Велепольского, а в 6 ч. Григоровича. Читал»⁶³.

О процедуре похорон рассказал через несколько месяцев полковник Д. Н. Ломан, которому удалось неофициально стать ее свидетелем: «На погребении Распутина я не был, но издали видел, что на нем присутствовала вся царская семья, Мальцев, Лаптинская и фельшерица из лазарета Вырубовой, фамилии я ее не знаю. Погребение собственно совершено было в Чесменской богадельне епископом Исидором (настоятель Тюменского Свято-Троицкого монастыря — А. Б.), я же говорю о предании земле, что совершилось духовником о. Александром Васильевым и иеромонахом из Вырубовского лазарета. Певчих не было, пел причетник из Федоровского собора Ищенко. Накануне отец Васильев сообщил мне, что ему отдано распоряжение совершить предание земле Распутина для чего он придет из Петрограда ночевать в Царское село, а утром заедет в собор за причетником и ризами и чтоб я сделал соответствующие распоряжения (Ломан состоял старостой Федоровского собора — А. Б.). На другой день о. Васильев заехал в собор, где поджидал его я, и мы вместе поехали к Серафимовскому убежищу, на то место, где предполагалось воздвигнуть храм. Не доезжая до самого места, о. Васильев ушел к месту предания земле (гроб стоял уже в яме), а я остался в стороне, так как я не был видеп, мне же было все видно. До прибытия царской семьи я подходил к самой могиле и видел металлический гроб. Никакого отверстия в крышке гроба не было. Гроб был засыпан прямо землею и склепа в могиле устраиваемо не было»⁶⁴.

Так закончил земной путь этот загадочный человек, ставший радостью и проклятием последних венценосцев *. Его убийство ничего не решило; ход событий был неумолим. Отрезок времени от гибели Распутина до отречения Николая от престола — эти 74 последних дня, время приближения развязки. Ее все чувствовали, но предотвратить грядущую катастрофу уже никто был не в силах. Власть существовала уже как бы без фундамента, без определенной цели и смысла. Монархам оставалось только молиться и ждать милости Господа.

* Однако тело Распутина недолго пребывало на месте своего захоронения. 22 марта 1917 г. группа революционных солдат извлекла гроб из могилы и сожгла останки, а прах был развеян по ветру.

НА КРЕСТЕ

Убийство Распутина вызвало ликование. В тот период социальной нетерпимости вера «образованного общества» в различные, как представлялось, спасительные химеры была удивительна. Многим действительно казалось, что гроза пронеслась стороной, что худшее уже позади, что ненавистный «дракон» повержен, жизнь успокоится и будет все по-старому. В столичных салонах на краткий миг двое аристократов-убийц стали кумирами. Царь оказался в сложном положении. Не реагировать на такое неординарное событие — причастность членов императорской фамилии к преступлению — он не мог, но и прибегать к строгим мерам не хотел. Однако Александра Федоровна настаивала на возмездии, в котором она видела проявление справедливости. Император вынес решение: великий князь Дмитрий Павлович переводился служить в состав русского военного корпуса в Персии, а Ф. Ф. Юсупов ссылался в имение своего отца «Ракитное» в Курской губернии. Остальные участники заговора вообще не были привлечены к ответственности.

Однако даже это весьма символическое наказание вызвало недовольство нескольких влиятельных членов «Дома Романовых», пославших царю письмо в защиту «бедного» Дмитрия. «Ваше императорское величество,— говорилось в этом послании,— Все мы, подписи Вы прочтете в конце этого письма, горячо и усиленно просим Вас смягчить Ваше суровое решение относительно судьбы Великого князя Дмитрия Павловича. Мы сознаем, что он болен физически и глубоко потрясен, угнетен нравственно. Вы, бывший его опекун и Верховный попечитель, знаете, какой горячей любовью было всегда полно его сердце к Вам, Государь, и к нашей родине. Мы умоляем Ваше Императорское Величество, ввиду молодости и действительно слабого здоровья Великого князя Дмитрия Павловича, разрешить ему пребывание в Усове или Ильинском. Вашему Императорскому Величеству должно быть известно, в каких условиях находятся наши войска в Персии в виду отсутствия жилищ, эпидемий и других бичей человечества. Пребывание там для Великого князя Дмитрия Павловича равносильно его гибели, и в сердце Вашего императорско-

го Величества, верно, проснется жалось к юноше, которого Вы любили, который с детства имел такое счастье быть часто и много возле Вас и для которого Вы были дороги, как отец. Да внушит Господь Бог Вашему Императорскому Величеству свое решение и положит гнев на милость. Вашему Императорскому Величеству преданные и сердчно любящие». Далее шло восемь подписей: императрицы Марии Федоровны и великих князей Николая, Александра, Георгия и Сергея Михайловичей и Кирилла, Бориса и Андрея Владимировичей. Самодержец был глубоко удивлен подобной просьбой и наложил резолюцию: «Никому не дано право заниматься убийством, знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь Вашему обращению ко мне. Николай» ¹.

Вообще, удивиться действительно было чему. Молодой повеса замешан в убийстве, а родственники просили смелить гнев на милость, хотя и так кара была просто смехотворной. Учитывая свое происхождение, подписавшие письма Романовы решили, что законы не для них, хотя кое-кто из этой группы, например, Александр и Николай Михайловичи, публично ратовали за ответственность власти перед обществом и законом. Оказалось: легко давать советы другим и трудно быть законопослушными самим! Великий князь Дмитрий был убежден, что совершенное им преступное деяние преследовало исключительно благие цели и уже после падения монархии писал отцу из Персии, что являлся сознательным участником всей этой акции, рассматривая ее как «последнюю возможность» для царя «открыто переменить курс, не беря на себя ответственность за удаление этого человека (Аликс ему этого бы не дала сделать)» ². Да, невольно хочется повторить восклицание римлян: «О, времена, О нравы!»

Формально следствие об убийстве Распутина тянулось почти два месяца. Князя Ф. Ф. Юсупова в его имении посетил следователь, которому тот давал показания. После этой встречи Феликс писал 14 февраля 1917 г. великому князю Николаю Михайловичу: «Последние известия, касающиеся этого дела: на днях следствие заканчивается, виновные не найдены, улики недостаточны. Д. допрашивать не будут... Пока все идет хорошо, будем надеяться, что в дальнейшем счастье нам не изменит». И далее князь решил высказаться вообще по политическим вопросам, тем более, что день написания письма совпал с открытием сессии Государственной Думы. «Страшно подумать, что

теперь происходит в Питере. Я так надеюсь, что Дума поймет вызов правительства и ловушку, которую готовит им правительство, и не пойдет в расставленные сети. Вчера к нам приезжал Ал. Мих. (великий князь Александр Михайлович — А. Б.), сегодня он уезжает в Киев. Я думаю теперь он убедился, что одними разговорами делу помочь нельзя. С сумасшедшими разговаривать невозможно. Как не хотят понять, что если не сделать то, что нужно свыше, то это будет сделано снизу. Сколько прольется невинной крови». И далее, считая себя способными мыслить погосударственному, молодой князь высказался за то, чтобы императрица Мария Федоровна приехала бы в Ставку и там «вместе с Алексеевым и Гурко прямо потребовала, чтобы арестовали Протопопова, Щегловитова, Аню и Ал. Фед. отправили бы в Ливадию. Только такая мера может еще спасти, если только уже не поздно. Я уверен, что пассивное отношение Государя ко всему, что происходит, является результатом лечения его Бадмаевым. Есть такие травы, которые действуют постепенно и доводят человека до полного кретинизма»³.

Политические воззрения князя выдают его дилетантизм в политической области. Призывать к военному перевороту в годы войны, надеясь на то, что этот шаг оздоровит обстановку, мог только абсолютно безответственный человек, не понимавший ни того, где он жил, ни того, когда он жил. Это типичный образец салонного «околокаминного» мышления. Отметим и некоторые другие моменты этого примечательного документа. Итак, концы спрятаны, наказание не предвидится, а следовательно, «счастье не изменит». Князь совершил тяжкий грех, и хотя считал себя христианином, так и не раскаялся никогда, а на вопрос лейб-медика Е. С. Боткина, бывают ли у него угрызения совести, так как он «все-таки человека убил», отвечал: «Никогда. Я убил собаку»⁴.

Да, вероятно, было в том времени, а «воздухе» уходящей России нечто, заставлявшее людей переступать заповедную грань. Взгляд Юсупова на венценосцев мало чем отличался от леворадикальных оценок: сумасшедшие. Не ведал еще молодой аристократ, что нет уже способов, дававших шанс сохранить свое положение таким, как он. Страна, система, подошли к роковому рубежу, а во всем оказывался виноватым лишь царь и его ближние. Подобной примитивностью отличались представления и большинства других «революционеров с хорошей генеалогией». Феликс не искал причин возникшей безысходности в укла-

де жизни себе подобных, в той атмосфере роскоши и изысканности, окружавших таких, как он, с детства. Имения, усадьбы, дворцы, как и вообще богатство нескольких сотен высоких дворянских фамилий, существовали в безбрежном крестьянском море и уже самим фактом своего существования провоцировали недовольство. Подобные мысли таким, как Феликс Юсупов, в голову не приходили. Будучи не в состоянии понять действительность, образованное общество» вообще и русская аристократия в частности убаюкивало себя иллюзиями, за которые пришлось заплатить. Позднее, чудом избежав расстрела в России и эмигрировав во Францию, Феликс Юсупов неоднократно публиковал свои разножанровые воспоминания, в которых уже никогда не было никаких намеков на «ненормальность» самого царя. «Прозревший» князь-убийца во всей катастрофе стал винить только императрицу.

Адресат юсуповского письма великий князь Николай Михайлович был тоже своего рода «жертвой режима». Еще весной 1916 г. он уверял Николая II, что за благополучие его семьи он «готов костями лечь». Однако затем, обогатив и развив свои политические представления в обществе таких людей, как М. В. Родзянко, он пришел к заключению, что во всем виновата эта «сумасшедшая Аликс», и для благополучия империи и династии ее следовало отстранить от власти. Князь-историк, написавший ряд серьезных работ, решил действовать и в начале ноября послал царю письмо, уже цитированное выше, текст которого соласовывался с некоторыми «общественными деятелями». В последующие недели он постоянно популяризировал свои «идеи» в либеральных и аристократических кругах, особенно среди завсегдатаев Императорского яхт-клуба из числа «благороднейших из благородных». Императрица была уверена, что великий князь Николай Михайлович — соучастник антираспутинского заговора и по крайней мере несет моральную ответственность за содеянное. По ее настоянию, этот член императорской фамилии был выслан в свое огромное имение в Херсонской губернии.

В последний день декабря 1916 г. Николай Михайлович записал в дневнике: «Только что фельдъегер мне привез приказание выехать в ссылку в Грушевку. Александра Федоровна торжествует, но надолго ли, стерва, удержит власть?! А он, что за человек, он мне противен, а я его все-таки люблю, так как он души недурной»⁵. Великий князь был возмущен и тут же сочинил письмо-жалобу своей доброй знакомой, вдовствующей императрице Ма-

рии Федоровне, с которой решил обсудить текст гневного послания императору. Чувствуя сложную обстановку и гнетущую ситуацию в стране, где прожила 50 лет, мать Николая II была противницей резких выпадов, способных лишь усугубить эту ситуацию. Отвечая Николаю Михайловичу, из Киева 12 января 1917 г. она пишет: «Дорогой Бимбо (прозвище этого князя в романовской среде.— А. Б.). Пользуюсь этим случаем, чтобы в несколько словах поблагодарить тебя тысячу раз за твое прощальное письмо — Шервашидзе (Георгий Дмитриевич, князь, состоявший обер-гофмаршалом при дворе вдовствующей императрицы.— А. Б.) мне прочел твое письмо Н., конец его я не добрую. Я нахожу, что ты имеешь полное право знать причины, по которым ты был выслан из столицы, но в остальном в данный момент я бы большего не писала. Пусть уляжется озлобление... Я много думаю о тебе в твоём уединении и желаю тебе внутреннего спокойствия и терпения. Надо надеяться, что Господь сжалится над нами и поможет нам рассеять все эти черные тучи. Нежно обнимаю тебя, милый Бимбо, и надеюсь, что ты мне напишешь при удобном случае. Твоя старая сердечно любящая кузина Минни»⁶.

Настроения матери были созвучны душевному состоянию сына. Николай также уповал на милость Господа, не видя того, что и как надо было делать, чтобы вдохнуть жизнь в угасающую власть. Было ясно, что правительство А. Ф. Трепова не выполнило возлагавшейся на него задачи — не стало дееспособным административным органом. 27 декабря 1916 г. назначен был новый и последний премьер в истории монархической России. Им стал князь Н. Д. Голицын, известный царю и царице и как член Государственного Совета, но особенно — своей деятельностью в годы войны в качестве председателя комитета по оказанию помощи русским военнопленным за границей. Это был тихий, безропотный сановник, который никогда не имел отношений с общественными кругами, являлся новым человеком для Думы и, в чем были убеждены император с императрицей, был целиком предан династии.

Глава кабинета получил «высочайший рескрипт», опубликованный 8 января 1917 г., где были сформулированы основные направления деятельности правительства на ближайшее время, так как их видел Николай. Собственно перед ним ставилось две основные и взаимосвязанные хозяйственные задачи: улучшить дело продовольственного снабжения армии и тыла, и навести порядок в работе

транспорта. Неудовлетворительное положение дел в этих областях в конце концов и послужило катализатором массовых беспорядков в Петрограде, переросших в Революцию. Царь понимал недопустимость существовавшего положения, приводившего к перебоям в обеспечении продуктами гражданского населения и армии. Он хотел побудить правительство действовать решительно и целеустремленно. Далее в этом последнем царском рескрипте, касающемся общих вопросов государственного управления, говорилось: «Предуказывая эти ближайшие задачи предстоящей работы, я хочу верить, что деятельность Совета Министров под вашим председательством встретит помощь в среде Государственного Совета и Государственной Думы, объединяясь единодушным и горячим желанием довести войну до победного конца. Благожелательное, прямое и достойное отношение к законодательным установлениям я ставлю в неперемennую обязанность призванных мною к государственному служению лиц»⁷. На пороге крушения монархии Николай все еще продолжал надеяться на сотрудничество всех государственных и общественных структур и организаций. Но время, (если таковое и было) когда существовала возможность реализации подобных надежд уже миновало.

Состав кабинета был обновлен, но на ключевом посту министра внутренних дел остался А. Д. Протопопов. Ему доверял Распутин, а после его смерти осталась верна Александра Федоровна и тот немногочисленный кружок, центром которого был раньше «Анин домик». После ухода «дорогого Григория» в мир иной, отношения стали быстро затухать, что беспокоило тех, кто играл в распутинском окружении наиболее заметную роль. Оправившись от шока, вызванного гибелью «отца-утешителя» и ссылкой ненаглядного Феликса, Муня Головина вернулась к мирской жизни в качестве сестры милосердия. В середине января она писала министру внутренних дел: «Многоуважаемый, милый Александр Дмитриевич! Была сегодня в Царском у Анны Александровны, говорила ей, что хотела бы Вас видеть, чтобы передать одно письмо и другие дела — она тоже хочет, чтобы мы повидались и вообще просила меня не прерывать моих отношений со всеми и не зарываться»⁸.

Вырубова до самого конца поддерживала отношения с теми, кто был раньше близок к Распутину. Приведем несколько ее телеграмм, относящихся к январю и февралю 1917 г. Из Царского Села 10 января ушла срочная те-

леграмма рьяной распутинке О. К. Лохтиной: «Обрадована дорогим письмом, бесконечно тяжело, образ заказан, благословите. Анна». Постоянно общалась она и с Тобольским архиепископом Варнавой, которому писала: «Очень сердечно благодарим, здоровы, просим молитв. Вырубова» (14 февраля). Последняя телеграмма, посланная Анной Александровной из Парского Села 26 февраля, была адресована петроградскому умитрополиту Питириму: «Сердечно благодарю за письмо. Лежу, заболела корью. Прошу Ваших молитв»⁹. Раньше главным заступником перед Богом для Александры Федоровны и ее компаньонки был Распутин, а после него эта роль частично перешла к его сторонникам Питириму и Варнаве.

Вернувшись в Царское Село 19 декабря 1916 г., Николай II пробыл здесь более двух месяцев. Череда текущих безрадостных событий и дел не отпускала назад в Могилев. Распутинская история, неурядицы с родственниками, образование нового правительства, тяжелое состояние императрицы, недомогание наследника — все эти причины несколько раз вынуждала его откладывать отъезд в Ставку, где готовилось решающее наступление, намеченное на весну 1917 г. Совместно с союзниками планировалось нанести сокрушительный удар Германии и победоносно закончить войну. Позднее У. Черчилль напишет: «Несомненно, что ни к одной стране судьба не была столь жестока как к России». Ее корабль пошел ко дню, когда уже был виден порт»¹⁰.

Царица боялась отпускать мужа; рядом с ним, спокойным и уравновешенным, она чувствовала себя надежно. Ей казалось, что царская семья окружена кольцом заговорщиков, желающих им гибели. Смерть Распутина породила множество слухов и толков о том, что готовятся новые покушения и одной из первых в числе намечавшихся жертв якобы стояло имя «дорогой Анички». Чтобы оградить подругу от покушений, царица поместила ее на жительство в Александровский дворец под усиленную охрану. Венценосцы ежедневно взывали к Господу, надеясь, что он услышит их молитвы и поможет пережить плохие времена. Последний новый год в звании императора Николай II встретил в тихой домашней обстановке и записал в дневнике: «В 6 ч. поехали ко всеношной. Вечером занимался. Без 10 м. полночь пошли к молебну. Горячо помолились, чтобы Господь умилился над Россией»¹¹. Примечательный штрих: накануне падения царь молится у алтаря не за себя, а за Россию. Собственная судьба ему была дей-

ствительно безразлична, как показали все события последнего периода монархии.

До самого конца Николаю приходилось каждый день решать, как и раньше, массу дел: принимать сановников, родственников, читать деловые бумаги, проводить совещания и смотры, быть на официальных церемониях, отдавать множество распоряжений. В этой повседневной круговерти приближалась сессия Государственной думы, заседания которой были прерваны в середине декабря. Положение в стране было напряженным. Все замерло в ожидании грядущего. Графиня Е. Н. Разумовская 12 февраля 1917 г. записала в дневнике: «Все так гадко серо, неприглядно, что чем больше думаешь, тем хуже становится на сердце. Над бедной Россией висит черная, душная туча и никто себе не представляет, чем она разразится» ¹².

Тревожные сигналы шли наверх постоянно по различным каналам, в том числе и неофициальным. Тайная служба России была в курсе событий. Департамент полиции систематически посылал правительству информационные справки об общественных настроениях. В начале 1917 г. стала поступать информация о том, что недовольство в большой степени охватило и важнейшую опору монархии — офицерский корпус. В одном из секретных донесений настроения офицерства описывались следующим образом: «Отношение к правительству — самое отрицательное. — ему ставится в вину подчиненность влиянию немецкой партии, нежелание считаться с нуждами страны, нежелание идти навстречу Государственной думе даже в самых наболевших и требующих немедленного разрешения вопросов, к таковым многие причисляют (даже из лиц высшего командования) и ответственное министерство. Лично к Государю Императору относятся с любовью, хотя приходится слышать и недовольство зависимостью Его от окружающих Его лиц. К Государыне Императрице Ал. Фед. относятся многие враждебно, считая ее активной германофилкой и виновницей всего распутинского триумфа. Ходил слух, что когда был убит Распутин, то Государыня Императрица Ал. Фед. телеграфировала Гос. Императору: «Нашу семью постигло большое несчастье» (слух был ложным, подобной телеграммы не было — А. Б.). Силу у нас германской партии приписывают главным образом покровительству Гос. Императрицы Ал. Фед. ...История с Распутиным всех приводила в негодование и все искренне радовались, когда эта личность была убрана... Распутина все считали лицом, продавшимся немцам» ¹³.

Ложь и сплетни деформировали мировоззрение даже у правоверных монархистов. Отчуждение власти достигло предела, за которым у нее не было будущего. Достаточно было лишь маленького толчка, чтобы все распалось в прах. В среде либерально-аристократических «борцов-спасателей» возникали планы, один фантастичнее другого. Но в конце концов общее внимание привлекла такая комбинация: Николай должен отречься от престола, передав правление Алексею, регентом при котором назначался великий князь Михаил Александрович. Реальная же власть, конечно, должна была бы сразу перейти к общественным деятелям, ну, и естественно, все вокруг начинало сразу сиять и радовать европейско-либеральным блеском различные племена и народы огромной Российской империи. План был абсурдным, как и многое другое, что сочинялось либеральными мечтателями. Само собой, подразумевалось, что народ при этом останется в стороне, так как поймет, что они «трудятся» в его интересах. Как же надо было не знать правившего страной уже более 22 лет царя, чтобы предположить, что он сможет отказаться от своего любимого больше всего на свете больного сына, бросит его в России, а сам куда-то уедет. Как надо было не понимать свой народ, не чувствовать его настроение, чтобы рассчитывать на то, что он будет безмолвствовать, пока «господа хорошие» станут делить портфели и обживать в министерских кабинетах! Но из песни, что называется, слов не выкинешь. Все было так, как было: одни должны были уйти, а другие искренне верили в свою способность стать действительными восприимчивыми власти. У них не было уже другого пути. Конструктивное сотрудничество было исключено всем ходом политического развития страны.

Самодержец же до конца не оставлял надежды изыскать приемлемую форму взаимопонимания. Хотя казалось бы, чего проще: запрети эту думскую агрессивную говорильню до конца войны, как предлагали некоторые, вышли из столицы несколько десятков этих думских клеветников — и дело с концом! Но любой шаг, связанный с применением силы против своих подданных, был уже неприемлем для Николая. У него уже не было ни возможностей, ни желания для этого. Царь всегда переживал, когда возникали братоубийственные беспорядки и кровавые эксцессы в стране, но в последние годы правление внутреннее неприятие насилия в душе императора чрезвычайно усилилось. Это очевидное раздвоение личности: с одной стороны, правитель, обязанный для защиты авто-

ритарной системы действовать вопреки гуманным принципам, а с другой — христианин, стремившийся к праведной жизни, постигающий истинный смысл бытия в смирении и любви. Эта вторая, важнейшая ипостась личности, все больше и больше определяла мирские поступки. В эпоху хаоса и всеобщего озлобления такой политик не мог не проиграть свою партию. Этот проигрыш был запрограммирован историей давно, а незлобивость и внутреннее благородство (принимаемое часто за малодушие) лишь ускорили развязку.

Религиозное мироощущение отстраняло Николая от повседневной политической возни и суеты, делало его больше созерцателем, чем активным участником разворачивающихся событий. В это время, за «пять минут» до полного краха Николаю опять не хватило того, чему ему раньше не доставало: властолюбия. Все будет так, как угодно Богу — такая установка означала бездействие и неизбежный конец. Все, что происходило, происходило по инерции. За четыре дня до открытия сессии Думы, 10 февраля, император имел беседу с М. В. Родзянко и потребовал от него, чтобы, во-первых, Дума корректно относилась бы к правительству вообще и к отдельным министрам в частности; а, во-вторых, чтобы работа концентрировалась не в области демагогии и неосуществимых лозунгов, а в сфере разработки серьезных законодательных мер, направленных на улучшение дела в стране, особенно на решении продовольственного вопроса.

Бюро Прогрессивного блока, выслушав царские пожелания, решило их игнорировать (а ведь присягали на верность!) и постановило «не отказываться от изображения современной разрухи». Первыми ораторами записались все те же «мастера думских скандалов»: социал-демократ меньшевик Н. С. Чхеидзе, член фракции трудовиков А. Ф. Керенский, кадет П. Н. Миллюков. Они, как всегда, сотрясали своды Таврического дворца набором измышлений и дешевой риторики, теперь уже перемешанной и с отчетливо проступавшими угрозами.

Речь Керенского, например, была пересыпана такими выражениями: «Дело не в вас (жест по направлению к ложе министров), а в вашем хозяине», «Распутинское самодержавие», «На знамени нашей партии написано: террор и оправдание тираноубийства», «Сконцентрирование в Верховной власти всех подонков общественности», «Необходимость физического устранения нарушителей закона»,

«Необходимость уничтожения средневекового режима» и т. д. и т. п.¹⁴. Когда-то известный деятель консервативного толка, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев заметил: «Интеллигенция — часть русского общества, восторженно воспринимающая всякую идею, всякий факт, даже слух, направленный к дискредитации государственной власти; ко всему же остальному в жизни страны она равнодушна»¹⁵. Политическая биография таких деятелей как А. Ф. Керенский подтвердила язвительное замечание «черного кардинала». К этой формуле необходим один лишь корректив: многие «радетели думского призыва» уже и сами сочиняли ложь, а не только пропагандировали чужую.

Оставалось еще всего несколько дней до того времени, когда с приходом революции многие эти Хлестаковы встанут у руля управления огромной страной и блестяще покажут свою абсолютную деловую непригодность. Но Милуковы — Керенские не только сами провалились, это было бы еще полбеды. Деятельно способствуя падению монархического режима, они не сумели стать властью и своей политической импотенцией проложили дорогу тем, кто сделал десятки миллионов жителей необъятной России объектом беспощадных манипуляций.

В последний миг самодержавной России, в оставшиеся еще у императора несколько дней, события сменялись с кадейдоскопической быстротой. 22 февраля Николай выехал в Ставку, куда и прибыл благополучно на следующий день. Вслед ему летело письмо-признание Алисы — Александры, пронизанное светом какой-то уже обреченной надежды, но наполненное искренними чувствами безмерно любящей женщины. Приведем пространную выдержку из этого письма-стона, письма-мольбы: «Мой драгоценный! С тоской и глубокой тревогой я отпустила тебя одного без нашего милого, нежного Бэби. Какое ужасное время мы теперь переживаем! Еще тяжелее переносить его в разлуке — нельзя приласкать тебя, когда ты выглядишь таким усталым, измученным. Бог послал тебе воистину страшно тяжелый крест. Мне так страстно хотелось бы помочь тебе нести это бремя! Ты мужествен и терпелив — я всей душой чувствую и страдаю с тобой, гораздо больше, чем могу выразить словами. Что я могу сделать? Только молиться и молиться. Наш дорогой Друг в ином мире тоже молится за тебя — так Он еще ближе к нам. Но все же как хочется услышать Его утешающий и ободряющий голос! Бог поможет, я верю, и ниспосллет вели-

кую награду за все, что ты терпишь. Но как долго еще ждать! Кажется, дела поправляются... О, боже, как я тебя люблю! Все больше и больше, глубоко, как море, с безмерной нежностью. Спи спокойно, не кашляй — пусть перемена воздуха поможет тебе совсем оправиться. Да хранят тебя светлые ангелы. Христос, да будет с тобой, и пречистая дева да не оставит тебя... Вся наша горячая, пылкая любовь окружает тебя, мой муженек, мой единственный, мое все, свет моей жизни, сокровище, посланное мне всемогущим Богом! Чувствуй мои руки, обвиняющие тебя, мои губы, нежно прижатые к твоим — вечно вместе, всегда неразлучны. Прощай, моя любовь, возвращайся скорее к твоему старому Солнышку»¹⁶.

В день отъезда отца послал ему вдогонку свое детское послание и Алексей, у которого появились первые признаки заболевания: «Дорогой мой, милый папа! Приезжай скорей. Спи хорошо. Не скучай. Пишу тебе самостоятельно. Надеюсь, что кори у нас не будет и я скоро встану. Целую 10 000 000 раз. Будь Богом храним! А. Романов»¹⁷.

Николай отправился в Ставку не совсем здоровым, но поездка планировалась всего на несколько дней, и в начале марта он собирался вернуться в Царское. Беспокойно состояние здоровья детей. 23 февраля у Ольги и Алексея была диагностирована корь. Заболела этим редким у взрослых людей недугом и Вырубова. На следующий день занемогли Татьяна, затем Мария и Анастасия. К концу февраля царские апартаменты в Александровском дворце походили на лазарет. В комнатах были опущены шторы (свет раздражал глаза больных), и тишину полумрака нарушали только редкие стоны заболевших и чуть слышные разговоры врачей и сиделок. Императрица была все время рядом с больными, спала лишь урывками. В платье сестры милосердия переходила она от кровати к кровати, помогая, чем могла, молилась, временами тихо плакала и постоянно думала о своем дорогом Ники. Ждала его возвращения. Положение же в стране становилось буквально с каждым часом все хуже и хуже.

В день приезда Николая в Ставку, 23 февраля, в Петрограде начались забастовки, волнения и беспорядки, первоначально вызванные нехваткой хлеба и муки. Они становились все масштабнее и все больше приобретали характер политических выступлений против власти. Министр внутренних дел А. Д. Протопопов записал в дневнике: «23 февраля с утра, во время молебна, мне сказали,

что забастовали рабочие на многих заводах и большими толпами ходят по улицам и что Командующий Войсками по докладу Градоначальника, распорядился вызвать и казаков. На мой вопрос по телефону Балк (Александр Павлович, генерал-майор, последний петроградский градоначальник.— А. Б.) мне сообщил, что все дело в том, что к газетным уткам, будто в городе нет муки, сегодня выпечка опоздала — не успели будто во время выдать муку пекарям; народ ринулся расхватывать хлеб на сухари и запас и многим совсем хлеба не хватило. Это вызвало громадное волнение и забастовку — спонтанную — без сговора и подготовки... К вечеру движение стихло, мне даже сообщили из Департамента полиции, что есть надежда, что на завтра некоторые заводы встанут на работу. В общем день 23-го прошел не очень страшно, пострадали несколько полицейских чинов; стрельбы не было. На Литейной в жандармский разъезд кинута ручная граната; ранены 2 лошади и всадник. Казаки выехали с пиками и народ разгоняли вяло — были случаи, когда толпа им кричала «ура» и дружелюбно подавала свалившуюся узду. Солдатские пикеты и отряды разговаривали мирно с толпами, большей частью молодежи и хулиганов, проходивших мимо их».

До императрицы дошли сведения о беспорядках, и она запросила Протопопова, который ее успокоил. Но благодушествовать было рано. Уже на следующий день министр свидетельствовал: «С утра мне сказали, что в городе неблагополучно. Большие толпы, разбито несколько магазинов, что командующий войсками приказал стрелять. Вскоре я узнал, что на Выборгской изувечен полковник Шалфеев. Была особо стрельба на Знаменской площади. Но раненых и убитых, как мне сказали, немало...»

25 февраля. С утра уже стало известно, что беспорядки принимают массовый характер...¹⁸. Вялая реакция властей, сначала не придававших должного значения событиям, а потом растерявшихся перед их масштабом, привела к тому, что они, все более расширяясь, охватили практически всю имперскую столицу и к 27 февраля здесь уже фактически не было власти царя.

В оцепенении находилось не только самодержавие, но и так называемые «общественные круги», которые своими нападками и дискредитациями давно разжигали в стране ненависть и антимонархические настроения, а когда стало разгораться «пламя народного гнева», то

многие из них потеряли способность к действию и впа-ли в состояние прострации. Сохранившиеся свидетельства той поры донесли до нас атмосферу страха и ужаса, в ко-торой находились многие думские деятели несколько дней. В начале они буквально тряслись от страха в ожи-дании кары со стороны властей, но затем, когда стало ясно, что отсюда угрозы нет, они стали замирать от ужа-са перед революционной толпой, которая сама к ним при-шла и сказала: «Ведите нас!» Думцам осталось только попытаться встать во главе движения. Так 27 февраля возник Временный комитет Государственной думы, пре-сформированный 1 марта, по согласованию с образовавшимся Петроградским советом рабочих и солдатских депу-татов, во Временное правительство.

Царь в Могилеве получал сведения о положении в столице как от Аликс, так и от должностных лиц и 27 февраля записал: «В Петрограде на^чались беспоряд-ки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них ста-ли принимать участие и войска. Отвратительное чувст-во быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия». На следующий день рано утром он отбыл в Царское. Дальнейший ход событий кратко отражен в дневниках императора. Приведем целиком эти записи за два роковых первых дня марта 1917 г.

«1 марта. Среда. Ночью повернули с М. Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восстав-шими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остано-вились на ночь. Видел Рузского (Николай Владимирович, генерал-от-инфантерии, командующий армиями Селе-ро-Западного и Северного фронтов.— А. Б.). Он, Данилов (очевидно, Георгий Никифорович, начальник штаба Се-верного фронта.— А. Б.) и Саввич (Сергей Сергеевич, генерал-от-инфантерии, начальник штаба Северо-За-падного фронта.— А. Б.) обедали. Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бед-ной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам Господь!»

«2 марта. Четверг. Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы бессильно что-либо сделать, т. к. с ним борется соц. дем. партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2 1/2 ч.

пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость и обман»¹⁹. Царь отрекся от престола за себя и за сына, и, вопреки закону о престолонаследии, переадресовал корону брату Михаилу, который после некоторых колебаний, отказался от участия монарха и передал этот вопрос на усмотрение Учредительного собрания. Длительная историческая эпоха тронов и корон в России завершилась...

Бывший царь уехал в Могилев, где оставался до 8 марта. Прибывшая сюда из Киева Мария Федоровна несколько дней находилась рядом со своим «бедным Ники». Единственным желанием матери было морально поддерживать сына и она его ни в чем не упрекала. Вместе провели три дня; вспоминали прошлое, говорили о разных разностях, но главную тему не затрагивали. Сохранилось две телеграммы Марии Федоровны, посланные из ставки дочери Ксении в Петроград: «Счастлива быть с ним в эту самую тяжелую минуту» (5 марта); «Слава Богу, что вместе. Много думаю о тебе. Надеемся, что ты и дети здоровы. Погода тоже отчаянная. Что делает Маша! Обнимаем» (6 марта)²⁰. Восьмого марта они простились с Николаем, не подозревая, что уже навсегда.

Происшедшее событие в описании отрекавшегося царя выглядит обыденно. В общем-то так и было в жизни. Никакой патетики: раз это нужно России, значит такой шаг необходим. Он не боролся за себя, а думал о стране, и раз ей без него лучше — так тому и быть. Конечно, это было потрясением для него, но не тем, которое способно перечеркнуть жизнь. Ведь она сама по себе — дар Божий. Потеряв трон, он сохранил главное для себя: дорогую Алику, милых детей и Бога. Видевшие его в первые часы после отречения поражались удивительному самообладанию этого человека, которое вызывало непонимание и, естественно, критические замечания. Не так жил, не так правил и даже, как представлялось многим, не так отрекся! Бывшему царю готовы были простить душевнораздирающие сцены с воплями и стонами, но уж никак не мирную отрешенность. Но дело было в том, что внутренний мир Николая очень плохо знало даже бли-

жайшее окружение, не понимавшее, что ему были ведомы более высокие ценности, чем обладание властью и вообще все атрибуты монархии.

Бывший царь, превратившись в «полковника Романова», не переставал думать о семье. Как там дома, что с ними? Эти мысли не давали покоя. Новые власти заверили, правда, не очень ясно, что их жизни находятся в безопасности, и что им всем со временем разрешат покинуть Россию. Однако он понимал, как теперь тяжело в Царском, и не ошибся. Трудно даже вообразить, что пережила за те несколько дней, когда решался вопрос о монархии, Александра Федоровна и как царица, и как жена, и как мать. Прикованная болезнью близких к дому, она была лишена возможности иметь достоверную информацию о положении дел в столице и надежную связь со Ставкой.

Отчаяние и страх за судьбу мужа и детей терзали душу этой женщины, часами сидевшей в полутемных комнатах у постелей своих дорогих больных, не смевшей им сказать страшную правду о происходившем. Доходившие до нее слухи и сведения очевидцев были ужасны. В столице беспорядки, власть царя свергнута, идут погромы и аресты верных людей, на улицах бесчинствует разъяренная толпа. Несколько дней над Александровским дворцом витает угроза штурма. 1 марта в последние часы в звании царицы Александре Федоровне, через коменданта царскосельского дворца пришлось обратиться к председателю Думы М. В. Родзянко с просьбой о защите. Какая жестокая ирония судьбы! Просить помощи у того, кого она давно терпеть не могла и кого давно числила среди своих врагов. Но события были столь драматичны, что ей пришлось переломить себя.

Молитва и любовь к детям помогли Александре Федоровне выстоять и не лишиться рассудка тогда, когда рушилось все вокруг. Находившийся рядом с ней П. Жильяр описал ее состояние после получения известия об отречении императора: «Императрица дошла до такого отчаяния, какое трудно себе представить. Но громадное мужество все-таки ее не покидало. Я видел ее величество у Алексея Николаевича. Ее лицо исказилось, но, сделав над собой почти сверхчеловеческое усилие, она, как обыкновенно, пришла навестить больных детей, чтобы ничто не беспокоило молодых людей, которые не знали, что произошло со времени отъезда императора в Ставку». Этот швейцарец, сохранивший верность поверженным Ро-

мановым до самого конца, точно заметил, что «это было ее последним испытанием из которого она вынесла потом удивительное святое спокойствие, поддерживающее и всю семью до дня их смерти»¹⁸. Пережитые потрясения действительно преобразили Алису — Александру, наполнив ее душу тем, чего ей так раньше не хватало — смирением.

Некоторые члены Дома Романовых до последнего момента не оставляли иллюзорные надежды сохранить корону в своей среде. Уже 2 марта, когда падение монархии состоялось, великий князь Павел Александрович писал своему племяннику великому князю Кириллу Владимировичу: «Дорогой Кирилл. Вчера вечером мне ужасно не понравились новые течения, желающие назначить Мишу регентом. Это недопустимо и возможно, что это только интриги Брасовой. Может быть, это только сплетни, но мы должны быть на чеку и всячески всеми способами сохранить Ники престол. Если Ники подпишет манифест, нами утвержденный о Конституции, то ведь этим исчерпываются все требования народа и Временного правительства. Переговори с Родзянко и покажи ему это письмо»^{18a}. Но после отказа от власти Михаила у Романовых уже не осталось никаких шансов, кроме теоретических (кстати, Кирилл Владимирович одним из первых признал новую власть и присягнул ей на верность).

Девятого марта Николай вернулся к семье. Но еще 7 марта Временное правительство постановило: признать отрекшегося от престола императора Николая и его супругу лишенными свободы. Теперь это маленькое сообщество связанных родственными узами и любовью людей, некогда обитавших на недостижимой высоте, превратилось в арестантов, хотя арест детей носил противозаконный характер. Содержались они под охраной в том самом дорогом им дворце, который когда-то построила для своего любимого внука Александра императрица Екатерина II. Здесь начался их крестный ход на Голгофу. Они находились здесь до августа 1917 г., почти пять месяцев, объединенные любовью, молитвой и покорностью судьбе. Бывший император не испытывал никаких злых чувств к новой власти, принимал происходившее спокойно и постоянно молился за благополучие России и русской армии.

О почти полугодовом заточении семьи бывшего императора в Царском Селе, Тобольске и Екатеринбурге хорошо известно. Но сохранившиеся свидетельства и документы не способны передать внутреннюю атмосферу

в среде арестованных, их каждодневный уклад жизни и отношения друг с другом, как и с теми, кто сохранил верность им и разделил их участь. В этом смысле чрезвычайно важным является дошедший до нас дневник настоятеля Федоровского собора, которому довелось близко наблюдать жизнь этих людей в первые месяцы после падения монархии. Скромный батюшка, раньше видевший Романовых лишь издали, в сиянии императорского величия, оказался волею судеб домашним священником, после того как духовник царя протоиерей А. П. Васильев тяжело заболел и не мог больше выполнять свои функции. Приведем выдержки из дневника Афанасия Беляева.

«1917 года, марта 2 дня. Приехал ко мне ктитор Федоровского собора Дмитрий Никол/аевич/ Ломан и сообщил, что меня приглашают явиться в Знаменскую церковь взять чудотворную икону Царицы Небесной, с нею придти в Александровский дворец и отслужить молебны в детской половине Дворца, где лежат больные в кори царские дети. Был подан антомобиль, который и довез меня до Знаменской церкви. Войдя в Церковь и встретив там о. настоятеля протоиерея Иоанна Ф. Сперанского, уже распорядившегося приготовить облачение, достать икону и избрать людей для несения ЕЕ, я тотчас облачился, взял крест и с причтом Знаменской церкви при пении тропаря «Яко необоримую стену и источник чудес стяжавшие Ты рабы Твои, Богородице Пречистая» отправился во Дворец.

Пропуск во Дворец, хотя и охранялся часовыми сводного пехотного полка, был свободен. С первого подъезда мы поднялись во второй этаж на детскую половину и, пройдя ряд светлых комнат, вошли в полутемную большую комнату, где на отдельных простых кроватях лежали больные дети. Икону поставили на приготовленный стол. В комнате было так темно, что я едва мог разглядеть присутствовавших в ней. Императрица, одетая сестрою милосердия, стояла подле кровати наследника, недалеко от нее стояли др/угие/ сестры милосердия и няни. Пред Иконою зажгли несколько тоненьких восковых свечей. Начался молебен. О, какое страшное, неожиданное горе постигло царскую семью! Получилось известие, что Государь, вызванный Императрицею в Царское Село и уже возвращавшийся из Ставки в родную семью, задержан на дороге, арестован и даже возможно отрекся от престола. В Петрограде делается что-то ужасное... Неспokoйно и в Царском Селе. В Софийской части города,

где расположены войска, слышен шум и неистовый крик, идет учащенная пальба из ружей, солдаты громят и разбивают винные лавки и магазины, поджигают полицейские дома, из тюрьмы выпустили арестантов на свободу.

Трудно себе представить, в каком положении оказалась беспомощная царица-мать с пятью своими тяжело заболевшими детьми! Подавив в себе немощь женскую и все телесные недуги свои, геройски, самоотверженно, посвятив себя уходу за больными с полным упованием на помощь Царицы Небесной, она решила прежде всего помолиться пред Чудотворною Иконою Знамения Божией Матери, и сделала распоряжение о принесении Иконы в покои больных детей. Горячо, на коленях, со слезами просила земная Царица помощи и заступничества у Царицы Небесной. Приложившись к Иконе и подойдя под Нее, попросила принести Икону и к кроватям больных, чтобы и все больные дети могли приложиться к Чудотворному Образу. Давая целовать крест, я сказал: крепитесь и мужайтесь, Ваше Величество, страшен сон, да милостив Бог. Во всем положитесь на Его святую волю. Верьте, надейтесь и не переставайте молиться. Св. Икону пронесли по всем детским комнатам, спустились вниз и пришли в отдельную, изолированную комнату, где лежала больная корью покрытая сыпью Анна А. Вырубова. Там я только прочитал молитву перед Иконою Божией Матери, во время которой больная, прильнув разгоряченной головой своею к Св. Иконе, долго не хотела выпустить ЕЕ из своих рук. Императрица, спустясь вниз из детских комнат по прямой внутренней лестнице, стояла у кровати больной и тоже молилась усердно. Когда мы вынесли Икону из Дворца, Дворец был уже оцеплен войсками и все находящиеся в нем оказались арестованными».

«12 и 13 марта. Суббота и воскресенье. По приезде Государя в Царское Село, 9-го марта, по телефону из Дворца я был приглашен в Александровский дворец для служения Всеношной и Б. Литургии в Дворцовой церкви вместе с придворными: протодиаконом, псаломщиком и певчими, 4 человека. По прибытии во Дворец мы были встречены комендантом и дежурным караулом. Войдя в коридор нижнего этажа, где расположены покои Их величеств, ко мне подошел камердинер Государя и сказал: «Его величество вас просит зайти в Его комнату. Он хочет сказать Вам несколько слов о предстоящем служении в Дворцовой церкви». На эти слова молодой прапорщик,

сопровождавший нас, ответил: «Этого сделать нельзя», и, обращаясь ко мне, заявил: «Потрудитесь идти в церковь, разговаривать ни с кем нельзя». Удивленный камердинер возразил: «Позвольте, я передам об этом Его Величеству», но грозный караульщик категорически заявил: «Это для меня все равно. Я не могу допустить никаких свиданий с кем бы то ни было и никаких сношений».

Итак, нас провели в церковь без остановки в полном молчании. Спустя несколько минут, еще до начала службы, пришел в церковное зало гофмаршал Бенкендорф и от имени Государя просил меня совершать службы в Дворцовой церкви по воскресеньям и праздничным дням. По окончании всенародного бдения я обратился к Дворцовому коменданту с просьбою указать: нет ли каких-либо распоряжений для нас по поводу совершения службы и как поступать, например, как отвечать Государю, если Он о чем-либо будет спрашивать? Как называть Его? Как поминать за службами и пр. и вообще, как держать себя со всеми служащими во дворце? На это комендант ответил: «Указаний никаких нет, но, конечно, на вопросы со стороны Государя отвечать следует, хотя разговор должен быть не политический и в присутствии дежурного караула. В обращении названия лучше избегать, хотя я называю Ваше Величество. От личных свиданий в собственных комнатах уклоняться, и вообще, чем меньше будет поводов к нареканиям со стороны караула, тем лучше будет для арестованных. И действительно, Государь и Его Супруга настолько деликатны и благородны, что сами являются к Богослужению тогда, когда мы облаченные стоим в Алтаре, и уходят из храма после службы раньше всех. Стоят в церкви совершенно отдельно за ширмами, занимая небольшое место в углу с отдельным входом. Первый раз, в присутствии Государя, за великим входом, когда нужно было вместо Благочестивого Самодержца Государя Императора и пр. говорить о Державе Российской и Временном правительстве, я не сразу мог собраться с силами и едва не разрыдался. Надорванным голосом, сбиваясь в словах, закончил поминовение».

«30 марта. Гулял по залам дворца; поражался его роскошью и богатством. Из окон круглого зала смотрел как готовят могилы для убитых в дни погромов виновных лавок в Царском Селе. Место выбрано для могилы против Дворца на открытой поляне... Великий Четверг. В 6 ча-

сов началась служба с чтением 12 Евангелий. Богомольцы те же, всего около ста человек со свитою и служащими. Прекрасно пели певчие — придворного хора четыре солиста... Вся служба продолжалась 1 час. 49 минут. Их Величества службу слушали стоя. Перед Ними были поставлены складные аналои, на которых лежали Евангелии, так что по ним все время можно было следить за чтением. Все простояли до конца службы и ушли через общее зало в свои комнаты, чего до сих пор не делали. Надо самому видеть и так близко находиться, чтобы понять и убедиться, как Б. Царственная семья усердно, по-православному — часто на коленях, молится Богу. С какой покорностью, кротостью, смирением, всецело предав себя в волю Божию, стоят за богослужениями...».

«31 марта... Наступил час исповеди и царских детей. Пришел скороход и возвести: пора идти, уже идут. Я надел епитрахиль, взял в руки Крест и Евангелие и за скороходом, указывающим путь, пошел наверх, в комнаты детей... Убранство комнат и вся их обстановка представляют собою невинное, незнающее житейской грязи, чистое, непорочное детство. Для выслушания молитв перед Исповедью все четверо детей были в одной комнате, где лежала на кровати больная Ольга Николаевна. Алексей Н. сидел в креслах, одетый в голубой халатик, обшитый по краям узорчатой тесьмой. Мария Н. полулежала в большом кресле, которое было устроено на колесах и Анастасия Н. легко его передвигала. После чтения молитв и краткого слова пред Исповедью осталась одна Ольга Николаевна, Наследник ушел сам, а Марию Н. увезла Анастасия Н. Потом перешли в другую комнату для Исповеди остальных, Алексея, Марии и Анастасии Н. Как шла исповедь говорить не буду. Впечатление получилось такое: Дай Господь, чтобы и все дети нравственно были так высоки, как дети бывшего Царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи — страстной и греховной, меня привело в изумление и я решительно недоумевал: нужно ли напоминать мне как духовнику о грехах, может быть, им неведомых, и как расположить к раскаиванию в неизвестных для них грехах. Исповедь всех шла час двадцать минут. Явился скороход и объявил, что Их Величества ждут исповеди у себя в спальней комнате в 10 час. вечера...

В комнате еще никого и было. Прошло не больше двух минут, вошел б. Государь, его Супруга и Татьяна Н. Государь поздоровался, представил Государыню и, указывая на дочь, сказал: «Это наша дочь Татьяна. Вы, батюшка, начните читать молитвы пред Исповедью положенные, а мы все вместе помолимся». Комната-молеельня очень маленькая и сверху донизу увешана и уставлена Иконами, пред Иконами горят лампы. В углу, в углублении стоит особенный иконостас с точеными колонками и местами для известных икон, пред ними поставлен складной нагой, на котором положено и старинное напестольное Евангелие и Крест и много Богослужебных книг.

Принесенный мною Крест и Евангелие я не знал куда и положить, и положил тут же на лежащие книги. После прочтения молитв Государь с Супругой ушли, осталась и исповедовалась Татьяна Николаевна. За нею пришла Государыня взволнованная, видимо, усердно молившаяся и решившаяся по православному чину, с полным сознанием величия Таинства, исповедовать пред Св. Крестом и Евангелием болезни сердца своего. За нею приступил к Исповеди Государь. Исповедь всех троих шла час двадцать минут...

После прочтения разрешительной молитвы и целования Креста и Евангелия своими неумелыми словами утешения и успокоения, какую я мог влить отраду в сердце человека, злонамеренно удаленного от своего народа и вполне уверенного до сего времени в правоте своих действий, клонящихся ко благу любимой родины? Когда я сказал: «Ах, Ваше Величество, какое благо для России Вы бы сделали, давши в свое время полную конституцию и тем бы исполнили желание народа. Ведь Вас, как Ангела Добра, любви и мира приветствовали бы все». На это с удивлением ответил он: «Неужели это правда? Да, мне изменили все. Мне объявили, что в Петрограде анархия и бунт, и я решил ехать не в Петроград, а в Царское Село и с Николаевской дороги свернул на Псков, но дорога туда уже была прервана, я хотел вернуться на фронт, но и туда дорога оказалась прерванной. И вот один, без близкого советника, лишенный свободы, как пойманный! преступник, я подписал акт отречения от престола и за себя и за наследника сына. Я решил, что если это нужно для блага родины, я готов на все. Семью мне жалко!» И капнула горячая слеза из глаз безвольного страдальца. Потом был и общий разговор... Между прочим, Государыня сказала: «Меня не поняли. Я желала добра».

«1 апреля... В 5 часов пришел в мою комнату скороход и передал приглашение Их Величеств после Пасхальной службы явиться к ним на завтрак, собранный на 18 персон, пожаловать для поздравления с Праздником и Христосования со всеми служащими, причем мне идти первому... В 2 часа приглашенные сели за стол разговляться. Какая честь! Я по расписанию занял первое место по правую сторону рядом с б. Императрицей, а с левой стороны рядом со мною сидела Татьяна Николаевна. Напротив нас Его Величество и по сторонам его — две статс-дамы: Нарышкина и Бенкендорф. Всех сидело за этим круглым столом в библиотечной комнате восемнадцать человек... Среди стола красовалось плато из живых роз. На столе было поставлено: блюдо с большим куlichem, несколько тарелок с вареными куриными яйцами, окрашенными в красный цвет, большие окорока свиные и телятины, на верху которых симметрично разложены были тонко нарезанные порции, дичь, разная колбаса, несколько пасох и свежие огурцы, обыкновенная горчица и совершенно черная соль... Государыня ничего не кушала. Я сказал Ей: «Ваше Величество, Вы всегда так нехорошо себя ведете за столом? Вы и нам подаете дурной пример!» Она ответила: «Я все время на диете, вот выпью чашку кофе и довольно для меня»²².

Пасху всегда очень любили и чтили Романовы. Это был последний праздник Светлого Христова Воскресения, который семья павших венценосцев провела вместе в своем доме. В те пасхальные дни 1917 г., когда страна была опьянена безбрежной свободой, вдруг обрушившейся на всех, великая Марина Цветаева написала:

За Отрока — за Голубя — за Сына,
За царевича младого Алексея
Помолись, церковная Россия.
Очи ангельские вытри,
Вспомни как пал на плиты
Голубь углицкий — Димитрий.
Ласковая ты, Россия, мать!
Ах, ужели у тебя не хватит
На него — любовной благодати?
Грех отцовский не карай на сыне.
Сохрани крестьянская Россия,
Царскосельского ягненка — Алексия!

Чуткое сердце поэта уже тогда как бы предчувствовало грядущую драму, и женщина-мать призывала защитить бедного больного мальчика, единственным прегрешением которого было то, что он родился «не в той семье».

Революция пока была «мягкой», деятелей бывшего режима еще не расстреливали; их пока лишь только «изолировали». Царскую семью Временное правительство сначала намеревалось отправить в Англию, но затем под влиянием ряда обстоятельств, в том числе и под воздействием атмосферы прогрессировавшей ненависти к стране, вопрос о судьбе отрекшегося императора приобрел острый общественный характер и стал темой разнузданных политических спекуляций. Проявить благородство и великодушие никто не хотел. Этими качествами революция не отличалась. Сделался популярным лозунг совсем другого рода: «Смерть тиранам!» Он стал кличем приобретающих все больший вес леворадикальных кругов. При всей беспринципности ведущих деятелей Временного правительства, при очевидном их «левом крене» в политике и идеологии, нельзя не констатировать, что беззаконной расправы над поверженными монархами никто из них не хотел. Они стремились сохранить свое «историческое лицо».

Семья бывшего царя была отправлена под усиленной охраной в ссылку в Тобольск. Незадолго до отъезда был последний день рождения младшего Романова, и Николай записал 30 июня: «Сегодня дорогому Алексею минуло 13 лет. Да даст ему Господь здоровье, терпение, крепость духа и тела в нынешние тяжелые времена»²³. В Тобольск прибыли 6 августа, и за день до того с палубы парохода «Русь» видели распутинскую родину — село Покровское. Все молча смотрели на это поселение, среди серых построек которого выделялся дом, принадлежавший их другу и наставнику, когда-то предсказавшему императрице, что она непременно перед смертью побывает здесь. О чем они думали, какие мысли их обуревали в тот момент, какие молитвы они читали в тот день, мы не знаем и уже не узнаем. Свои чувства они никогда на суд публики не выносили и даже тогда, когда волею обстоятельств их судьба практически слилась с судьбой нескольких верных приближенных, они не обременяли никого своими сетованиями. Свой крест все члены семьи несли с потрясающим смирением и удивительным достоинством.

Спасенья же на земле огромной державы, которой, по прихоти случая император Николай так долго и бесславно управлял, у этой семьи уже не было. Претерпев множество новых лишений и унижений, Романовы и их приближенные, всего одиннадцать человек, были уничтожены в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге. Это варварство тщательно планировалось и осуществлялось

нелюдьми, вознамерившимися на лжи и насилии воздвигнуть общество благоденствия и справедливости. Новые революционные власти прекрасно понимали, что готовившееся преступление вызовет повсеместное осуждение, и приложили массу усилий, чтобы надежно скрыть следы преступления. Но недаром еще в Евангелии сказано: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу» (Марк. 4.22). Многое теперь уже точно установлено, постоянно появляются новые свидетельства и документы. Выявлены поименно почти все исполнители.

Никакой политической целесообразности в убийстве романовской семьи, о чем соучастники-оправдатели говорили десятилетия, не было. Утверждения, что со стороны арестованных «исходила угроза революции и народу», не имели под собой никакого исторического обоснования. Такой точки зрения придерживались, как правило, те, для кого абстрактные, придуманные «ценности» дороже конкретных и бесценных самих по себе человеческих жизней. Оправдывать детоубийство! Но ведь было, было подобное «общественное убеждение», которое невозможно понять и принять.

Понимание жизни и судьбы последнего царя и его семьи — путь к самопознанию каждого и всех в контексте уходящего жестокого века. Только через неизбежное осмысление и переосмысление судеб и времен, разбирая завалы неправд и заблуждений, через покаяние можно выбраться на дорогу будущего. «Мертвые хватают живых» — это больше, чем древний афоризм. Это истина, позволяющая лишний раз убедиться, что отбросить свое прошлое безнаказанно никому не дано.

Россия под главенством последнего монарха не была некоей «землей Обетованной». В этом пункте должна быть полная определенность. Однако и воспринимать «последнее время России», те реальности и общественно-политические коллизии глазами участника революционных сражений той поры уже больше нельзя. Знание последующего, весь трагический опыт минувших десятилетий отрицает «баррикадное мышление» и двухцветное видение мира. В истории все может познаваться только в сравнении и взаимосвязи. Этот единственно возможный подход к поиску сбалансированных оценок и аргументированных суждений невольно приводит к малоутешительным для наших современников выводам.

Падение монархии и гибель России — эту взаимосвязь убедительно обрисовал в свое время русский философ Семен Франк, писавший: «Подлинным фундаментом русской государственности был не общественно-сословный слой и не господствовавшая бытовая культура, а была ее политическая форма — монархия. Замечательной, в сущности, общеизвестной, но во всем своем значении не оцененной особенностью русского общественно-государственного строя было то, что в народном сознании и народной вере была непосредственно укреплена только сама верховная власть — власть царя; все же остальное — сословные отношения, местное самоуправление, суд, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованных классов, литература и искусство, университеты, консерватории, академии, все это в том или ином отношении держалось лишь косвенно, силою царской власти, и не имело непосредственных корней в народном сознании. Глубоко в недрах исторической почвы, в последних религиозных глубинах народной души было укреплено корнями — казалось, неизбежно — могучее древо монархии; все остальное, что было в России, — вся правовая, общественная, бытовая и духовная культура произрастала из ее ствола и держалась только им... Неудивительно, что с крушением монархии рухнуло сразу и все остальное — вся русская общественность и культура — ибо мужицкой России она была непонятна, чужда и — по его сознанию — не нужна»²⁴.

Только медленная эволюция экономических структур и политических институтов власти могла дать России надежду на будущее. Но история распорядилась так, что возможности подобного пути уже не существовало. Сбылись самые страшные предсказания, в том числе и Цветаевские, хотя тогда, в начале 1918 г., когда она писала приведенные ниже строки, худшее еще было впереди, и ее пророчества могли показаться художественным преувеличением, своего рода геннальной метафорой и не более.

Кровных коней запрягайте в дровни!
Графские вина пейте из луж!
Единодержцы штыков и душ!
Распродавайте — на вес — часовни,
Монастыри — с молотка — на слом.
Рвитесь на лошади в Божий дом!
Перепивайтесь кровавым пойлом!
Стойла — в соборы! Соборы — в стойла!
В чертову дёжину — календарь!
Нас под рогожу за слово: царь!

Жизнь сказалась трагичней самых печальных предчувствий. И, скажем, только в одном историческом эпизоде — после взятия Красной Армией Крыма в 1920 г. всего за несколько дней было расстреляно значительно больше людей, чем казнено за века существования монархии! Жуткие факты, кошмарная статистика.

Русский энциклопедист и философ Павел Флоренский заметил однажды, что Николай II «по своим намерениям был лучше других, но... имел трагическую судьбу царствования»²⁵. Тяжесть монаршей короны огромной империи была не под силу последнему царю. Трагедией своей жизни и смерти Николай II заплатил за ошибки и заблуждения человека и политика. Удачно сказал о нем адмирал А. Бубнов: «Да, Государь всею душой любил Россию и доказал это, приняв за нее мученический венец. Но он ее любил такой, какой хотел ее видеть по своим взглядам, любил в ней «святую Русь», и не хотел отдать ее отрывавшим ее от него революционерам, пророчески предчувствуя, что она погибнет в их кровавых руках»²⁶. Растерзанный император навсегда остался в истории символом трагического времени. Вместе с ним навечно запечатлелись и образы его близких, о которых русский поэт Георгий Иванов написал:

Эмалевый крестик в петлице,
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно!
Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны!
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны...

Несомненно, что Николай II несет историческую ответственность за трагедию России. Однако роль его не была столь демонической и фатальной, как о том говорили и писали. Специфика того времени состояла в том, что в той или иной степени все были виновниками и в итоге оказались жертвами. И те, кто восседал на тропе, и те, кто словом и делом способствовал их падению, и те, кто с безразличием или восторгом наблюдал за приближением развязки, и те, кто искренне надеялся воздвигнуть «на обломках самовластья» новое и невиданное общество света, свободы и благоденствия. В этой драматической взаимосвязи был рок России, ее великая судьбоносная обреченность. Крестный путь царя и его близких лишь в очередной раз окрасил ее кровавым цветом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Россия. Власть. Время. Магическая взаимосвязь этих категорий создала великую, удивительную и неразгаданную панораму истории. Увидеть и ощутить минувшее, услышать шум той давней жизни; ее страстей, заблуждений, ошибок и надежд — значит познать себя, свою судьбу в неумолимом, необозримом и непрерывном потоке событий. Закат монархии, эпоха роковых рубежей — время выбора будущего страны. Все тогда в России было пропитано отчаянием, ненавистью и апокалипсическими ожиданиями, что во многом перекликается с настроениями, господствующими в обществе и на исходе нашего века. Те же будоражившие умы роковые вопросы: как править огромной страной и кто должен в ней править, не потеряли своей значимости и поныне. Вразумительных ответов нет, но есть исторический опыт, который необходимо знать и учитывать людям, выносящим свой беспощадный вердикт и минувшему, и настоящему.

Настала пора примириться со своим прошлым, многое, очень многое обнажающим и определяющим не только «во вчера», но и «в сегодня». Жизнь последнего царя и его государственная деятельность не могут вызвать восхищение, но традиционная злобная ненависть здесь уже больше недопустима. Она может порождать только невежество и очередные заблуждения. Николай II был таким, каким был и пытался сохранить то, что было обречено временем. Он боготворил идеалы теоретического «православного самодержавия», которого никогда не было в действительности. Та система власти, которая существовала века под скипетром Романовых, так и не смогла выработать приемлемую для всех общественных слоев формулу их сосуществования. Не менее очевидно и то, что и послемонархический период отечественной истории дал мало конструктивных примеров сколько-нибудь удачной социально-государственной инженерии; здесь также доминирует отрицательный опыт. Идолопоклонство последних венценосцев перед идеализированным прошлым закрывало им дорогу в будущее. То, что они погибли в своей стране вместе со старой Россией, стало печальным символом их запрограммированной обреченности.

Ничто и никогда в истории не повторяется буквально, хотя перекличка времен и фактов несомненно существует. История нашего отечества дала достаточно тому примеров. В этой контурной узнаваемости событий, в их определенной заданности заключена глубинная и загадочная тайна Времени. Познание же ее раскрывает Судьбу народа и страны, дает шанс выбора пути в Будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

- ¹ Дневник Николая Романова // Красный архив. 1927. № 1. С. 137.
- ² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 109.
- ³ Падение царского режима. Л., 1926. Т. IV. С. 22.
- ⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ бывший ЦГАОР). Ф. 5868. Оп. 1. Д. 117.
- ⁵ Гиппиус З. Н. Живые лица. Прага, 1925. С. 134.
- ⁶ Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина. // Красный архив. 1924. № 5. С. 115.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.
- ⁸ Там же. Д. 823. Л. 1.
- ⁹ Там же. Д. 987. Л. 3.
- ¹⁰ Там же. Д. 1353. Л. 2.
- ¹¹ Дневник А. В. Богданович. // Три последних самодержца. М.; Пг., 1924, СС. 104, 169, 178, 240, 250, 495.
- ¹² Из дневника А. Н. Куропаткина // Красный архив. 1927. № 1. с. 67.
- ¹³ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 93.
- ¹⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 15.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 249. Л. 62.
- ¹⁶ Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 1. М., 1960. С. 436.
- ¹⁷ Цит. по: Пушкарев С. Николай и Александра // Новый журнал. Нью-Йорк. 1986. № 93. С. 309.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2322. Л. 18.
- ¹⁹ Там же. Д. 2325. Л. 24.
- ²⁰ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции. — В сб.: О России и русской философской культуре. — М., 1990, С. 424.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 64. Л. 32 об.
- ²² Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Париж, 1933. Т. 2. С. 188.
- ²³ Щавельский Г. Николай II в ставке // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. № 34. С. 185—186.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 249. Л. 192—193.
- ²⁵ Там же. Д. 1. Л. 110—111.
- ²⁶ Там же. Л. 144.
- ²⁷ Там же. Л. 5.
- ²⁸ Там же Л. 4, 5, 7, 8, 10.
- ²⁹ Переписка Николая и Александры Романовых. (Далее — Переписка) М.; Пг., 1925. Т. 3 1914—1915. С. 503.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 102. Л. 50.
- ³¹ Там же. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 6.
- ³² Там же. Ф. 645. Оп. 1. Д. 102. Л. 23.
- ³³ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233. Л. 115.
- ³⁴ Там же. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2322. Л. 81 об.
- ³⁵ Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 918. Л. 100.
- ³⁶ Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 729. Л. 129 об — 130.
- ³⁷ Там же. Л. 132—132 об.

- ³⁸ Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. Л. 168 об — 169.
- ³⁹ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 912. Л. 17 об — 18.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 139. Л. 2.
- ⁴¹ Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. Документы и материалы. Л. 1990. С. 32.
- ⁴² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 49. Л. 9.
- ⁴³ Переписка Николая II и Марии Федоровны // Красный архив. 1927. № 3. С. 204.
- ⁴⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 6. ст. 3851.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233. Л. 118.
- ⁴⁶ См. Придворный календарь на 1917 год. Пг., 1917. С. 39—46.
- ⁴⁷ Дневник Государственного секретаря А. А. Половцева. М., 1966. Т. 2. С. 355.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2332. Л. 24 об., 25, 27.
- ⁴⁹ Дневник А. А. Половцева // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 101.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 439. Л. 2.
- ⁵¹ Дневник А. А. Половцева. С. 110—111.
- ⁵² Николай II и великие князья. Л.; М., 1925. С. 48—49.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 189. Л. 37 об.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 230. Л. Л. 5, 8, 9, 17, 24, 36.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 645. Оп. 1. Д. 102. Л. 54—54 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 95 об.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2322. Л. 4 об.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233. Л. 150.
- ⁵⁹ Там же. Д. 262. Л. 61.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2322. Л. 84.
- ⁶¹ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 235. Л. 46.
- ⁶² Там же. Д. 247. Л. 156—157.
- ⁶³ Там же. Д. 263. Л. 113.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1153. Л. 19, 20, 51, 51 об., 52, 110, 110 об. 111.
- ⁶⁵ Записки Н. М. Романова // Красный архив. 1933. Т. 49. Л. 105.
- ⁶⁶ Переписка. Т. 4. С. 31.

Глава 2

- ¹ Много лет в эмиграции А. Ф. Керенский оправдывал это решение, а его многочисленные оппоненты считали, что этим шагом правительство усугубило положение царской семьи.
- ² ГАРФ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 14. Л. 14.
- ³ Там же. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2322. Л. 2.
- ⁴ Наглядным примером политизированного подхода к истории является отношение отечественной историографии ко всей этой бессмысленной жестокости — многочисленным убийствам членов династии Романовых. Несмотря на отчаянные усилия, их не удалось не только оправдать, но сколько-нибудь внятно объяснить. Утверждения о том, что такой шаг диктовало время, что от Романовых якобы исходила угроза революции и т. д. свидетельствуют лишь, насколько политические надобности определяли «ракурс видения» исследователей.
- ⁵ Переписка Т. 4. М.—Л. 1926. С. 8.
- ⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 52 об.
- ⁷ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1139. ЛЛ. 70—71.
- ⁸ Паганудди П. Правда об убийстве царской семьи. Джорданвилль, 1981. С. 112.

- ⁹ Гишпиус З. Н. Маленький Анин домик.— «Современные записки». Т. 17. С. 208. Париж. 1923.
- ¹⁰ Переписка. Т. 3. СС. 23, 141; Т. 4. С. 7, 16.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 675, Оп. 1. Д. 55. ЛЛ. 77об — 78.
- ¹² Этот ряд можно продолжить в соответствии с бытующими представлениями: А. Ф. Керенский виноват в падении Временного правительства, А. И. Деникин — в поражении белого дела и т. д.
- ¹³ Витте С. Ю. Ук. соч. Т. 2. С. 4.
- ¹⁴ Дневник А. В. Богданович. С. 184.
- ¹⁵ Гишпиус З. Н. Ук. соч. С. 208.
- ¹⁶ Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. Мюнхен. 1923. С. 303.
- ¹⁷ Щавельский Г. Николай II в ставке.— Новый журнал. Нью-Йорк, 1953, № 34. С. 187.
- ¹⁸ Гурко В. И. Царь и царица. Париж. б/д. С. 41.
- ¹⁹ Переписка. Т. 3. СС. 110, 143, 183, 199, 213.
- ²⁰ Там же. С. 243.
- ²¹ Там же. С. 314.
- ²² Там же. С. 361.
- ²³ Палеолог М. Распутин. Воспоминания. М. 1923. С. 94.
- ²⁴ Переписка. Т. 3. С. 155.
- ²⁵ Жильяр П. Тринадцать лет при русском дворе./Петербург 1905 год — Екатеринбург 1918 год/Париж. б/д. С. 55—59.
- ²⁶ Переписка. Т. 3. С. 29.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 221. Л. 1 об.
- ²⁸ Бурыйшкін П. А. Филипп — предшественник Распутина.— Новый журнал. Нью-Йорк, 1955, № 40. С. 187.
- ²⁹ Там же. С. 188.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1107. Л. 1 об.— 2.
- ³¹ Дневник А. А. Половцева.— «Красный архив». Т. 3. М.— Пг. 1923. С. 156.
- ³² Жильяр П. Ук. соч. С. 28.
- ³³ ГАРФ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 15. Л. 43.
- ³⁴ Переписка. Т. 3. С. 194.
- ³⁵ Мосолов А. А. При дворе императора. Рига. б/г. С. 37.
- ³⁶ Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. С. 305.
- ³⁷ Ф. 642. Оп. 1. Д. 2332. Л. 29, 20 об., 21.
- ³⁸ Падение царского режима. Т. 1. Л. 1924. С. 33.
- ³⁹ Ф. 1112. Оп. 1. Д. 7. Л. 69.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 261. Л. 40
- ⁴¹ Падение царского режима. Т. 4. С. 221.
- ⁴² Переписка. Т. 3. С. 121.
- ⁴³ Там же. С. 382.
- ⁴⁴ Переписка. Т. 4. С. 118.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 92. Л. 1.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 613. Оп. 1. 478. Л. 4.
- ⁴⁷ Танеева А. /Вырубова/. Страницы из моей жизни. Берлин. 1923.
- ⁴⁸ См. ГАРФ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 23. Л. 42—42 об.
- ⁴⁹ Переписка. Т. 4. С. 38.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 250. Л. 135.
- ⁵¹ Витте С. Ю. Ук. соч. Т. 3. С. 159.
- ⁵² Дневник А. В. Богданович. С. 447—448.
- ⁵³ См.: Руднев В. Правда о царской семье и «темных силах». Берлин. 1920. С. 24.

- ⁵⁴ Последний временщик последнего царя /Материалы чрезвычайной следственной комиссии временного правительства о Распутине и разложении самодержавия/.— «Вопросы истории». 1964. № 12. С. 91.
- ⁵⁵ Дневник А. В. Богданович. С. 453.
- ⁵⁶ Падение царского режима. Т. 3. Л. 1925. С. 236, 250.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. 467. Оп. 1. Л. 232, 286, 298.
- ⁵⁸ Переписка. Т. 3. С. 129.
- ⁵⁹ Там же. С. 41.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. 826. Сп. 1. Д. 56. Л. 1, 2.
- ⁶¹ Переписка. Т. 3. С. 461.
- ⁶² Там же. С. 133, 135.
- ⁶³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1318/4/. Л. 103 об.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 623. Оп. 1. Д. 3. Л. 4 об.— 5.

Глава 3

- ¹ Тэффи Н. А. Воспоминания // Простор. Алма-Ата, 1989. № 8. С. 152.
- ² Гишпиус З. Н. Маленький Анин домик // Современные записки. Париж, 1923. Т. 17. С. 214.
- ³ ГАРФ. Ф. 6845. Оп. 1. Д. 338. Л. 35 об.
- ⁴ Цит. по: Нежный А. Возвращение блудного сына. // Огонек. 1990. № 15. С. 21.
- ⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 12.
- ⁶ Там же. Т. 32. С. 97.
- ⁷ Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 271.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1088. Л. 1.
- ⁹ Последний временщик последнего царя // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 120.
- ¹⁰ Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 12 томах. М., 1982. Т. 11. С. 32.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1320. Л. 40.
- ¹² Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 196.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 249. Л. 71.
- ¹⁴ Там же. Д. 250. Л. 161.
- ¹⁵ Там же. Д. 249. Л. 121.
- ¹⁶ Там же. Д. 250. Л. 57.
- ¹⁷ Там же. Д. 251. Л. 83.
- ¹⁸ Последний временщик последнего царя. С. 121.
- ¹⁹ Падение царского режима. М.; Л., 1925. Т. 2. С. 36.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 447. Л. 65.
- ²¹ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 251. Л. 80.
- ²² Там же. Д. 1317. Л. 33.
- ²³ Падение царского режима. М.; Л., 1925. Т. 3. С. 12.
- ²⁴ Гурко В. И. Царь и царица. Париж, б/д. С. 90.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 257. Л. 10.
- ²⁶ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 891. Л. 9.
- ²⁷ Джанумова Е. Ф. Мои встречи с Распутиным. Пг.; М., 1923. С. 28.
- ²⁸ Юсупов Ф. Ф. Конец Распутина. Париж, 1927. С. 107.
- ²⁹ Падение царского режима. Т. 3. С. 64.
- ³⁰ Переписка. Т. 3. С. 200.
- ³¹ Там же. С. 229.
- ³² Там же. Т. 4. С. 190.
- ³³ Литературное наследство. Горький и русская журналистика начала XX века. М., 1988. Т. 95. С. 453.

- ³⁴ Джанумова Е. Ф. Указ. соч. С. 9.
- ³⁵ Тэффи Н. А. Указ. соч. С. 153.
- ³⁶ Палеолог М. Указ. соч. С. 30.
- ³⁷ Последний временщик последнего царя. С. 123.
- ³⁸ Падение царского режима. Т. 4. С. 227.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. 2245. Оп. 1. Д. 69. Л. 41.
- ⁴⁰ Там же. Л. 85.
- ⁴¹ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 13. Л. 38.
- ⁴² Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 3. С. 91. 565.
- ⁴³ Падение царского режима. Т. 3. С. 51.
- ⁴⁴ Там же. Т. 1. С. 169.
- ⁴⁵ Курлов П. Г. Гибель императорской России. Берлин, 1923. С. 151.
- ⁴⁶ Родзянко М. В. Крушение империи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 17. С. 22.
- ⁴⁷ См.: Илиодор (Сергей Труфанов). Святой черт (Записки о Распутине) // Голос минувшего. 1917. № 3. С. 31—32.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1320. Л. 10 об.
- ⁴⁹ Стремоухов П. П.: Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором // Архив русской революции. Берлин, 1925. Т. 16. С. 38.
- ⁵⁰ См.: Биржевые ведомости. СПб., 1912. 30 окт.
- ⁵¹ Литературное наследство. Т. 95. С. 985.
- ⁵² Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 3. С. 284.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 446. Л. 39.
- ⁵⁴ Там же. Д. 709. Л. 26.
- ⁵⁵ Там же. Д. 1005. Л. 3.
- ⁵⁶ Падение царского режима. Т. 3. С. 237.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1005. Л. 3.
- ⁵⁸ Родзянко М. В. Указ. соч. С. 41—42.
- ⁵⁹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 г. Париж, 1933. Т. 2. С. 27.
- ⁶⁰ Падение царского режима. Т. 3. С. 63.
- ⁶¹ Пушкарев С. Н. Николай и Александра // Новый журнал. Нью-Йорк, 1986. № 93. С. 306.
- ⁶² Родзянко Н. В. Указ. соч. С. 26.
- ⁶³ Богданович А. В. Указ. соч. С. 495.
- ⁶⁴ А. И. Гучков в третьей Государственной думе (1907—1912 гг.). Сборник речей. СПб., 1912. С. 177.
- ⁶⁵ Родзянко М. В. Указ. соч. С. 44.
- ⁶⁶ ГАРФ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 23. Л. 34.
- ⁶⁷ Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 35.
- ⁶⁸ Там же. С. 33.
- ⁶⁹ Падение царского режима. Т. 3. С. 62.
- ⁷⁰ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1752. Л. 5.
- ⁷¹ Там же. Л. 8.
- ⁷² Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1005. Л. 2.
- ⁷³ Падение царского режима. Т. 4. С. 241.
- ⁷⁴ ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 27. Л.
- ⁷⁵ Падение царского режима. Т. 4. С. 506.
- ⁷⁶ Распутин Г. Е. Мои мысли и размышления. Пг., 1915. С. 6, 10, 27.
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 479. Л. 49 об.
- ⁷⁸ Там же. Д. 891. Л. 16.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 826. Оп. 1. Д. 54. Л. 135 об.
- ⁸⁰ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 13. Л. 38—40.
- ⁸¹ Там же. Ф. 613. Оп. 1. Д. 27. Л. 25 об.

- ⁸² Там же. Л. 27, 28 об., 31, 91 об., 95 об.
- ⁸³ Последний временщик последнего царя. С. 123.
- ⁸⁴ ГАРФ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 136. Л. 2—2 об.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 826. Оп. 1. Д. 54. Л. 135.
- ⁸⁶ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 710. Л. 24, 25.
- ⁸⁷ Там же. Л. 34, 107.
- ⁸⁸ Там же. Л. 230.
- ⁸⁹ Там же. Д. 709. Л. 92.
- ⁹⁰ Монархия перед крушением. 1914—1917. Из бумаг Николая II. М.; Л., 1927. С. 92.
- ⁹¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 261. Л. 187.

Глава 4

- ¹ «Голос Москвы». М., 1914. 18 июля.
- ² Русские Ведомости. М. 1914. 22 июля.
- ³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 261. Л. 161—163.
- ⁴ Там же. Ф. 660. Оп. 1. Д. 65. ЛЛ. 9 об.—10.
- ⁵ Там же. Ф. 671. Оп. 1. Д. 29. Л. 7—8.
- ⁶ Там же. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2330. Л. 10.
- ⁷ Там же. Ф. 613. Оп. 1. Д. 27. Л. 142.
- ⁸ Переписка. Т. 3. С. 8.
- ⁹ Там же. С. 5.
- ¹⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты.—«Вопросы истории». 1990. № 3. С. 128.
- ¹¹ Переписка. Т. 3. С. 25, 28.
- ¹² Там же. С. 51.
- ¹³ Там же. С. 56.
- ¹⁴ Там же. С. 117.
- ¹⁵ Там же. С. 208.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1317. Л. 96 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 1318. Л. 94.
- ¹⁸ Переписка. Т. 3. С. 205.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 261. Л. 184—187.
- ²⁰ Там же. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 112. Л. 2.
- ²¹ Там же. Ф. 262. Оп. 1. Д. 262. Л. 20.
- ²² Переписка. Т. 3. С. 46, 93, 117.
- ²³ Там же. Т. 4. С. 16.
- ²⁴ Там же. С. 53.
- ²⁵ Там же. Т. 3. С. 123.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 262. Л. 99.
- ²⁷ Переписка. Т. 3. С. 211.
- ²⁸ Там же. С. 190.
- ²⁹ Там же. С. 29.
- ³⁰ Там же. С. 267.
- ³¹ Там же. С. 199, 212, 218, 327, 347.
- ³² Гучков А. И. Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике. 1908—1917. Пг. 1917. С. 111.
- ³³ Переписка Николая II и Марии Федоровны.—Красный архив. 1927. № 3. С. 208.
- ³⁴ Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина. // Красный архив. 1924. № 5. С. 105.
- ³⁵ Переписка. Т. 3. С. 301.
- ³⁶ Там же. С. 315.
- ³⁷ Там же. Т. 4. С. 116, 220, 226, 326.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 261. Л. 2, 23.

- ³⁹ Там же. Д. 202. Л. 37.
- ⁴⁰ Переписка. Т. 5. С. 57.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 261. Л. 3, 9, 22, 29, 53.
- ⁴² Курлов П. Г. Гибель императорской России. С. 151.
- ⁴³ ЦГАОР. Ф. 651. Оп. 1. Д. 27. Л. 30—30 об.
- ⁴⁴ Падение царского режима. Т. 4. С. 23.
- ⁴⁵ Гольденвейзер А. А. Последняя царица.— «Руль». Берлин. 1923. 22 февраля.
- ⁴⁶ Переписка. Т. 3. С. 326.
- ⁴⁷ Там же. С. 232, 285, 293, 337.
- ⁴⁸ Падение царского режима. Т. 4. С. 8.
- ⁴⁹ Переписка. Т. 3. С. 143, 218, 254.
- ⁵⁰ Падение царского режима. Т. 4. С. 204.
- ⁵¹ Переписка. Т. 3. С. 266.
- ⁵² Мосолов А. А. При дворе императора. Рига. Б/г. С. 158.
- ⁵³ Переписка. Т. 3. С. 428.
- ⁵⁴ Падение царского режима. Т. 4. С. 162.
- ⁵⁵ Переписка. Т. 4. С. 108.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2332. Л. 72—72 об.
- ⁵⁷ Переписка. Т. 3. С. 196.
- ⁵⁸ Щавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. Нью-Йорк. 1954. С. 300.
- ⁵⁹ Переписка. Т. 3. С. 203.
- ⁶⁰ Княгиня Палей. Мои воспоминания о русской революции — Февральская революция: Мемуары. М.— Л. 1925. С. 339.
- ⁶¹ Переписка. Т. 3. С. 215.
- ⁶² Там же. С. 216, 217, 224, 225.
- ⁶³ Падение. Т. 4. С. 168.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2327. Л. 100.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 263. Л. 59.
- ⁶⁶ Там же. Д. 1317. Л. 123—124.
- ⁶⁷ Там же. Д. 620. Л. 1 об.
- ⁶⁸ Там же. Д. 263. Л. 70—73.
- ⁶⁹ Там же. Д. 619. Л. 1.

Глава 5

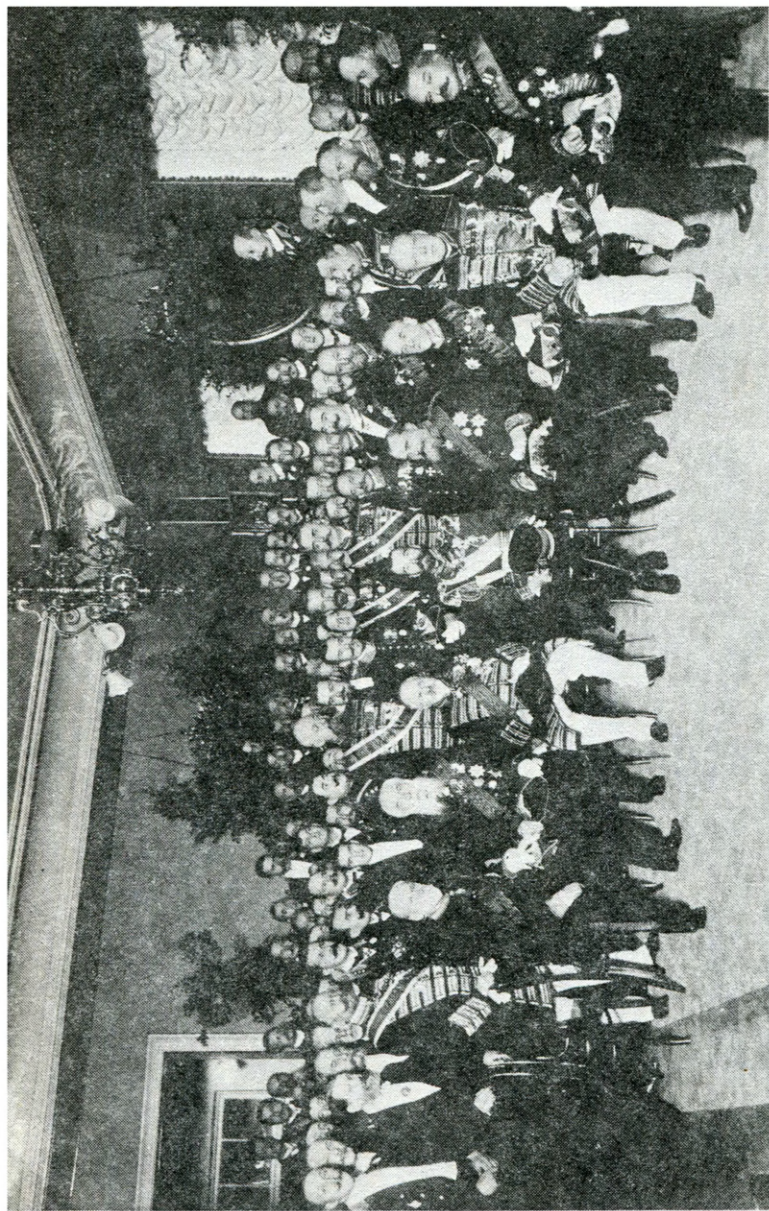
- ¹ ГАРФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 10. ЛЛ. 71, 72, 74, 75, 76, 78.
- ² Щавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. Нью-Йорк, 1954. С. 348.
- ³ ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1, Д. 2332, Л. 76 об.
- ⁴ Там же. Ф. 601, Оп. 1, Д. 263. Л. 98.
- ⁵ Переписка. Т. 3, С. 384.
- ⁶ Там же. С. 384.
- ⁷ Белевская М. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве. 1915—1918. Личные воспоминания. Вильно, 1932, С. 19—20.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 601, Оп. 1, Д. 1317.
- ⁹ Переписка. Т. 3. С. 276.
- ¹⁰ Воейков В. Н. С царем и без царя. Гельсингфорс, 1936, С. 30.
- ¹¹ Ф. 1467, Оп. 1, Д. 447, Л. 56 об.
- ¹² Переписка. Т. 4, С. 30.
- ¹³ Бьюкенен М. Крушение великой империи. Париж, 1933, С. 41.
- ¹⁴ Воейков В. Н. Ук. соч. С. 59.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 601, Оп. 1, Д. 263, Л. 151.
- ¹⁶ Падение царского режима. Т. 4, С. 337.

- 17 Последний временщик последнего царя.— Вопросы истории. 1964, № 10, С. 125—126.
- 18 Распутин в осящении охранки.— Красный архив. М — П, 1924, Т. 5. С. 280—285.
- 19 Там же. С. 287—288.
- 20 Мельник (Боткина) Т. Е. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921, С. 20.
- 21 ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1, Д. 54, Л. 135 об.
- 22 Там же. Д. 601, Оп. 1, Д. 263, Л. 11.
- 23 Там же. 826, Оп. 1, Д. 56, Л. 177.
- 24 Падение царского режима. Т. 4, С. 15.
- 25 ГАРФ. Ф. 601, Оп. 1, Д. 263, Л. 18.
- 26 Падение царского режима. Т. 4, С. 21—22.
- 27 ГАРФ. Ф. 601, Оп. 1, Д. 1353, Л. 11.
- 28 Там же. Ф. 651, Оп. 1, Д. 27, Л. 57—57 об.
- 29 Переписка. Т. 4, С. 16.
- 30 ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2328. Л. 45—45 об.
- 31 Там же. Ф. 1467. Оп. 1, Д. 479. Л. 44 об.
- 32 Там же. Ф. 601. Оп. 1, Д. 264. Л. 7.
- 33 Там же. Ф. 662 Оп. 1. Д. 116. Л. 4 об.
- 34 Падение царского режима. Т. 4. С. 59.
- 35 Переписка. Т. 4. С. 381.
- 36 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 448. Л. 22—22 об.
- 37 Переписка. Т. 5, Т. 4. С. 425.
- 38 Там же. Т. 5. С. 60.
- 39 ГАРФ. Ф. 1467. Сп. 1. Д. 450. Л. 1 об.
- 40 Там же. Л. 2 об — 4.
- 41 Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия V. Стенографический отчет. Пг., 1916, Стлб. 3, 31, 32, 37—46.
- 42 Милуков П. Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955, Т. 2, С. 270—271.
- 43 Государственная Дума. Четвертый созыв. Стлб. 129.
- 44 Щавельский Г. И. Воспоминания. Т. 1, С. 219.
- 45 Переписка. Т. 5, С. 153.
- 46 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 448. Л. 30.
- 47 Переписка. Т. 5. С. 149, 152, 153.
- 48 Там же. С. 146.
- 49 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 479. Л. 24 об.
- 50 Переписка. Т. 5. С. 160.
- 51 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Т. 2, Париж, 1933, С. 187.
- 52 Николай II и великие князья. Л — М, 1925, С. 146.
- 53 ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 619. Л. 65.
- 54 Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 261. Л. 27—28.
- 55 Маклаков В. А. Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина.— «Современные записки», Париж, № 34. С. 266.
- 56 Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия V. Стенографический отчет. Стлб. 288.
- 57 Переписка. Т. 5. С. 204.
- 58 ГАРФ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 437. Л. 46.
- 59 Переписка. Т. 5. С. 207.
- 60 ГАРФ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 136. Л. 9.
- 61 Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 189. Л. 25—25 об.
- 62 Падение царского режима. Т. 4. С. 107.
- 63 Дневник Николая Романова.— «Красный архив», 1927, № 1, С. 125.
- 64 ГАРФ. Ф. 1467, Оп. 1. Д. 447. Л. 68 об.

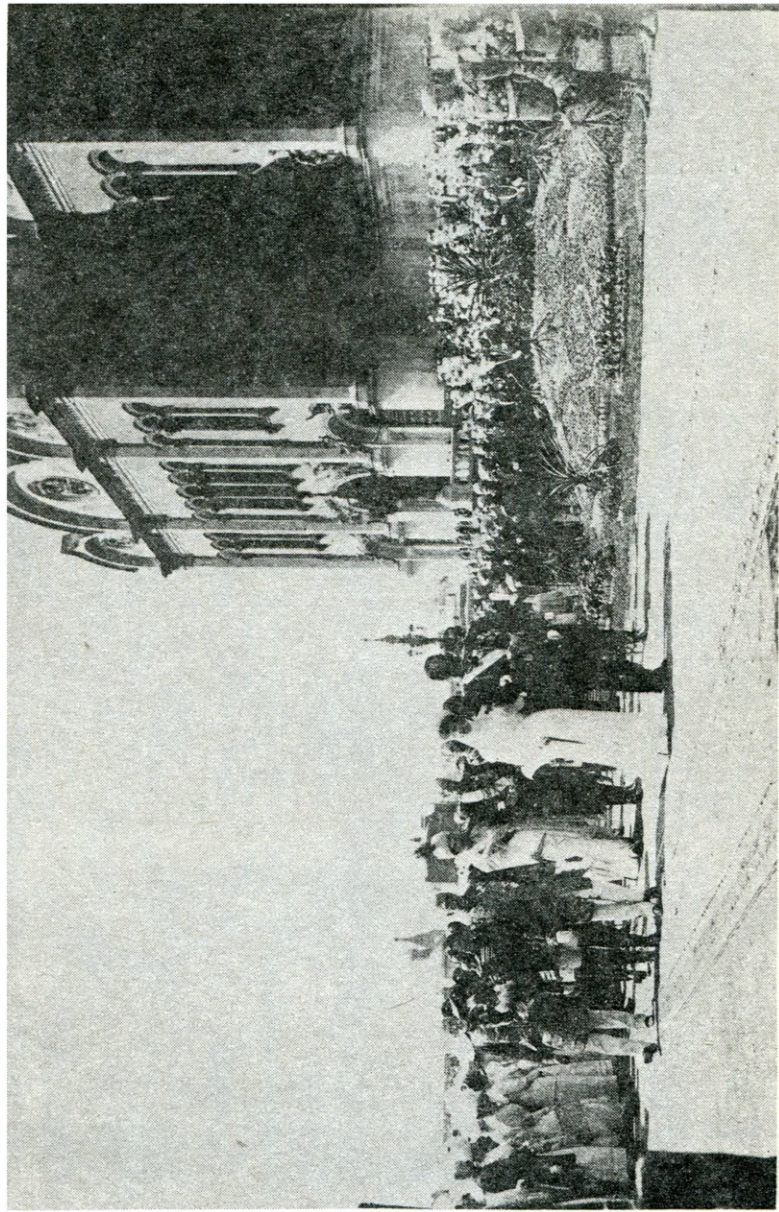
- ¹ ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 40. Л. 3.
- ² Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 170. Л. 58.
- ³ Там же. Ф. 670. Оп. 1. Д. 178. Л. 2—3 об.
- ⁴ Мельник (Боткина) Т. Е. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. Белград. 1921. С. 26.
- ⁵ Записки Н. М. Романова // Красный архив. М.; Л., 1933, Т. 4. С. 103.
- ⁶ ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 192. Л. 6.
- ⁷ Правительственный вестник. Пг. 1917 8 января.
- ⁸ Ф. 1467. Оп. 1. Д. 448. Л. 28.
- ⁹ Там же. Ф. 623. Оп. 1. Д. 28. Л. 11, 17, 50.
- ¹⁰ См.: Пушкарев С. Николай и Александра // Новый журнал. Нью-Йорк, 1986. № 93. С. 308.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265. Л. 27.
- ¹² Из дневника гр. Е. Н. Разумовской // Новый журнал. Нью-Йорк. 1985. № 161. С. 201.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 579. Л. 128—133.
- ¹⁴ Там же. Л. 66.
- ¹⁵ Цит. по: Воейков В. Н. С царем и без царя. Гельсингфорс, 1936. С. 152.
- ¹⁶ Переписка. Т. 5. С. 208—210.
- ¹⁷ ГАТФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1153. Л. 117—117 об.
- ¹⁸ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 447. Л. 2 об — 4.
- ^{18а} Там же. Ф. 640. Оп. 2. Д. 43. ЛЛ 1—1 об.
- ¹⁹ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265. Л. 64—67.
- ²⁰ Там же. Ф. 662. Оп. 1. Д. 185. ЛЛ. 9, 10.
- ²¹ Жильяр П. Тринадцать лет при русском дворе. Париж, б/д. С. 194.
- ²² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2077. ЛЛ. 1—11.
- ²³ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265. Л. 171.
- ²⁴ Франк С. Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. 1990. № 4. С. 213.
Цит. по: Шенталинский В. Удел величия. // Оговек. 1990. № 45. С. 23.
- ²⁶ Бубнов А. В царской ставке. Нью-Йорк, 1955. С. 193.

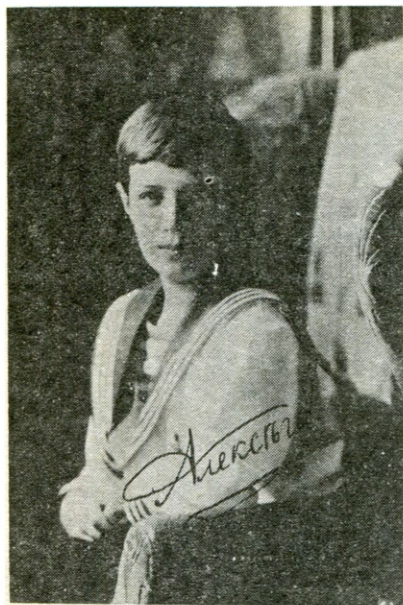
Император Александр III.

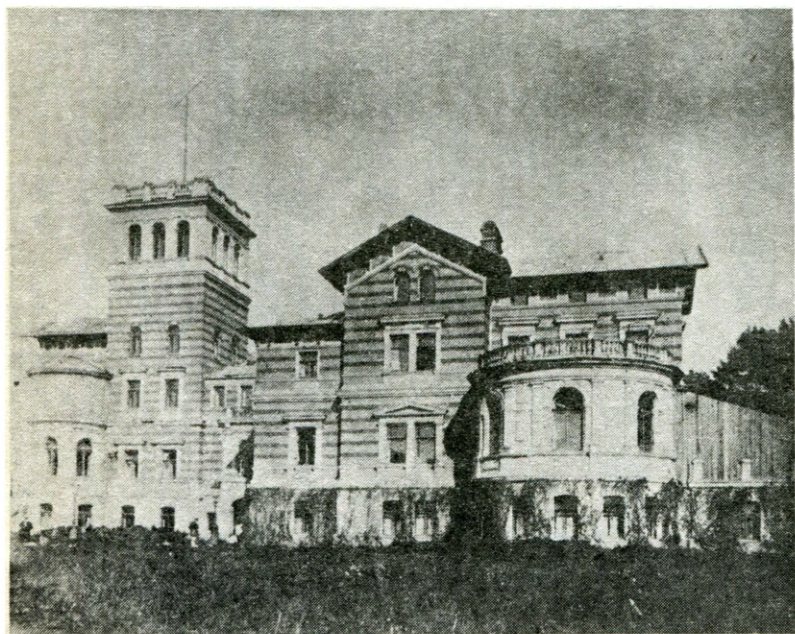
Николай II со служащими Императорской канцелярии. 1912 г.

Император Николай II и вдовствующая императрица Мария Федоровна у Храма Христа Спасителя в Москве. 1912 г.

Великий князь цесаревич Алексей
Николаевич.

Петергоф. Нижний дворец в Александрии. Место рождения цесаревича Алексея.

Великий князь Сергей Александрович.

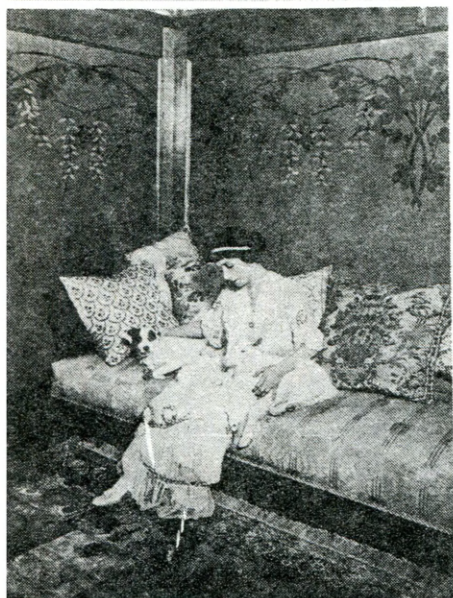

Слева направо: великий князь Сергей Александрович, великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Павел Александрович и дети его: Мария и Павел.

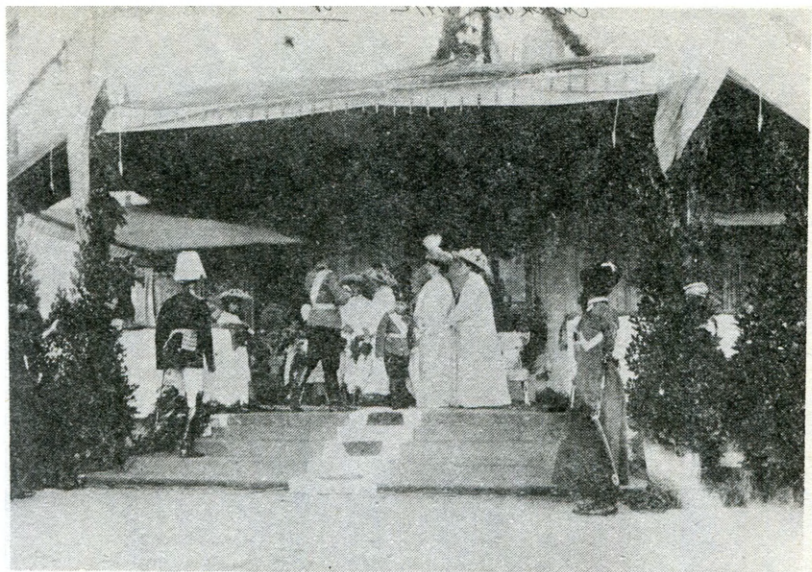

**Цесаревич Николай и принцесса
Алиса Гессенская. 1894 г.**

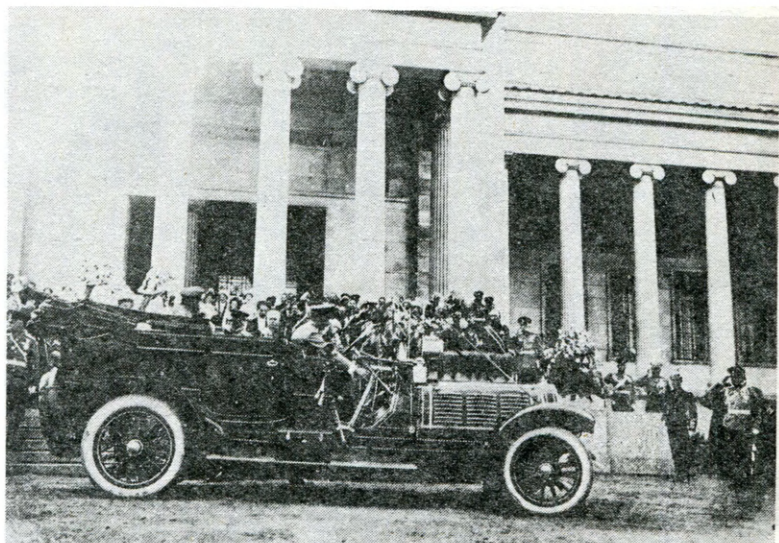
**Императрица Александра
Федоровна.**

М. Ф. Кшесинская.

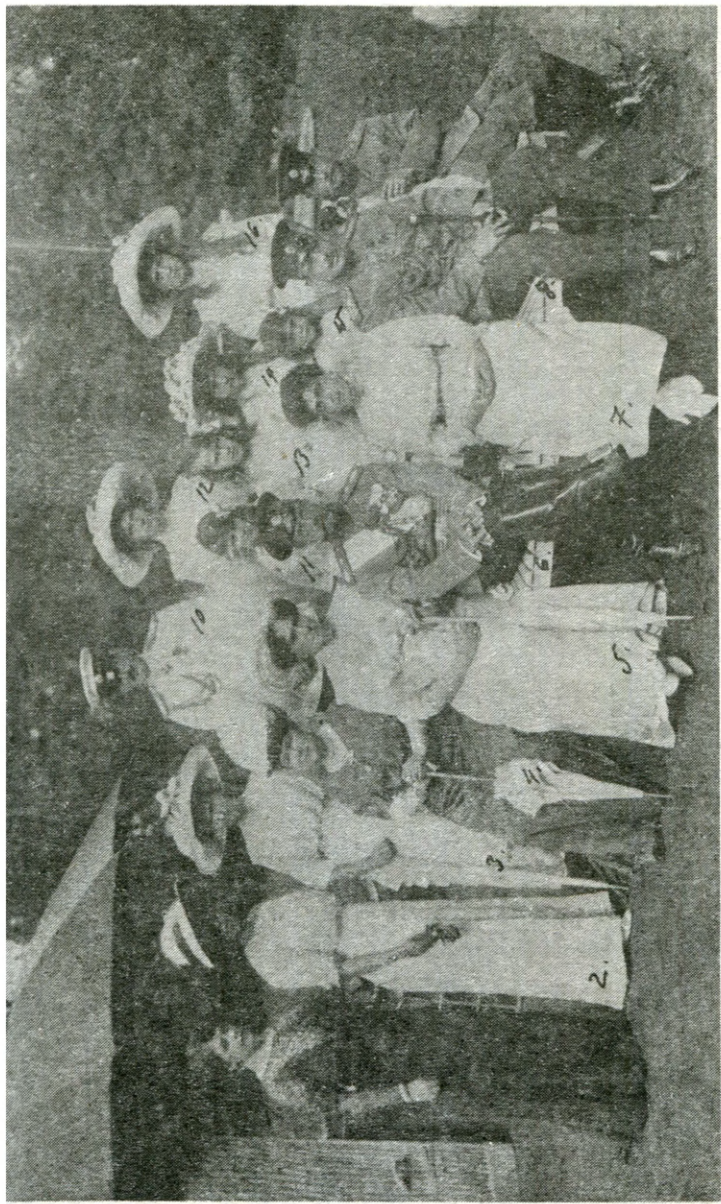

Царская палатка на юбилейных торжествах в Бородино. 1912 г.

Прибытие царской семьи на открытие Музея изящных искусств имени императора Александра III в Москве. 1912 г.

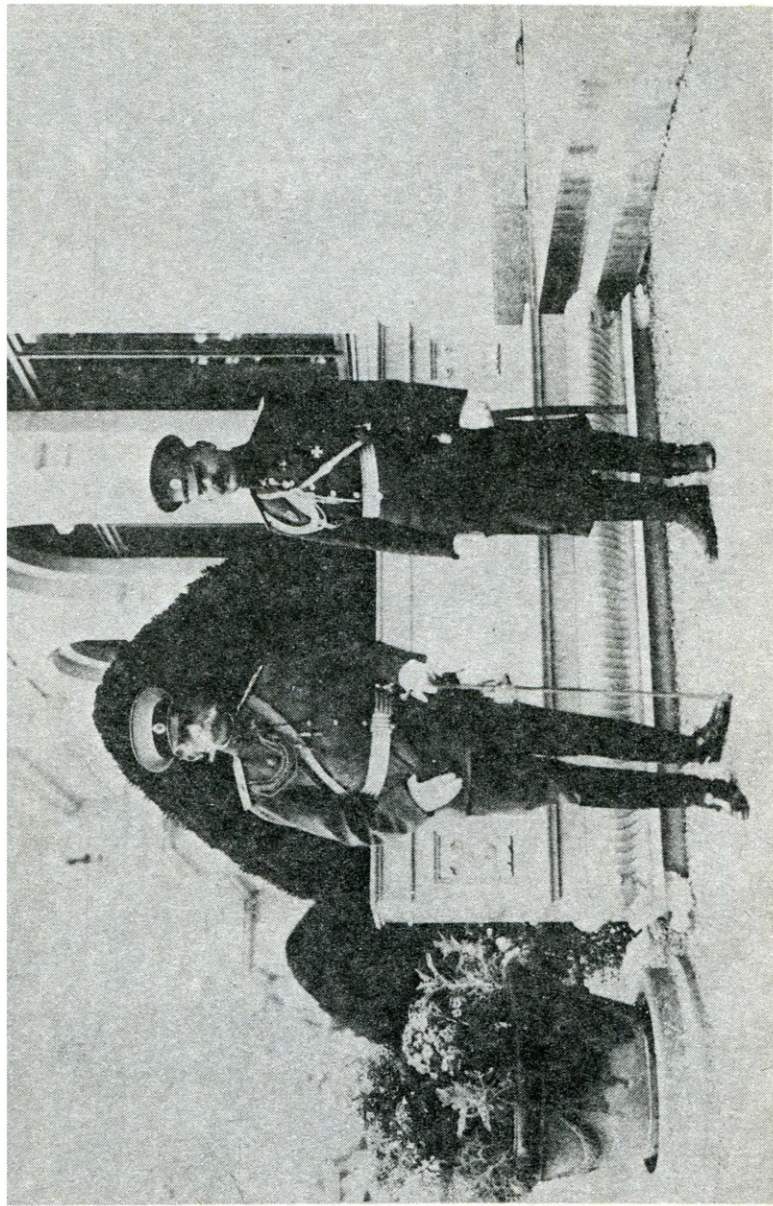

Николай II и императрица Александра Федоровна среди «Владимировичей». Сидят (слева направо): великая княгиня Мария Павловна («старшая»), императрица Александра Федоровна, Николай II, великий князь Борис Владимирович, великий князь Андрей Владимирович. Стоят: великая княгиня Виктория Федоровна (вторая слева), ее муж великий князь Кирилл Владимирович (четвертый слева).

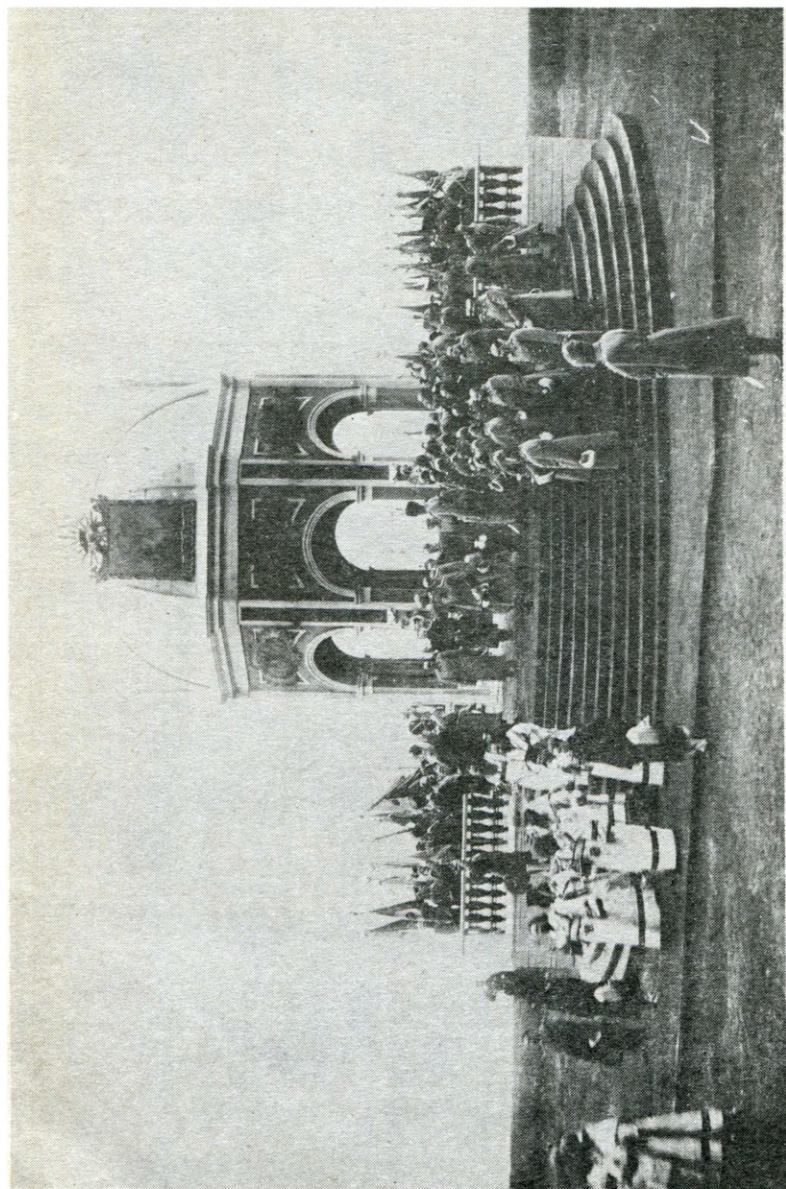
Николай II в гостях у германского императора Вильгельма II. Выезд на охоту.

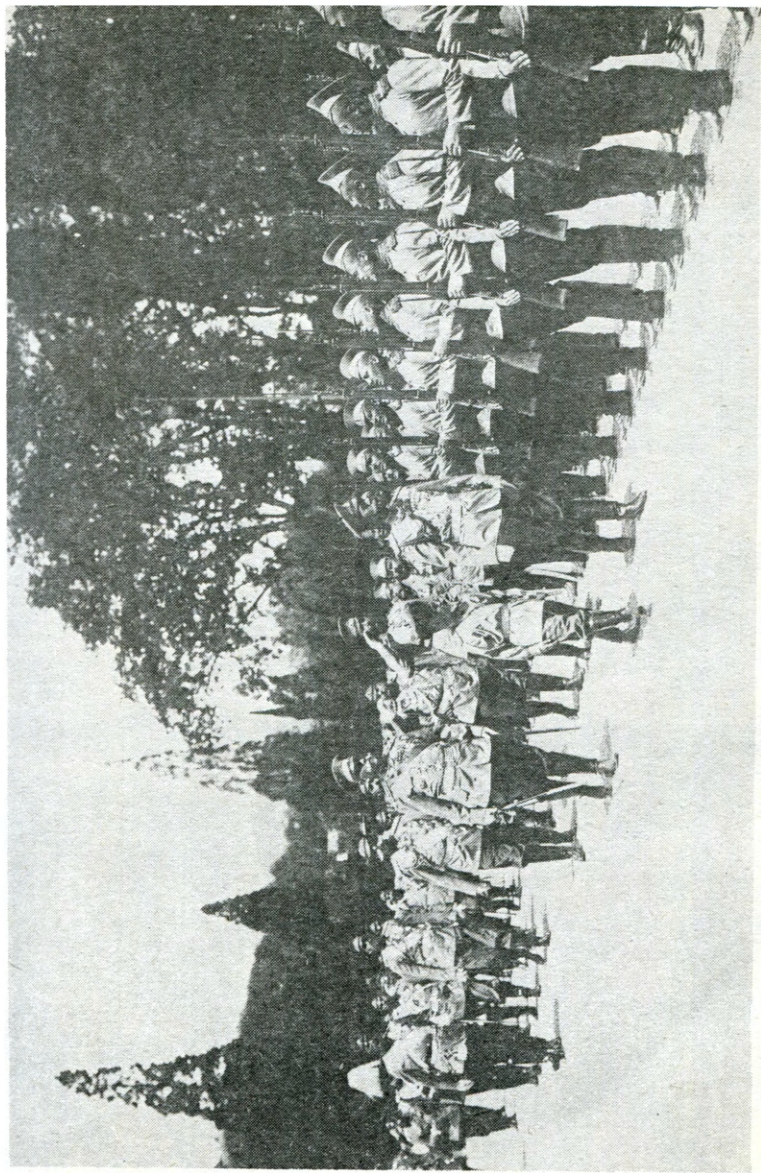
Министр императорского двора граф В. Б. Фредерикс и его зять, дворцовый комендант В. Н. Воейков. Ливадия. 1914 г.

Императрица Мария Федоровна.

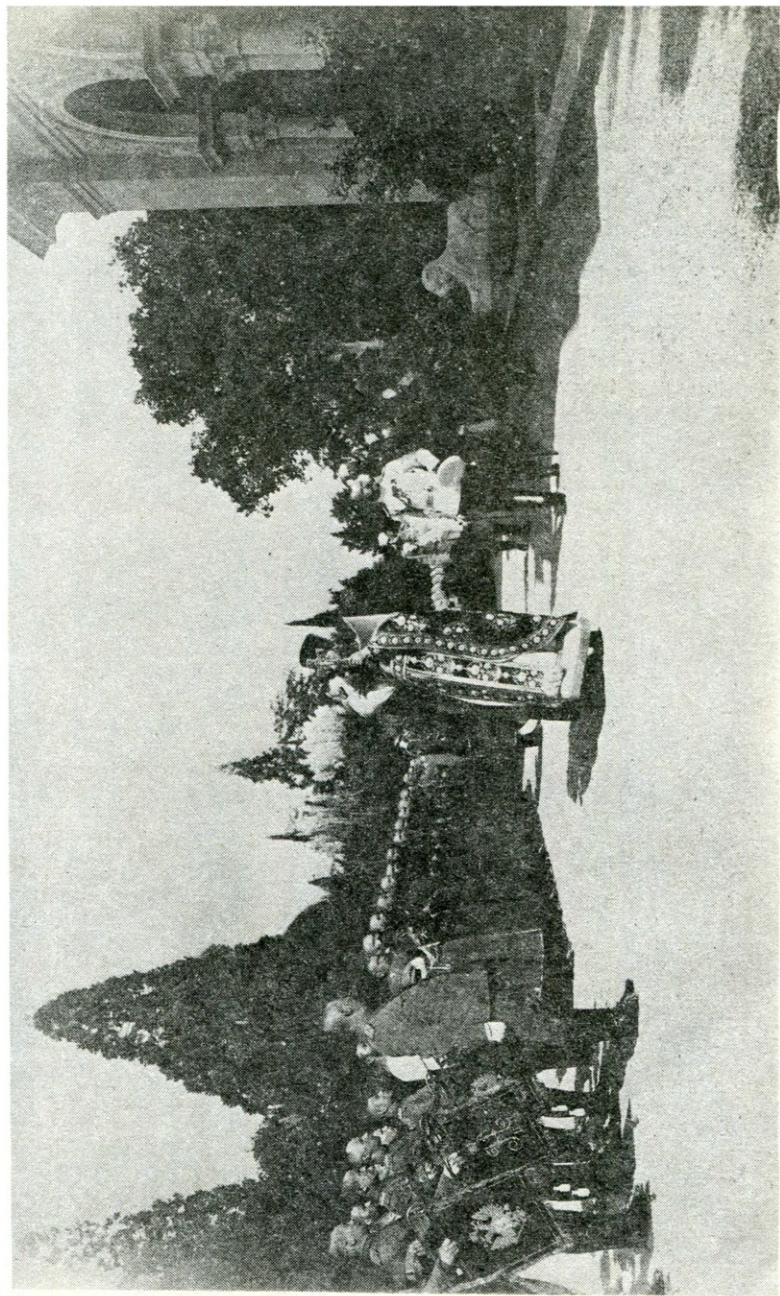
Николай II возвращается с молебна на Иордане.

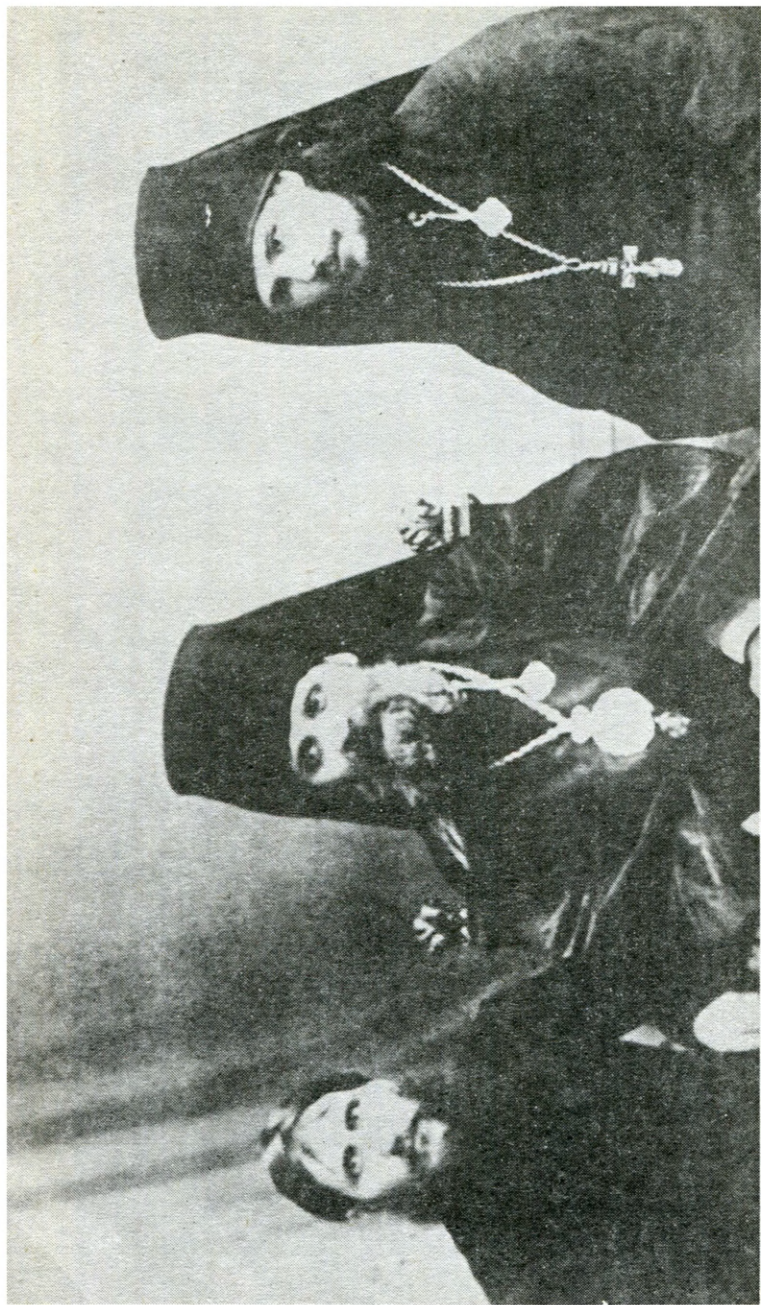
Николай II и цесаревич Алексей на полковом смотре. 1914 г.

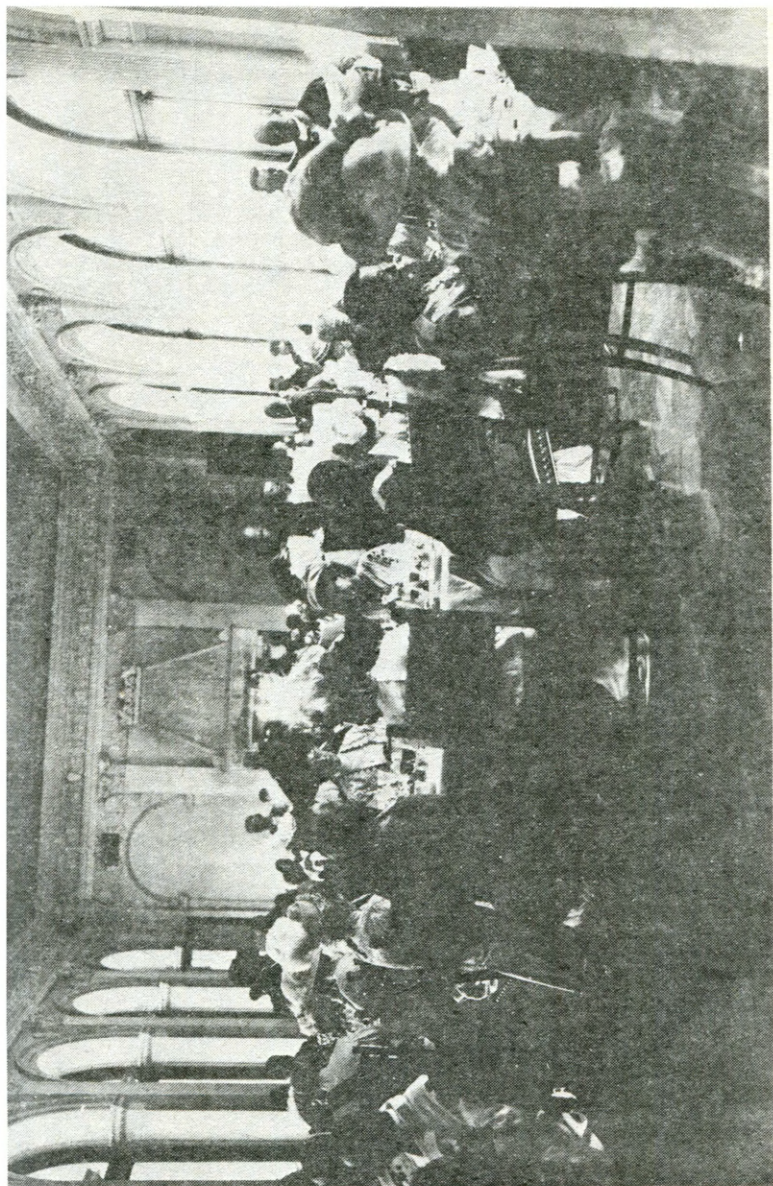
Г. Е. Распутин. 1907 г.

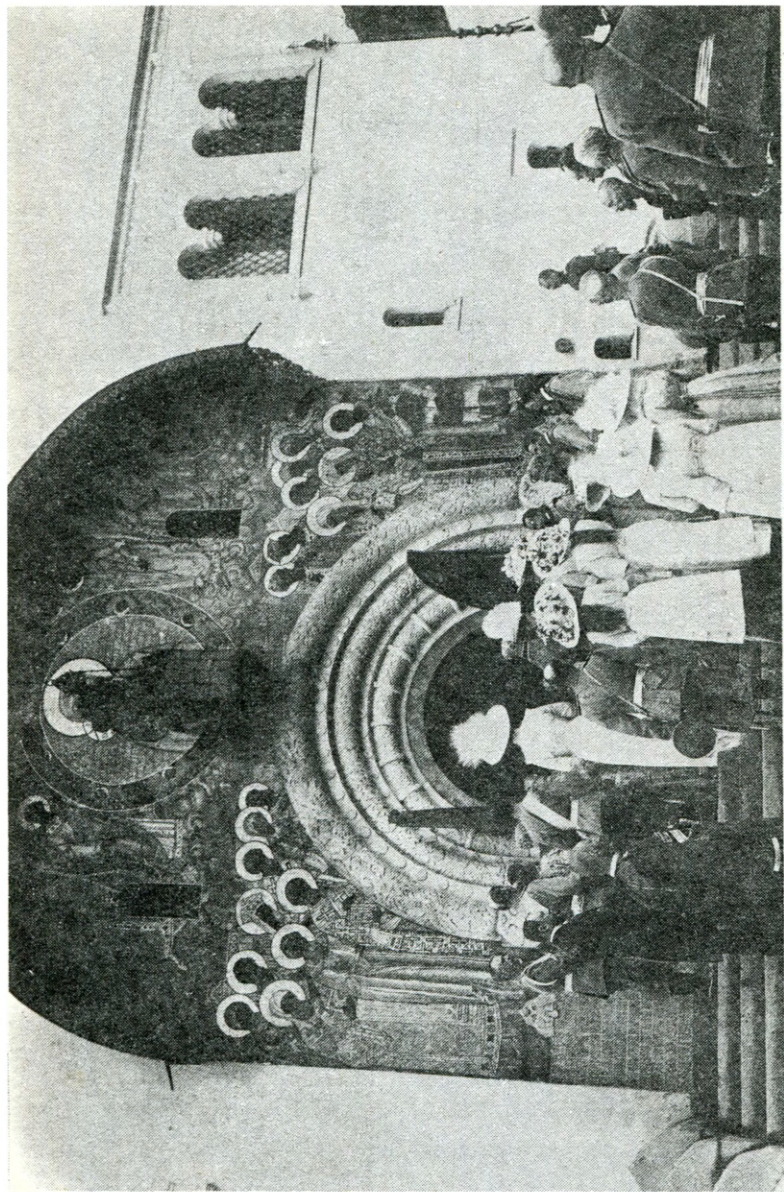
Николай II на параде в день рождения цесаревича Алексея. Ливадия, 1913 г.

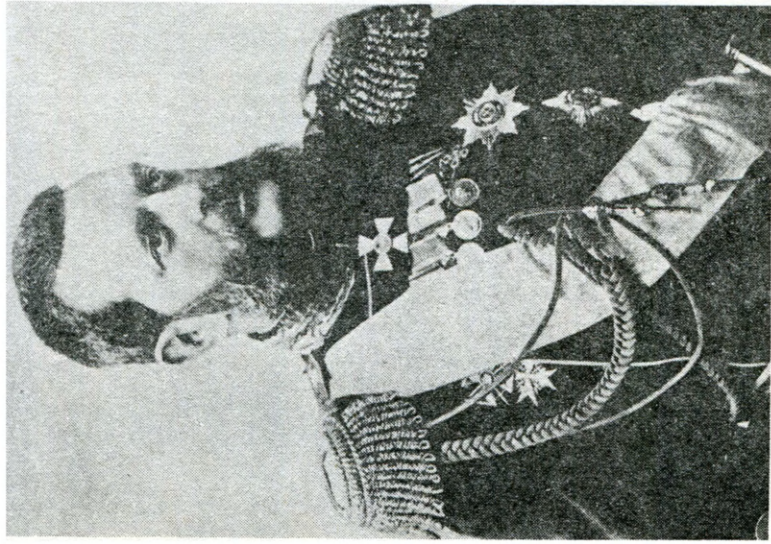
Г. Е. Распутин, епископ Гермоген, иеромонах Илиодор.

Высочайший завтрак в Ливадийском дворце. 1912 г.

Царская семья на освящении Государева Федоровского Собора в Царском Селе. 1912 г.

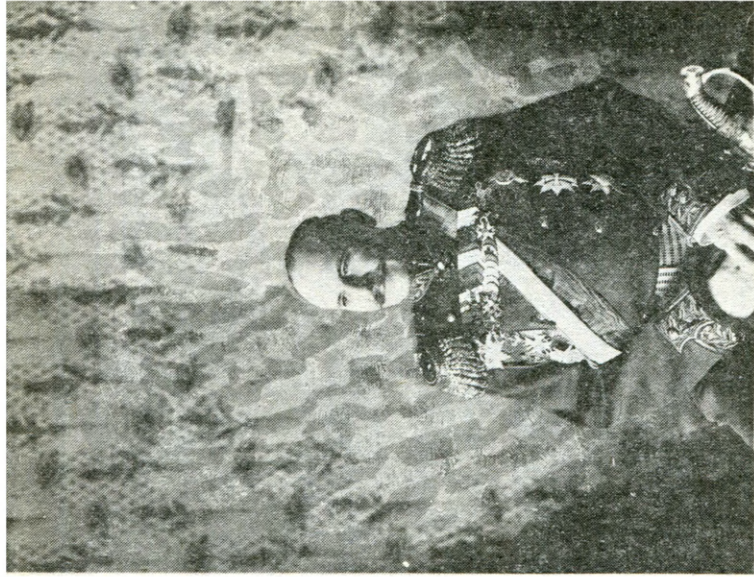
Великий князь Владимир Александрович.

Великая княгиня Мария Павловна («старшая»)

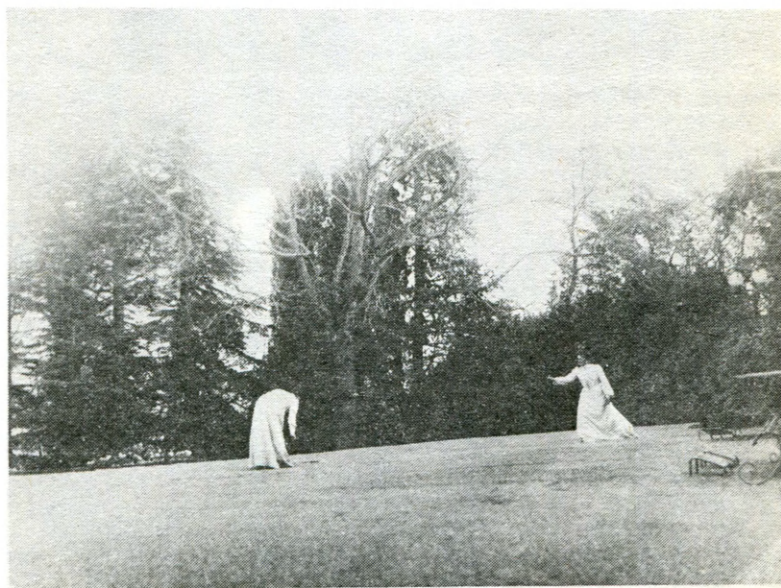

Главноуправляющий землеустройством
и земледелием А. В. Кривошеин.

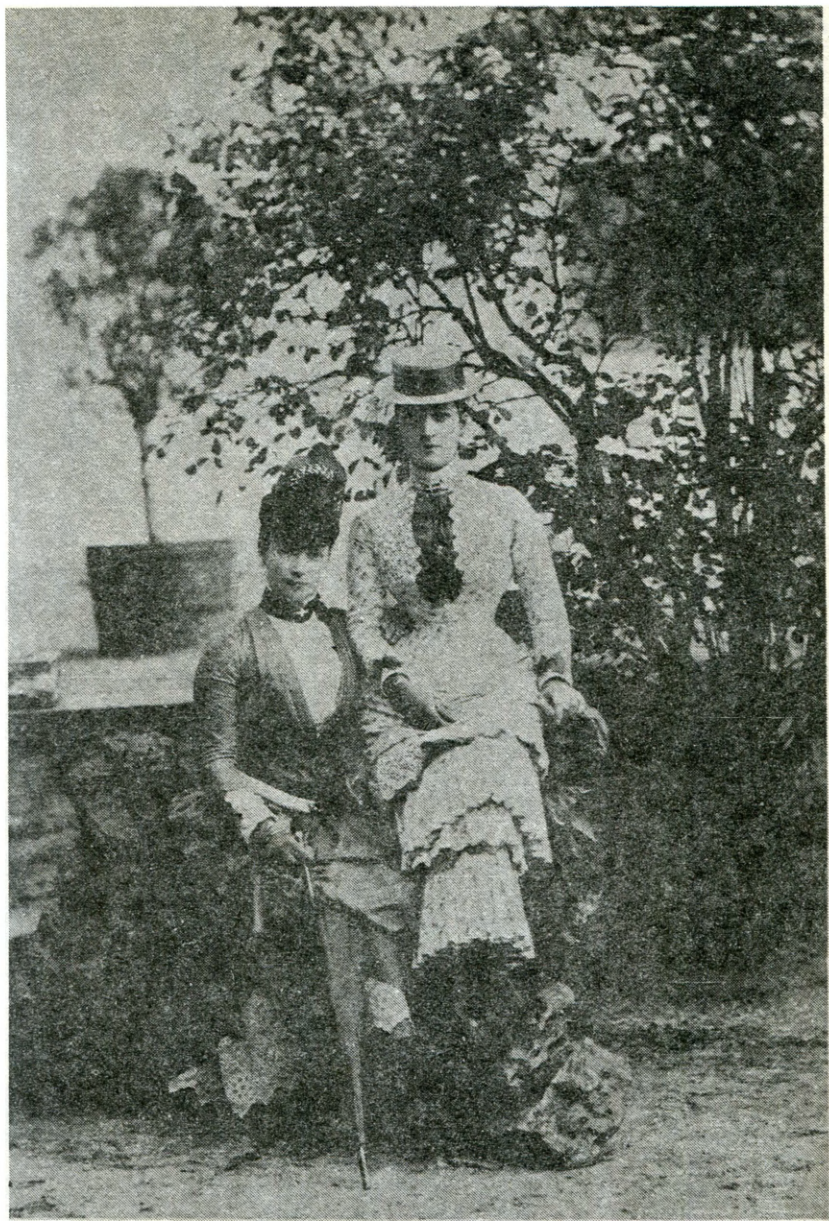

Начальник канцелярии министерства императорского
двора генерал-лейтенант А. А. Мосолов.

Императрица Александра Федоровна и А. А. Вырубова на террасе Ливадийского дворца.

Императрица Александра Федоровна играет в серсо. 1905 г.

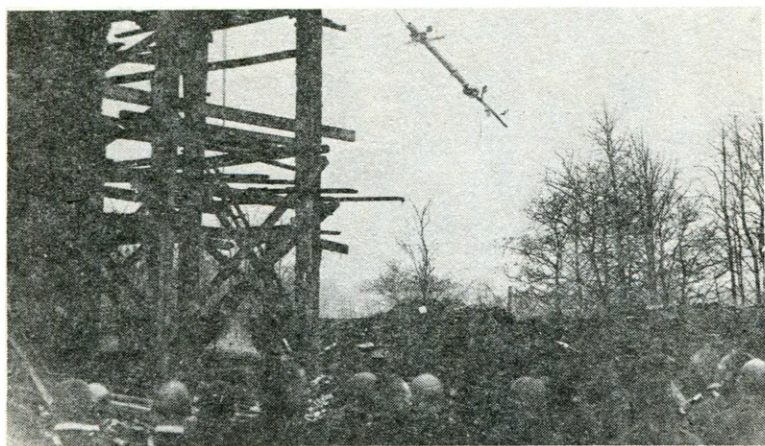
Императрица Мария Федоровна с сестрой Александрой — английской королевой (жена короля Эдуарда VII).

Императрица Александра Федоровна и А. А. Вырубова в шерах.

Завтрак царской семьи со свитой в Беловеже. 1912 г.

Поднятие креста на Федоровском Соборе. 1912 г.

Великая княгиня Милица Николаевна.

Великий князь Кирилл Владимирович.

Великий князь Павел Александрович (слева) с женой О. В. Пистолькорс (урожденная Карнович).

Министр императорского двора
граф В. Б. Фредерикс.

Министр внутренних дел и
председатель совета министров
П. А. Столыпин.

Министр императорского двора
граф И. И. Воронцов-Дашков.

Семья Александра III. Ливадия 1893 г.

Император Александр III, императрица Мария Федоровна, великая княгиня Ольга Константиновна (сидят в центре), члены императорской фамилии и офицеры императорской яхты. Шхеры.

Император Николай II и императрица Александра Федоровна.

Николай II, Александра Федоровна и великая княгиня Елизавета Федоровна.

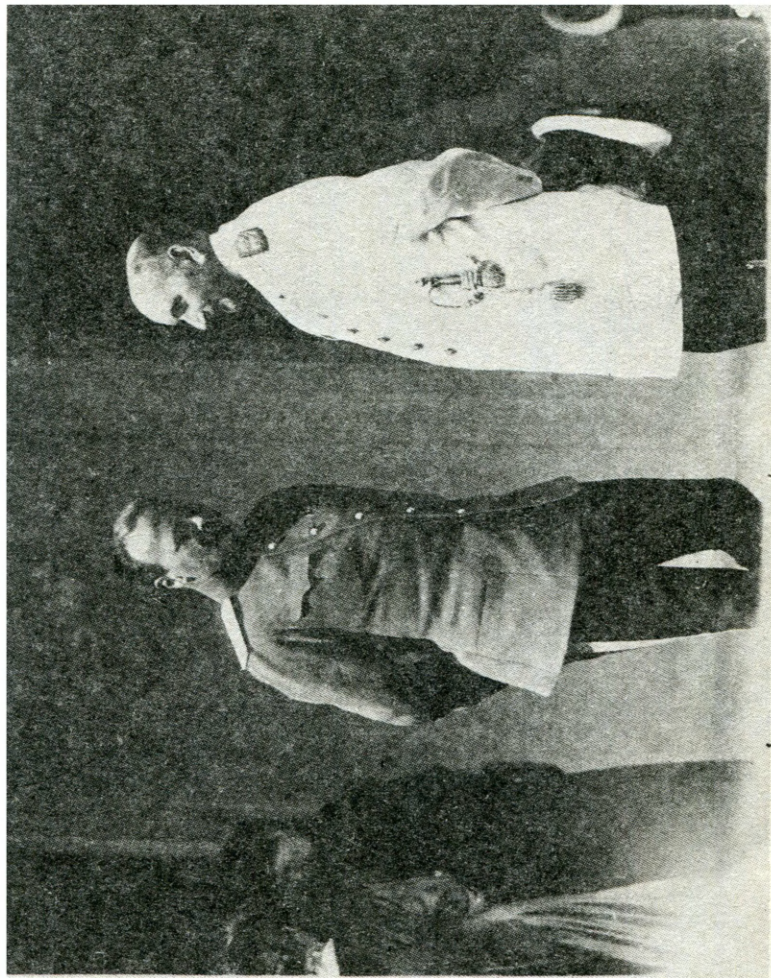
Великий князь Михаил Александрович.

Великий князь Александр Михайлович с женой, великой княгиней Ксенией Александровной (сестра Николая II).

Императрица Александра Федоровна.

Дворцовый комендант В. Н. Воейков и министр иностранных дел С. Д. Сазонов. Ливадия. 1914 г.

Цесаревич Алексей с няней на скотном дворе. Петергоф. 1906 г.

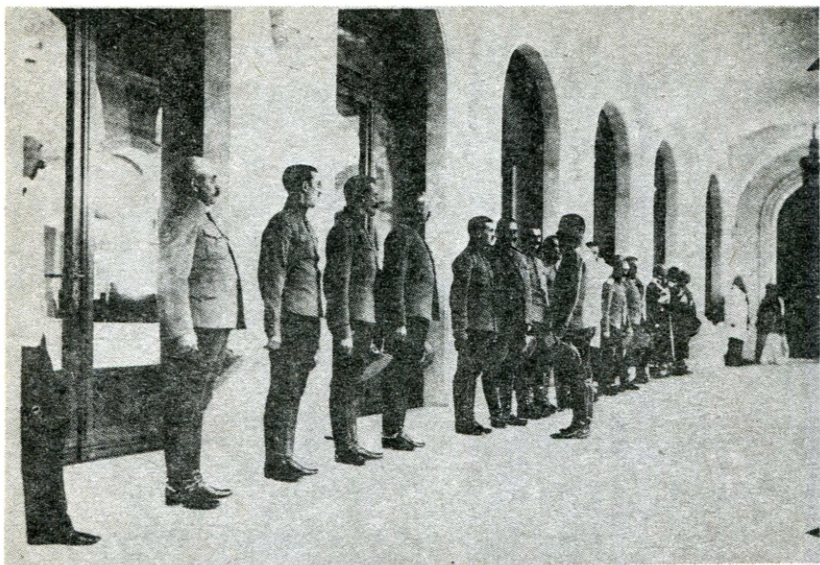
Императрица Александра Федоровна, ее дети Анастасия и Алексей (слева дядька цесаревича).

Семья великого князя Александра Михайловича и Ксении Александровны (крайняя слева и их дочь Ирина).

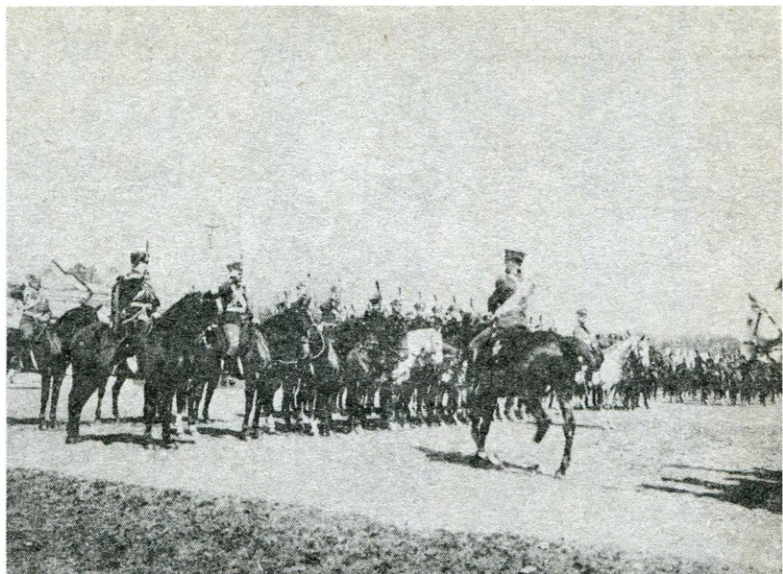
Николай II и великие князья Георгий Михайлович и Борис Владимирович на прогулке. Ливадия.

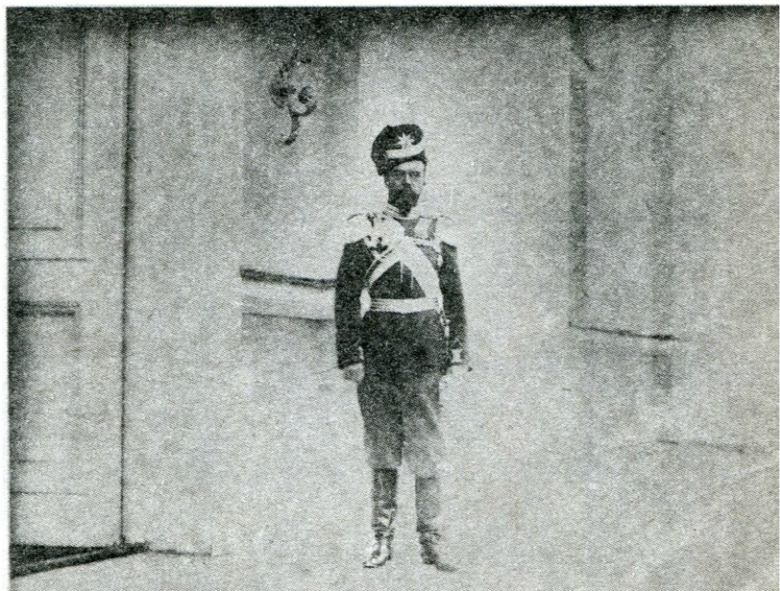
Николай II и офицеры Конвоя. Ливадия. 1914 г.

Императрица Александра Федоровна и великие княжны Мария, Анастасия, Татьяна. Ливадия. 1914 г.

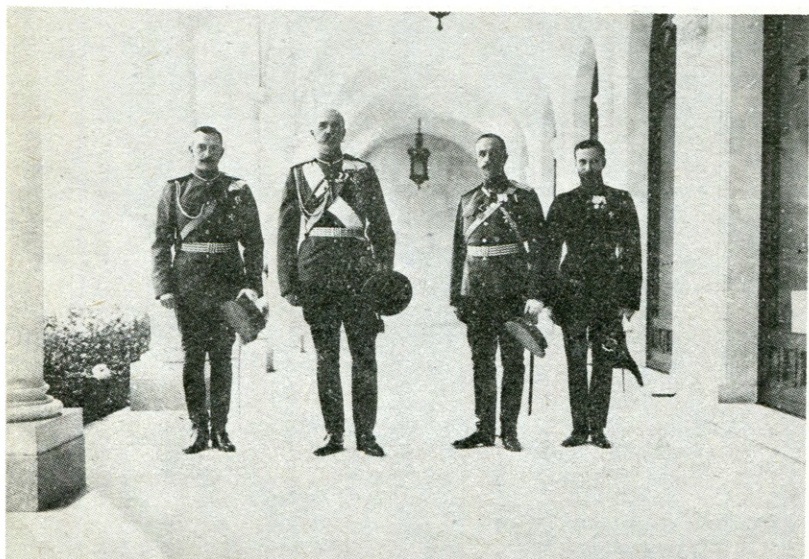
Николай II на конногвардейском смотре в Царском Селе.

Николай II у Александровского дворца в Царском Селе.

Царская семья у Федоровского собора в Царском Селе.

Офицеры императорского конвоя.

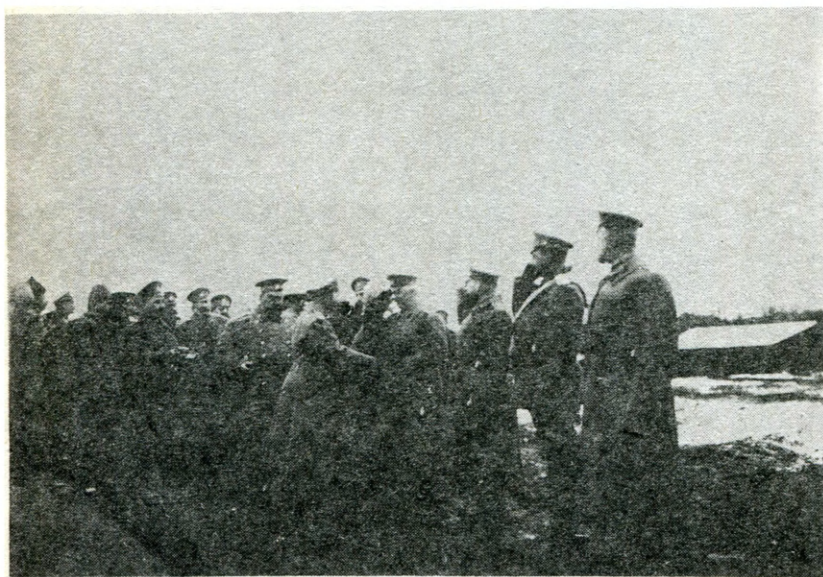
Николай II и великий князь Николай Николаевич в Галиции. 1915 г.

Николай II и цесаревич Алексей на военных позициях. 1915 г.

Императрица Александра Федоровна в Ставке в Могилеве. 1915 г.

Николай II вручает награды офицерам на фронте. 1915 г.

Г. Е. Распутин. 1914 г.

Распутин среди своих почитателей. Стоят: А. А. Пистолькорс («Аля») и ее муж А. Э. Пистолькорс (крайние слева), А. А. Вырубова (четвертая слева). Первая слева сидит М. Е. Головина («Муня»).

Дневник
братья мои имен-
те веру въ Исуса
Христа нашего
такъ ^{как} и царь
призываетъ к себе
и иже и скожутъ
иже въ оуте при
меромъ апостола
якова не взирая
на мизе и на знатность
обудите ~~побудите~~
смотреть дела сво
становите сво въ чин

Цесаревич Алексей. 1914 г.

Императрица Александра Федоровна.

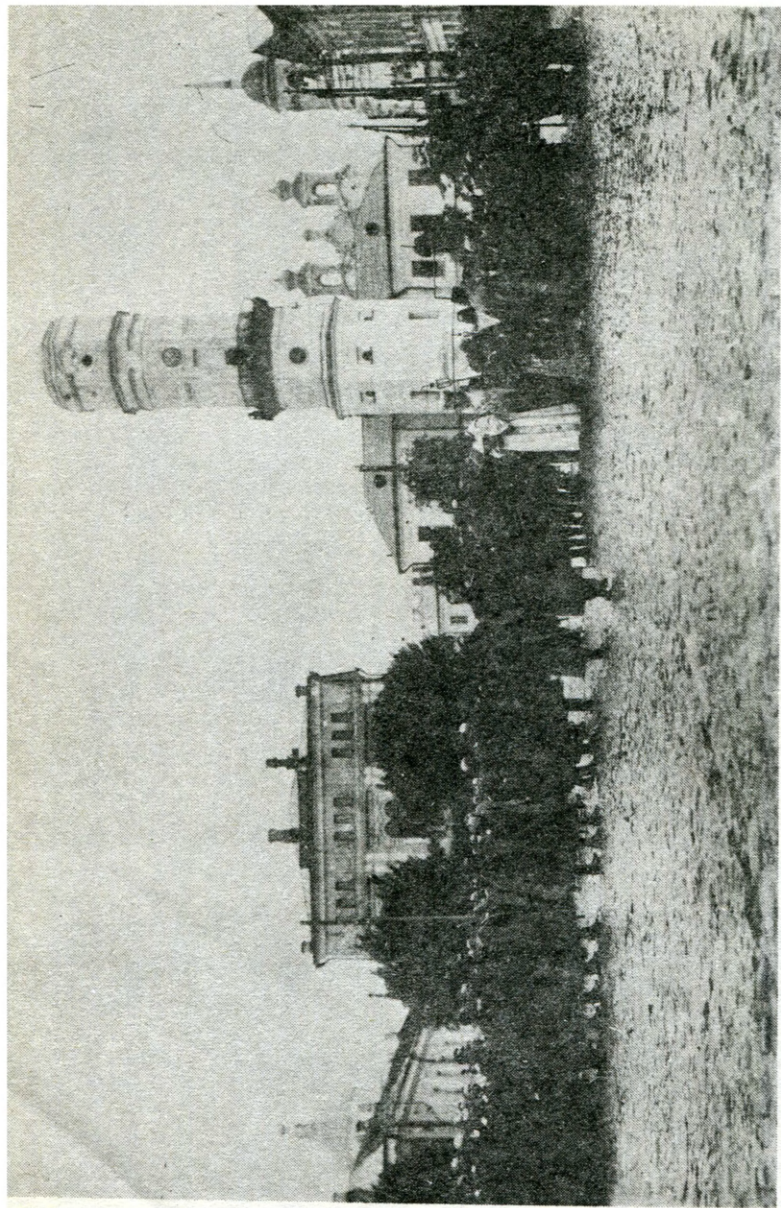
Сестра Николѣя II великая княгиня Ольга Александровна в платье сестры милосердия.

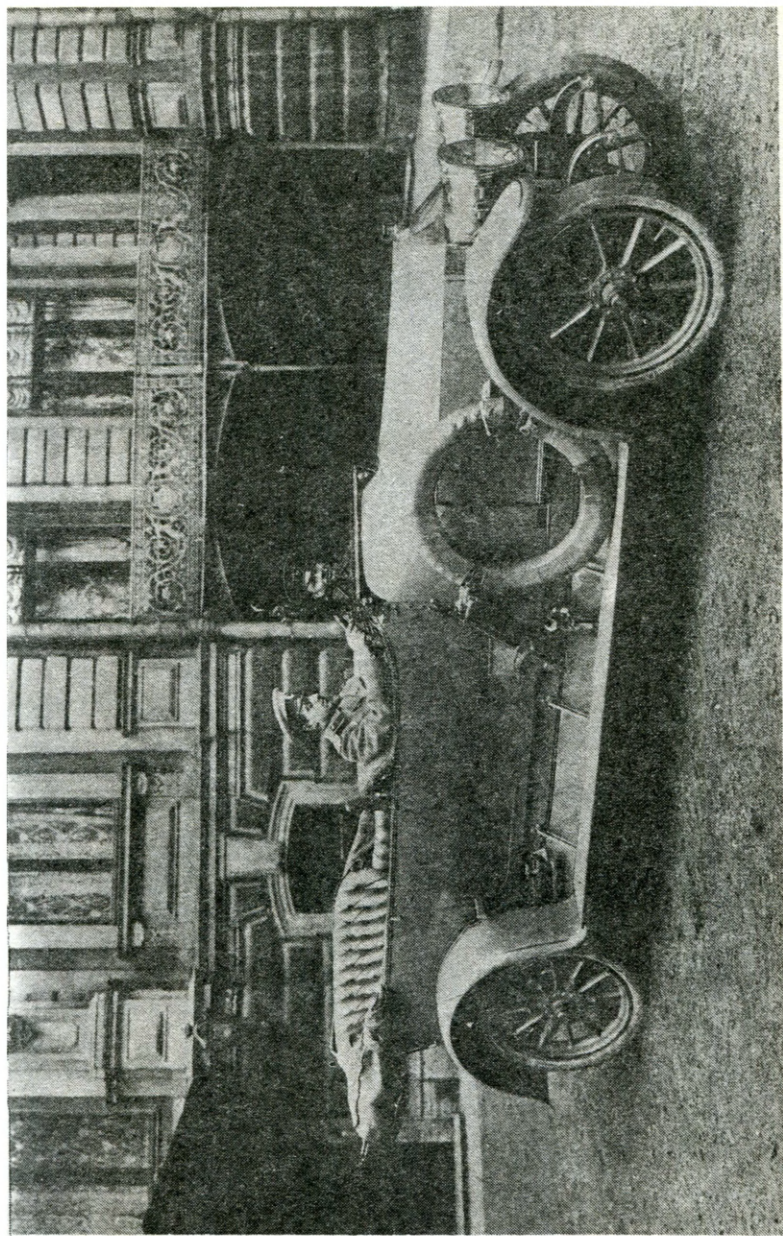
Императрица Александра Федоровна, великие княжны Ольга, Татьяна, и А. А. Вырубова (крайняя слева) в платьях сестер милосердия. 1914 г.

Великий князь Николай Николаевич с генералами ставки. Барановичи. 1914 г.

Николай II и цесаревич Алексей возвращаются со службы в городском соборе Могилева. 1916 г.

Великий князь Дмитрий Павлович в своем автомобиле. 1916 г.

Князь Ф. Ф. Юсупов с женой
Ириной Александровной. 1914 г.

Слева направо: начальник царскосельского
дворцового управления генерал-майор
князь М. С. Путятин, Г. Е. Распутин и
полковник Д. Н. Ломан. 1912 г.

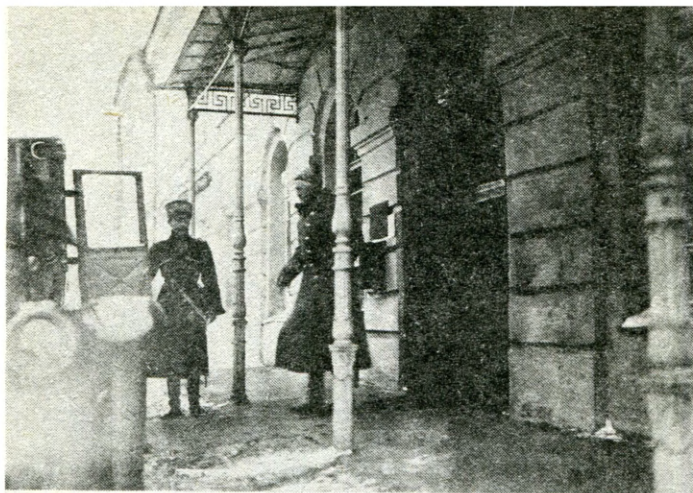

Иеромонах Илиодор. 1910 г.

Князь Ф. Ф. Юсупов. 1916 г.

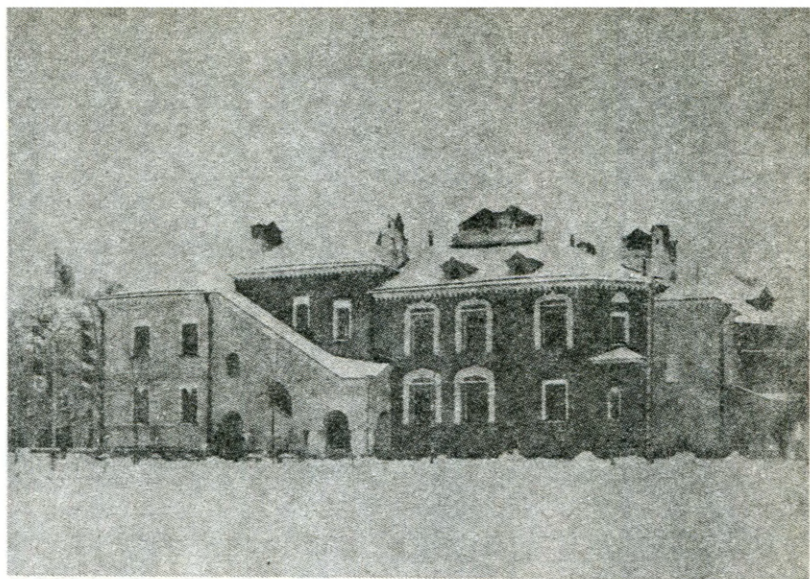
Дворец Юсуповых на Мойке (современный вид).

Великий князь Николай Николаевич в Могилеве.

Протопресвитер Г. И. Шавельский.

Царскосельский госпиталь.

Царская семья у постели цесаревича Алексея в Александровском дворце.

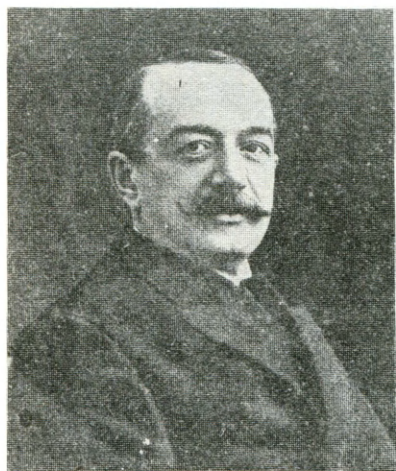

Елиза

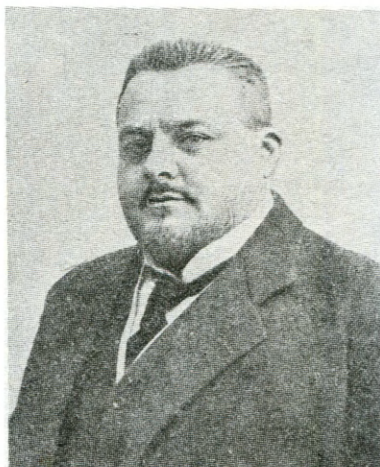
Великая княгиня Елизавета Федоровна в монашеском одеянии.

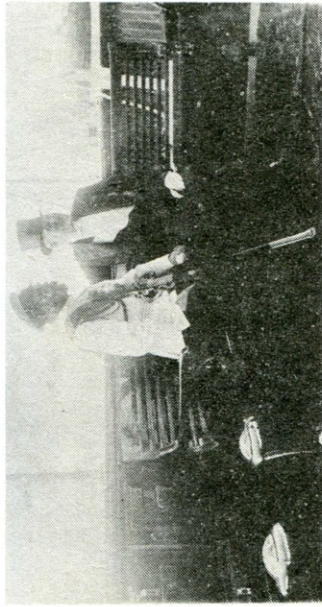
Министр внутренних дел Н. А. Маклаков. 1913 г.

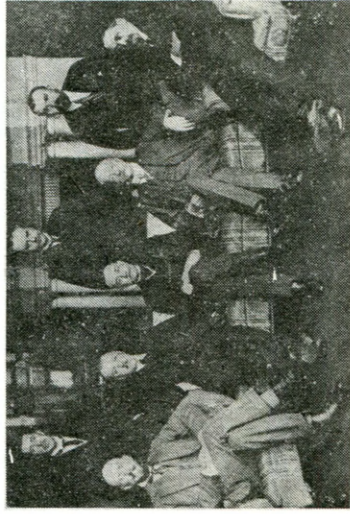
**Министр внутренних дел
А. Д. Протопопов. 1916 г.**

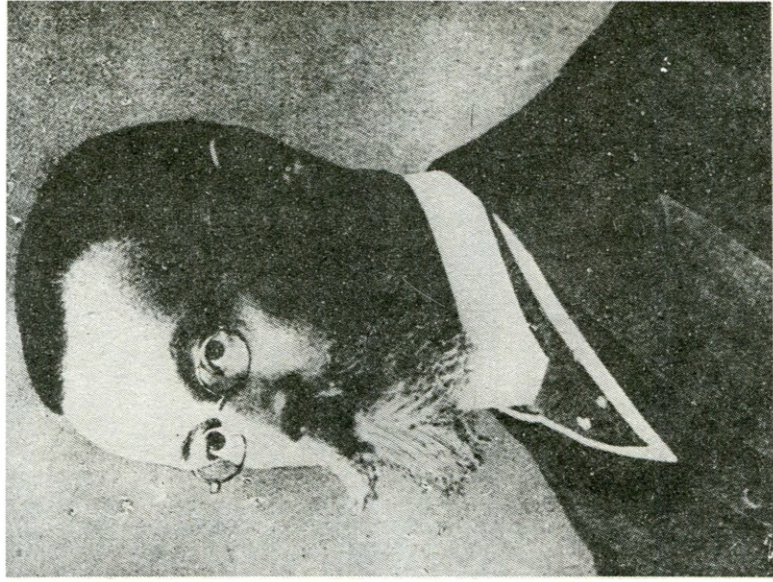
**Министр внутренних дел
А. Н. Хвостов. 1915 г.**

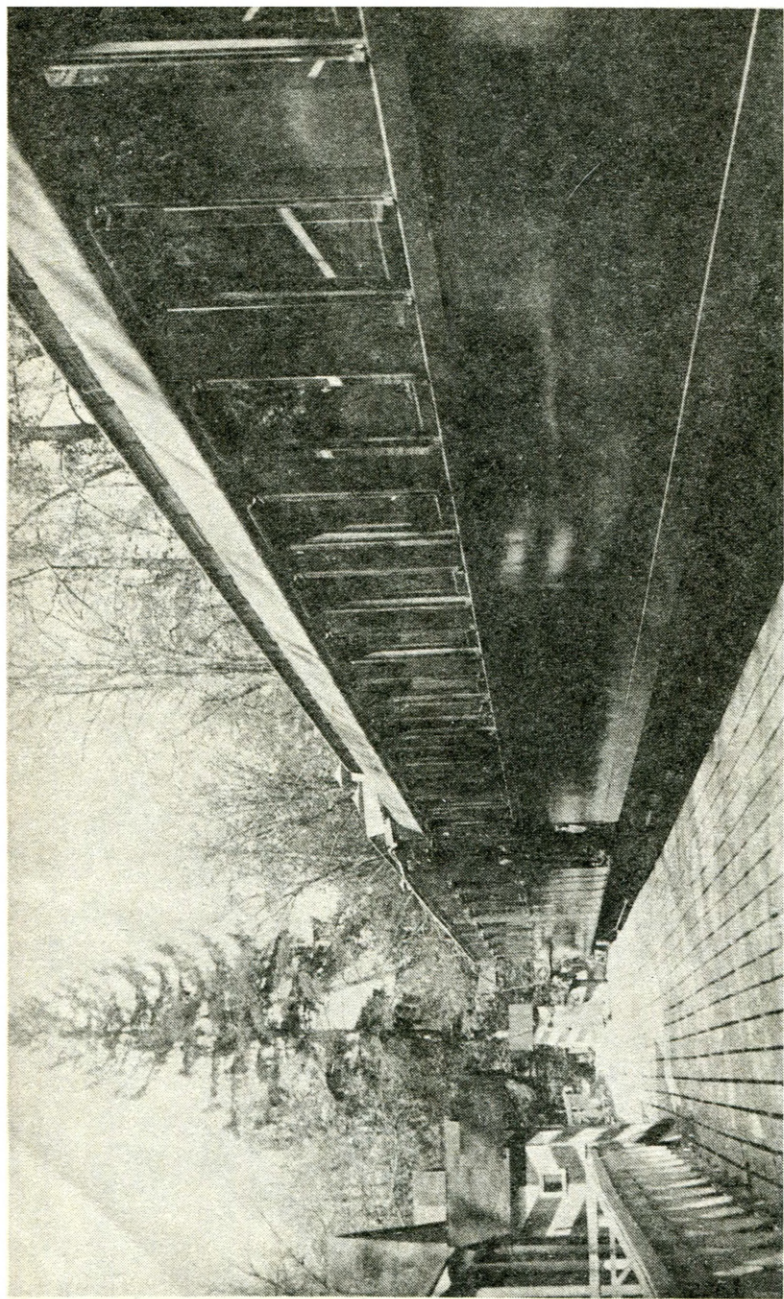
Николай II и президент Франции Р. Пуанкаре на борту яхты «Штандарт». 1914 г.

Русская парламентская делегация в Лондоне. Сидят: глава делегации А. Д. Протопопов и лидер кадетской партии П. Н. Миллюков (третий и четвертый слева).

Министр внутренних дел А. А. Макаров. 1912 г.

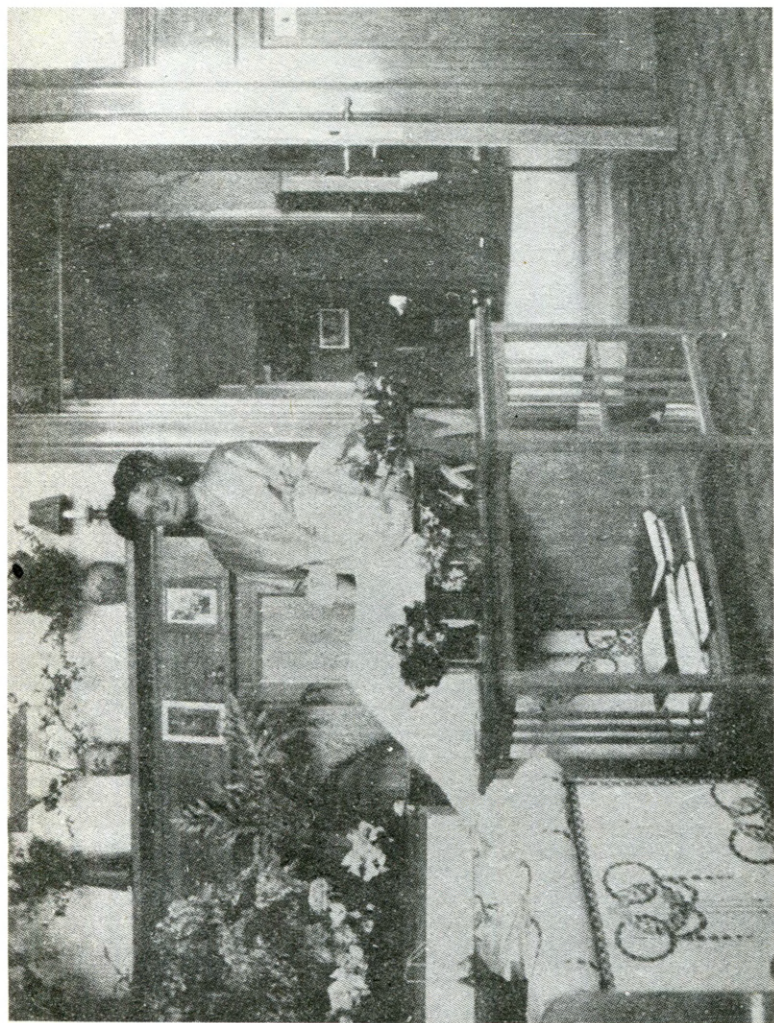
Царский поезд.

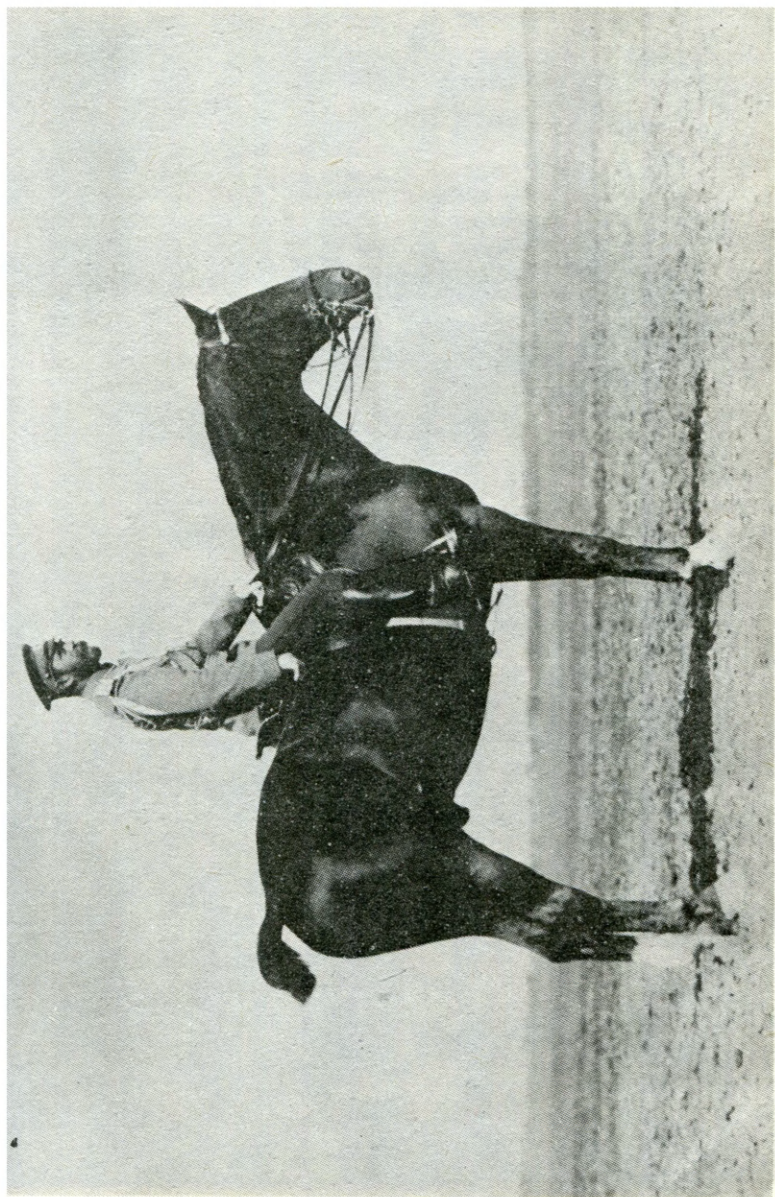
Императрица Александра Федоровна в своем кабинете в Александровском дворце Царского Села.

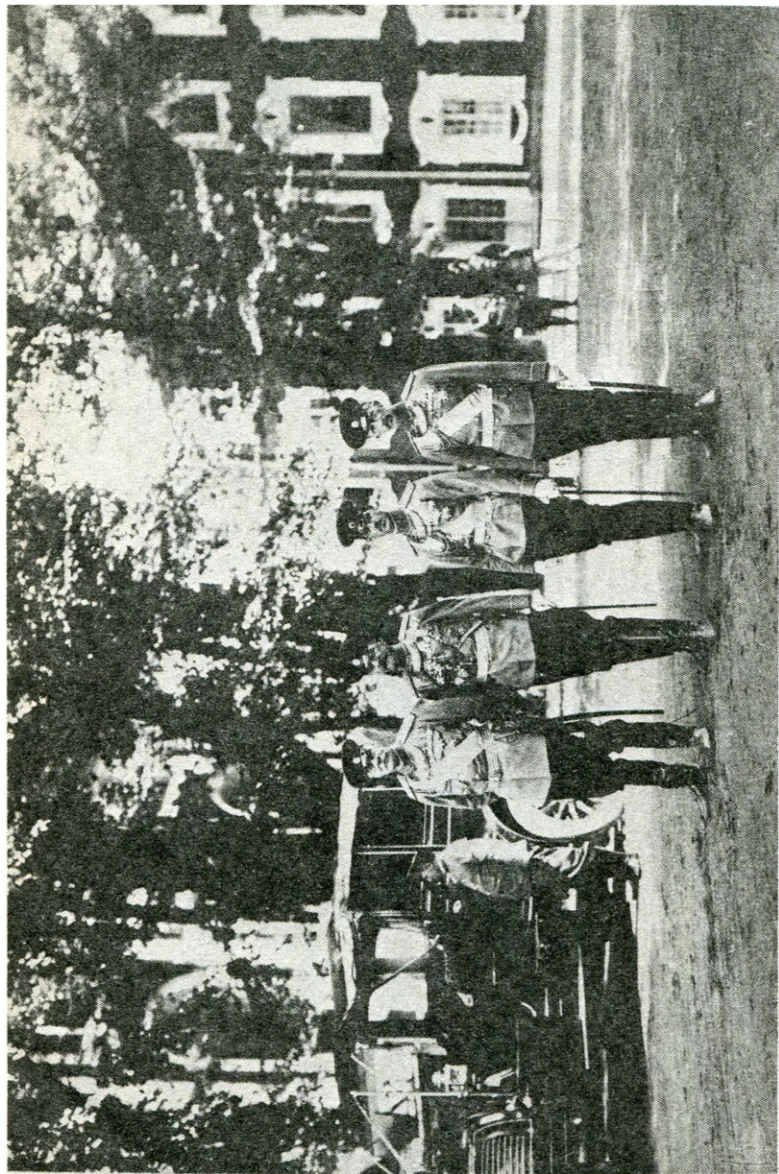
Семья Николая II. 1913 г.

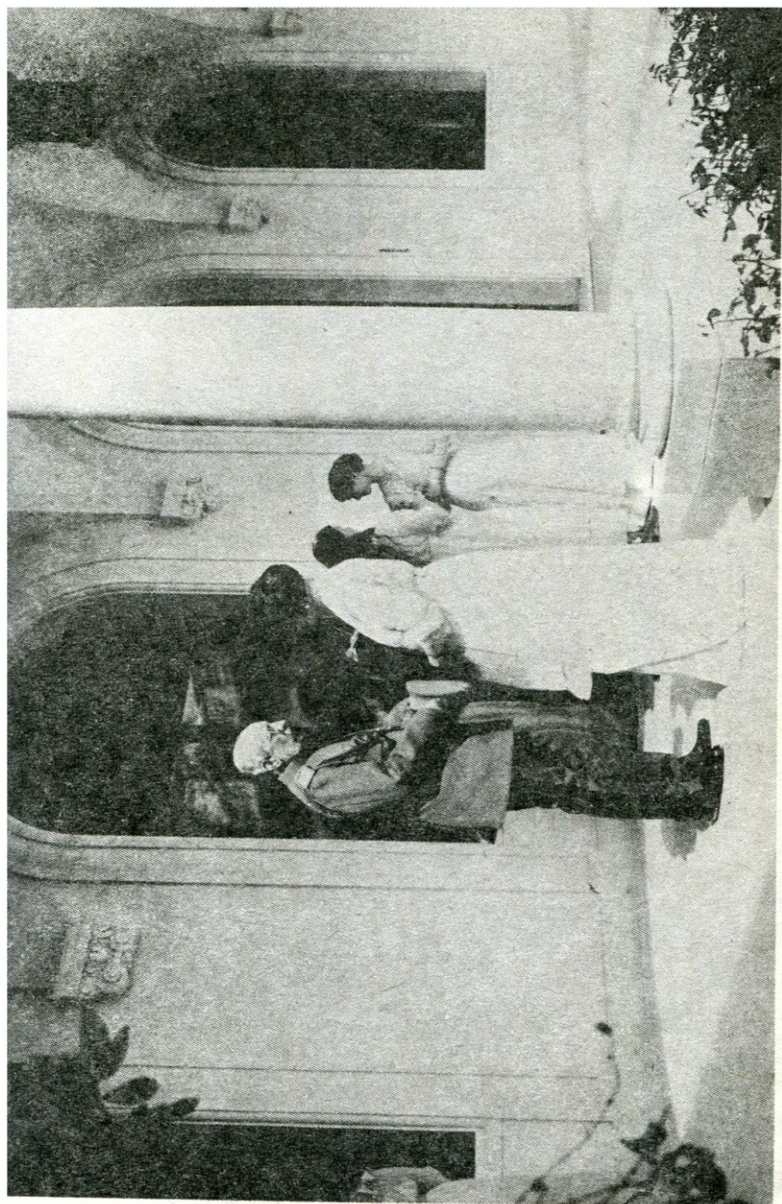
Императрица Александра Федоровна в Ливадийском дворце.

Император Николай II. 1910 г.

Великий князь Михаил Александрович (второй справа) среди офицеров после смотра. Красное село. 1912 г.

Императрица Александра Федоровна и обер-гофмаршал граф П. К. Беккендорф. Ливадия.

СУМЕРКИ МОНАРХИИ

А.Н. БОХАНОВ